

84 (2 POC = P4C) 6
П 54 - 00

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

«ПОЛЯРНОЕ
СИЯНИЕ»

2005

10 ВЫПУСК

84/280e = P4e)6
1754 - об

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

«ПОЛЯРНОЕ

СЯНИЕ»

2005

ЛХ

МУК «ДУДИНСКАЯ
ЦБС»

196804

10 ВЫПУСК

Отдел культуры Администрации
городского поселения Дудинка

Муниципальное учреждение культуры
«Центральная библиотека»
Отдел литературного наследия

*Издание альманаха ставит своей целью
популяризацию творчества прозаиков
и поэтов, драматургов и литературных
критиков, проживающих на полуострове
Таймыр или пишущих о нем.*

Компьютерный набор: *Н.А. Бояринова*
Составитель: *Н. А. Бояринова*
Редактор: *В. Г. Заварзина*
Ответственный за выпуск: *Т. Б. Кубаевская*

МУК «Центральная библиотека»

75 –летию
Таймырского (Долгано-Ненецкого)
автономного округа посвящается

СОДЕРЖАНИЕ

О Таймыре с любовью.....	5	ЛУЗАН Сергей	
ПОЭЗИЯ		Тяжелеет зелень. Реже дышит юг.....	20
АКСЕНОВА Огдо		Один во мгле.....	20
Моя тундра.....	7	Полночь.....	20
Родина.....	7	Неуютная отчизна.....	21
Морошка.....	7	Поземка Таймыра.....	21
Я вчера записала.....	8	Равнодушие, как слабость.....	21
		Не люблю причитаний.....	21
		Эх! Как загуляю.....	21
НЕНЯНГ (КОМАРОВА) Любовь		ЛУЗГИН Владимир	
Моя земля.....	9	Который год казанский сирота.....	22
Рыбачий стан на тундровой реке.....	9	Вдруг я услышал пеньё стрел.....	22
Багрянцем полыхает небосклон.....	9	Пришли на склоны и распадки.....	22
Люблю июнь на Лонга-Яре.....	10	Ей мягко спится, кушается власть.....	23
		Луна бесстыже молодая.....	23
ЦАРЬКОВА Татьяна		Стерлядь билась с нерыбьей силой.....	23
Ярче северного сиянья.....	11	Баланс нетрудно подвести.....	23
Единство.....	11	ПОЛТАРАК Яна	
Средь северов наш Диксон слыл элитой.....	11	Дудинке... Возвращение.....	24
Песня о Диксоне.....	12	A la Молитва.....	24
Гимн Таймыру.....	12	Нечаянно пути сомкнулись.....	24
Друг Таймыр.....	13	КОНОВАЛОВ Николай	
КАЛАШНИКОВА Евгения		Вечер над рекою серостью разлит.....	25
Наш гимн.....	14	Утро. В сырости тумана.....	25
Перепачкано платье.....	14	Живи Россия осторожно.....	25
Голову весна закружила.....	15	Оттремели ветра роковые.....	25
Дует ли в небе ветер весенний.....	15	Бани сгоревшей осколок.....	26
Тихо. По шторам мерцанье чуть тлеющей свечки.....	15	На берегу реки остыллой.....	26
А здесь снега и лед.....	15	Реформа из подо льда.....	26
КРАВЕЦ Валерий		КАНТАРИЯ Владимир	
17 июня 2004 г в Хатанге.....	16	Балок на берегу ручья.....	27
Что есть в ночи полярной?.....	16	Спасибо, добрый человек.....	27
Я уехал из вечной зимы полярной.....	16	Мой мозг уже не терпит суеты.....	27
По ночному Норильску, по смерзшейся плитке.....	16	Небо, погасите свои звезды.....	27
Я из лет, что осыпаны снегом.....	16	Мне сердце врачует.....	28
Норильская голгофа.....		Уходите туда, где рассветы.....	28
РОМАНЕНКО Адольф		Мне тела своего не жаль.....	28
На Хантайском озере.....	17	Фрагменты вещей моих слов.....	28
Сжигает солнце тучи белый стог.....	17	Декабрь. Я покупаю свечи.....	28
В небе птиц вереницы.....	17	ЗАВАРЗИНА Валентина	
На наргах мчит девчонка мимо.....	17	Таймырский день.....	29
Хантайские скалы.....	18	Морское дно.....	29
Лед голубел, насквозь светясь.....	18	Огонь в Арктике.....	29
Половодье сошло торопливо и бурно.....	18	«Здесь холодно».....	30
Познай предел терпению мужчины.....	18	Памяти Надежды Костеркиной.....	30
ЛЕОНЕНКО Владимир		Возмечтаю о лете в приюте зимы.....	30
Памяти североморцев.....	19	... Искать в узоре на окне.....	30
Медикам Диксона.....	19		
Голуби Арктики.....	19		

СЛИЖЕВИЧ Александр	ПАНОВА Александра	ГАРМАНОВА Лилия
Три этюда полярной ночи.....31	Как было холодно порой.....44	Царская корона. <i>Зарисовка</i>84
Январь переживем,	Ты говоришь «да».....44	ЭЙСНЕР Владимир
февраль неполный месяц.....31	Крыша.....44	Сенокос. <i>Маленькая повесть</i>86
Кому-то русский алфавит.....31	МОМЗИКОВА Мария	ЯРУНЦОВ Олег
Злость не красива, не умна.....31	Что мир сегодняшний готовит?.....45	Последний аргиш.....94
КОСОЛАПОВА-СТАХИВ Марина	«13».....45	<i>Окончание повести</i>
«Ода матери-волчице».....32	«Букашка».....45	ДУБОВИЦКАЯ Ирина
Детям. Экскурсия по тундре.....32	СЕМЕНОВА Вера	Бунт муравья. <i>Рассказ</i>111
Как много говорится про любовь...32	Тяжки потери.....46	КОЖЕВНИКОВА Галина
КУЗЬМИЧЕВ Владимир	Хроно.....46	Саввишна. <i>Рассказ</i>116
Вера. Надежда. Любовь.....33	Ты пройдешь.....46	ЯДНЕ Нина
Дождливая погода.....33	Никому не нужна душа, никому.....46	Хозяйка собачьего приюта.
Согласие.....33	ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ	<i>Рассказ</i>118
Шаг за шагом, круг за кругом.....33	ВЯЗОВЦЕВА Екатерина	МОМДЕ Виктория
Я на листе бумаги вырежу словами...34	Аппетит.....47	Золотая рыбка. <i>Рассказ</i>122
Как ливень – слезы, слезы, слезы...34	Художник.....47	В школу. <i>Рассказ</i>122
Мы вслед за ветром побежали.....34	Сладкоежка.....48	ЯПТУНЭ Раиса
Не грешни. Уступи мне дорогу.....34	ПРОЗА	Иоська житель тундры.
ЯГУМОВА Елена	МУХАЧЕВ Анатолий	<i>Фрагмент повести</i>124
Степное.....35	Погоня. <i>Рассказ</i>49	КОСТЕЦКИЙ Николай
ЛЕВЕНКО Анатолий	БОЯРСКАЯ Маргарита	Город моей молодости.
Таймыр северянами горд.....37	С гуся вода. <i>Рассказ</i>55	<i>Рассказ-воспоминание</i>128
Ассоль на Дудинских причалах.....37	САМУЙЛОВ Виктор	ФОЛЬКЛОР
ГАРМАНОВА Лилия	Рыжий Васька. <i>Рассказ</i>56	БИЧЕ-ООЛ Владимир
Мой мир.....38	Лапуля. <i>Повесть</i>60	Нганасанский танец.....141
Что случилось.....38	Под музыку Вивальди. <i>Рассказ</i>62	ВЭНГО Юрий
Что душа.....38	ЛУБНИНА Алла	Человек с хореем.
Тик-так.....38	Их помнит Ледовитый океан.....64	<i>Из записок народного сказителя</i>145
МЕДВЕДЕВ Геннадий	<i>Из истории освоения Арктики</i>	ДОБЖАНСКАЯ Оксана
Дудинке.....39	ЗАБЕЛКИНА Галина	Памяти Надежды Тубяковны
О, надоевшая зима!.....39	Звезды мудрого Исая.....66	Костеркиной.....147
Пройдут года и нас южане спросят...39	Прикосновение к легенде.....67	КОСТЕРКИНА Надежда
Неба не бывает слишком много.....39	<i>Из блокнота журналиста</i>	Нганасанский праздник Мазуся.....150
Были прошлого – былинки.....39	СОЛДАКОВ Владимир	ПАЛЬЧИН Виктор
МЕДВЕДЕВ Денис	Под нами верхние миры.....69	Энецкая легенда о трех прыжках....152
Длинные ряды.....40	<i>Из блокнота журналиста</i>	РУДИНСКАЯ Аксинья
Миры- везде.....40	Семейный отшельник	Обряд погребения долган.....153
Пишу акварелью.....40	с промточки Пелятка.....71	Обряд рождения у долган.....154
КОВАЛЬЧУК Нина	РУДАКОВА Мария	
Мой белый конь с золотой уздечкой....41	Сказочный аргиш. <i>Рассказ</i>74	
... И вот она – весна!.....41	АПЛЕСНЕВА Ирина	
Бесшумно ночь закрыла.....41	Джамайка. <i>Рассказ</i>79	
КАРТАШОВА Галина	БАРСУКОВА Елизавета	
Капитан детворы.....42	Ложь. <i>Рассказ</i>81	
Любимому (<i>романс</i>).....42		
Снежинка.....42		
ВЕРЕТЕННИКОВ Иван		
Уходящий снимает шляпу.....43		
«Узор».....43		

О Таймыре с любовью

Яркие сполохи полярного сияния, разрывающие темноту долгой таймырской ночи, не столько освещают, сколько украшают скучающий по солнцу небосклон. Но это сияние, неуловимое и непредсказуемое, неизменно вызывающее чувство удивления и восторга, исчезает так же внезапно, как и появляется. А вот его тезка, литературно-художественный альманах «Полярное сияние» остается в руках читателя осязательным свидетельством существования на Таймыре целой плеяды талантливых литераторов. Красноречивей всего об этом говорят цифры. А они таковы: в девяти номерах альманаха опубликованы произведения 106 авторов!

Нынешний, 2005 год, для ежегодника «Полярное сияние» юбилейный. В год 75-летия Таймырского автономного округа выходит десятый номер альманаха, издателем которого является окружная библиотека под эгидой Управления культуры Администрации ТАО.

Свою историю он начал в 1996 году, когда назрела настоятельная необходимость организации такого издания. Окружная газета «Таймыр» в то время большую часть своих площадей была вынуждена предоставлять для официальных материалов, литературные выпуски исчезли с ее страниц, издательства перешли на коммерческие отношения с авторами и у таймырской пишущей братии практически исчезла возможность выхода к читателям.

Юрий Иванович Градинаров, бывший тогда начальником окружного управления культуры, взялся за организацию литературно-художественного издания. Единственное, в чем он сомневался – а достаточно ли в округе творческих сил для выпуска ежегодника? Но просмотр литературных страниц окружной газеты за предыдущие годы убедил его: есть, есть в округе и поэты, и прозаики, произведения которых могут быть интересными не только землякам. Ю.И. Градинаров занимался и обоснованием финансирования, и договором с издательством, он же стал и первым редактором альманаха. В концепцию ежегодника включена фраза о том, что издание «ставит своей целью популяризацию творчества прозаиков и поэтов, драматургов и литературных критиков, проживающих на полуострове Таймыр или пишущих о нем».

Эта фраза стала программным определением содержания каждого номера альманаха. В первом номере, в 1996 году в «Полярное сияние» опубликованы произведения основоположницы долганской письменности Огдо Аксеновой и нашей знаменитой ненецкой писательницы Любви Ненянг, новые рассказы и стихи уже известных на Таймыре литераторов Владимира Эйснера, Юрия Бариева, Владимира Кантария, Виктора Вощенко, Анатолия Левенко, Сергея Лузана и других. Все они по-разному воспринимают и отображают жизнь, но каждый пропускает через сердце сюжет, которым хочет поделиться с читателем. Яркая мозаика жизни многонационального населения Таймыра в суровых, экстремальных условиях предстает со страниц ежегодника. Взаимоотношения между людьми, щедрая и легкоранимая природа, философские размышления, невыдуманные истории мастерски представляются на суд читателей так же, как и поэтические строки – лирические и патриотические, веселые и грустные, но всегда взволнованные, всегда вызванные искренним чувством.

Главное, что объединяет всех авторов альманаха – любовь к земле, на которой они живут. Ася Рудинская, долганская поэтесса из Хатанги выразила это чувство в стихотворении «Разговор с землей» («Полярное сияние», 2000 год).

Звалась ты родиной метелей,
Землей нетающих снегов,
Страной навьюченных оленей,
Неугасающих костров.

Ее ранимость, тягу к свету
Ценила каждая душа,
И вот простую мудрость эту
Мы жили, медленно круша.

По быстрым рекам покоренным
Струится мутная вода,
Не зарастает мхом зеленым
Следов машинных борозд.

Притихших ив тугие ветки
Обвила ржавая струна,
Цивилизации отметки
Увидев, хмурится луна.

Для Аси Рудинской это родная земля, она и питает, и вдохновляет поэтессу, и обжигает болью – это естественно и понятно. Но Таймыр обладает такой силой притягательности, что и литераторы, родившиеся в других краях, испытывают к необычному полуострову сыновьи чувства.

«Безмолвное величие –
Полярное вдвойне...»
(Е. Ягумова)

«Снег и холод. Пути кочевые
Время вьюгой веков замело.
Боже мой, сколько судеб,
Россия,
В эту горькую землю легло»
(В. Вощенко)

«Меня не бесит пасмурное небо,
Завьюженной зимы холодный мрак.
Я отпрыск северов, влюбленный слепо
В самой природой сотворенный фрак»
(Ю. Лисичкина)

Читательская публика Таймыра сразу дала альманаху положительную оценку. Красноярский писатель Роман Солнцев, побывав в округе и познакомившись с этим изданием, тут же прислал для публикации целую подборку своих рассказов и стихов о Таймыре. Книжки альманаха рассылаются во все городские, сельские и школьные библиотеки округа и это приводит к нему новых авторов. Свои литературные пробы присылают авторы Дудинки, Норильска и по-

селков округа. Конечно, не все материалы, поступающие в «портфель» альманаха, находят место на его страницах – отбор диктует уровень издания. Высокую планку помогают держать норильские авторы – члены Союза писателей России, которые с удовольствием предоставляют в альманах свои новые произведения.

Радует то, что наши авторы работают, растут в своем творчестве, а их имена, появившиеся на страницах «Полярного сияния», привлекают внимание меценатов – любителей словесности, которые помогают литераторам уже в издании самостоятельных книг.

Так, публикации на страницах альманаха способствовали выходу книг Аси Рудинской, Нины Ковальчук, Николая Одинцова, Геннадия Медведева и других.

Постоянная рубрика «Дебют» каждый год открывает новые имена авторов. Ими стали Александр Зборчила, Станислава Могилева, Екатерина Вязовцева, Мария Грачева, Олег Ярунцов, Ольга Прутская и другие.

Гордостью альманаха стало открытие имени Натальи Утукогир. Ее сказка, написанная по мотивам эвенкийского фольклора, удостоена авторитетной награды – литературной премии имени Огдо Аксеновой. Наталья живет глубоко в тундре, на метеостанции за Хантайским Озером, с ней очень трудно поддерживать контакт, но связующая ниточка не обрывается. Бывая в окружном центре, Наталья заходит в окружную библиотеку, где собирается альманах, получает авторские экземпляры «Полярного сияния», отзывы, привозит или присылает свои новые произведения. Литературное сообщество очень надеется, что ее мастерство будет постоянно возрастать и таймырская литература обогатится новым жанром современного фольклора.

Постоянным автором альманаха стала долганка Елена Саган. Ее метафоричные и глубоко философские строфы, хоть и не всегда выдержанные в строгой метричности формы, не вызывают сомнения в принадлежности к настоящей поэзии:

«Кусок неба проглочу,
Плечи расправлю,
Легкую грусть
Каплей дождя разбавлю.
В непонятной своей мольбе
В сны заруюсь.
Бумерангом вернусь к себе
И встречу с зарею...»

Каждая книжка ежегодника содержит в себе большой пласт краеведческой информации. Ее несет, прежде всего, рубрика «Фольклор народов Таймыра». Авторы – ученые-фольклористы Казимир Лабанаускас и Надежда Костеркина – дочь последнего нганасанского шамана Тубяку (оба, к сожалению, уже ушли из жизни) и этнолог-музыковед Оксана Добжанская предоставляли для рубрики и научные статьи, и бережно записанные от носителей сказки, легенды, предания, и рассказы об обычаях, обрядах, традициях коренных народов Таймыра.

Важность сохранения и популяризации этого материала трудно переоценить. Им пользуются в детских садах и школах, он дает возможность каждому, кто заинтересуется, познакомиться с культурой и устным народным творчеством аборигенов Севера.

Искреннюю заинтересованность авторы альманаха проявляют к истории освоения Таймыра российскими землепроходцами, принесшими на эти земли государственность, освоение

водных транспортных путей и богатств недр. Этому посвящают свои произведения Сергей Алексеев, Анатолий Левенко, Алла Лубнина, Нина Предтеченская. В этом отношении особый интерес представляет исторический роман Юрия Градинарова «В низовье Енисей могуч», фрагменты которого впервые увидели свет со страниц «Полярного сияния».

И, конечно же, не обойдены авторами альманаха события двадцатого века – насильственная коллективизация, лагеря ГУЛАГа, Великая Отечественная и другие войны, прямо или косвенно влиявшие и до сих пор влияющие на развитие событий и судьбы людей. Из этой серии публикаций выделяются рассказы-воспоминания Николая Попова и Николая Одинцова – свидетелей и участников многих драматических событий.

Радует верность изданию маститых уже авторов. Владимир Эйсер прожил большую часть сознательной жизни на Таймыре, здесь сформировался, как художник слова, здесь, в окружной газете опубликовал свои первые рассказы. Теперь он постоянный автор «Полярного сияния». Второй год он живет в Германии, его книги выходят в российских издательствах, во Франции и Германии, но он продолжает присылать нам свои новые рассказы и повести, и прежде всего те, что посвящены северной тематике. В каждый номер присылает подборки новых стихов Валерий Кравец, давно перебравшийся в Москву, но оставшийся северянином по духу и творчеству.

Начинающие литераторы учатся мастерству у таких художников слова, как Елена Ягумова, Сергей Лузан, Татьяна Шайбулатова, Виктор Самуйлов, Татьяна Беглецова, Владимир Солдаков, стихи и проза которых не нуждаются в рекомендациях. В первую очередь благодаря этим именам публикация в альманахе стала престижной для каждого из пишущих. Их на Таймыре немало. В первом номере альманаха были опубликованы произведения 17 авторов, в девятом – за 2004 год – уже 54. А всего за девять лет – напомним – альманах представил читателям 106 имен! Это позволяет говорить о том, что литературный процесс на Таймыре находится в постоянном развитии. В разных жанрах и на разных уровнях мастерства в нем трудятся, творят, ищут свое место под солнцем и выход к читателям и начинающие, и маститые литераторы.

Альманах «Полярное сияние» отображает весь этот литературный процесс, а выходит он благодаря заинтересованной работе сотрудников окружной библиотеки во главе с Т.Б. Кубаевской и финансированию Управления культуры Администрации Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа (В.Е. Сацкая).

Виктор Петрович Астафьев, просмотрев первые номера «Полярного сияния», прислал на Таймыр такой отзыв: «Издание альманаха «Полярное сияние» на краю земли не только отрадное явление, но и обнадеживающее».

Там, где живо слово, жива жизнь и дышит культура свежим воздухом. Альманах хорошо формируется и оформляется. Желаю ему держать высокий чистый тон и сохранять признаки того, что он издается на Таймыре, а не в Бразилии. Здоровья, сил, терпения и скорой весны вам, северяне!»

Этот отзыв, конечно же, укрепил авторитет издания и стал ему благословением великого писателя. Десятый юбилейный выпуск «Полярного сияния» посвящен 75 летию Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа.

Именно этим и определен выбор произведений в предлагаемом номере ежегодника.

Редактор альманаха
Валентина ЗАВАРЗИНА

ОГДО АКСЕНОВА

(1936-1995)

Основоположница долганской письменности и литературы, создатель долганского алфавита, сказочник, переводчик, член Союза писателей. Первая профессиональная поэтесса из долган. Автор сборников «Бараксан» (1973), «Таймырские сказы» (1982), «Признание любви» (1996) и других.

МОЯ ТУНДРА

Мой север не только лишь тем знаменит,
 Что стужа крепка здесь и ветер гудит.
 Что слезы от холода льются из глаз.
 Как много о тундре придумано фраз!
 А тундра другая совсем.
 Я выйду из дома сегодня с утра,
 О, как много снега.
 Или серебра?
 А отблеск ночной упадет, при луне
 Вся в золоте тундра покажется мне.
 С любовью о ней я пою.

Живет у нас в тундре надежный народ.
 Он ладит с работой – и дело идет.
 И прям его путь. Отклонений в нем нет:
 Так четок острейшего лезвия след.
 Петляет плохой следопыт.
 Здесь старый охотник не скажет, что стал
 Негоден к охоте, что сгорблен и стар.
 Наденет копо* – и вихрем вперед.
 Песцов первосортных он в тундре найдет.
 Удача знакома ему.

Куда по земле моей ни пойдешь,
 Услышишь, как песни поет молодежь,
 И как эти песни звучат,
 Как звуки баргана над тундрой летят.
 О счастье – любой их напев.
 Здесь вечером в клубе не станешь скучать.
 Здесь дружно выходят хейро танцевать.
 Тот танец, как будто полет.
 Хорошая жизнь нынче в тундре идет.
 И радует это меня.

Перевод Аиды Федоровой.

*копо – короткая верхняя меховая одежда.

РОДИНА

В сиянии северном, среди льдин,
 По-весеннему резв и звонок,
 Родился у белой медведицы сын,
 Славный такой медвежонок.

Я тоже в этом краю родилась,
 У гор Бырранга суровых,
 С тех пор эти горы имеют власть
 Над жизнью моей и словом.

С моими предками, как олень,
 Холод всю жизнь бодался.
 Как той медведице, в тундре день
 Непросто им доставался.

Родина – мать. Ее трав и рек
 Раздолье жить помогает.
 На родине даже холодный снег
 Не студит, а согревает.
 Перевод Аиды Федоровой

МОРОШКА

До осени немножко
 Осталось подождать,
 Чтоб сладкую морошку,
 Как прежде, собирать.

Оленей подою я,
 На жарком тальнике
 Морошки наварю я
 В кипящем молоке.

– Скорей берите ложки! –
Гостям я предложу.
Но пробовать морошку
Пока я лишь хожу.

Под теплым одеялом
Ложусь я в чуме спать.
Вдруг солнце засияло,
Пора и мне вставать.

Я быстро соскочила,
Схватив корзину вмиг,
И тут же уловила
Гусиный длинный крик.

Ах, гуси!.. Ах, морошка!..
Ни ягод, и ни птиц.
Иду с пустым лукошком,
Гляжу печально вниз.

Перевод Аиды Федоровой

Я ВЧЕРА ЗАПИСАЛА...

Я вчера записала
В тетрадку стихи.
А сегодня – ни строчки
В тетрадке моей.
В ней листочки
Весеннего снега белей.
Я в досаде
По снегу иду поскорей.
Я вернулась – решила
По следу пройти.
Своего – не найти,
Словно сбились с пути.
В свой же след на снегу
Я попасть не могу.
Что ж, наверно, не зря
Старики говорят:
– Час на час, день на день,
Год на год не похож.

Перевод В.Кравца.

ЛЮБОВЬ НЕНЯНГ (КОМАРОВА)

(1931-1996)

Известная ненецкая писательница, собирательница фольклора. Ее стихи, рассказы, повести и очерки публиковались в газетах, журналах, коллективных сборниках, альманахах. Ее перу принадлежат книги «Я читаю следы» (1980), «Огненный суд» (1981), «Зов тундры» (1997), «Ходячий ум народа» (1997), и многие другие.

МОЯ ЗЕМЛЯ

В лихолетье лютующих выюг
я не верила в слово «весна».
Помню мачехой землю свою:
как была ты ко мне холодна,
моя снежная родина.

Я так мало на свет живу,
но так много вместила судьба:
и кочевье отца, и Неву,
и сознание, что ты не раба,
моя снежная родина.

Над тропой моих стариков,
разбудив вековечную тишь,
разом сквозь вереницу веков
белым чудом-оленьем летишь,
моя снежная родина!

Я счастливую песню пою,
свою землю я не узнаю:
не старуха в морщинах-рубцах,
а невеста в нарядных песнях-
моя снежная родина.

Есть земля, где поют соловьи,
есть земля, где не вянут цветы,
но прими, как признание в любви:
вся Россия моя – это ты,
моя снежная родина!

Рыбацкий стан на тундровой реке.
Вдали вздыхает тихий плач гагары...
Я замираю с прутиком в руке,
Не одолев полуночные чары.

Вершина ночи, но как днем светло,
течет река предчувствие рождая.
Гляжу в волну, как в зыбкое стекло,
и замираю, чуда ожидая.

Мне давит плечи груз дневных забот,
С души не снять измены черной глыбу...
На берегу, у самой кромки вод,
Жду терпеливо я царицу-рыбу.

И вдруг сегодня вынырнет она
и, подмигнув зеленоватым глазом,
мои желанья выполнит сполна,
развеет всю мою обиду разом.

Исполнит все, чего я захочу,
и боль души покинутой излечит...
Течет река...

И я стою, молчу,
С царицей-рыбой ожидая встречи.

Багрянцем полыхает небосклон.
Сквозь тучи даль узоры ливня вяжет.
Берет тревога душу на излом:
вдруг новый стих на белый лист не ляжет?
Вдруг мне приснится молодости друг,
давно ушедший, но всегда желанный?
А может буря разразится вдруг,
сломают крылья ветер ураганный?..
Домой вернуться будет невозможно,
где ждут меня бумага, книги, стол...

В багрянце небо.
На душе тревожно.
Бессонница творит свой произвол.

Люблю июнь на Лонга-Яре,
когда день солнечный в разгаре,
когда от белый стай гусей
даль тундры кажется ясней.

Сквозь запах прошлогодней прели
ростки травы зазеленели,
и поступь легкая слышна-
то в травах бродит тишина.

Со льдами Енисея – в море
уплыли и печаль, и горе.
К нам радость важной пришла,
и успокоилась душа.

Наперсток встретился с иглою,
чтобы у ненки под рукою
сал дивной паркой теплый мех...
А над становьем – песни, смех.

С осокой ветерок судачит
о том, что мой сынок рыбачит...
И у меня богат улов
Улыбчивых, лучистых слов.

Сквозь вечность мерзлоты, над мхами,
они растут, чтоб стать стихами, -
их все я людям подарю
и отчий край благодарю,

за то, что всех земель на свете
дороже мне просторы эти,
где родины бесценен дар:
становье рода – Лонга-Яр.

ТАТЬЯНА ЦАРЬКОВА

Родилась в 1956г в Московской области. С 1961г живет на Таймыре, в Дудинке. Закончила Восточно-Сибирский институт культуры по специальности театральный режиссер. Неоднократно становилась лауреатом и дипломантом всероссийских, краевых, зональных смотров, фестивалей, конкурсов как режиссер, драматург и ведущий. В 2001 году удостоена звания Заслуженный работник культуры РФ. Публиковалась в газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние».

ЯРЧЕ СЕВЕРНОГО СИЯНЬЯ

музыка А. Кузнецова

Неприступны сквозь толщу лет
Ледяные торосы Арктики,
Но сияет огнями побед
Мой Таймыр в белоснежной парке!
В нем живая душа Мироздания
бьется в сполохах снежных крыл –
он героев своих преданий
в земляках моих воплотил.

Припев: Таймыр! Таймыр!
Жить всегда на пределе сил!
Ярче северного сиянья
Твои люди, родной Таймыр!

Вековечная мерзлота
Отдала нам свои богатства.
Только меркнет та красота
Пред лучами земного братства!
Мы ценою любви и страданий
Добывали здесь нефть и газ –
Не за почести, не за званья
Шли на подвиги в трудный час!

Припев.

Я горжусь Россией моей!
Ее сердца на всех хватает –
Нет своих и чужих сыновей!
И чужих невзгод не бывает!
Верю я, скоро время будет
И Россия скажет о нас:
«На Таймыре такие люди –
Всей страны золотой запас!»

Припев.

ЕДИНСТВО

Ярчайшие страницы бытия
Хранит народ наш, устали не зная.
В них – мой Таймыр! История моя.
Такой аргиш, которому нет края!
За ним – судьба России предстает,
Таймыр ее прекрасная частица,
В веках он продолжает свой полет
Казаркой – гордой и свободной птицей!
Пусть крылья Мужества, Надежды и Добра
Нам всем помогут в трудные минуты,
А мощь двуглавого Российского орла
Убережет страну в години смуты!
Героев края в памяти храним –
В них, о которых Время сложит Оды –
Великий дух несломленной страны,
Единство малых и больших народов!
Пусть в мире и согласье
Край живет!
Жива культура – будет жить народ!

Средь Северов наш Диксон слыл элитой.
«команда с Питера» считалась коренной.
В ней каждый был хоть чем-то знаменитым,
А «материк» не знал его порой.
«Большую землю» с легкостью оставив,
Сменив комфорт на неказистый быт,
Вы жили по негласному уставу:
«Жить надо так, чтоб не был ты забыт».
Здесь помнят всех героев экспедиций.
На море и на суше есть их след.
И пусть в граните строгие их лица,
Но свет души нас греет столько лет!
Североморцы Диксон удержали
Ценою жизни, чтобы жили мы.
Не трусили. И порт свой не предали,

И мы предать забвенью не должны
 Ни часа из истории Отчизны.
 Ни одного мгновения. Ни дня.
 Ведь Будущее спросит с укоризной:
 «Скажи, а что ты сделал для меня?»
 Ответите: «Нас ветер бил в лицо!
 Ценили правду. Отторгали лесть,
 И не было меж нами подлоцов,
 В себе мужчин воспитывали здесь!
 Гостей американских привечали.
 Они смеялись: «Как мол, здесь живем?»
 Но счастья мы у них не занимали.
 И горя в долг мы Миру не даем!
 Вся жизнь полярников – сплошной девятый вал.
 Контракт с Таймыром заключили вы бессрочный.
 И, испытав вас Диксоном на прочность,
 Судьба за мужество вам ставит высший балл.
 Одна на всех у нас – Полярная звезда.
 Сквозь сердце Арктики спешат суда к причалам:
 И, значит, Север ждет счастливая судьба!
 Ведь здесь – не край России! Здесь – ее начало!

ПЕСНЯ О ДИКСОНЕ

Музыка Р.Дембицкого

Крайний Север мы не покоряем.
 Любим Заполярье словно дети,
 Здесь мы не стареем, а мужаем.
 Души бередит нам свежий ветер.
 Говорят, что Арктика – пустыня,
 Что земли суровой в мире нет.
 Только сердцем здесь народ не стынет,
 Здесь любовью каждый день согрет.

Припев: Диксон – белоснежный купол мира.
 Диксон – путь от полюса до звезд.
 Твою тайну жизнь сама открыла:
 Ты рожден для счастья, не для слез.
 Диксон – на тебя глядит полмира.
 Диксон – время старта на часах.
 Без тебя нет батюшки – Таймыра,
 И Россия – матушка не вся!

Время жить – в Росси наступает:
 Время Созидания, Добра!
 Нас с «Большой землей» соединяют
 Наши судьбы, годы, города. Да!
 Будем сильным краем мы гордиться,
 Север и Сибирь – одна семья.
 Над Россией сказочной жар-птицей
 Засияет Арктика моя!

ГИМН ТАЙМЫРУ

Музыка Р.Дембицкого

Он пришел – Новый век!
 Он открыл новый мир.

Мы войдем в него вместе,
 Мой древний Таймыр!
 Не забудем обычаи предков своих,
 Чтобы помнили дети,
 Чтоб продолжились в них.
 В ритме бубна шамана
 Сердца застучат,
 Но уже не сумеем вернуться назад,
 Где бывали суровы, добры и нежны...
 И друг другу мы все
 Были очень нужны!
 Где сквозь времени бег
 Солнце рвется в зенит!
 И Таймыр краснозобой казаркой летит!

Перемены несет новорожденный век.
 И величье свое сознает человек.
 Верю, сбудутся
 Смелые наши мечты!
 Будет счастлив земляк –
 Будешь счастлив и ты!
 Беды нас обойдут,
 Будет радость на всех,
 В суете наших дней
 Будет время потех!
 Пусть сияет мать-тундра
 Глазами озер,
 Из надежды плетет
 наших судеб узор!
 Пусть сквозь времени бег
 Солнце рвется в зенит!
 И Таймыр краснозобой казаркой летит!

Милосердия век!
 Век добра и любви!
 Ты своею душой
 новый век сотвори!
 Как снега Заполярья – он девственно чист!
 Как рассвет над Таймыром
 прозрачно – лучист!
 Крайний Север – не значит
 последний из всех!
 Здесь – вся жизнь через край:
 и страдания и смех!
 Здесь к началу начал
 возвратится Земля!
 Здесь рождается птицей – Россия моя!
 Здесь сквозь времени бег
 Солнце вышло в зенит!
 И Таймыр краснозобой казаркой летит!
 Мой Таймыр
 кранозобой казаркой летит!
 Пусть Таймыр
 краснозобой
 казаркой
 Летит!

«ДРУГ ТАЙМЫР»

Музыка Р. Дембицкого

Я иду по дороге судьбы,
А она без конца и без края!
Я не знаю что ждет впереди,
Да и годы свои не считаю.
Что ищу – самому не понять.
Только грех на судьбу обижаться –
В жизни выпало мне обретать и терять,
Уходить и опять возвращаться!

Припев: Таймыр! Не смогу я тебя разлюбить!
Незримо со мною Полярный твой круг.
Здесь солнце добра не устанет светить,
Чтоб лед наших душ навсегда растопить,
Таймыр, ты мой преданный друг!
Таймыр, ты порою бываешь суров.
От взглядов чужих, откровенно нескромных,
Жарками зардеется сердце снегов,
Морошкой в тундре вскипит твоя кровь –
Прости, если в чем-то виновны!

Листья осенью в небе кружат...
Время птицам на юг собираться.
И печально вздыхает земля:
«Сколько можешь по свету скитаться!»
Понял я (ни к чему себе лгать),
Север мой не сравнить с целым миром –
Край родной, ты не хочешь меня отпускать,
Да и мне не расстаться с Таймыром!

Припев.

Все иду по дороге судьбы,
Вот уж молодость машет рукою!
Рядом – зрелость! И все впереди!
Значит рано мечтать о покое!
Может судьба счастливее есть,
Но признаюсь сейчас всему миру:
«Мое сердце навечно останется здесь!
Сердце, отданное Таймыру!»

Припев.

ЕВГЕНИЯ КАЛАШНИКОВА

Родилась 10 января 1971 года в поселке Караул Усть-Енисейского района. Закончила Красноярский педагогический университет. Работала учителем начальных классов. Воспитывает двоих сыновей и продолжает трудиться в школе заместителем директора. Живет в Карауле. Публикуется впервые.

НАШ ГИМН

На карте Родины средь северных окраин
 Район наш отыскать не так – то просто.
 Мы здесь живем, трудом свой Север славя,
 Душой любя Таймырский полуостров.
 Пусть малыми народы называют,
 Но не найти достойней и честнее
 Долганина, эвенка или ненца,
 Живущих там, где устье Енисея!
 Таймыр наш белым золотом прославлен
 И серебром путины многорыбной,
 Но не богатством недр заполярных—
 Таймырцами гордится пусть Отчизна!
 Взошла на небеса звезда удачи,
 Лучи раскинув над Россией всею,
 Но нет на свете краше и богаче
 Района нашего, что в устье Енисея!

Пусть, выросши, птенцы летят в дорогу—
 Обязан каждый здесь судьбой своею
 Не только матери, отцу и Богу,
 Но и земле, что в устье Енисея!
 Цвети, район! Судьба твоя, как песня!
 Ты, славу принося земле Таймыра,
 Оплотом будь добра, любви и чести,
 И выдержки, и стойкости, и мира!

Перепачкано платье,
 Распустившийся бант,
 И коленка в зеленке:
 Не девчонка – пацан.

Мама взглянет с тревогой:
 Скоро в школу идти...
 Дочка, солнышко, лучик,
 Ты поярче свети!

Белый бантик в косичке,
 Первый школьный звонок,
 И еще непривычный
 Самый первый урок.
 Мама скажет, вздыхая:
 Сколько лет впереди...
 Только света и счастья
 Я желаю в пути!

Столько лет пролетело –
 Показалось, часок.
 Дочка бантик надела
 На последний звонок.
 Из гнезда выпуская,
 Скажет мама: лети!
 Стала дочка большая –
 Сто дорог впереди!

И теперь, расставаясь,
 К маме я подойду:
 Ты не бойся, родная,
 Я дорогу найду!
 Ты всему научила,
 Ты мне крылья дала,
 Мое сердце с тобою,
 Где бы я ни была.

А за прядку седую,
 За морщинки у глаз,
 И за то, что так поздно
 Возвращалась не раз,
 И за юности драмы,
 И за вздор иногда –
 Ты прости меня, мама,
 Как простила всегда!

Голову весна закружила,
Половодье чувств закрутило,
Ветер небо рвет, непослушен.
Слышишь, волк поет? Ты послушай!

Долгою зимой ветры воют,
Снежные дома вьюга строит,
Волчий вой летит в поднебесье,
И в пурге шальной пляшут бесы.

Но сменяют снег струи с неба,
Холода весна превратит в небыль,
Ночи напролет волчий стаи
Петь слова любви не устанут.

Разобьет капель лед на лужах,
Мне покой весной и не нужен,
Как волчица петь я готова,
В небеса любовь кинув снова.

Стихи мои как вежи:
В них взлеты и огрехи,
Удачи и провалы,
И к дому долгий путь.

Стихи мои как дети:
Дороже нет на свете,
Но иногда так хочется
Взять в руки гибкий прут.

Дует ли в небе ветер весенний
Или срывает листочек последний,
Или снежинка в ладонь опустилась –
Просто влюбилась, просто влюбилась.

Хочется солнцу ввысь улыбнуться,
В речку до самого дна окунуться,
Только б сердечко мое не разбилось –
Просто влюбилась, просто влюбилась.

Папе не скажешь, мама не знает.
Сердце девчонки, как облачко тает,
Если мальчишка вдруг оглянулся
И улыбнулся, мне улыбнулся.

Шелест листвы мне напел настроенье,
С неба дождинка, а в сердце – веселье:
Нотка за ноткой песня сложилась –
Просто влюбилась, просто влюбилась.

Тихо. По шторам мерцанье чуть тлеющей свечки.
Ночь. В тишине за окном догорает пурга.
Дух дровяной от уже протопившейся печки...
Ветер избу мою снова укутал в снега.

Если в окошко взглянуть, то покажется вечным
Шепот снегов и упавший на землю мороз,
Всполох сиянья на небе и путь этот млечный,
Словно загадка с небес, без ответа вопрос...

Где-то вдали города, суета и дороги,
Шум дискотек, перекрестки, проспекты в огне.
Только для счастья, как странно! так нужно немного:
Снег, тишина и вот эта свеча на окне!

А здесь снега и лед.
И только тот живет,
Кто больше в сказку о романтике не верит,
И кто познал мороз
И белизну до слез,
Кто научился закрывать за вьюгой двери.

Кто другу все готов
Отдать без лишних слов,
И кто плечо в минуту трудную подставит,
Кто выручал не раз,
Отбросив вьюгу фраз,
Того в мороз и стужу Север не оставит.

Не приживется тот,
Кто деньги лишь гребет,
Его здесь вычислят и враз за дверь отправят.
Здесь не в чести хвальба,
И ни к чему мольба.
Кому молишься, если Север всюду правит?

Промозгло на ветру,
И души поутру
Тепла так просят – мы на улице их тащим!
Уж здесь так повелось:
Плевать нам на мороз!
Лишь только так познаешь северное счастье!

ВАЛЕРИЙ КРАВЕЦ

Журналист, поэт, член Союза российских писателей. С 1965 года по 1995 жил на Таймыре. Работал журналистом телевидения, делал передачи о людях, о природе и проблемах округа, публиковался в окружных, краевых и центральных изданиях. Первый переводчик на русский язык стихов Огдо Аксеновой. Автор более двадцати книг. Лауреат премии им. Огдо Аксеновой в 2003 году.

17 ИЮНЯ 2004 Г. В ХАТАНГЕ

Мне тепла не хватает в этом добром поселке.
 Что как будто продут внесезонной поземкой.
 Или выдался просто июнь непутевым.
 Лед на речке полярной сломать не готовым.
 Пробужденье не тронуло лиственниц сонных.
 В зимних шубах собаки ко мне благосклонны.
 В магазинах нет рыбы, но много черешни,
 По цене для людей не понятной нездешних.
 Но привносит в суровую гамму вальяжность
 Отпускных чемоданов приятная тяжесть.
 И я вдруг понимаю: в любую эпоху
 В этой Хатанге странной не так уж и плохо.

Что есть в ночи полярной? Тишина,
 Молчанье, бесконечное, как вьюга,
 И темнота, что, как земля, черна,
 Разбуженная лемехами плуга.
 А в час, когда сияния горят,
 Она зеленоглаза, как колдунья.
 В ночи полярной явственней стократ
 Магическая тайна полнолуныя.
 И разделенье ступеней ракет
 На бархате полночном очевидней...
 Еще в ней есть надежда на рассвет —
 До солнца не дожить всего обидней...

Я уехал из вечной зимы заполярной
 В зиму жизни невечной моей календарной.
 Все идет, словно в детстве моем непорочном:
 Каждый день регулярно сменяется ночью,
 Те же птицы поют по утрам у окошка,
 Возвратилась из детства любимая кошка,
 Запах хлеба душистый и благословенный.
 Так же сладок, как тот, еще послевоенный.
 Жизнь идет по назначенной свыше программе.
 Вспоминаю все чаще и чище о маме...

По ночному Норильску, по смерзшейся плитке
 В панцирь шубы одетый, я ползу, как улитка.
 Надо мной фонари, освещая пространство,
 Предаются безумному светлому пьянству.
 Снег метет с постоянством минувших столетий,
 Расставляя бесцветные хищные сети.
 В эти сети в который я раз попадаюсь,
 Но ослабить объятия их не пытаюсь.
 Почему? Может, просто уже бесполезно
 Избавляться от Севера хватки железной?
 А, быть может, я знаю, что будет мне больно
 Отказаться от снежной любви слабовольно?..

Я из лет, что осыпаны снегом,
 Позабыв суеты дребедень,
 Иногда возвращаюсь набегом
 В свой, листвою ошарашенный день.
 Я живу в нем теперь постоянно,
 Но в раю средь берез и осин,
 Опоенный полярным дурманом,
 Я по-прежнему Севера сын...

НОРИЛЬСКАЯ ГОЛГОФА

На земле смурной, безликой
 В зоне вечной мерзлоты
 Вечно розы и гвоздики —
 Поминальные цветы.
 Их несут на мертвый камень
 Даже в темень, даже в стынь.
 А Господь, судьба и память
 Здесь посеяли полынь,
 Чтоб она кустилась рясно
 И горчила сотни лет
 На земле моей несчастной.
 Где Голгофам счету нет....

АДОЛЬФ РОМАНЕНКО

(1931 – 1997)

Жил и работал на Хантайском озере в 1980-е годы. Его стихи публиковались в газетах и журналах Красноярского края. Журналист, моряк, механик, оленевод, ихтиолог. Больше 25 лет работал в Заполярье.

НА ХАНТАЙСКОМ ОЗЕРЕ

Здесь воздух пряный.
Леса у берега,
Горы Сарьяна,
Закаты Рериха.
Все перепутано –
И быль и не быль.
На перепутье
Вода ли? Небо ли?
Торпедой по борту
Прошел таймень.
Под гул мотора
Встречаю день.
Только не надолго
Погода райская...
Кому – то Ладога,
Я мне – Хантайское.

Сжигает солнце тучи белый стог.
Лиловость гор – как на цветном экране.
Я восхожу на каменный порог
Загадочной озерной Путораны.
Пусть я в пути устал и изнемог.
Срывались камни, липло чувство страха.
Я на вершине – в синей дымке лог.
Как лиственницы ландышами пахнут!
Здесь родниковая вода хмельна.
Лебязьих крыльев шелест над Аяном.
И над гольцом слинявшая луна,
Не атрибут ли, брошенный шаманом?
Березки сходят прямо в синий ад,
В царапинках их белые колени.
Цветы кипрея яростно горят.
К белкам* идут цепочками олени.
С долин их гонят оводы и гнус.

(Белки – вершины гор с нетающим снегом)

Воздух упруг, вибрирует от зноя.
Конечно Путорана не Эльбрус,
Но надо видеть, что это такое!

В небе птиц вереницы,
Доли полнятся звоном...
Бьют телята копытцами,
Топчут травы зеленые,
И почудилась вечность
Мне в кустах краснотала,
Где рога минуреев*,
Будто ветви кораллов.
Как обряд очищенья,
Сердцем все принимаю...
Вот жарками взорвалась
Луговина хмельная.
И глаза олenuхи
Слез и ласки полны...
Тоже, видно, задумалась
Над загадкой весны.

На нартах мчит девчонка мимо.
Как лихо вскинула хорей!
И как влечет неодолимо
Ее долганское: – Эге – ей!
И шелки глаз улыбкой сужены.
И в них сверкающий огонь.
И, черт возьми, не ты ей суженый.
Посторонись-ка, брат, не тронь!
И в сердце что-то дрогнет нежно.
Полозья рядом вновь визжат,
Полозья наст хрустящий режут.
И снова этот жгучий взгляд.

МУК «ДУДИНСКАЯ
ЦБС»

196804

(Мину реи – лучшие олени для выездов)

ХАНТАЙСКИЕ СКАЛЫ

Мокры нахоленные птицы,
Поникли немощно цветы,
Но солнца огненные спицы
Пронзают тучи с высоты.
И я, придя сюда усталый,
Смотрю, как выстроились в ряд,
Стоят обветренные скалы,
Над бездной озера стоят.
Темны их каменные лица,
И затаила страх вода,
Но я рискнул ее напиться
И стал отчаянней тогда.
Взошел по осыпям на скалы.
Пусть замирало сердце, пусть!
Чтоб мир увидеть небывалый,
И бездны я не побоюсь.

Лед голубел, насквозь светясь,
И капли солнца – будто соты.
Как ждали горы этот час,
Чтоб видел их величье кто – то.
И волглый ветер трогал гусли,
Звенело все и все лучилось...
И мне кричали с неба гуси,
Что быть могло и не случилось.

Половодье сошло торопливо и бурно.
И слетаются птицы, зимовавшие врозь.
И железные мышцы под кожей взбугрив,
На соперника вышел стареющий лось...
Мир приемлю опять ненасытно и жгуче,
Только сердце продрогшее чем отогреть?
Приезжай поскорее. Не мучай!
Только рядом с тобой мне не страшно стареть.

Познай предел терпению мужчины.
Останься на год в зимовье один.
Иди рыбачить... Начнешь кумекать,
Какая стойкость есть в человеке.
Запомнятся простуженные будни,
Когда наотмашь бьют по скулам бури,
И рвет из рук слепая сила сеть,
Ты должен эту силу одолеть.
Все победы – усталость, темень, вьюгу.
Не подведи, не брось на льдине друга.
Пусть вспыхнет свет в крошечной мгле
На покачнувшейся земле.

ВЛАДИМИР ЛЕОНЕНКО

Родился в 1947 году в городе Тбилиси. Получил образование строителя. На Диксон приехал после службы в армии в 1970-м году. Основная профессия – бурильщик. Поэзией увлекается с 12 лет, это увлечение прошло через всю его жизнь. Из длительных командировок он привозит свои стихи, записанные в тетрадь. Печатался в местной газете «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние», в сборнике «Маки Диксона».

ПАМЯТИ СЕВЕРОМОРЦЕВ

История скорбные списки
Живым завещала хранить.
Здесь нет на воде обелисков,
И Вечный огонь не горит.

Венки в том трагическом месте
На Карской качает волне,
И чайки кричат в поднебесье,
Быть может они о войне?

Прислушайтесь. В чащьем крике,
Как будто бы издалика
То слышится плач по убитым,
То чудится стон моряка.

И все вспоминается с болью
Седой ветеран наш с тобой.
В военную летопись кровью
Записан у Диксона бой.

Все, что испытать вы успели
В свои молодые года.
Рубцуются раны на теле,
А в сердце они – навсегда.

Ты прибыл сюда не туристом,
Оставив и дом, и дела,
Спустя столько лет! Слава, Диксон!
Где молодость ваша прошла.

Где смерть пролетала так близко,
Снаряды дробили гранит,
Где нет на воде обелисков,
И Вечный огонь не горит.

МЕДИКАМ ДИКСОНА

Как часто вам ночами нет покоя!
И снова на свидание с бедой
В морозное пространство ледяное
Уносит вас санрейсом МИ-восьмой.

Плывет внизу полярное безмолвье,
И где-то, среди зыбких фонарей,
Рыбацкий стан, далекое зимовье –
Ждут помощи от диксонских врачей.

Из года в год –
Летать, спасать, лечить –
Не ведая, что сами уязвимы –
Ведь Севером болеют и врачи.
А это, говорят – неизлечимо!

ГОЛУБИ АРКТИКИ

Природы нежные создания,
Кто смог сюда вас заманить?
Где долгой ночью, под сияньем –
И трудно жить, и корм добыть.
С жилых домов на снег слетая,
На тротуарах, не таясь,
Воркует сизокрылых стая.
Людей спешащих не боюсь.
Никто не трогает пернатых –
Со всех сторон им корм летит,
И только кот в окне лохматый
На стаю с завистью глядит.
И мне, как жителю глубинки,
С душой, открытой для людей –
Чудно. На улицах Дудинки
Увидеть стаю голубей:
Снующих, среди промерзших зданий,
С людьми умеющих дружить –
Природы нежные создания!
Кто смог сюда вас заманить?

СЕРГЕЙ ЛУЗАН

Родился в 1946 году в Благовещенске. В 1970 году приехал на Таймыр. Публиковался в центральной, краевой и местной печати, в коллективных сборниках, в альманахах. Автор книг «Волчьи звезды», «Долина семи солнц». Много лет жил в тундре на промысловой точке, охотился рыбачил, одновременно занимался литературным творчеством. Лауреат премии им. О.Аксеновой 1997 года.

Тяжелеет зелень. Реже дышит юг.
 Комарье неровно мечется в прохладе.
 На углу старухи ремень продают.
 А мне сейчас ни города, ни ревеня не надо.
 Трется рыба в омуте, в бахроме камней.
 Луч зеленый искоса полосует омут...
 Даже из квартиры слышу: Енисей
 На причалы порта гонит свои волны.
 Снова чищу ствол ружья,
 Отстирал рюкзак.
 Посопел над дырами – залатал палатку.
 ... Пес мой то внимательно поглядит в глаза,
 то скулит и лижет у порога лапы.

ОДИН ВО МГЛЕ

Ночью стихла пурга,
 Развернулась,
 И снова до самой зари.
 Я уже надыхался
 Писать о порывах баллады.
 Жаль, собаки ушли гулеванить
 Как раз до пурги.
 До сих пор не вернулись.
 Наверно, остались на лайде.
 Я четвертую ночь на пределе
 И спать не ложусь.
 Чую их дальний лай, слышу вой,
 И опять этот ветер.
 Этот белый, сгорающий петлями
 Полночи жгут,
 Излучающий волны тяжелого света.
 Мне ни ветер, ни хмель, и не белая
 Эта стена – я теряю друзей,
 И уже самых верных.
 Застонал бы, да не научился стонать
 И уже не сумею постичь
 Эти звуки, наверно.
 И бесшумно качаются горькие в белом столбы.

На губах застывает и крошится белая пена.
 И улыбка блуждает со мной
 От беды до беды,
 Провожая друзей и встречая их тени.
 Сжали черные стебли
 Зеленые пальцы тревог,
 И опять воют долго
 И лают на лайде собаки.
 Неужели оставил всевидящий Бог
 Нас все время блуждать в этом мире и мраке?

ПОЛНОЧЬ

Боже мой!
 Молитва тяжела.
 Опухают мерзлые колени.
 Ветра чашу выпью я до дна
 С запахом цикуты и сирени.
 Ничего уже я не прошу.
 И в смиренности, мой Боже,
 Без гордыни.
 Чувствую – нет сердца половины.
 Умирает каплями душа.
 Трону грудь случайно:
 Трещин нету!
 Оглянусь – и оторопь берет,
 Словно эту чашу яда с ветром
 Выпил я и выпил мой народ.
 Гулко звуки бродят в сводах храма.
 Под иконой снег и тишина.
 В судорогах полночью под нами
 Догорает вешая звезда.
 Догорит, уйдет за ней живое.
 Жили-были – все седая горсть.
 По ночам неслышно сердце воет,
 Как за лишней рюмкой пьяный гость.
 Все равно у каждого до капли
 Мера есть, и есть всему судьба.
 Я не жаден, но неловко как-то
 Уступать смертельные года.

НЕУЮТНАЯ ОТЧИЗНА Поземка Таймыра

Мне гадать приходилось
 По линиям светлого ветра.
 Мне плевать на поэзию
 В точном ее измерении,
 В мире полутонов
 Находить силуэты ушедших
 И улыбки торговцев,
 И всхлипы ночных неврастеников.
 Но в порыве судьбы,
 В песнях смерти и в песнях рожлений
 Отдохнуть хорошо при вине,
 При друзьях и подругах...
 Как, бродяги, нам быть?
 Прокачусь драпированной тенью,
 Отдавая случайным людишкам
 Мозги на поруки.
 Я могу промолчать иногда,
 Сердцу этого мало.
 Не скулят ветви осени,
 Что их ветра обобрали.
 И друзьям говорю: «Если жизнь
 Повторится сначала,
 Как я раньше листал,
 Снова смехом года пролистаю!»
 Ах! У суки-земли
 Мы такие слепые щенки...
 Неизвестное солнце
 Над Шмидтихой будет светиться.
 Пусть увидят глаза,
 Как у женщин поют маяки,
 Фонари и метели
 Рисуют забытые лица,
 Исчезают и вновь появляются
 Кромки судьбы.
 Отдохнуть хорошо
 В струях скрипки на линиях синих.
 Я не вижу различия в счастье
 И в пене беды.
 Что поделаешь, если и мы, и снега повторимы.
 Вот поэтому с легкой улыбкой смотрю на задок
 Этой феи с панели заснеженной улицы жизни.
 И скользит мое время, как белый дымок
 На ветру уютной, холодной Отчизны.

Равнодушие, как слабость.
 Слышу тонкий свист потерь.
 Чуют вечный ветер нам бы
 В гриве черных перемен,
 Риск предельных расстояний
 Или крупную игру...
 Неужели отсияла
 Мне луна, как девки грудь?
 Не мечтаю о высоком.
 Вроде, нужен и ничей.
 Ничего.
 Допел.
 Й в листьях
 Жизнь продолжит соловей.

Не люблю причитаний
 над прахом друзей.
 Все пустоты в душе
 заполняются заревом мира...
 Шелест ветра над золотом
 тихих полей,
 омут дальней реки
 да забытая берегом ива.
 Смерть нужна и спокойна.
 Постыдно дряхлеть...
 Нужно сердцем понять
 Богом данное право.
 И другая листва
 будет плакать и петь,
 если я уроню
 карандаш и бумагу.

Эх! Как загуляю –
 оторву подошвы.
 Всем, которых знаю,
 все скажу в глаза.
 Просвистит в карманах,
 камнем канет в прошлом...
 Не сумел я пламенем
 жизнь свою связать.
 Не умру от зависти,
 не умру от жадности.
 Падаю, но выстою
 на своих ногах.
 Парень, поздно каяться!
 Перестали маяться
 майские сугробы
 в наших северах.

ВЛАДИМИР ЛУЗГИН

Родился в Туруханске в 1950 году. По образованию учитель истории и права. Много лет работал в школе учителем. На Таймыре с 1975 г. Жил и работал сначала на Диксоне, затем в Хатанге. С 1999 года по 2005 год был депутатом Думы Таймырского Долгано-Ненецкого автономного округа. Стихи начал писать недавно. Живет в Дудинке.

Который год казанский сирота
Тобою принят, понят и ухожен,
Хотя морщины лба и возле рта
Никто разгладить никогда не сможет.

Но душу мне и сердце ты спасла,
И тайную надежду подарила,
Что кроме овладенья ремесла
Верну зазря истраченную силу.

И я дышу, как в детстве не дышал,
И чувствую, как не звучит нелепо,
Что есть на свете женский идеал,
И что важнее он воды и хлеба.

Вдруг я услышал пенье стрел,
Когда случайно подсмотрел
В тебе неведомое прочим,
О чем в твоей анкете прочерк,
Хотя зрочки судьба дала
Под цвет вороньего крыла.

Понятно мне: под кожей гладкой
Ты – азиатка.
Азиатка!

Вглядись в раскосые глаза:
В них жар и холод, и гроза
От неустойчивой природы
В степи кочующих народов,
Живущих в гордой нищете,
Не помышляя о Христе

Будь ты метиской иль мулаткой.
Ты – азиатка.
Азиатка.

Вглядись в глаза – они черны,
Как просмоленные челны,
Как сабли воинов Батыя
И оперенья роковые,
Затмения солнечного тьма
Сводящее людей с ума.

И ты мне больше не загадка.
Ты – азиатка.
Азиатка.

В глаза раскосые взглядишь:
В них бездна темная и высь
Грехов, пороков, преступлений
И жертв во имя искуплений,
Переплетение интриг
И мудрость рукописных книг.

Хоть пей, хоть пой, молясь украдкой.
Ты – азиатка.
Азиатка.

А я услышал пенье стрел...

Пришли на склоны и распадки,
Где мхов дорожка голуба,
Костры, моторы и палатки,
Как неизбежная судьба.

Суровый ненец чище мела
От парки и до головы:
Он ничего не может сделать
Пред волей барственной Москвы.

И, как не хочется, осталось,
Одно единственное лишь:
Перебороть души усталость
И вековой менять аргиш.

Хотя последствия понятны,
И заблуждений в этом нет,
И в небесах расплодился в пятна
Инверсионный черный след.

Ей мягко спится, кушается всласть,
Когда разврат считая за отвагу,
Поэзия, как девка, проданась
Холеным хамам-клоунам аншлагов.

Но так и мы в бездействии своем
Готовы оправдать немые души,
И пьяные то воем, то поем,
А, протрезвев, бесцельно бьем баклуши.

Очнись, Россия, после передраг,
Придите снова Минин и Пожарский,
И поднимите мужественный стяг
Над Русью, Чудью и землей Татарской.

Чтоб поняли губители страны,
Сосушие подорванные соки,
Пусть кровью руки их обгарены –
Не оборвать полет ее высокий.

И час придет ответа и суда,
Расплаты за содеянное втайне,
Не убежать от правды никуда
И русского врагам не сделать крайним.

Луна бесстыже молодая,
Расталкивает облака,
Чтоб любовалась ею стая
Курчавого березняка.

И ветви лиственниц и елей,
Как руки потянулись к ней,
И пел всю ночь – нежней свирели,
Залетный с юга соловей.

Стерлядь билась с нерыбьей силой
О дюралевые борта,
И пощады она просила,
Изгибая колечко рта.

Ей бы воду, да глубь, да темень,
Чтоб течение унесло,
Но ударило прямо в темя
Алюминиевое весло.

И не вызреть теперь икринкам,
И не вылупиться малькам,
А саму продадут на рынках
Рады выгоды по кускам.

Потому и скудеют реки
Что у берега, что в глуби:
От Амура до Печенеги,
От Воронежа до Оби.

Никому ничего не жалко.
Возведен в добродетель грех.
Это раньше была рыбалка,
А сегодня – убойный цех.

Баланс нетрудно подвести.
Нас, сельдюков, осталась горстка,
Хотя по-прежнему в чести
От Диксона до Дивногорска.

А раньше помните в балках,
Без электричества, бывало,
Где не ступали грусть и страх,
Но часто стужа ночевала.

Как разгружали корабли
И пригоняли плотоматки,
Как невозможное могли,
А с нами немцы и солдатки.

И вот вчерашний матерьял
Стал отработанной породой,
Никто под старость нам не дал
Квартиры, дачки с огородом.

Чтоб посадить и огрести,
И снять огурчик в шкурке жесткой,
Хотя по-прежнему в чести
От Диксона до Дивногорска.

ЯНА ПОЛТАРАК

Родилась в 1985 году в Дудинке. Выпускница двух отделений Детской школы искусств – по классу фортепиано и хореографии. Танцевала в ансамбле народного танца «Жемчужина Заполярья». В настоящее время студентка Санкт-Петербургского Государственного университета экономики и финансов.

ДУДИНКЕ...ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, город! По тебе скучала...
По проспектам питерским бродя,
Я жирафы-краны вспоминала
В мороси балтийского дождя,

По снегам высоким тосковала
В слякотной промозглости зимы,
Ни на миг тебя не забывала,
И сегодня... вместе Я и ТЫ.

Ты встречаешь долгим днем полярным,
Чистотою улиц, площадей,
Храмом над рекою златоглавым,
Добрыми улыбками людей,

Широтою Енисейской глади,
Разноцветьем солнечного склона...
Как хорош ты в праздничном наряде!
И душа тихонько шепчет: «...дома».

A LA МОЛИТВА

Бог мой, уже ль твоя рука?
Кому-то небо, облака...,
Кому-то грязное болото

И непосильная забота,
И бед бездонная река...

Скажи мне, есть ли справедливость?
И как же это получилось,
Что награждаешь и казнишь
Отрезком, под названием «Жизнь»,
Такую, проявив немилость?

Так дай же сил свой крест нести,
Перетерпеть все зависти
К глупцам счастливым и беспечным,
И в круге боли, бесконечном,
Мне душу помоги спасти!

Нечаянно пути сомкнулись...
Всего на миг соприкоснулись...
Душою боль твою задела...
Помочь хотела... не успела...

Я приняла твою усталость,
И часть ее со мной осталась...
Нам не дано узнать, что б было,
Прочь отшвырнуло... закружило...

Твой мир огромен и несветел...
Ты на вопросы не ответил,
Завесы край чуть приоткрыл,
Но не доверил..., не впустил...

Жизнь так сложна и непонятна...
Остались, как на солнце, пятна...
Кто смоем мыслей темноту?
Одна не справлюсь..., не сотру...

НИКОЛАЙ КОНОВАЛОВ

Родился 3 марта 1956 года в Иркутске. На Таймыре живет с 1961 года. Работал методистом районной агитбригады, машинистом котельной установки. Живет в Карауле. Публиковался в альманахе «Полярное сияние».

Вечер над рекою серостью разлит.
Озорным туманом берег смять грозит.

Я иду по краю – в заберегах лед,
В небе клин гусиный разговор ведет.

Мягко проседает под ногою наст.
Ветер юный, шалый пошуршать горазд.

Шепчет мне, что скоро щедрые лучи
Снег растопят, скоро зажурчат ручьи.

Светлой голубикой вспыхнет небосвод,
Как аргиш помчится шумный ледоход.

Утро. В сырости тумана
Звук теряет высоту.
На реке, как на аркане,
Лед-дикарь на поводу.

Захлестнулся маут туго,
Берега связав, как жгут.
На прощанье, словно вьюги,
Чайки жалобно поют.

Лед пока что мощи полон.
Но уже во всей красе
После зимнего посола
Пробудился Енисей.

Тихо стонет зверь могучий,
Дрожь по телу... нелегко,
Плечи берегов навьючив,
Вырваться из оков.

Все в тревоге. Время тает.
Лишь ручьи, как баюны,
По оврагам рассыпают
Бисер северной весны.

ЖИВИ РОССИЯ ОСТОРОЖНО

Теперь работой не гордятся.
Чего тут пыжиться, бить в грудь.
Была б жива Россия, братцы,
А остальное – как-нибудь.

Работать так, чтоб было тошно,
Увы, лишь дьяволу с руки.
Живи, Россия, осторожно.
Не натвори, не навреди!

Люби своих детей до гроба.
Блюда закон и правду чти.
Мал человек, но смотрит в оба.
Его, как выжить, не учи.

Он замерзал в свинцовом поле,
Тонул в пучине ледяной.
Всего хватил, сердечный, вдоволь.
А жизнь опять грозит бедой.

То свет, то газ... Бастуют люди.
Идет подпольная война.
Отчизна, что с тобою будет!
Очнись от западного сна.

Свобода есть, а правды нету.
Кому-то грех, кому-то смех.
Мы раньше жили без советов.
Теперь готовы слушать всех.

Оттремели ветра роковые
В рваных дырах борта корабля.
Кто тебя загубил мать – Россия?
Чья тебя поразила стрела?

Твои крепкие русые косы,
Золотились, падая с плеч.
Ты пахала, не зная износу,
И не мог тебя Бог уберечь.
Над тобою смеялись немало,
И сулили конец роковой.

А ты гордо куда-то шагала,
Серп и молот скрестив над собой.

От аванса жила до зарплаты.
Планов гиблых несла громаде,
Но когда прохудились заплаты,
Развалилось твоё житие.

И теперь уж не та твоя сила,
Оскудела ты матушка – Русь.
И в лице твоём прежде красивом
Поселилась высокая грусть.

Бани сгоревшей осколок,
Как осуждающий глаз.
Был чистоплотным поселок,
Нынче в разрухе погряз.

Порвана нить тротуаров –
Малая связка домов,
Мир аккуратный и старый
Отдан на волю ветров.

Что-то пошло на постройку,
Лично себе и с умом.
В тундру пришла перестройка.
Значит все рушим кругом.

Мощно техничным расцветом
Спрос поселянов возрос.
Но не найти туалета,
Коли нужда и мороз.

Только бураны хлопочут
Возле коммерческих ям.
Да восхищенные очи
Жажущих праздника дам.

На берегу реки остылой
Застыл моторных лодок вид.

И вечер часок молодит
Закатом розовым, как мыло.

Еще светло, но в тучном небе
Густеет мрак. Вот тень спадет.
В воде последний луч блеснет,
И все померкнет в сонной неге.

Причал, поселок, стан рыбацкий.
И лай собачий огласит
Полночный час. Гитары краски
Польются лунной серенадой.
Она ему шепнет: не надо,
И вольность рук ему простит.

РЕФОРМА ИЗ ПОД ЛЬДА

С давних пор все живое на свете
Подавляет беспечный прогресс.
Словно судьи, рыбацкие сети
Наложили на реку арест.

Нынче рынок диктует всем цену.
Ходко рыба на «бартер» идет.
И закон с этой ловкой системой
Уж не бьется, как рыба об лед.

Он завяз в серых буднях по уши,
И чего же тут ждать от властей,
Долгий срок Енисей, как в ловушке:
Сверху лед, снизу пасти сетей.

Оттого ль что нам платят так мало,
Так к наживе возрос интерес.
Вот и жить стали мы в полнакала,
Поменяв серп и молот на крест.

Ничего, никого нам не жалко,
Нет охраны, порядка, суда.
Потому и такая рыбалка;
Реформистская из подо льда.

ВЛАДИМИР КАНТАРИЯ

Родился в 1952 году в Грузинской Мингрелии. На Таймыр приехал в 1973г. Работал в порту докером-механизатором. Стихи начал писать с 1979 года, в 1982 году в газете «Советский Таймыр» впервые появилась большая подборка его стихов. С тех пор были публикации и в окружной газете, и в «Заполярной правде». В 1994 году издал сборник стихов «Верните мне мое...», в 2000 году – сборник стихов для детей «Кантаранки». Печатался в альманахе «Полярное сияние».

Балок на берегу ручья
В объятьях мхов.
Над головой звезда ничья,
Светило сов.
Свеча на струганном столе
Роняет тень.
И уголек в печной золе –
Вчерашний день.

Спасибо, добрый человек,
Ты мне помог.
Когда меня засыпал снег
И бросил бог.
Когда я в вечность уходил,
Как в омут пал.
И крик на крик не походил,
И снег мерцал
Холодной искрою своей
Над головой.
Спасибо, добрый человек,
Что я живой.

Мой мозг уже не терпит
суеты,
И я сейчас твой образ
вызываю.
Твой образ лишь фантом,
я это знаю,
Всего фантом, но все
же это ты.
Предел тоски,
как розовая муть,
Мне чувствами в него
не уложиться.
Твой образ как голодная
волчица,

Меня преследует,
пересекая путь.
Мне за полночью полночи
не жаль,
У звезд всегда холодное
мерцанье,
Мне надоели муки
расстоянья
И долгих писем тихая
печаль.

Небо, погасите свои звезды,
Я еще с рассветом
не знаком.
Пусть пунцовым вспыхнут
наши грозды
И калитка всхлипнет
за окном.
Пусть отец войдет в свой
дом, как в лету,
И уставший, сядет на порог.
Я ему прочту свои сонеты
И спрошу, как принял
его бог.
Расскажу, как жил
и даже выжил,
Чем болел и что отголосил,
Как октябрь из сердца
слезы выжал,
Как по Северам я колесил.
Расскажу и ничего не скрою.
Про жену, про сына
и про дом.
Только ты приди живой
тропою,
Подойди к калитке
за окном.

Мне сердце врачует
Лишь только твое
 постоянство,
Твой голос рассветный,
Вползающий в окна мои.
Надежда моя,
Как сестра моего
 диплетантства.
Надежда моя,
Как в больничном саду
 соловьи.
Я звезды с небес
Не срывал, словно
 спелые вишни.
Я только коней к водопою
В ночное водил.
На шумных пирах
И на торжищах звездных
 был лишним,
На шумных пирах
И на тризнах отцовских
 Могил.
Мне выпала доля
Шагать по дороге солдатом.
На скате с друзьями
Краюху ржаную делить.
Мне выпала доля
Быть черту и кумом,
 и братом.
И соло свое
На солдатской трубе
 выводить.

Уходите туда, где рассветы
еще не истлели.
Где дверные замки
 и решетки -
 музейная блажь.
Где еще сыновья понимают
тоску акварели
И под куполом цел
 покаянья и веры
 витраж.
Уходите туда, где не знают
шинели и строя.
Где поутру не будят
ударом под ребра сапог.
Где решает, как быть,
 ваша боль,
 а не пьяные трое.
Уходите туда, где
не требуют души в залог.
Уходите, доверясь Творцу.
 И не надо осанны.
Перепутья раздумий
на память возьмите
 с собой.

Уходите туда, где вас любят
и где вы желанны.
Уходите туда, где Христос
умывался росой.

Мне тела своего не жаль.
В сосну, распиленную
дискон,
Любовь, надежду и печаль
Упрячет холод обелиска.
Но что с душою делать нам?!
И где найти такие руки,
Что в час забвенья
 и разлуки
Их приложить к своим губам.

Фрагменты вещей моих слов
Строки потусторонний зов.
И я хулу себе суля
Лечу по кругу, как земля.
Да, я один, и потому
Тащу с собой свою суму.
В суме краюха и печаль
Но той печали мне не жаль.
Я неприкаянным лечу,
Держа в руке свою свечу.
Лечу по кругу в никуда,
Я это чувствовал всегда.
Лечу один,
 поверь мне, друг.
За кругом круг.
За кругом круг.

Декабрь. Я покупаю свечи.
Стекло надеждою окно.
И слушаю хмельные речи.
Разлив по чашечкам вино.
Декабрь. Пора бы
и подумать,
Кому и как вернуть долги.
Декабрь, настраиваю струны
На вой и выверты пурги.
Декабрь без солнца
 и без веры.
Парад игрушек и гостей.
Декабрь, любовница
 у двери
Гремит отмычками страстей.
Декабрь. Я покупаю свечи
И тонких благовоний дым...
Декабрь – морозное
 оплечье –
Свеченье таинств и глубин.
Декабрь. Я покупаю свечи...

ВАЛЕНТИНА ЗАВАРЗИНА

Родилась в 1947 году на Алтае. Профессиональный журналист, двадцать пять лет работала в различных изданиях, пятнадцать из них в газете «Советский Таймыр». Стихи и проза опубликованы в сборниках «Белый олень Сэреко», «Город белых ромашек», «Поэтессы Енисея», в журнале «Северные просторы». В 2002 году вышла первая книга стихов «Полуостров любви» (Красноярск). С 2002 года является редактором альманаха «Полярное сияние».

ТАЙМЫРСКИЙ ДЕНЬ

Призыв листвы неповторим
И, приглашающе настойчив.
В отличие от длинных зим
В три раза лето здесь короче.
Здесь дорог каждый миг тепла,
И поклонения достоин –
Зимой присядем у стола,
Сейчас же в тундре пир устроим.
Устроим пиршество для глаз,
Для слуха и для тел зажатых...
Узор листвы – как напоказ!
И щебет радостных пернатых...
И все растет, цветет, поет,
Шаманит днем и ночью белой,
И чувства просятся в полет,
И ускоренья просит тело.
Такие дни нельзя крошить
На пустыки, сомненья, споры –
Свиданье с летом дарит жизнь
И стелет под ноги просторы...
Непредсказуем и певуч
Таймырский день в своем сиянии.
Мы ловим каждый солнца луч
И восхваляем мирозданье.

6.07.2005г.

МОРСКОЕ ДНО

Большое озеро и пенистый прибой,
И галька полировки океанской,
И вечный инструмент ветров-гобой
Напев насвистывает мифа или сказки.
Не в пальмах ветер, в тальниках шумит,
Перебивая шум того прибоя.
Миллионы лет тут Арктика хранит

Морское дно над вечной мерзлотою.
Когда-то здесь не наши башмаки,
А рыб диковинных и первобытных
Ходили радужные косяки
Средь водорослей, ныне позабытых.
Миллионы лет планета-колыбель
Качает нашу жизнь, ее шлифуя,
А человек, венец ее идей,
Калечит все, творцом ненаказуем.
Над озером стоим на дне морском,
Прибоем среди тундры наслаждаясь.
А рядом, чуть присыпана песком,
Колочей проволоки ржавчина мелькает...

ОГОНЬ В АРКТИКЕ

Одежды рвет пурга шальная,
Мороз до тела живого охоч.
Идет атака лобовая –
Полярная лютует ночь.
Окошки затканы узором,
Дороги снегом заметены.
И мнится – жизнь увянет скоро
Под светом ледяной луны.
Но Прометеев огонь упрямо
Отважные люди в топках хранят.
Прожекторы – порту. Свечи – храму.
России – все, чем Север богат.
Давно романтика застыла,
Истаял миф о длинных рублях...
Они живут. И рождают: тот – сына,
Этот – роман о далеких мирах.
Руду из недр добывают споро,
Находят газ и металл дают,
На сваях светлый возводят город
И ждут счастливую долю свою.
Мечтают выбраться к югу в гости,
Куда полночные манят сны.

Прогреть на пляже до мозга кости,
 Прислушать рокот морской волны.
 Но это грезы. Когда-то, где-то...
 Сейчас – не дать погаснуть огню.
 Чтоб символ жизни у края света
 Сиял, подпитанный на корню.

«ЗДЕСЬ ХОЛОДНО», –
 ГОВОРЯТ ГОСТИ ТАЙМЫРА...

Да, холодно.
 Но только на Таймыре
 Такая синь озер,
 Как будто небом вылит
 В них голубой простор.
 И только на Таймыре
 Как замкнутости след
 До осени не тает
 Зимы прошедшей снег.
 Бывает, что не тает,
 И только здесь бывает,
 Что встретит прошлогодний
 Зимы пришедшей снег.
 И только на Таймыре
 Казарки гнезда вьют,
 И уток изобилье
 Сюда ведет маршрут.
 И розовая чайка,
 Как ясная заря
 Приносит людям счастье,
 Легенды говорят.
 Да, чудом осененным,
 Зарницей опаленным
 Мелькнет пером жар-птицы –
 И счастлив мой собрат.
 И только здесь сиянья
 В полуночной тиши
 Далекими посланьями
 Для праведной души.
 Арктической шапкой
 На голове земли...
 Таймырскую ушанку
 Здесь носят короли.
 Да, если прибывают –
 Ушанки надевают
 И джентльмены, и леди,
 И даже – короли!

Июль 2005г.

*Памяти Надежды Костеркиной,
 дочери последнего нганасанского шамана Тубяку*

Красная перевязь на глаза
 И в руку – кусочек хлеба...
 Не будет, не будет дороги назад,
 Крышкой закрыто небо.

Песня брата – гортанный призыв
 Мечется, словно в клетке.
 Дочь шамана меняет жизнь
 На бытие средь предков.

Горстка мерзлой прощальной земли,
 Слеза, оросившая холмик...
 Тебе осваивать Нижний мир,
 А нам тебя – только помнить.

Возмечтаю о лете в приюте зимы,
 О сверкающем солнечном пляже...
 По дороге к нему, может,
 лягу костыми,
 Или буду замечена в краже.
 Изловчусь, накидаю в копилку рублей,
 Чтобы только до моря хватило
 Улететь не на крыльях, так хоть
 на метле
 На песок, раскаленный светиллом.
 Под соленые брызги и ласки родни,
 И кофейность морского загара,
 Где сквозь пальцы песок,
 и минуты, и дни,
 Где на солнце в зените тиара.
 Там с одеждою вместе заботы
 с плеча,
 Там бездумной отлаться истоме...
 И прогреться. И даже слегка одичать,
 И не вспомнить ни разу о доме.
 Там и соль на губах –
 как любимый мотив!
 Поцелуй медуз эпатажны...
 Но, однажды, растеньем
 себя ощутив,
 О зиме возмечтаю на пляже.
 14.03.05

...Искать в узоре на окне
 Судьбы плетенье,
 В блестящей вязи новизне
 Узреть везенье.
 Увидеть, как зима кует
 Те предсказанья,
 Как символично режут лед
 Кристаллов грани.
 Многоголосье белизны
 Луной согретой,
 И ожидание весны,
 Любви и света...

АЛЕКСАНДР СЛИЖЕВИЧ

Родился в 1957г в Ульяновской области, в семье рабочих. В 1977 году приехал в Талнах, на строительство электроцеха. Сразу же пришел в Норильское литературное объединение «Надежда», которое возглавлял тогда Юрий Бариев. С 1985г стал работать в совхозе «Хантайский». Публиковался в газете «Заполярная правда», в сборниках «Живая листва» (1985), «Гнездовые вьюг» (1994), «На поэтическом меридиане» (1998), в альманахах «Енисей», «Полярное сияние».

ТРИ ЭТЮДА ПОЛЯРНОЙ НОЧИ акротриптих

1

Линзой выпуклой выгнулось небо.
Улицы – узники зимнего гнева.
Зябнут, звеня, фонари.
А по утрам покидает на время
Ножны ночные и горное стремя
Узкая сабля зари.

2

Шальные ветра налетели.
Арена засыпана снегом.
Доиграны дни и недели
Размашистым северным небом.
И сорваны души афиш...
Но разве кого удивишь
Усмешкой, похожей на ребус?

3

Сгущаются краски и стынют.
Агония света и тьмы.
Фигуры абстрактной картины
Рисует художник зимы.
Обещано зрителям чудо
Негаданно – новых штрихов...
Оно невозможно, покуда,
Возникнув, не станут этюды
Условным названьем стихов.

Январь переживем, февраль неполный месяц,
а там уже недолго до птичьего тепла.
Пока я не замерз, буди меня и смейся,
забудь, что за окном ждет северная мгла.

Я радуюсь тебе, как радуются дети
звенящему ручью, проталине лесной,
в безмолвии зимы ты – песенка о лете,
в траве твоих волос мне дышится весной.

Мороз под пятьдесят. Гудит огонь в печурке.
Мне снова на лыжню по путику с ружьем.
Поправлю одеяло раскрывшейся дочурке.
Ну что, моя любовь, январь переживем?

Кому-то русский алфавит,
кому-то денежные знаки,
не надо мелочных обид,
пусть каждый сам определит,
какие пажити и злаки
должны ему принадлежать
по праву силы и наследства,
к тому же это только средство
достигнуть, вытянуть, дожать,
а цели всем не избежать.

Злость не красива, не умна.
В семейных ссорах непременно
растет незримая стена,
нас разделяя постепенно.

Тупые каменщики, мы
лицом к лицу, вполне врагами,
кладем кирпичики зимы,
мешая слезы со снегами.

Какая глупая игра!
И не пора ли в наши годы
Понять, что только из добра
Возможны радостные восходы.

МАРИНА КОСОЛАПОВА-СТАХИВ

Родилась 29 января 1967 года в поселке Носок Усть-Енисейского района. Училась в училищах Норильска, Минусинска. Сейчас работает артисткой ансамбля «Харп». Исполняет эстрадные, русские, народные песни. Стихи пишет с ранней юности. Публикуется впервые.

«ОДА МАТЕРИ-ВОЛЧИЦЕ»

Тундра. Серо. Холодно. Пустынно.
Только ветер сумасшедший мчится...
И лишь хрипло, тяжело, заунывно
Воет одинокая волчица.

В этом вое жутком, безысходном
Грусть и одиночество, утрата.
Где сейчас, в каком краю холодном
Мечутся голодные волчата?!

От воспоминания о людях
Вой сменился страшным, грозным рыком.
Знает, что до смерти не забудет
То, что было высвечено бликом.

Человека, что к норе склонившись,
Из норы детей визжащих тащит.
А она, в овраге притаившись,
В ярости бессильной тихо плачет.

Вспоминая, она резко встала -
Полоснула тут же боль в боку.
Помнит, как тогда она упала,
Как настигла пуля на бегу

И потом железный лязг и грохот,
Запах исчезающей машины,
А в ушах победоносный хохот
Слышен человека из кабины.

И несутся над Великой Тундрой
Плач и стоны матери-волчицы!
Люди, сжальтесь, это ведь не трудно,
И у вас так может получиться.

Если зверь вам встретится на воле,
Мысленно в душе произнесите:
«Знаешь, мы одной с тобою крови!»

Не пугайте, мирно уходите.
Тундра. Серо. Холодно. Пустынно.
Только ветер сумасшедший мчится...
декабрь 2003г.

ДЕТЯМ. ЭКСКУРСИЯ ПО ТУНДРЕ

Проведем экскурсию по тундре.
Пробежим по мшистому ковру.
Поглядим мальков в озерном круге.
Постоим немного на ветру.

Прозвенит тихонько колокольчик,
И ромашка скажет: «Погадай!»
Лемминга увидим носа кончик,
Он боится – рядом горностаи!

Между кочек ходим осторожно.
Видишь, будто в крапинку заплатка?
Это не увидеть не возможно:
Гнездышко свила тут куропатка.

Россыпью синее голубика,
И грибок стоит на тонкой ножке.
А на влажной горочке – гляди-ка!
Дозревает красная морошка.

Ручеечек, ниточкой проворной,
Сквозь тальник бежит до Енисея.
И лежит с зеленою короной
Наша тундра, лужами глаза!

август 2004 год.

Как много говорится про любовь,
И в песнях про нее поется много.
Встречать ты можешь разных вновь и вновь,
Единственный же дан тебе от Бога!

ВЛАДИМИР КУЗЬМИЧЕВ

Родился в 1970г в Дудинке. Среднее образование получил в родном городе. Службу в армии проходил в Монгольской Народной республике. После армии работал на разных предприятиях Дудинки, служил в МВД и Министерстве юстиции. Стихи пишет давно, в альманахе публикуется впервые.

ВЕРА. НАДЕЖДА. ЛЮБОВЬ

Обогреть не старайся
Сердце в лютовую стужу.
И стучать не пытайся
В застекленную душу.

Здесь дверей не бывает,
Нет уютного сквера.
Здесь Любовь умирает,
Отрекается Вера.

Но не стоит так рано
Рвать на клочья одежду.
Да, здесь пусто и странно,
Но осталась Надежда.

30.09.2003

ДОЖДЛИВАЯ ПОГОДА

Дождливая погода сентября,
Тоску навесила, сама того не зная.
Сухой асфальт каплейю серебра,
Следит, как улетаёт птичья стая.

Как мокнут, напрягаясь на ветру
Деревья в парке, том, что за дорогой.
Как мокрый пес, проходим поутру
В глаза глядит, доверчиво, но строго.

Дождливая погода не спешит.
С любовью смотрит на свою работу.
На серый день, что каплями прошит,
На пасмурную, скучную субботу.

Оглянется, качнет туманной мглой
И смолкнет облетевшая природа.
А мы останемся наедине с тобой,
Дождливая, сентябрьская погода.

16.08.2004

СОГЛАСИЕ

Обижаешься? Ну что же, обижайся.
Злишься? Злись. Я не хочу мешать.
Расстаешься? Ладно, расставайся.
Не ревнуешь? И не стоит ревновать.

Хочешь правды? Никаких вопросов.
Хочешь лжи? Пожалуйста, возьми.
Не устал я от твоих запросов,
Все что нужно с уважением прими.

Звезды с неба? Ну, какая малость.
Вечной жизни? – Я воздвигну храм.

Шаг за шагом, круг за кругом
Поспешаем мы с тобою,
Между севером и югом,
Между небом и землею.

Кружит Бог планету нашу,
Не даёт остановиться,
Год прошёл, мы стали старше
И пора остепениться.

Сердце требует покоя
И душа того же просит,
Дом, семью и все такое,
Только нас по миру носит.

Погоуляли, худо-бедно,
Сколько ж может это длиться?
Протекает жизнь бесследно
И пора остепениться.

20.01.2003

Я на листе бумаги вырежу словами
Ту боль, что не дает уснуть порой,
Ту грусть о том, что я, увы, не с Вами,
И Вы не в силах уберечь покой.

Те мысли, от которых сердце плачет,
Когда рисует мне мой тайный идеал
Немногочисленные островки удачи,
Которые я в жизни повстречал.

Я напишу. Я изолью вам душу.
Последней каплей возле Ваших ног.
Согрею Вас теплом в любую стужу,
Прижавшись к Вам, как преданный щенок.

Я так устал без Вашего участия,
Мне снится профиль Ваш и Ваш анфас.
И если есть на этом свете счастье,
Оно похоже именно на Вас.

Как ливень – слезы, слезы, слезы
Из глаз твоих бегут ручьем.
Не торопи природу. Грозы
И без того придут в наш дом.

Черны ресницы словно тучи.
И молнии в глазах горят.
Поверь, что все намного лучше
Чем люди злые говорят.

Пойми, что жизнь не пряник сладкий,
Не ветер вольный за окном.
Когда случаются накладки,
Решить их можно лишь кнутом.

А небо просветлеет вскоре
За чередою неудач.

Печаль уйдет, отступит горе.
Но ты, пожалуйста не плачь.

Мы вслед за ветром побежали,
Туда, где солнце светит нежно.
В тот мир, где голубые дали
Плывут в покое безмятежном.
И словно дети улыбались,
Так велико было желанье.
Мы добежали и остались
В стране любви и пониманья.

Не греши. Уступи мне дорогу.
Здесь не место для нас двоих.
Прямоком, прямо к Господу Богу
Отнесу свой последний стих.

Пусть прочтет не спеша, пусть оценит
И могучий свой гнев громовой,
Он возможно на милость сменит
И отправит обратно домой.

Может скажет: «Не стоит, довольно,
Не тревожь меня по пустыкам.
Мне и так уже видеть больно,
Как относитесь вы к стихам.

Стих, - волшебное слово, святое,
В нем пропитан душой каждый штрих.
Что-то нежное и родное
В этом ангельском звуке, - стих.

Понапрасну меня не гневите
Этим бредом рифмованных фраз.
Если можете, то пишите
Так, чтоб я не краснел за вас».

ЕЛЕНА ЯГУМОВА

Родилась в 1949 году. В Норильске с 1986 года. Ее стихи печатались на страницах центральных, краевых и окружных газет, в альманахах и коллективных поэтических сборниках. Она автор книг «Апокалипсис» и «Белая бессонница». Лауреат литературной премии им. Огдо Аксеновой в 1999 году. Член Союза Российских писателей.

СТЕПНОЕ

Светлой памяти отца

Я всадника видел, он был одинок.
Нальбий. (Последний нарт)

1

Проснусь среди ночи
и больше уснуть не могу.
Ну что мне за радость –
моя потаённая сила.
Ну, разве я Бога
меня пощадить не просила,
а он наградил меня
вишней, цветущей в снегу.

В норильскую полночь,
как только утихнет пурга,
меня увлекает бродить
по застывшим кварталам,
как будто бы днём
мне для этого времени мало,
как будто бы ночью
бывают теплее снега.

И вечно я вижу вдали
языки костерка.
И вечно, представьте себе,
расступаются стены:
пылающий кратер,
старик перед ним на коленях –
в запавших глазницах
два, светом пронзённых, зрачка.

Я что-то пытаюсь
ему о себе говорить.
Он слушает, смотрит,
но ясно: не видит, не слышит.
У ног на снегу
его рваная шапка лежит,
представьте себе,
перезревшей наполнена вишней.

2

И точно я знаю,
что знала я, знала его.
Да это же он подарил
мне жемчужные чётки,
когда я с мальчишками,
уток пугая в осоке,
с разбегу споткнувшись,
влетела в объятья его.

Я руку зашибла
и, вывернув локоть к лицу,
пыталась лизнуть
засаднившую грязную рану.
Вдруг перстень,
блеснувший алмазною
сумрачной гранью,
чуть-чуть уколов,
на ладонке рассыпал пыльцу.

Я тут же отпрянула,
вырвав из ножен клинок,
глазами и телом
вбирая опасность сторожоко –
в засаде так мрёт
камышовая дикая кошка,
и целит добычу,
вся в мускульный сжавшись, комок.

Но я промахнулась,
всем телом разбрызгала грязь.
Мой шлем покатился.
Волос непослушная грива
в болотное диво
мгновенно меня обратила.
Мальчишки смеялись,
и в бороду шурился князь.

Горячим позором
окрасил мне щёки ожог.
Глаза ослепила
предательски влажная сила.

И сколько я Бога
меня пощадить ни просила,
при всех протянул
мне обидчик тяжёлый платок.

3

И дрогнуло сердце,
я будто очнулась от сна.
Шли, спешившись, всадники,
ржали из сумерек кони,
жемчужные чётки
чернели на грязной ладони,
раздавленной вишней
стекала на бусы луна.

Среди толчеи
отыскала и я свой костёр.
Повозка с узлами
в созвездья нацелила дышло.
Жемчужные чётки
казались мне спелой вишней,
и хлопал шелками
над всхолмьем огромный шатёр.

Вокруг суетились:
старуха ссыпала в котёл
муку и коренья,
и душистые пряные травы,
смеющийся воин
отстёгивал меч и булаву,
и мальчик остывших коней
к водопою провёл.

Потом вспоминаю
купанье в молочной реке,
холщовую простынь,
которой меня обтирали, -
я чётки таила,
рассыпав и сжав в кулачке, -
и то, как потом после ужина
их отобрали.

Ещё вспоминаю
недетскую боль и печаль
по ним, по обкатанным,
голым, как спелые вишни,
и как я, заплакав,
кусала несчастную шаль,
чтоб яростных всхлипов,
отнявшим их, не было слышно.

4

И женщину помню
в распущенной пене волос,
она, меня тиская,
весело звонко смеялась.
Потом вдруг запела,
а я, задохнувшись от слёз,

к колючим созвездьям
сквозь сон улететь порывалась.

Взлетала и падала птицей
на голую степь,
на бранное поле,
на ржавые кольца кольчуги.
И мучилось горло
от страшной тяжёлой потуги,
и кровь запекалась,
когда начинала я петь.

И я просыпалась,
бежала к родному костру,
где люди, где пляски,
где жемчуг на драной попоне,
где ржут, застоявшись,
мохнатые лёгкие кони, -
поведать им сон,
а иначе, казалось, умру.

Но травы степные
чащобой рвались до небес.
Но острые камни
вздмались, как льдистые горы.
Расплавленной лавой
в ущелье ворочался город -
неведомый, жуткий,
как в сказках разбуженный бес.

И пучилась лава,
взрываясь обвалом камней.
И гасла во льду.
И, как только она застывала,
гримасою муки
родное лицо проступало.
И глыбы домов поднимались
из праха костей.

5

Так вот он, костёр.
И над ним -- одичавший старик.
Не видит, не слышит -
я зря ему что-то кричала.
Вдруг всадник в доспехах
из ветра и снега возник
и глухо промолвил:
«Зачем ты так долго бежала...»

Старик покачнулся,
молитвенно руки воздел.
Просил за меня
у неведомой силы Всевышней.
...Потом всё исчезло,
лишь пепел по ветру летел,
под ним, извиваясь,
металась цветущая вишня.

АНАТОЛИЙ ЛЕВЕНКО

Родился в 1952 году на Украине. Профессиональный журналист. Живет и работает на Таймыре с 1981 года. Его стихи публиковались в местных газетах и краевых изданиях. Он автор трех поэтических сборников. Публиковался в альманахе «Полярное сияние». Живет в Дудинке.

Таймыр северянами горд,
Прославлены их имена.
Таймыр – музыкальный аккорд.
Он в сердце звучит у тебя и меня!

Звенящие клавиши льдин.
Оленьих копыт музыкальная дробь.
Таймыр и в контрастах един.
Простор для исканий и проб.

Таймыр в Заполярье маяк.
В сугробах манящий костер
Здесь в буднях суровых простор!

АССОЛЬ НА ДУДИНСКИХ ПРИЧАЛАХ

Алый рейд
И алые суда...
Артур Грей,
Как ты пришел сюда?
Горизонты северных
морей,

Енисей еще
в полярных
льдах.

Артур Грей,
Ты как пришел
сюда?

Путь сюда
всегда

Тернистый
и не близкий.

За тобой суда
«Игарка», «Тикси»...
Чередою

у Дудинки
встали.

Ты мечту живую
воплотила,

Скроенная
из рабочей
стали,

Северная
алая
флотилия!

В трюмах
грузы

Срочны
и весомы...

Якорные цепи –
в клюзы.

Принимайте
тальманки,
Ассоли!

Срок отпущенный
предельно
мал,

Разгружаться,
медь принять
на борт...

И работаешь,
Ассоль
красивая,

На тебя
равняется
весь порт.

ЛИЛИЯ ГАРМАНОВА

Родилась в 1951 году. Живет поселке Диксон. Работает телефонисткой. Пишет стихи, любит природу. Мечтает о возведении церкви на Диксоне. Публиковалась в альманахе «Полярное сияние».

Мой мир –
 Великое искусство жить
 Не на заказ, а по закону.
 Как миф судьбы,
 Коллекционный эксклюзив.
 Игрушка радости, новинка счастья,
 Проиллюстрированный час любви.
 Мой мир –
 Бескрайняя бесценность,
 Стеснительность, доверье, чистота.
 Суперподарочное обаянье,
 Прекрасной ноты высота.
 Мой мир –
 Секрет безвластья.
 Гармония – от радуг мастерства.
 Картина – вышитая Мирозданием,
 Из тундрового изобилия Бытия!

Что случилось?
 В межзвездности, тайно.
 В полшаге от Святости мысли
 Ты бежал обгоняя себя же,
 В дне сегодняшнем будущей жизни.
 Что случилось?
 Меня не заметил.
 Я ж заполнила светом пространство.
 Разнотравьем под ноги стелилась,
 Стала чудного сада убранством.
 Что случилось?
 Мечта торопила.
 Зовом вечным, прогрессом науки.
 Или голос знакомый услышал,
 Или счастья коснулись руки.
 Видит Бог,
 Что молитвенным слогом
 Там в душе,
 Я тебя поняла...
 И в межзвездности тайно,
 С любовью –
 Чем смогла,
 Тем тебе помогла.

Что душа?
 Над каким изголовьем
 С гимном счастья
 И света нисходишь.
 За кого,
 Перед Святостью жизни
 Со свечей, о прощении молишь.
 Что душа?
 Разве хватит мне силы...
 Чтоб всем людям
 Улучшить судьбу?
 Боже Правый,
 Услышь все молитвы.
 В звездном Храме,
 Земная, Прошу.

Тик-так, тик-так, тик-так.
 Вот так, вот так, вот так...
 Минутки не вернуть назад.
 Мгновеньем промелькнули годы.
 Пропеты Арии и Оды...
 И правнук,
 Как когда-то дети
 Снеговика усердно лепит.
 А быт, святой от простоты
 Сложил на полочки мечты...
 Наверх – что в детстве исполнялись.
 Вот здесь –
 Дни юности промчались.
 А эти... –
 Чутьочку пониже,
 Поставлю к правнуку
 Поближе.
 ... А те, что в сердце?
 – Дай-то Боже!...
 Ах, быть бы чутьочку моложе.
 И вторит время
 Сердцу в такт:
 – Минутки не вернуть назад.

ГЕННАДИЙ МЕДВЕДЕВ

Родился в 1949 году в Челябинской области. С 1972 года живет в Дудинке, работает электромонтером в АО «Норильскгазпром». Стихи начал писать уже в зрелом возрасте. Публиковался в местной газете «Таймыр», в поэтическом сборнике «Город белых ромашек», в сборнике «Пилигримы». Постоянный автор альманаха «Полярное сияние». В 2003 году вышел первый поэтический сборник «Я родился в уральской деревне»

ДУДИНКЕ

Милый мой город, в котором с обеда темно.
Город, где пурги танцуют на стенах-
Ты потерпи, отогреемся мы непременно,
И, непременно, откроется к солнцу окно.

Милый мой город, полгода заполненный тьмой,
Где в полумгле, даже снег темно-синий.
Пасынок ты в заболевшей России.
Все ж потерпи, ветры пахнут весной...

О, надоевшая зима!
И вам захочется однажды
Купить билет. И два крыла
Вас унесут... Будь проклят дважды
Медвежий край, где нет тепла!

В иллюминаторе распахиваю шторы –
И облака, как сахарные горы!
А скоро море, пальмы. Рай!

И чудится, плывут издалека
Цветы жасмина, наполняя чашку.
Сижу, как Бог, и вместо молока,
Помешиваю в чашке облака.

Проходит время... Пляж и скука.
Тела обрюзгших «чин-гач-гуков»,
Жара, потливость. Боже мой!
Ах, как же хочется домой!

Пройдут года и нас южане спросят:
«Как жили вы, почти весь год зима?»

Что им сказать? Что ночь тепло уносит,
Продутые насквозь стоят дома-
Кристаллы холода, и мы в них жили...
О зелени, в снегах, вздыхали мы,
И прибавленьем света дорожили.
Влюблялись под сиянием луны,
И жили лишь Мечтой, среди зимы...

Неба не бывает слишком много,
А дорога, как раздумье Бога,
Бесконечна... Странники идут,
А дорога – вот она... Дойдут?
В каждом Дон-Кихот, чужие страны,
Мельницы, герои, великаны.
Но плывем, плывем как облака...
Я и сам – в мечтателях, пока.
Мы слабее, чем задумано судьбой.
А может, все ж успеем стать собой?

Были прошлого – былинки...
Отчего ж девчонку ту
Притянуло паутинкой
Как забытую мечту?

Отчего та паутинка,
Манит в дальний окаем,
Отчего я невидимкой,
В изголовии твоём?

Отчего во сне ночами,
Мы обманчиво близки?
В горьком ласковом молчаньи
Глажу локон у щеки...

ДЕНИС МЕДВЕДЕВ

Родился в 1978 году в Дудинке. Закончил Дудинскую школу № 1. после окончания Томского юридического университета работает в Красноярске. Публиковался в альманахе «Полярное сияние».

Длинные ряды
Опустевших слов
Смотрят и молчат –
Ждут, чтоб им помочь.
Ждут, молчат – зовут.
Ждут, молчат – кричат.
Я не слышу их.
Я увяз в «сейчас»...
Вновь ложится снег,
Засыпая Век.
Высыхают дни –
Руслу быстрых рек.
Замерла вода.
Ветер слег в пыли.
Облетел узор
Песен, что ушли.
Сломленных ветвей
Не звучит струна.
Капает на дно
Гулко тишина.
Прекратился бег –
Превратился в снег...

Миры – везде.
Миры – повсюду.
И в «никуда» из «ниоткуда»
Иду, бегу, лечу, плыву...
Я быть хочу!
Хочу – могу.
Я – есть.
Я – мир!
Я – там.
Я – здесь.
Един во всем.
Во всем я весь.

Заполнить все собой.
Объять всю ширь,
Всю бездну,
Весь космос,
Каждый атом в нем.
Взмахнуть крылом,
Растаять птицей в небе.
Дождем пролиться.
Камнем замереть.
Взрасти травой,
Корнями врыться в землю
Стать музыкой всего
И просто БЫТЬ и ПЕТЬ!

Пишу акварелью
Эскизы набросков.
Дышу свежим Светом,
И слышу Узор.
Как радостен Окунь,
Резвящийся в небе!
Как радостен
Радужный Ворон в воде!
Окно в Зазеркалье
И дверь в Заповедье
Открыть, распахнуть
Настежь, везде.
Отсюда – туда
И оттуда – обратно.
Ныряю, плещусь
И внимаю свирели.
Проникнуть в Ворота
Так было приятно.
И это так просто...
И это так сложно?
Никто не заметил...
А я разглядел.

НИНА КОВАЛЬЧУК

Родилась в 1949 году на Полтавщине. С 1980 года живет в Хатанге, долгие годы проработала инженером-синоптиком в Хатангском аэропорту. В сейчас трудится в пресс-службе районной администрации. Стихи пишет давно. Публиковалась на страницах окружной газеты, в альманахе «Полярное сияние», в коллективных поэтических сборниках.

Мой белый конь с золотой уздечкой,
Тебя ждала я много лет.
Бывали кони у крылечка,
Но все другой имели Цвет.

Конь рыжий бил копытом рьяно,
Но мне по нраву был иной...
Лишен был должного вниманья
Рысак – красавец вороной.

Конь пегий был совсем некстати
И не пришелся ко двору.
А конь гнедой – чудесной стати,
Опять же был не по нутру.

Промчалась тройка удалая,
Но не встревожила меня.
И только белого ждала я
Великолепного коня.

...Мелькнула тень роскошной гривы
Сквозь толщу времени и слез...
Умчался белый конь строптивый
И принца юного увез.

...И вот она – весна.
Прекраснейшее время!
Как будто после сна
Мы сбрасываем бремя.

И можно просто петь
И миром любоваться,
Желать ,любить, иметь
И жизнью наслаждаться.

Запас душевных сил
Обогатится снова –
Сейчас мы все осилим
И ко всему готовы.

Весна, друзья, весна!
Снежинки резво тают,
Душа надежд полна,
И птицы прилетают.

Бесшумно ночь закрыла
Закатный свет зари,
О суете бескрылой
Ничто не говорит.
Горит в бездонном небе
Далекая звезда,
И блещет лунным следом
Озерная вода.
Неслышно сон окутал
Уставшие поля...
Такой покой, как будто
Не вертится Земля.
Лишь где-то за пригорком
Где сонные сады,
Взлетела песня звонко
Из сердца до звезды.

ГАЛИНА КАРТАШОВА

В Дудинке живет с 1966 года. Стихи пишет с детства, посвящая их друзьям и знакомым, откликаясь на все события в мире.

Всегда в гуще общественных дел, по долгу службы и зову сердца выполняет общественные поручения. На ее стихи написаны песни (композитор Панчук, Сугатов, Полонников), которые исполняют дудинские солисты. В альманахе публикуется впервые.

КАПИТАН ДЕТВОРЫ

Ты в поиске вечном и вечном полете,
А рядом с тобой беспокойная юность.
Так пусть в каждой маленькой жизни на взлете
Свершит свое чудо учителя мудрость.
Вот рыженький мальчик тобой покорен,
Девчонка в веснушках в тебя влюблена,
За это учителю низкий поклон,
За это тобою гордится страна.
С детьми ты разделишь и хлеба горбушку,
Учи, как без выстрела жизнь покорить,
Чтоб рыженький мальчик, дсвчонка в веснушках
Тебя никогда не могли позабыть.
Для наших детей ты и бог, и спаситель,
Для них ты – живой золотой талисман.
В свой праздник здоров будь и счастлив, учитель!
Таймырской простой детворы капитан.

ЛЮБИМОМУ (РОМАНС)

Осенней ночью этой пропаду
В твоём неистовом, любимый мой, плену.
Рабой любви я стану до рассвета
Твоими поцелуями согрета.

Припев:

Я жду любви твоей
С такой тоской...
Смотрю в глаза твои
Как птица в небо.
Я жду любви твоей,
Любимый мой,
Как в летний зной,
Глоток воды простой.

В дожди осенние, мой милый, не остыну,
А запылаю позднею рябиной.

Себе на радость или на беду
В твоих глазах, как в море утону.

Припев.

Глоток воды простой
С другой, мой дорогой, ты будешь одинок,
Как на ветру осиновый листок.
Вдвоем любви напьемся, как вина,
И станет ночь осенняя светла.

Припев.

СНЕЖИНКА

Откуда ты, снежинка, прилетела?
Коротким, долгим ли ко мне был этот путь?
Бесцеремонно на ладонь мою присела,
Чтоб от дороги быстротечной отдохнуть.

Припев:

Снежинка колдунья, (2 раза)
В ладонь мне упала, (2 раза)
Снежинка плясунья, (2 раза)
Куда ты пропала? (2 раза)

От холода ль ты вечного устала,
Иль захотелось и тебе тепла испить,
В моей ладони капелькою стала
Чтоб жизнь другую заново прожить.

Припев.

Хотелось бы и мне так закружиться,
Хотелось бы и мне снежинкой стать,
В ладони к милому тихонько опуститься,
Растаять, светлой каплей засверкать.

Припев.

ИВАН ВЕРЕТЕННИКОВ

Родился в 1978 году в Дудинке. Закончил среднюю школу № 3. Затем в 2001 году Санкт-Петербургскую Государственную Академию ветеринарной медицины. Работает ветеринарным врачом в Таймырской окружной ветстанции. Поэзией увлекается с детства. Публикуется впервые.

Уходящий снимает шляпу.
 Недоверчивый смотрит в след.
 В горле ком – он подобен кляпу.
 Все, что делаю – просто бред!
 Я писал тебе письма слезами,
 Через сердце пускал слова.
 Верил – справимся с этим сами
 И начнется другая глава!
 Нет нужды нам с тобой
 расставаться!
 Есть надежда, дающая боль.
 Слишком поздно попросишь
 остаться
 До рассвета разжевывать соль...
 Я люблю тебя и ненавижу!
 Все, что было – уже прошло.
 Знаю, что никогда не обижу –
 Наше солнце на век зашло...
 Наше солнце когда – то светило,
 Грело сердце и душу собой.
 Яркой вспышкой нас ослепило...
 Я навечно останусь с тобой!
 Даже если все чувства сгорели;
 Даже если и не было их;
 Даже если сама в них не веришь –
 Ты останешься в мыслях моих.

«УЗОР»

Зима. Январские морозы
 С пургой на окнах шаль сплели.
 На шали: беленькие розы,
 Тюльпаны, маки расцвели...
 Зимую летняя картина –
 Перед глазами райский сад:
 Малина, жимолость, рябина...
 Душистых ягод аромат
 Приснился мне перед узором.
 Воображенье под напором
 Рисует дальние края,
 И память странная моя
 Мне возвращает воскресенье,
 И птиц залиvistое пенье,
 И с молоком опять печенье,
 И праздничные развлечения,
 Девичий смех. Перед забвеньем
 Я в паутине грез – в плену.
 Мороз в окне опять вздохнул,
 И вот пред нами нет ни сада,
 Ни сладко пахнувшего чада,
 Нет ни цветов, ни паутин...
 Перед окном стою один
 Любуясь новой красотой –
 Я зимним летом одержим.

АЛЕКСАНДРА ПАНОВА

Родилась и выросла на Таймыре. Выпускница Таймырского педагогического колледжа. Работает в ансамбле «Хейро». Увлекается поэзией. Публиковалась в альманахе «Полярное сияние».

Как было холодно порой.
Через года тянула руки,
И взгляд кричал о дикой муке –
Так было холодно одной.
Друзья собаками терзали,
Клыками рвя клочки души,
Друзья, как листья, предавали –
Забрали соки и ушли.
Но по листве хожу босую,
Собаки – лучшие друзья.
И есть один теперь со мною
И у него теперь есть я.

Ты говоришь «да»,
Я говорю «нет»,
Ты говоришь «тьма»,
Я говорю «свет»
Между тобой и мной
Разница в сотни лет
Ты для меня – мой,
Я для тебя – нет.
Вижу твои глаза
Любишь, не скроешь, нет.
Шепчешь мне снова «да»,
Плачу, и все же «нет».

КРЫША

По карнизу босыми ногами
Я иду и не лезьте, не надо.
Ощущая гранита прохладу,
Я иду и, значит, так надо.

Ну зачем, ну зачем это небо?
Ну зачем, ну зачем этот город?
Ну зачем нужны мне все вы,
Когда рядом нет одного?
Я залезу как можно выше,
Подставляя лицо свое ветру.
Да не бойтесь, не прыгну я с крыши,
Только крикну погромче: «Где ты?».
Где ты, милый, бродишь по свету,
Чем живешь ты и чем ты дышишь?
Надо мною бескрайнее небо,
Под ногами моими крыша.
Отчего не летаем как птицы?
Разбежаться б сейчас и прыгнуть –
За душою своей устремиться
И тебя в высоте настигнуть.
Мы найдем свой маленький остров,
Будем жить как Адам и Ева.
Выходи мне на встречу просто,
Мы когда-нибудь свидимся где-то.

Я иду по дороге к счастью,
Но вот сколько идти – не знаю.
В многих судьбах я стала частью,
По ломтям себя раздавала.
Я бы всю отдала. Не жалко.
Навсегда отдала. Не нужно.
Разодрали, согрелись – жарко.
И остатки вернули стужей.
Собираю себя мозаикой.
Не хватает. Сама дострою.
Кровоточат мои заплатки.
Сердце кровью, глаза – слезою.

МАРИЯ МОМЗИКОВА

Родилась в 1989 году на Таймыре. В настоящее время получает высшее образование в Санкт-Петербурге. В альманахе публикуется впервые.

Что мир сегодняшний готовит?
 Странья, слезы, смерть и боль?
 Зачем любви порыв свободный
 Стал стоном, превратился в ноль?
 А злость все больше заражает.
 Все глубже в мыслях и во мне.
 Зачем? Зачем мне угрожает
 И стережет меня везде?
 Я больше не могу, о Боже,
 Все это видеть, ощущать.
 Была любовь. Теперь лишь ноша.
 Я не могу тебя понять.
 Все изменилось, я не в силах
 Понять, зачем же я живу...

Живу, чтоб жить! И жить красиво.
 И пусть все знают – я люблю!
 Люблю, смеюсь, живу, летаю
 Я в облаках. А для чего?
 Чтоб мир ужасный наш исправить!
 И каждый знает, что его
 Все вместе можем мы улучшить,
 Частичку доброты внести.
 Тогда и люди будут лучше,
 И злость не надо нам нести.
 И будет все, как там в раю:
 Прекрасно, непорочно, мило.
 Любовь, и радость, и мечту
 Мы оживим, и станет мир красивым!

«13»

13 – чертово число,
 13, кажется, назло.
 13 писем на столе.
 13 мыслей в голове.
 13 лет мне миновало.
 13 грамм нальешь в бокалы.
 13 мальчиков любила.
 13 бросила, забыла.
 13 кукол в ряд стоят.
 13 смотрят и молчат.
 13 двоек получила,
 13 стерла и забыла.
 13 птиц летают в стае.
 13 капель было в кране.
 13 – чертово число.
 13, кажется, назло.

«БУКАШКА»

Слепое небо сверху давит,
 Еще чуть-чуть, меня раздавит.
 Букашкой быть, букашить чувства.
 Все в пустоту – в букашке пусто.
 И ты – одна, и даже ветер
 Впустую дует эхом сплетен.
 Влетает в уши, рвет их, давит.
 В ушах твоих жучок поставит.
 И все. Не скряться. Ты во рву.
 Не зная, стала вдруг б/у.
 Вот так и я. Была орлицей,
 За все сражалась самка – львица.
 Ну а теперь... Теперь – букашка.
 И небо сверху давит. Тяжко...

ВЕРА СЕМЕНОВА

Коренная дудинчанка, закончила Иркутское театральное училище. Работает в Дудинском Камерном театре. Особенно любит поэтические постановки. Сама давно пробует делиться с белой бумагой сокровенными, глубоко чувственными своеобразными стихами. Печаталась в окружной газете «Таймыр». В альманахе публикуется впервые.

Тяжки потери –
Невозвратимы.
Делаешь больно
Только себе.
Я не любима,
Ура!!! Не любима.
Где муки все?
Счастье и горе
Идут вперемешку....
То улыбаюсь, то
Громко кричу.
Успокоенье, уединенье –
Вот что хочу.
Я не любима.
Ура!!! Не любима
/Тобой!/

ХРОНО...

Каждый шорох,
Каждый звук
Напоминает двери стук.
Ти-ки тики ходики,
Ходики-уродики...
Я сама себе: усни.
Я сама себе: засни ...

Не придет он.
Не придет.

Ночь ложится.
Спать зовет.

Я измучилась совсем.
И себе я надоем.
Ти-ки ти-ки ходики,
Ходики-уродики.
Круть туда.
Круть сюда.
Сплю одна.

Ты пройдешь,
Я не замечу,
Отведу глаза.
Боже, как сладки мне речи,
Все, что ты сказал.
Сладкий голос,
Голос нежный.
Голос твой.
Знаю, скоро
Неизбежность
Встречи роковой.

Никому не нужна душа, никому.
Я сожмусь в кулачок. И смолчу.
Глаз обиженных не подниму.
Схороню сама свою душу-свечу.

ЕКАТЕРИНА ВЯЗОВЦЕВА

Родилась в Дудинке в 1955 году. В 2003 году вышел первый сборник для детей «Путешествие в детство». Публиковалась в альманахе «Полярное сияние».

Для самых маленьких

АППЕТИТ

- У тебя игрушек море!
Так мне мама говорит.
Папа вторит ей:
- У Вовки на игрушки аппетит.

Папа что-то перепутал,
Ведь игрушки не едят
В них играют, их ломают,
Их катают, в них свистят.

У меня они на полках,
На шкафу и на окне,
Под столом – в большой коробке,
На липучках – на стене.

Мишка, зайка и лисичка,
Вини Пух и Пятачок,
Механический блестящий
Говорящий светлячок.

Покемон и терминатор,
Мягкий плюшевый дракон,
И, совсем как настоящий,
Красный с трубкой телефон.

А на самом видном месте
Моя гордость и краса
Бриг морской с названием «Смелый»
Мчит, раскинув паруса.

Капитан на нем отважный
И матросы хоть куда.

Буду только капитаном,
Только вырасту когда.

Мой братишка еще кроха,
Погремушками гремит
И во все глаза на полки
Зачарованно глядит.

Я не жадный на игрушки
И братишке говорю:
– Стану я большим, как папа,
Все тебе их подарю.

ХУДОЖНИК

У нас в семье растет художник.
И хоть он маленький совсем,
Своим художерисованьем
Хлопот успел добавить всем.

Ему лишь в руки попадет
Фломастер или карандаш,
И оглянуться не успеешь –
На стенке целый вернисаж.

Обои, книжки и игрушки –
Все в дело у него идет.
Своим количеством рисунков
Он верх над Шишкиным возьмет.

Однажды старшая сестричка
Забыла краски на столе,
А вместе с красками в стакане
Большую кисточку в воде.

Затих художник, затаился
Мелькает кисточка в руках,
Сопит, пыхтит и что-то красит
На животе и на ногах.

Увлёкшись, даже не заметил,
Как краски кончились, и вот
Готовое произведенье
В большую комнату идет.

Он вышел в зал на суд семейный,
В дверном проеме молча встал.
– Кошмар! – чирикнул попугайчик
И в клетке замертво упал.

– Вот это да!? – воскликнул папа,
На пол газету уронил.
Хотел залаять пес Артошка
Да так на месте и застыл.
Сказала мама, улыбнувшись:
– Шедевр на славу удался, –
Взяла художника на руки
И мыться в ванну унесла.

И пусть пока несовершенны
Произведения его,
Он, может, станет знаменитым,
Как сам великий Пикассо.

СЛАДКОЕЖКА

Целый день твердит Андрюшка:
Мама, вкусненькое есть?

А она в ответ котлетку
Предлагает ему съесть.

Но сынок наморщил носик
Разве это вкуснота?
Мама весело смеется:
Выпей кружку молока.

Вновь Андрюшка недоволен
Отвернулся, засопел,
И на вазочку в буфете,
Покосившись посмотрел.

Мне б на первое - конфеты,
На второе – шоколад,
А на третье – мягкий, сладкий,
Разноцветный мармелад.

Я без лишних уговоров
Съел бы вафли и халву,
А варенье и сгущенку
Я из банок есть могу.

Вата сладкая, помадки,
Лимонадная вода.
Разве маме непонятно,
Что такое вкуснота?

Вот какой он сладкоежка,
Перечислил все что мог,
Это милый сладкоежка
Мамин маленький сынок.

АНАТОЛИЙ МУХАЧЕВ

Родился в 1935 году. На Крайнем севере с 1960 года. Хорошо знает природу Таймыра и жизнь тундровиков. Опубликовал девять учебных пособий по оленеводству. Его очерки и рассказы печатались в журналах и альманахах. Автор трех книг. Живет в Норильске. Публиковался в альманахе «Полярное сияние».

Погоня

Старик эвенк Чапогир проснулся из-за рычания собаки. «Наверное олень к ним близко подошел», – подумал он. Прислушался. Со стороны собак в палатке слышались характерные пощелкивания оленьих копыт. Он успокоился. Жена спала. «Вставать рано. Она знает, когда надо кончать ночевать», – мысленно рассуждал старый охотник.

В пологе под меховым одеялом ему было уютно. Сырые дрова из круглых чурбаков лиственницы, положенные в печку с вечера, еще не успели прогореть: со стороны печки шло слабое тепло. Он попытался заснуть, но сон не одолевал его.

«Днем уже весной пахнет. Снег уплотняется, ночью возникают насты, но днем они не то что оленя, крупную собаку не выдержат. Вчера в затишье курил, так слышно было как солнце греет. На южной стороне лиственницы смола пробует выступать. Птицам в снег уже не зарыться. Вчера из ельника слышал мелодичный посвист самца рябчика: себе территорию метит. Весна не за горами», – философствовал про себя старый таежник.

Его мысли прервала жена. Она проснулась. Оделась и занялась своими делами: растопила печку, поставила на нее котел, в котором была тушеная сохатина, пристроила чайник. Когда все было готово сказала:

-Дяна илми.

Это была команда старику, что пора вставать.

Он ждал этих слов жены. Встал. Сходил на улицу. Умылся. Завтракали спокойно. Жена молча подавала ему еду и наливала чай. Он молча ел, пил чай и думал «что попусту молоть языком, лучше помолчать». После завтрака он стал собираться на охоту. Вышел из палатки. Солнца еще не было. Решил взять с собой запасного учуга. Поэтому поймал двух оленей, причем выбрал самых легких, чтобы меньше днем проваливались сквозь снег.

Закрепил на учуге седло. Привязал к седлу поводок с собакой по кличке «Гирки», что означает друг. Взял с собой топор, «тозовку», патроны. Подпоясался ремнем, на котором висел в ножне охотничий нож. Сегодня он решил осмотреть распадки по левому берегу реки. Не прощаясь с женой поехал. Он проехал почти пять километров и лишь у третьей распадки встретил свежий след чипкана – соболя. Он освободил собаку от поводка и она побежала по следу. Зверек был недалеко. Вспугнутый собакой, тот не стал искушать судьбу и юркнул в большую колодину, которую, видимо, для себя ранее облюбовал. Подъехав к давно упавшему большому дереву, старик попытался соболя из него выгнать, путем постукивания обухом топора, но безрезультатно. «Придется выкуривать» – принял он решение. Гирки, чуя близко находящегося зверька, метался около лежащей колодины, скреб лапами снег у комля, глубоко вдыхал воздух из пустотелой сердцевины дерева.

Охотник обошел колодину и внимательно осмотрел ее с боков и сверху. Обнаружил лишь одну дырку, сделанную дятлом: «Гнездо здесь раньше было» – подумал старик. Он забил дыру, уже трухлявую по краям, пробкой из лиственницы. Убедившись, что в колодине больше нет выходных отверстий, охотник в ее комле разжег костерок и бросил сверху мох, чтобы больше было дыма. Соболю заурчал. Гирки продолжал кружиться рядом и на звуки, издаваемые зверьком, отвечал лаем. Старик топором вырубил в стенке небольшое отверстие, чтобы через него мог выскочить соболю. Охотник слышал, как зверек, урча, начал перебираться вдоль ствола в направлении сделанного им отверстия. Старик стоял с «тозовкой» напротив дырки. Вскоре из нее пошел дымок, а за ним в отверстии показался кончик мордочки соболюшки. Старик выстрелил. Немного подождал. Из ствола

никто не урчал и никто не скребся. Тогда он поставил винтовку к дереву. Топором вырубил около отверстия часть боковины ствола. В дыре он увидел кончик хвоста зверюшки и за него вытянул соболя. Он был крупным, черным. «Хорош самец», – решил охотник. Гирки тоже был рад, что соболев был в руках у хозяина. После перекура старик направился вдоль склона, по которому росли кедров. Здесь он обнаружил свежий след соболя. Охотник освободил Гирки от поводка, и тот, как специалист по этим зверькам, побежал по следу. Охотник поехал за ним и стал вслушиваться в звуки тайги.

Недалеке работал дятел. Стукоток был рядом. Чапогир невольно обратил внимание на дятла. Это был большой пестрый дятел. От его ударов от трухлявой сосны отлетали большие куски. В это время издали послышался настойчивый лай собаки. «Нашел, молодец Гирки, – подумал он. – Далеко ушел, не меньше, наверное, двух километров». И Чапогир направил учуга в сторону собаки.

Над ним пролетели два ворона. Они обозревали свою территорию. По голосу Гирки Чапогир понял, что соболев сделал очередную перебежку. Опять где-то спрятались. «Пытается запутать собаку» подумал старик. Он пересел на свежего учуга и погнался в направлении друга. Вскоре он увидел Гирки около ели. Долго охотник всматривался в крону дерева. Наконец, увидел соболя, прижавшегося к большому сучку. Руки слегка дрожали. Охотник продолжал целиться и, только поймав на мушку голову соболя – выстрелил. Он услышал, как пуля попала в зверька и увидел как тот, задевая за ветки, стал падать вниз. Этот зверек был меньше первого и светлее. «Все равно хорош», – подумал старик охотник, поглаживая мягкую, шелковистую шкуру соболя.

Старик приехал к палатке, когда небо уже вывездило. Жена выглянула из палатки и здесь же скрылась. Он слез с учуга, снял с него седло. Оленей пустил пастись. Гирки привязал на свое место и подумал: «я устал, олени устали, Гирки устал – все устали». И побрел к палатке, прихватив с собой соболев. Жена уже приготовила ужин: испекла свежий хлеб – колобо, сделала чукин – слегка обжаренная в собственном соку оленина, заварила душистый чай. После ужина он ободрал соболев и натянул шкурки на палочки для сушки. Жена отнесла корм собакам. Вымыла посуду. Составила ее на место. Положила в печку три толстых не колотых сырых листовенничных чурбака, чтобы медленно горели. Ночью легли спать. «Вот и закончился еще один день», – подумал старик.

Утром он проснулся вновь раньше жены и подумал: «ночью морозец был слабый. Наст становится с каждым днем слабее. На охоту на учуге не стоит ехать. Можно будет на лыжах сходить до обеда и взять с собой Суги, что означает «буран». Улуки – белку посмотрю, может глухаря возьму.

После завтрака Чапогир стал собираться на охоту. К поняге прикрепил топор. Надел старую парку. Подпоясился. Закрепил на ногах лыжи-голяки. Надел понягу, накинул на плечо ремень, на котором была укреплена

«тозовка», положил пачку патронов, накинул на шею ремень с биноклем. В левую руку взял поводок с Суги, в правую лыжную палку-тыськэн и направился к ельнику, где по склону хребта часто попадаются кедров. Правда, кедров небольшие, но уже лет десять плодоносят. Там Чапогир рассчитывал добыть белок. Он этот район оставлял неопромышленным на окончание охотничьего сезона. Подойдя к ельнику, он спустил Суги с поводка. А сам направился вслед за ним. Минут через двадцать послышался призывный лай собаки. Охотник поспешил туда. Белка, с поднятым вверх хвостом, спокойно сидела на сучке ели и вышелушивала шишку. Крупными бусинками-глазами она во время еды спокойно поглядывала на собаку. Когда охотник ближе подошел к дереву, она также спокойно и уверенно продолжала потрошить шишку, только чешуйки медленно опускались на землю. Чапогир снял «тозовку», оттянул затвор и прицелился в голову белки – выстрелил. Было слышно, что пуля попала в зверька, по окружающей тайге прокатился хлопок выстрела, а белка свалилась к ногам старика. Он поднял мягкий комочек с ушами-кисточками. Подбежала собака. Охотник дал ей лизнуть окровавленную головку белки, закрепил ее на поняге и уверенным шагом пошел вперед. Собаке он рукой показал направление и она весело двинулась вдоль елей и растущего на бугре сосняка.

Лай собаки раздавался вдалеке. «Километра полтора будет, – подумал охотник. Надо идти, друг ждет». Когда старик подъехал к дереву, у которого лаяла собака, он сразу заметил белку, хотя она прижалась к стволу и не шевелилась. Он её хорошенько выцелил и выстрелил в голову. До обеда добыл еще четырех белок. Повезло ему сразу после обеда в сосняке. Суги поднял глухаря. И тот уселся на крупном сучке старой с обломленной вершиной сосны. После добытых белок глухарь Чапогиру показался особенно крупным. Глухарь был красавец. Старик любил этих птиц. Их величина и клюв, словно выточенный из мамонтового бивня, всегда ему напоминали орла. И про себя он всегда их называл не иначе, как орел-птица, царь-птица.

Суги спокойно, ненастойчиво лаял. «Знает свое дело», – подумал охотник. Глухарь с любопытством рассматривал зверюгу, которая, как он понимал, ничем ему не угрожает. В это время охотник незаметно скрадывал птицу. Хлопок выстрела еще не успел раскатиться по тайге, а старик уже по звуку удара пули мог сказать, что он попал в цель. Действительно, красавец-глухарь, массивная птица тайги, ударилась о снег. Старый охотник был рад и доволен. Но не подал вида. Он подобрал птицу и прикрепил её к поняге. Одел понягу, закинул на плечо «тозовку». И опираясь на тыськэн, пошел краем ельника. Он решил еще сходить в ближайший распадок. Собаку взял на поводок, не оставляя надежды встретить свежий след соболя. В том районе у него был амбарчик для прикорма соболев. Туда он и направился. Километра через два увидел свежий след соболя. Пустил по нему Суги. Шестилетний пес, временами проваливаясь сквозь наст,

продолжал продвигаться по следу беглеца. Минут через пятнадцать старик услышал яростный призывный лай. Старик обрадовался – соболь! Действительно это был соболь. По позе собаки он понял, что соболь сидит на дереве. «Повезло, – подумал старик, – а то ведь мог забраться в камни или в колодину. Вот бы тогда было бы его сложно добыть. Он заметил соболя на густой елке. Теперь надо было выбрать правильную позицию и не спугнуть зверя. Посмотрев на него в бинокль, старик определил, что соболь впервые видит собаку и человека, поэтому ведет себя довольно спокойно. Старик выбрал благоприятный момент и нажал спусковой курок. Зверек, ударяясь о сучки, упал рядом со стариком. Тот его поднял, погладил нежный шелковистый мех и приторочил его к поняге. Надо было возвращаться к палатке. «Удачный день оказался», – подумал старик.

За ужином жена рассказала, что пока его не было, заезжал Оёгир. Рассказал о новостях в оленеводческой бригаде сына Михаила. Сказал, что в стадо приходили волки, зарезали четыре головы. Стадо разогнались. Пришлось пастухам целый день собирать разбежавшихся оленей. Сообщение о волках Чапогир встретил спокойно: волки один-два раза за зиму, каждый год, нападают на олени совхозные стада.

После ужина Чапогир снял шкуры с соболя и белок, а жена повесила их для просушки. После обильной еды, ароматного чая и тепла от печки старика совсем разморило. Жена отнесла корм собакам, вымыла посуду, постелила постель. Он с большим желанием заполз под меховое одеяло. Вспомнил разговор про волков и подумал: «Оленей у меня не много – двенадцать голов. Запах от них небольшой, не то что от большого стада. Вряд ли волки смогут учуять моих оленей. Хотя, эти живодеры рыщут повсюду. Охотовед рассказывал, что они могут за сутки пробежать несколько десятков километров, так что от них можно ожидать всякое». С этой мыслью он и заснул.

По шипению чайника он догадался, что жена уже встала давно, а он и этого не заметил. Хозяйка произнесла традиционную фразу:

– Дяна илими.

Он выбрался из полога, оделся и вышел на улицу. Прошел метров двадцать. К нему сразу подбежали олени, которые находились недалеко от палатки. Он посчитал, сколько оленей крутилось около него – девять. А остальные три были где-то в стороне. «После завтрака надо будет оленей соединить в одном месте, так будет спокойнее». Он прислушался и вдалеке услышал звон ботала. По звуку он определил, что это олень по кличке «Тэгэр» – корень. Далековато ушел. Рядом с ним всегда держится самый крупный олень старика по кличке «Моты» – лось. Он долго вслушивался в звуки тайги, но малинового звука колокольчика «Моты» не услышал. «Может отдыхает» Не было слышно и звука ботала «Тэгэ» – тоже однако отдыхает» – подумал старый охотник.

На завтрак жена подавала отварной язык сохатого и мягкий колобо, а также ароматный чай. Трапеза проходила молча. Лишь когда жена убрала все со стола и поставила столик на место, он сказал:

– Завтра будем аргишить. Груз с лабаза сейчас на нарту положим.

После перекура старик решил посмотреть оленей. Он накинул на себя парку, по привычке прихватил «тозовку», взял маут-аркан, бинокль. Надел лыжи, прихватил тэскэн и направился к тому месту, откуда ранее доносились звуки ботала.

Пройдя с километр, он услышал перезвон ботала. Пошел в направлении звуков. Скоро увидел «Тэгэра». Тот лежал и изредка мотал головой. Он подошел к оленю почти вплотную, лишь после этого тот поднялся и прихрамывая медленно направился в сторону палатки. Чапогир сразу обратил внимание на правую заднюю ногу оленя. На ней виднелась рана: кожа была разорвана, словно разрезана ножом. Разрыв был около десяти сантиметров. Правое ухо было разорвано, и голова справа была в засохшей крови. Эти две раны многое рассказали опытному охотнику. Четко представил себе: «На оленя напал волк, он прыгнул, чтобы разорвать оленю горло. Это его излюбленный прием, но немного не рассчитал и резанул своими клыками по уху животного. Вдогонку он успел лягнуть по задней ноге оленя. Почему волк не стал дальше преследовать оленя? Старик решил, что его подельники к тому времени уже разделались с другими оленями, и не видя рядом бегущих животных приступили к пиршеству, к ним и присоединился этот волк. «Видно, сильно голодная была семейка серых разбойников» – заключил старик. Он внимательно осмотрел все вокруг. Потом обозрел окрестности в бинокль. Послушал «Моты» нигде не было. Сердце у него екнуло, застучало в висках. Он подумал «Видимо «Моты» пострадал. Нет, не может быть». Он пытался гнать эту мысль.

Чапогир поймал маутом Тэгэра, и повел его к месту, где вечером выпасались олени. Придя туда, старик увидел гнетущую картину: недалеко от копании лежали останки молодого пегого оленя, которому было четыре года. Метрах в тридцати лежал труп второго оленя. Еще не подойдя к нему, он сразу догадался, что это Моты – его самый лучший, самый сильный, самый крупный учуг, который всегда выручал его в дальней или трудной дороге. Это был любимый авка. Он давно решил, что никогда не убьет этого оленя, и ни на что его не променяет. Этому оленю он давно предрек долгую жизнь и естественную смерть. Он никогда не думал, что жизнь этого оленя может так оборваться, комок обиды подкатил к его горлу. Он беспомощно огляделся вокруг. Во многих местах виднелась кровь на снегу, клочья шерсти. Он еще раз внимательно осмотрел останки оленей. Колокольчик продолжал находиться на шее Моты, хотя горло было разорвано, словно полосонули большим ножом. Мясо с груди, с крупа, бедер было съедено. Более тщательно был обглодан молодой олень. Чапогир мысленно оценил об-

становку: «нападала не пара матерых, а целая стая – вон сколько много мяса сожрали. Ясно, что они были очень голодны и пробежали по тайге немало километров, прежде чем наткнулись на его оленей. И на радостях нажрались «до отвала». После этого сверхплотного насыщения, они недалеко отсюда расположились на «дневку».

Он быстро установил, куда направились звери: прямая бороздка их следа тянулась на северо-восток. Наверняка направились к ельнику или к рядом расположенному сосняку», – подумал охотник.

Он не стал трогать останки оленей, решив вернуться к ним позже. С оленем направился к палатке. Там он рассказал жене о случившемся несчастье. Вдвоем они обработали рану Тэгэра, зашили её шелковой ниткой и смазали медвежьим жиром.

Чапогир оценил сложившуюся обстановку: до полудня остается не более часа, наст уже ослаб, волчья стая отдыхает рядом, самое время отомстить им за оленей – устроить погоню. Это единственная возможность рассчитаться с хищниками. Конечно, этот способ борьбы с волками самый трудный, но и наиболее результативный. У Чапогира хоть небольшой, но опыт есть. Дважды он участвовал в погоне за серыми разбойниками вместе с отцом, лет пять назад один преследовал пару матерых разбойников и добыл их. Конечно, возраст не молодой, силы не те, что раньше, но и сдаваться не следует.

Он стал собираться в дорогу. Жена помогала без лишних слов и вопросов. К понюге он прикрепил топор, кусок тонкого брезента с веревочками, мешочек, в котором лежала кружка, сахар с чаем, сушеную оленину, запасной коробок спичек, завернутый в бересту, запас патронов в упаковке. Надел брюки из солдатского шинельного сукна, меховую обувь, свитер, куртку из толстого сукна. Подпоясался ремнем, на котором сбоку в ножне висел охотничий нож. Надел шапку. Заткнул за пояс рукавицы. В один карман куртки положил трубку, табак, спички, в другой – патроны.

Старик надел лыжи, понюгу, повесил за спину бинокль и карабин, достал из-за пояса рукавицы и уверенно взял в правую руку тэскэн. Собаки жалобно заскулили, но он не собирался их брать с собой. Не их время сейчас. Скоро он вышел на волчий след-тропу, и пошел более размашистым уверенным шагом. И подумал: «Теперь главное, – направлять хищников в сторону глубокого снега. Наст не будет их держать, а как пойдут махом, так быстро выдохнутся. Главное, самому раньше их не свалиться».

Как и предполагал старик-охотник, цепочка волчьих следов потянулась к ельнику. Скоро он дошел до него. Ельник был редким, прозрачным. Идти по нему было легко. И так как волчий след тянулся заметной лентой, то это позволило в нужном месте срезать, укорачивать путь.

Ельник кончился. След потянулся к более возвышенному склону, поросшему молодым сосняком. Старик старался идти широким, с накатом, шагом. Он прошел около двух километров по волчьему следу и только тогда

увидел в сосняке лежащих волков. Подойдя ближе, он обратил внимание, что звери лежали недалеко друг от друга. «Приличная компания собралась» – подумал охотник. Он сосчитал количество лежек. Их оказалось ну-нун-шесть.

Время приближалось к полудню. Если при ходьбе в отдельных местах волки начали проваливаться, подумал старик, то при прыжках обязательно будут «пахать». И он ускорил шаг, скользя на лыжах вдоль волчьей цепочки следов. «Теперь важно сократить расстояние до волков, заставить их идти махами, тогда они быстро выдохнутся. «Сейчас самое время догнать их», – подумал старик. Погоня началась. Он видел, как пролетела пара воронов. Слышал как работает дятел. Обратил внимание, как белка юркнула вдоль ствола сосны с цоканьем и при свистом. Метрах в ста взлетел глухарь и уселся на сосну. Но его лыжи скользили и скользили вдоль волчьих следов. Он догадался, что звери идут в сторону озера. На озере хотя снега тоже полно, но он там мельче, чем в лесу и, от льда легче будет зверям отталкиваться, прыжок будет длиннее. Старик с еще большим старанием стал накатывать лыжи, делать сильные толчки лыжной палкой. Когда он подъехал к краю озера, то увидел: волчья стая, вытянувшись цепочкой тяжело продвигается в противоположную заводь озера. Звери шли, опустив головы. Хвосты их беспомощно висели. Старик не стал брать карабин в руки, посчитав, что еще далековато. Он обратил внимание, что на волчьих следах стал часто попадаться кал. «Дерьмо бросают, чувят онасность рядом» прокомментировал про себя старик обстановку. А лыжи его скользили и скользили в направлении хода волков. Подойдя к противоположному берегу озера, волки немного потоптались, как бы совещались, что делать дальше. Остаться на озере нельзя – опасность надвигается, войти в тайгу – снег глубокий. Пошли в тайгу. Их временное колебание позволило старику сократить сотню, а может больше метров. «Ничего, глухарь по яголке клюет и наедается, так и я буду у зверюг отыгрывать метр за метром. Все равно посмотрим друг другу в глаза.

Старик вслед за хищниками пересек озеро и вошел в тайгу. Он пытался еще прибавить скорости, но чувствовал, что это уже невозможно. Он и так шел на пределе своих возможностей. Пот, заливающий лицо, стал проступать на лопатках и между ними. Время давно перевалило за полдень. Надо было спешить. И он продолжал, лавируя между деревьями, погоню за хищниками. «Быстрее, быстрее» – продолжал про себя твердить. Хотя и эта настойчивая команда, казалось, не прибавляла ему скорости. Все имеет предел. Однако старик этому не верил и стремился одолеть этот предел. Он продолжал требовать от своего организма невозможное. «Еще быстрее, еще поднажми». Пот застилал глаза, он еще успевал его смахивать рукавицей. И вдруг, совершенно неожиданно, его нос уловил незабываемый волчий запах. Его сердце забилось значительно сильнее. Вначале он даже не поверил и стал глубже втягивать в себя воздух. Сейчас

он мог поручиться, что нет никакой ошибки – он чует волчий запах. Ему даже послышалось, что волки где-то рядом, проваливаясь сквозь наст, тоже из последних сил стараются уйти от него. «Не уйдете, я сильнее», – твердил он про себя. Охотничий азарт придал ему силы, которые, казалось на глазах, покидали его.

И вот он увидело своих врагов. Он увидел тех, которые беспощадно уничтожили дорогих ему оленей. И волки увидели его. Они впервые за все время погони посмотрели друг на друга с близкого расстояния. Волки барахтались в глубоком снегу. Старик сдернул с плеча карабин. Мушка ходила, он удерживал, как мог, свое прерывистое дыхание. И вот раздался выстрел, за ним следом другой. Спустя несколько секунд грянул третий, и вскоре четвертый. Выстрелы побороли у животных страх, ими овладела паника. Они нарушили свой стройный ряд и бросились в рассыпную.

Три зверя остались лежать на снегу.

«Надо крайнего не упустить» подумал старик. – Не одевая карабин на плечо, он пробежал метров сто, тем самым сократил расстояние до пытающегося уйти в сторону волка. Чтобы надежнее выцелить хищника, охотник руку с карабином прижал к лиственнице. И поймав на мушку лопатку зверя, выстрелил. Волк лязгнул зубами по лопатке. Дернулся и ткнулся мордой в снег. Отбросил в сторону хвост. «Готов» дыги иргичи (четвертый волк) подвел итог про себя старик. Чапогир, собрался было расслабиться и покурить. Но решил воздержаться. Надо было продолжать погоню.

«Осталось дюри иргичи (два волка)», – подумал старик.

Теперь вместо одной вспаханной полосы потянулось два отдельных следа. Наст животных не держал. Он понимал, что надо спешить. И он заскользил рядом со следом, который тянулся в направлении к склону, поросшему соснами. Примерно через триста метров он догнал волка. После выстрела зверь пытался ползти. Тогда старик выстрелил вторично. Он подошел к хищнику. Это был самый крупный матерый самец. «Как годовалый теленок. Кило семьдесят будет. Сразу видно отец семейства», прикинул в уме старый охотник.

Солнце уже склонилось к горизонту. Он понял, что следует скорее возвращаться назад – к следу ушедшего последнего зверя. Теперь охотнику стало ясно, что ушедший волк – это молодая волчица. Старик забросил карабин на спину и пошел в направлении следа самки. На плечи, на спину навалилась тяжесть. Усталость легла на все тело. Карабин представлялся ему двухпудовой гирей. Даже поняга и та, казалась непосильной ношей. Ноги словно свинцом налили. Но он их переставлял, и что было сил отталкивался палкой. Он старался накатывать лыжи, чтобы дальше скользить. Старик пытался делать более широкие шаги. Вот и одинокий след. Теперь только вперед и вперед. И он шел и шел. Во рту все пересохло. Он

понимал, что все может кончиться скоро. А если остановиться, за ночь волчица может совсем исчезнуть и жди новой беды, Тем более что она обязательно будет мстить за свое семейство.

Теперь он уже автоматически переставлял ноги и отталкивался палкой. Пред глазами он видел только след одинокой волчицы. Голова кружилась, сердце сильно колотилось, стучало в висках. Он почувствовал, что может упасть. Этого он допустить не мог. Он понимал, что это будет конец: он не сможет подняться, не сможет продолжить погоню. И он продолжал тащиться по следу волчицы. Он понял, что надо на какое-то мгновение передохнуть, чтобы потом продолжить преследование зверя. Он решил просто на несколько секунд прислониться к дереву. У первого попавшего на пути дерева – это была лиственница. Он так и сделал. Впервые оторвал глаза от следа и посмотрел перед собой.

Старик обомлел. Пред ним сидела волчица, с широко разинутой пастью, из которой торчал длинный язык, и с которого капала слюна. Расстояние между ним и волчицей было не более пятнадцати метров. Волчица, понимая свое безвыходное положение:– преследователь подошел уже вплотную, – решила наброситься на охотника. Все происходило в какие то мгновения. Старик по изменившейся позе волчицы понял, что она готова к прыжку. Он сорвал с плеча карабин, зарядил его. И когда зверь сделал очередной прыжок к нему – выстрелил между передними лапами в грудь. Волчица поползла в сторону, тогда он выстрелил второй раз.

Он обратил внимание, что волчица была очень крупной, раньше такой величины самок он не видел, и шерсть у нее была не светло-серой с темным ремнем на спине, как у остальных, а темно-песочной.

Старик устал, он страшно устал. Силы окончательно покинули его. Солнце скрылось за горизонтом. Он прислонил к дереву карабин, снял понягу, бинокль, поставил лыжную палку к дереву. Снял лыжи, сел на них и закурил трубку. Курил и думал «Погоня окончена. Однако далеко от палатки ушел. Километров двадцать пять будет. Вон уже и берег Таймуры просматривается». Его клонило в сон. Но он почувствовал, что холод подбираться к его сырой от пота одежде. Он решил еще раз себя переселить. Он отвязал топор. На лыжах пошел за дровами. Срубил две сухих лесины. Принес их на место. Нарубил кедрового лапника. Ободрал волчицу. Вывернул шкуру волосом наружу и положил ее на лапник. Разжег костер. Закрепил кусок брезента так, чтобы его экран отражал тепло на него. Пока сушил одежду, успел погрызть сушеного мяса и выпить две кружки чая.

Старик поправил костер. Лег на волчью шкуру, затем свернулся как ежик и с мыслью, что завтра будет дома, где его ждут жена, друзья – собаки, родные олени, – мгновенно уснул.

МАРГАРИТА БОЯРСКАЯ

Родилась в Енисейске, выросла в Дудинке, живет в Норильске, работает логопедом. Ее проза публиковалась в газетах «Заполярный вестник», «Заполярная правда», в альманахе «Полярное сияние». Книга рассказов «Веры тонкая свеча» издавалась дважды в 1988 и 2002 годах.

С гуся вода

До постройки каменной бани в Дудинке роль «мыльни» выполняла деревянная изба – довольно большая, с предбанником без шкафов. Раздевались на деревянных лавках. На них каждый определял себе местечко с аккуратно сложенным в стопку бельём. Ценные вещи и деньги никто в баню не брал, да и не было такого достатка.

Отопление — печное, со скрытой кочегаркой, находилось вне поля зрения, и потому тепло, ощущение пара, смешанного с духом распаренных берёзовых веников, готовило к приятному жару с горячей водой в трескучие северные морозы.

В прихожей («ожидальня», как её называли) сидели в пальто, так как входная дверь, обледеневшая от разности температур, впускала и выпускала людей вместе с клубами морозного воздуха. Дверь в предбанную плотно закрывалась, чтобы не выходило тепло. Когда распаренный посетитель начинал одевать валенки и пальто, выходила в «ожидальню» банщица тётя Катя – сосланная немка, и с акцентом кричала номер следующего «банника»: «Двэсти трыцать тры!» и если такой опоздал или не пришёл, произносилось: «Фуй, фуй!» И кричались следующие номера, в зависимости от того, сколько людей уже оделось в предбаннике.

Временно смолкал шум. Каждый ждал, когда назовут его номер, и радовался, если кто-то опоздал или не пришёл: всё ближе к предбаннику. Но такое редко случалось. Автобусов не было, и ходить по морозу туда-сюда никому не хотелось.

После такой переклички, когда счастливы уходили в предбанник взамен ушедших, в «ожидальне» вновь начиналась оживлённая беседа со знакомыми, давними или новыми. Обсуждались новости, хулили, хвалили своих детей и чужих, делились рецептами кухни и целебных

трав. Кто-то вязал, а дети под этот мирный гул подрёмывали, привалившись где-то сбоку к отвоёванному уголку лавки или на коленях родителей, терпеливо ждали своего часа испытания, т.к. попадание мыльной пены в глаза никого не миновало и вся энергия рёва была впереди.

И вот, наконец, тётя Катя кричит долгожданный номер. Счастливый «банник» бежит в тепло, на ходу растёгивая пальто, держа в одной руке сумку с бельём, в другой – эмалированный таз для ребёнка, и, нетерпеливо подталкивая малыша, почмокивает губами, предвкушая удовольствие.

Быстро-быстро освободиться от одежды – и скорей туда, ради чего провёл столько времени в ожидании.

И вот, наконец, она — баня! Деревянные лавки, жёлтые от кипятка, поливаемые после каждого посетителя, так и светятся каждой жилкой ожившего дерева. Ушаты, похожие на маленькие бочки, перетянутые железными обручами, издавали неповторимый дух берёзовых веников и распаренной от ополаскивающего кипятка, разбухшей бывшей лесной плоти. Банный гул людских голосов оглушает с порога, пар застилает глаза, но постепенно вырисовываются лавки и лампы, освещающие краны и перевёрнутые ушаты, что означает, что они свободны. И, наконец, – блаженная минута. «Банник» чувствует себя фараоном, воссев на горячую после кипятка лавку. Мокнувший веник в ушате источает успокаивающие флюиды. И глаза закрываются от наслаждения теплом после морозного воздуха. Но не до отдыха женщине, пришедшей с ребёнком. Тот с визгом бежит куда подальше от горячей воды, ошалев от пара и надвигающейся мыльной глазной экзекуции. Но мать, наградив шлепком в пухлый зад, ведёт ревушего во всю плотку малы-

ша, сажает в таз, и брызги от сопротивляющихся ног летят во все стороны. Поросычий визг вновь прибывшего малыша оглушают банные стены, пока с головы течёт мыльная пена. Но вот всё кончено. Холодной водой обильно оmyвается лицо. Малыш таращит глаза и улыбается. Нет рези в глазах — страшное позади. Мать быстро моет ребёнка, выливает на него ушат тёплой берёзовой воды, приговаривая: «Сгуся вода, с Серёжки вся худоба...». Мальчики такую процедуру выносили более стойко, чем девочки. Иногда имени не называли, чтобы «банник» не услышал, а говорили просто «С тебя худоба», тогда «банник» здоровья не отберёт. И, наконец, долгожданная свобода для обоих. Ребёнок сидит в тазу, перебирая пластмассовые игрушки, обрызгивая себя и других. Мать заводит беседу, начавшуюся ещё в «ожидальне», или с вновь появившейся соседкой. И яростно клещут венниками друг друга. Заботливо подливается горячая вода ребёнку в остывающий таз, и начинается не менее важная процедура — потереть спину. Тут надо иметь сноровку, чтобы угодить. Мочалку надо умело использовать — соразмерно с силой, как удачный массаж: не больно, но и не слабо.

— А-а! А-а! — это хороший признак.

— Ох, ох, — хватит, это плохая работа. Багровая спина, а потом синяки.

Но любая работа обильно смывается захлабывающейся горячей водой рогожной мочалкой. И завершающее: окат водой от головы до трёх раз себя и ребёнка.

Распаренные, уставшие люди лениво бредут в предбанную, устало растягивая одежду на раскрасневшемся теле. Теперь не до разговоров. Легкость духа, хорошее настроение и желание скорей попасть на морозный воздух усиливает прыть. Быстро одевают и выталкивают в «ожидальню» ребёнка, с вихревой быстротой надевается ставшая тугой одежда, валенки и пальто — по ходу.

А тётя Катя кричит следующий номер. Народу заметно поубавилось — тёти-Катины знакомые уже давно помылись, остались старухи, которые кучковались к концу банного дня. Они уже наготове: сняты пальто и платки, ещё послевоенные. Терпеливое ожидание перемежается неторопливым разговором, омывом косточек своих и чужих невесток и зятьёв, своего хлипкого здоровья, которое не мешает им залезть на самый верх полка, где сам чёрт не выдержит, и дыша разрежённым воздухом кричать: «Крещённый — на полку, а некрещённый — с полка». И помолодевшими козочками выскакивают они в предбанник, довольные распаренными косточками и шутливыми словами.

Женский банный день заканчивается. Иногда случались курьёзы, когда одинокая мать приведёт своего, уже старше пяти лет, сына. Тот взирает на женщин любопытным взглядом, чем вызывает недовольство и попреки женщин. Иная мамаша молчит, а другая окатит таким кипячком слов, что все и замолкнут.

В мужской день редко приводили детей: мужчины не любят с ними возиться, да и по недогляду малыши часто ошпаривались. Вот и водили женщины — и не только одиночки — своих, преодолевших ангельский возраст, сыновей, вызывая ропот и косые взгляды многих женщин. Только молодки, стыдливо прикрывая руками свои прелести, хохотали и шутили: «Завидные женишки растут!» И убегали вглубь бани, еле виднеясь в густом пару.

А всё-таки спасибо той северной бане. Одна на всю Дундинку и «Шанхай» — сколько же она не только перемыла, но и объединила и помирила поссорившихся людей!

А каким невесомым было тело, легкая походка и добрый дух с крепким морозцем по дороге домой, с ещё мокрыми волосами. Брусничный морс или чай с вареньем — завершение банного дня. И не было ничего лучше и светлее, чем банное очищение тела и души, и ожидание следующей банной недели.

ВИКТОР САМУЙЛОВ

Родился в 1951 году. По профессии военный вертолетчик. С 1989 г. работает на трассе газопровода Норильскгазпрома. С 1996 года его рассказы публикуются в газетах «Заполярная правда», «Заполярный вестник», в альманахах «Полярное сияние» (Дудинка), «День и ночь» (Красноярск), вошли в сборник норильских авторов «Стая»(2000г). В 2001 году в Красноярске вышла первая книга «Обугленные миражи», в 2005 году – «Небесный град». Член Союза Российских писателей (2003г).

Рыжий Васька

Помогите!... Спасите!... Караул, потерялся! Орет на всю тундру, взъерошившись ёжиком, рыжий невзрачный котик. Взобравшись на доску, кособоко торчавшую из намёта снега, накрепко вцепившись четырьмя лапами в дерево, орет: то с надеждой, то с отчаянием... И еще повыше забрался, чтоб лучше видно было, замолчал, прислушался, тихо: и как запищит пронзительно, и жалобно, задрожав всем тельцем. Янтарные глазёнки тарашатся во все стороны. Ушки то испуганно прижимаются, то топорщатся, чутко вздрагивая остренькими кончиками, стараясь уловить знакомый, тяжёлый звук шагов или хоть голос. Нет, не слышать... Тихий шелест снега да противный пугающий скрежет обледенелых кустов ивняка друг о друга. И ветра нет, а скрипят чего-то... Сполчаса Васька до хрипоты надсадно орал, пытаясь дозваться хозяина. Ни мамы, ни братьев, ни сестёр не помнил Рыжий. Всех ему заменило огромное, пахучее, в непонятной шерсти, существо. Шерсть эта у него постоянно менялась: то одна, то другая, то колючая, то пахучая. Пугался сначала Васька, приняхивался насторожённо, а потом привык. Все другие запахи солярный дух его хозяина перебивает. Чтобы он ни одел, как ни выглядел, за версту Рыжий несётся к нему: хвост трубой, на плечо прыгает.

Но многого Васька всё же не понимает. Вот как можно есть всякую дрянь и не есть вкуснящих мышей? Сколько раз ни приносил хозяину жирную отборную мышку, только крик да ругань. Запультит в окошко, потом ищи её, а сам руки моет. Лучше б Рыжему чашку помыл. Уж очень строгий хозяин: там не прыгай, тут не писай, это не рви. А сам грязнуля такой!.. Блюдце для воды не сполоснёт. Стухнет вода, лезет Васька в ведро. Оскользнулись острые коготки о железо, упал в воду котик... брр, холодно и мокро. Уф!.. противно. Недельку может заскорузлая от старой пищи Васькина чашка, под столом сто-

ять, хозяину хоть бы что! Ну, разве можно из такой посуды кушать? Сам-то не налет себе вкусного, душистого борща в грязную, немытую тарелку. Васька проверял, любит котик в отсутствие друга на столе, среди посуды, газет полежать, особенно, если солнышко пригревает. Только остерегаться надо, увидит и начнет гудеть: «Ну, что разлежся, лежебока, иди ешь, не вопи, морду не вороти? Ешь! – говорю. Стол не твое место. Кышь... Заведу Полкана, вот он тебе поддаст, он тебя быстро к порядку приучит...» Полкана Рыжий представлял: это что-то среднее между его хозяином и стоптанным, драным валенком, валяющимся под кроватью. Только ещё лает и кусается очень больно. Да блох много. Лезет Рыжий со стола, мурлычит рассерженно, ну, как подсказать бестолковому: «Вот вымой чашечку, сполосни, и я похлебаю с удовольствием борщечка, и чтоб кусочек мяса попостней». Терпит Васька до последнего. Уж когда голод совсем допёк, горланя на всю избушку, идёт есть. Не понимает хозяин душевных переживаний чистюли кота, может тапочкой запустить.

А сам лежит, раскинув усы, смотрит на какой-то ящик. Шумит там что-то, мечется, но не мыши, и мышами даже не пахнет. Целый день может пролежать так хозяин. Похоже, как Васька у норки сторожит. Сострадает Рыжий: старый кот – его хозяин, неловкий, ленивый уже, и нюх сосем плохой, нет в ящике никакой мыши. Но не понимает, лежит, сторожит. Обнюхал даже, обследовал этот ящик Рыжий, и не раз это проделывал, демонстрируя хозяину бесполезность его лежания. А тот кота гонит: не мешай! Попытался показать, где сторожить полагается, полчаса сидел на кухне у дырки в полу, мол, вон, куда смотреть надо, целое крысиное гнездо там. Хвост положил, усы от усердия наострил, глазом застыл: учись, бестолковый, и помоги: дырка маленькая. Не достать

крыс Рыжему. А тот, здоровила такой, двинул осторожно Ваську ногой: «Чего разлѣгся, лентяй? Иди, ищи мышшей!» Нет, сосем старый кот, и усы богатые, и большой, и сильный, а уж чуть-чуть с головой не в порядке».

Но охотится хорошо: мясо свежее не выводится, рыба свежая бывает. Иногда молочка сладкого из банки нальѣт, и обязательно испортит: с водой размешает, сам бы попил... Фыркает Васька.

Эх!.. – Рыжий приник к доске, горестно взвыл. Кругом белое безмолвие – пусто и гулко, как в большой бочке, в которую сорвался любопытный котик, почудилось, что мышши на дне шебаршат. Нашѣл он там от мышшек, шкурки сохшиеся. А Рыжий ещѣ маленький тогда был, до половины бочки допрыгнет, и вниз, бряк! И страшно ему, и одиноко было, но всё равно не так, как сейчас. Там запахи ролные кругом, шорохи знакомые, потом голос хозяина: «Васька! Рыжий! Ты где? Ты где, дурила?» Нашѣл, услышал его писк, вытащил, спрятал подмышкой, как там хорошо было, тепло, мамкой пахло. Рыжий точно знает, что так пахнет мамой.

А теперь что делать?! Охрип Васька от крика, но нет хозяина, не выручает. И холодно очень, ушки щиплет, лапки мѣрзнут. Перебирает Рыжий лапками, перестал плакать, думать начал, смотрит по сторонам, и есть уже хочется. Пошевелил усами, вроде мышкой пахнет. Глянул вниз под доску: ни дырочки, ни тропки, не шуршит никто. Поднял глаза: недалеко целая куча старых досок. Может, там? Раз, раз, – подняв хвост, перепрыгнул туда. Да!.. Запах крепкий, тѣплый, где-то совсем рядом мышши. Васька пробежался под досками, – нет, не видать. Вылез наверх, ух, холодно! Бум, бум, бум... Кто-то скачет. Рыжий юркнул под кусок рубероида. Недалеко, ну, совсем рядом остановился, присел на задние, большущие лапы белоснежный, ушастый зверѣк. Уши столбиком, усы с мордочкой туда-сюда, туда-сюда. Васька – очень любознательный кот, высунул из-под доски, стараясь по-лучше разглядеть диковинного зверя. Вроде, как на Ваську похож, усы особенно. А тот, вдруг, уши длинные прижал да как скакнѣт! – и нет никого, только пыль снежная искорками серебрится в морозном воздухе.

Эх! Что ж он так испугался, вон ведь какой большой, вдвоѣм бы веселее, может, и дорогу домой показал. По всему видать, местный кот...

Васька и сам не понял, как это получилось: прыг, – и в зубах у него сладко захрустела мышшиная тушка. Всё до крошечки собрал Рыжий, все капельки крови облизал. Умылся аккуратненько и загрустил.

На далеко задумывать котик ещѣ не умел, есть пока не хотелось, а поспать, подремать у тѣплой печки – самое б время. Попробовал пролезть подальше в доски. Фу, как холодно! Трава жѣсткая, колючая, доски стылые, тѣвдые, заплакал тоскливо опять Рыжий, полез на волю. Понюхал воздух, вроде, пахнет старым дымом, жильѣм каким-то. Человеческого нет, но дым или гарь сырая, тяжѣлая висит в воздухе. Чудится что-то родное, знакомое в еѣ прогорклости. Осторожненько пошѣл котик по

вездеходному следу в сторону запаха. Неудобно идти: комки тѣвдого снега бьют лапки, а по целине страшно: дух там совсем чужой, незнакомый. Тут привычно пахнет железом, солярой, горелой резиной, и ещѣ не счесть, сколько близких, запашистых, родных примет.

Рыжий испуганно завершал, бросился на спину: огромная тень скользнула по нему, исчезла в снежной безлине. Не видя и не понимая, кто напал на него, но инстинктивно чувствуя смертельную опасность, Васька гигантскими прыжками, не разбирая дороги, помчался туда, где, как ему казалось, пахло спасением. И опять сработал инстинкт, непонятное чувство бросило Ваську на спину, растопырив лапы и, очерив когти. В это раз он успел заметить, кто напал на него: огромная, белая полярная сова.

Стара, опытна птица и не голодна пока, что для неѣ рыжий, драный котик, поиграть с этим лисѣнком хотела, позабавиться, но, неожиданно промахнувшись, рассердилась. Стальными когтями-пальцами враз ломала шейные позвонки зайцу. Лиса и песец от ужаса обмирали, заметив огромную птицу. А эта рыжая зверюшка раззадорила старую. Быстра, конечно, проворна, разок промахнулась, ладно, не учла еѣ ловкости. Бесшумно заходила на Ваську хищница, уверенная в своих силах. Доля секунды, мгновение, и сомкнутся в смертельной хватке еѣ когти на загривке рыжего незнакомца... и опять промахнулась. Как? Непонятно... Успела увидеть такого же цвета и разреза, как и у неѣ, глаза. Совсем разъярилась пернатая хищница, без подготовки, не осмотревшись, в третий раз спикировала на драного лисѣнка. И опять в последнее мгновение упала эта зверюшка неожиданно на спину, страшно зашипела, замахала стремительно лапами: глаза янтарным, злым светом так польхнули, что сова даже жутковато стало. Птица тяжело опустилась на старую бочку, зашѣлкала возмущенно клювом, сердито заухала. Рыжий зверѣк между тем юркнул в окно охотничьей избы.

Старая сидела, думала, озадачила еѣ эта рыжая лисичка: вроде такая мелочь, а не испугалась огромной совы, и когти на лапах опасные, успела заметить их острые шильца – ни у кого в тундре таких нет. «Буду сторожить, – решила сова. – По всем признакам, зверѣк мясо любит, когти и зубы то для чего? Не траву жевать же. Ни чего! Выйдет на охоту: мышшей, леммингов в домике поест и к доскам полезет, тут-то я его и подстерегу...» Терпения у матерой, опытной хищницы достаточно, глаз ещѣ, ой, какой зоркий. Сова поднялась, облетела свою вотчину: порядок есть порядок. Рыжая зверюшка на неделю, а то и больше спрячется, спокойно можно заняться промыслом.

Дело к весне, куропатки по кустам запорхали, почки тальниковые щѣлкают. Но нагородили двуногие, бессовестные, заборов из тальниковых веточек, в них воротца с проволочными или лесковыми петлями, устроили. Десятками глупые лезут туда, в петлях бездыханные остаются, вот тебе и вся охота – ешь от пуза. А теперь голов-

ная боль, рыжая, непрошенная зверюшка появилась в ее владениях. Занервничала, забеспокоилось её белое величество. Придётся подумать, разобраться по этому случаю, и принять решение. Если по старости промахи делает, это одно, от старости не убежишь. А вдруг, зверюшка очень хитра и изворотлива, так тем приятнее с ней совладать.

С проходящего вездехода наверное отстала зверюшка, гарь вонючая не осела в морозном воздухе, тут останавливались, мужики наставили петель. И стайка белоснежных тут как тут, подлетела, рассыпалась, разбрелась по чуть сероватому, подтаявшему снегу. Две глупых, молодых сунули свои головёнки в лесковый силоч, трепыхаются теперь... Э-хе-хе! Досадливо покряхтев, сова слетела с бочки к городку: стукнув мощным крючкова-тым клювом куропатку в голову: зачем мучиться бедняге, – схватила её когтями и вместе с петлей и палочкой взмыла в воздух. Она уже присмотрела недалеко от развалюхи крепкую, старую лиственницу, надёжно уселась на ветке: «Ничего, милый, я хоть и не такая ловкая, зато терпения у меня хватит на десять таких быстрых». Пища рядом, туда-сюда, и опять сова сидит на дереве с куропаткой в когтях.

Но надо сказать, презирала старая хищница такой способ охоты, и стыдила себя: бесчестно это и нехорошо, ладно уж эти двуногие, глупые они, не понимают природы. Ведь вот и она как-то по молодости всю весну пользовалась добычей в петлях, и так ожирела и обленилась, что чуть не сдохла от голода, когда городки растя-яли. Даже по больному зайчишке промахивалась. Сейчас успокаивала себя тем, что такая охота нужна для дела. Но понимала: лукавит в душе. Чувствовала: стареть стала, а потом, как удобно всё же: не мотайся целыми днями над тундрой, не порть глаза, выискивая мышиную строчку, а потом, замерев, сиди часами, жди этого комочка живой плоти... на раз клюнуть, – сова сердито щёлкнула клювом, и так всю долгую полярную жизнь.

Совсем расстроившись, старая решила, что последний раз делает себе поблажку, а то совсем от рук отобьется её район: больные куропатки уже есть, мышей развелось видимо-невидимо. Эх! Никакой пользы от этих людюшек, всё перевернули, всё по-своему поставили. И этот рыжий, это они оставили... непонятно, зачем. Но на всякий случай убрать его с территории надо – чужой, непонятный зверь! Может, болезнь какую, дурную зверюга занесёт. Сидит Сова. Мыслит.

А Васька через выбитое окошко влетел в избушку и в ужасе нырнул в тёмный угол. Под нары забился, затих, чутко прислушиваясь к звукам снаружи. Но долго любознательный котик не высидел. Место незнакомое, интересное, новых запахов невозможно сколько. Всё интересно. Осторожно вылез из тряпья и мусора, обошёл, не спеша, своё пристанище, тщательно пронюхал, кое-где и лапкой потрогал. Хозяином не пахнет. Человеческим, но чужим тянет. Определил, что мышей, по всему, тут много. Только уж очень неуютно, холодно. Хорошо,

хоть снега нет, и не дует, дверь плотно прикрыта, край стекла в окошке чуть отбит, в него и шмыгнул Васька. Снежка наддуло на подоконник, а так, похоже, давно домик пустует. Печурка железная имеется, из неё гарью на всю округу тянет, полна золы. Вот где тепло, если разжечь, конечно. Не умеет Рыжий это делать. Её-то и потрогал лапой: ох! Ужас, какая холодная. Облазил углы и закоулки. Мышей!.. Запах!.. Дышать невозможно. Ну, чем заняться? Летающая зверюга далеко, в маленькую дырочку ей не пролезть, опасаться нечего. Думал Васька отдохнуть, присмотреть, где помягче и потеплее, но уж очень нагло кто-то шебаршил в углу тёмного тамбура. Через пять минут забавлялся Рыжий толстой, жирной мышью. Хоть с виду и неловкая, больше на крота похожа, чуть не цапнула Ваську за нос острыми резцами. Очень агрессивная мышка оказалась, завершев пронзительно, перевернулась на спину и на Рыжего. Кот аж на хвост присел, ну, точь-в-точь, как полчаса назад он от совы отбивался.

Не позволил себе Васька растеряться, только лемминг, а это был он, собрался юркнуть в норку, цап его Рыжий поперек туловища, тиснул покренче, за шею перехватил, подержал, сердито урча и оглядываясь, – не подходи, мол. Да кому тут, в такой свирепой холодине с Васькой соперничать. Наигрался Рыжий вдоволь: и бросал мышку вверх, и катал лапой по полу, по нарам прыгал с ней, – забылся, где он, и что с ним. Поднагнал аппетит, слопал аккуратненько лемминга, обиходил себя и, потянувшись, отправился на поиски хорошего ночлега. Тряпья на нарах хватало. Даже подушка пуховая была, разорванная мышами, – перо в гнезда таскали, но много и осталось: матрас драный, ватный, куски ватного одеяла. Васька вполне уже освоился на новом месте, да и что от несмышлёныша ждать. Восемь месяцев коту, умишка чуть-чуть – ребёнок: желудок успокоил, от совы спрятался и доволен. Теперь переварить всё это, местечко поукромней да помягче найти. Рыться в тряпках Васька приучен: частенько, спасаясь от холода, лез под одеяло к своему хозяину, у тёплого бока грелся. Вот и тут, подсунил морду под край какой-то рвани и полез. Долго лазил, пока не нашёл удобное место: нигде не дует, внизу мягко, со всех сторон мягко. Потом Васька понял, что в подушку залез, в пух зарылся, свернулся калачиком, пригрелся и уснул.

Кот успокоился, а всё население избушки только и ждало этого момента, зашуршало по всем углам, заскребло, засуетилось. Там грызёт кто-то старое гусиное крыло, тут мосол оленя кто-то пытается тащить. Надо думать, внёс ненужную суматоху в привычный мир обитателей избушки Рыжий Васька. Сам спит, а народ суетится, запасы прячет.

Большая полярная сова сидит в это время на дереве, терпением бог не обидел, сыта, тепло одета. Слетит к силкам, сорвёт куропатку, к себе поднимет и скубаёт потихоньку крепким клювом. «Хоть я и старая, но умная, жизнь не простую прожила: вылезешь, Рыжий не-

прошений гость, накажу насмерть». Уже и неделя, и вторая, и третья прошла, не улетает хищница, терпеливо ждёт. Но и кот не лезет наружу, мышей, наверное, в домике много.

Но Ваське уже не просто есть хочется: мыши и лемминги или попрятались, или подъял он их, а может, осторожнее стали. Вчера перекусил маленькой, сегодня лежит в теплом гнезде, грызёт пустое гусиное крылышко. Ушки у него болят, загнулись, обвисли острые кончики. Ох, как хочется Рыжему кушать. Сядет Васька на подоконник, смотрит вожаделённо на пернатого хищника, и чем голодней кот, тем дольше сидит на окошке. Думает, как ему узнать, откуда птичек крылатая зверюга таскает. Хочет Рыжий под дерево сбегать, там вкусных костей уже много, наверное, валяется, видно, как перо да крылья падают вниз. Но как успеть? Хоть и рядом дерево, метров тридцать, сорок, но сова – хищник бесшумный, глазастый, опасный. Помнит Васька её страшный клюв и когти, перед глазами мелькавшие, сцапает, не вырвешься. Понимает, что его поджидает старая, за ним охотится.

Ну, а та наготове, ждёт. Пора рыжему зверьку на охоту выбегать, посерьёзна. Да и случай подвернулся непутёвый, неприятный, разъярилась старая не на шутку: вытащила она из петли трепещущую, живую куропатку, поднесла к себе на сук. Пока сова мостилась, та из когтистой лапы вывернулась и – порх – в сторону домика, да чуть Ваське не в окошко. Тот рыжей молнией – шмыг – на улицу, да цап... – птицу зубами за крыло и под домик. Сова глаза выпучила, защелкала клювом: «Ну, всё, этого рыжему наглецу не прощу».

А Васька чуть не лопнул, но всю куропатку съел, еле в дырку пролез. Двое суток переваривал. На третьи опять на подоконник пристроился. А солнышко-то светит! Греет! Тепло уже, пичужки маленькие замелькали, чвикают по кустам, по тальнику, самая б охота коту. Но сидит насуплено ведьма старая на суку, и Васька зло сторожит её.

А та непростая птица. Почувствовала, что не совсем глупая и трусливая эта зверюшка. Осторожничать стала: облетит свой насест, прежде чем сесть, проверит, не караулит ли её рыжий разбойник. Котишка присмотрел таки, откуда старая куропаток носит, выскакивал на крышу, следил за птицей. Совсем недалеко, по склону крутого берега – городок из веточек, частоколом набран, петель на пятьдесят. Подальше её – ещё один, на столько же. Много куропачьих тушек белеет вдоль кустиков, пора бы и охотникам прибыть, но дела, наверное, держат.

Совсем как-то разъярился от голода котик, дождался, когда сова слетела с насеста и – прыг, прыг – к ней под дерево. Какие там кости, перо пустое. Ох, как облюбовал Рыжий! И домой прятаться не хочет. Добежал до досок, осмотрелся, – нет совы. Совсем рядом заборчик тальниковый, и куропаток, в петлях, предостаточно лежит у воротца. Оглянулся Васька ещё раз, да по насту туда. Цап – куропатку, а она, как железная, мороз все

же, да и ни с места – в петле. Дерг, дёрг, – не порвать леску. Он к другой метнулся, к третьей, – растерялся Рыжий, мечется по городку, изо рта перья белые торчат, глаза янтарным огнём полыхают. Вдруг, тень стремительная, зловещая сверху его накрыла. Или ловок Васька, или разжирела старая от дармовой пищи, двумя когтями схватила Рыжего за плечо и успела вскользь клонуть за ухо, но вырвался кот, разъярённо вереща, кровью напитываясь, а ещё больше злобой. Сова досадливо взмахнула огромными крыльями: «Не уйдёшь теперь, дружок... мой ты, не зря сторожила». Рванулась вверх, а кто-то за ногу – дёрг назад, не поняла сразу, что такое. Она опять вверх, а её безжалостно, грубо – вниз! И забились жестокая хищница, ломая тонкие веточки, поднимая снежную пыль. Намертво обхватила лесковая петля когтистую лапу: не вырвать, не сорвать и клювом не перебить, прочно привязана к толстому тальниковому кусту. Все – петли к палочкам, воткнутым в снег, а эту как специально ей приготовили.

Рыжий, как увидел, что с его врагом приключилось, рванулся в гневе, в задоре боевом, на могучую птицу, от боли и унижения всякую осторожность потеряв. Вцепился той в голову, заработали когтистые лапы, как спицы велосипедные мелькают, пух и перья летят от совы. Быстро сообразила та: «Чёрт с ней, с петлей, зверюшка рыжая во сто крат страшней, не зря опасалась». Несколько раз сбрасывала Ваську в снег, раза два крепко прихватила кота клювом в бок и в спину.

И зачем глупый лез в драку?.. Собирай куропаток, пока сова на привязи да живи до лета в своё удовольствие. Уж на уток охотники обязательно приедут в домик. Так нет, ввязался в смертельную схватку, обидели его, оскорбили, не забыл, как бежал от совы в испуге, словно заяц. Выстебал Васька в бешеной ярости противнице глаза, истекая кровью, добрался и до горла злодейки.

Бьётся огромная, могучая хищница на окровавленном снегу: вперемешку белые перья, рыжая шерсть. Сам кот, как кусок пламени, трепыхается на ней.

Издали, с вездехода заметили мужики: что-то непонятное творится у куропачьего городка. «Лиса! Смотри, в петлю влетела! Гони! Быстрее! Уйдёт!»...

Огромный бородатый мужик размахнулся прикладом ружья. Но не нужна уже его помощь. В честном поединке, один на один одолел рыжий Васька свою обидчицу, своего смертельного врага. Может, не рассчитала сил, а может, уверовала в непогрешимую справедливость природы сурового края. Кто он, этот рыжий наглец, вторгшийся в её безраздельные владения, кто эти его хозяева, и что делают они тут, устанавливая свои порядки и законы?..

Мужчина осторожно пытался оторвать Рыжего от совы. А тот, в боевом задоре, никак не отойдёт, не очнётся от схватки: в крови, в перьях весь. Уцепился когтями, зубами в шею неподвижной птицы, урчит злобно, чуть не на хозяина бросается. «Вася, Васенька, успокой-

ся, разбойник. Герой! Герой!» Мужики кругом стоят, головами качают. Красивая величественная птица, жалко, что так получилось. Огромные крылья по снегу раскинуты, страшные когти чуть подрагивают, огромные янтарные глаза белесой пеленой затягиваются. «Возьми, чучело сделашь, память будет...»

Рыжего за пазуху, сову бесцеремонно, грубо за крыло и в кузов вездехода. Поехали!..

Васенька, прости меня, бестолкового. Не догадался, что тут тебя потеряли, весь посёлок обегал. Думал – или собаки разодрали, или в город увезли. А ты вот где...

Эх, бедолага! А рыжий Васька и не понимает, что он бедолага. Стёрли с Рыжего кровь, страхнули перья и волос, выдернутый клювом и когтями совы из котика, намазали ранки зелёной. Больно, да нет сил у Васьки сопротивляться, намотали бинтов гору, сунули хозяину: «Береги, золотой кот!»

Мурлычет утробно, вздохнул, зарывшись в тёплую, пахучую пазуху, рыжий Васька. И всё он уже забыл, и холод страшный, и сову ненавистную, и домик, его приютивший...

Таймыр, Большая Хета, 1997 год

Лапуля

...Семён узнал о трагедии в посёлке, лишь вернувшись из отпуска. Оглушённый известием, растерянно тискал в руках коробочку с серебряными серёжками. Вот... хотел порадовать... Как же... Лапушка... Гутя! Не верилось... Какая-то путаница, тем более, девчонка должна быть далеко – на Енисее, и под пули пьяного придурка никак не должна попасть. Нет, не она! Лапе пятнадцать лет, а говорят, что самой младшей семнадцать было, и Леной звали... Нет, не может быть...

В городе задерживаться не стал, хоть и на вахту через неделю. Собрался за сутки, упросил начальство и продуктовым рейсом через полтора часа был в вахтовом посёлке.

Рюкзак тянул плечи, мела в лицо позёмка, Семён, не замечая ветра, шагал к себе в общагу, вглядываясь во встречных, стараясь подгадать хорошего знакомого, расспросить. Как назло, народ спешил к вертолёту, базовский да строители. Так и домчался до барачного, низкого, разляпистого строения, уже занесённого снегом почти под крышу. Обстучав унты, рванул примёрзшую дверь, протопал в конец коридора. Ключ выскакивал из замочной скважины, вывёртывался из дрожащих пальцев. Наконец, щёлкнул замок раз, другой, вошёл в комнату, рюкзак поставил у порога, сел на койку. Теперь почему-то Семён уже не сомневался: нет Лапули. Сердце гулко било в виски, в груди ломило. Он, пошатываясь, встал, открыл форточку, приоткрыл дверь, посмотрел на телефон... руки свинцом налиты, набрал номер.

-Саш! Что случилось?..

-Привет! Вернулся? Как отдохнул?

-Да не крути...

-Васька из седьмой бригады... Может, крыша съехала, может, за обиды какие, ты ж знаешь, как к нему относились.

-Короче,...ходил, стрелял, семь человек положил и твою девку...

-Где он?..

-Сгорел вместе с вагончиком, застрелился вроде, а вроде омововцы подстрелили и шашку бросили,... отстреливался долго...

-Похоронили?

-Да уж две недели прошло... Семён!

-Ну, чего?

-Ты особенно не переживай. Сам пойми, тебе почти пятьдесят, а ей пятнадцать, баловство это. Чего б ты с ней делал? Тебя не было, так она с молодыми во всю... Все они такие...

-Заткнись... – Семён бросил трубку. Какие они, наверное, не хуже Сашки знает. Тридцать лет в тундре, по вахтам, пятнадцать лет на точке. И столько лет семью эту знает и помнит, как Лапуля родилась. Сотню давал на пропой ещё теми деньгами. Хотя оленеводы в тогдешние времена, советские, жили не пример нынешнему. Всё у них имелось. Сейчас семья Лапули нищая: оленей нет... ничего нет. Семён, чем мог, помогал. Помогал. Вздохнув, поставил рюкзак на табуретку, развязал горлышко, достал бутылку водки, стукнул об стол, долго на неё смотрел, скривившись губами и правой щекой. Десять лет в рот не брал... Не закрывая дверь комнаты, вышел в коридор, бездумно постоял, выглянул на улицу, стал на крылечко...

Как будто и отпуска не было. Такую силу Север имеет. Три дня назад бродил по Ривьере. В море купался, птичек по утрам слушал, крошит с вечера хлеба на балкон, чтоб и первые лучики солнца, и пичужки чвыкали... Двадцать дней, как в раю, а глупое, старое сердце сюда рвалось, в морозы, в метель, которая сейчас начинает раскручивать свои космы... к Лапуле. Лежит по утрам Семён, тянется могучим кряжистым телом... эх, Лапулю бы сюда! Чего девка видела? Дальше Дудинки и мира для неё нет. Паразит всё же он, мог ведь Лапулю свозить на юга. Забоялся пересудов да разговоров. К матери заехать нужно было, потом к бывшей жене, сыну.

Скрипнул зубами, пнул ногой дверь и чуть не бегом помчался в комнату. Распаковал рюкзак, включил холодильник, потом лишь заметил, что одет, только шапка на столе валяется. Построжал, уже деловито, не спеша, разделся, скинул унты, верхнюю одежду, натянул спортивный костюм, тёплые, вязаные носки: купил несколько пар на юге. Осмотрелся, достал нож, вывалил

на стол кучу кулчков и пакетов, часть убрал в холодильник, нарезал колбаски, свежих помидорчиков, хлеба, накинул на дверь крючок. Дёрнул зачем-то за ручку... Присел к столу, включил телевизор, приглушил звук. Налил до краёв стакан водки: «Пусть земля тебе будет пухом, Лапуля...» Выпил, остро чувствуя и вкус, и запах водки. Тяжело задыхался, пустым взглядом уставился за окно. Уже крепко мело, стучал тугими порывами в стенку ветер. В открытую форточку забрасывало снеговой крошкой...

Лет с десяти Лапка начала бегать к нему на точку. Сверкнёт глазёнками, как тот горноста́й, быстрая, ладная. Но всё молча, чего попросишь, оглянуться не успеешь, на одной ноге повернулась. Галя, старше на три года сестрёнки, тоже похаживала. Но эта девка уже заматерелая, хоть и тринадцать лет всего было. Сейчас вот сколько ей? Ага, если Лапуле пятнадцать, то Гале восемнадцать, всё прошла. Семён разбросал по столу огромные ручищи.

...Лапке доходило тринадцать. Сидели они на валежине, на бугорке, ветерком гнус отгоняло. Морошку собирали. Устал Семён, раскорячился, руки, в жилах, как корни, на колени бросил. Лапка у бока примостилась. Семён вроде задремал, чувствует, ползёт что-то по кисти. Хотел тряхнуть, приоткрыл глаз, девчушка пальцем по жилам водит, посмотрел, пальцами двинул... да... клещи, крюки. Пятнадцать лет на труба́че, ничем не отмыть... А когда, трясина всего начало, и оглох крепко, ушёл на точку в линейные слесари, осматривателем. Точка содержалась кое-как: печка топилась углем, шуруешь целыми днями в топке, как кочегар. Сейчас газовый котёл, но и печурку оставил, подкидывает иногда дровишек. Газовые генераторы двенадцать вольт гонят, девчонки подросли, телик чуть не каждый день бегут смотреть. Всё веселей стало. Семён поёжился, налил с полстакана, перекрестился, тяжело дохнув, выпил.

Стойбище у этой семьи километрах в пяти кочевало, так кругом вахтового посёлка и крутились. Батя у них большой любитель выпить: рыбка, охота, всё на продажу, за бутылку тащит. Пока совхоз был, как-то ещё струнили его. А потом раздали семьям оленей, в два года и спустили всё. Пропили, подрастеряли, дикаря пошло видимо-невидимо, за ним волки. Оружие кто пропил, кто по пьяни потерял, а где и украли пришлые. Да и боеприпасы денег хороших стоят. Вот и забегали девчонки подкормиться к Кузовкову. Тревожно и тоскливо на душе стало, кажется, в прошлую зиму девчонки у него сидели. Галя, бой-девка, жаром пышет, щёки здоровьем пунцовеют. Так посмотреть, ну, дети, чуть выше пояса Семёну. А баба внутри играет, да ещё как... силища какая... А что делать, Север, тут раскачиваться нет времени, лето короткое, ночь на всю зиму...

Кто-то постучал в дверь. Прислушался... опять постучали... уже настойчивее. Сердито двинул бровями, но встал со стула, отключил: Галя стоит, вся какая-то серая, лицо в чирьях. «Чего тебе?» А та бутылку узрела.

-Выпить хочу!

-Шла б ты домой...

-Наши в посёлке все.

-Пьют, поди.

-Пьют! Налей!

-Ну, заходи, – посторонился, – раздевайся.

Та помялась, но малицу скинула. Длинная, мятая юбка с прилипшим оленьим волосом, кофта без пуговиц, свитерок прикрывает тшедушное тельце. Совсем дошла девка. Налил чуть на доньшке.

-Жадный какой! Лей больше!

Плеснул ещё, зло глядя в бегучие глаза, «лучше б тебя... тьфу!... тьфу!» Быстро, незаметно перекрестился. Галя выпила, схватила колбасу, хлеб.

-Есть хочешь?

Кивнула головой

-Сейчас суп приготовлю, сиди.

-Нет! Мне еще выпить дай!

-Дам. Пока не поешь, ничего не получишь!

Девчонка послушно затихла, раздраженно зыряка на бутылку. Расспрашивать её Семёну ни о чём не хотелось. Но Галя сама начала.

-Я вчера только из Усть-Порта пришла. Не успела на похороны.

-Чего в чирьях вся?

-Не знаю, простыла.

-Простыла она! Ложишься под всех подряд!

-Не твоё дело. Как хочу, так и живу. Лапки твоей нет, с кем спать будешь?

Кузовков сдвинул зубы:

-Только не с тобой.

-А чего ж так? Я учёная, всё умею.

-Заткнись, дура!

Галя шмыгнула носом:

-Заткнулась. Жрать захочешь...

-Да понятно всё, только сообщать и себя уважать, хоть маленько, надо.

-Ты умный какой! Думаешь, Лапка с тобой по любви спала? Ха! На хрена ты ей старый нужен... она тоже есть хотела...

Семён молча помешивал варево. Галя старшая. Характером бог её не обидел. И язык, хоть и ненка, подвешен не в меру ловко, и волю ему она давала.

-...Тебе-то что?

-Подарки привёз?

Кузовков насуплено порылся в сумке, вытащил корбочку с серёжками, бросил на стол, потом выложил тёплую вязаную кофточку, там же, где и носки купил, на базаре в Сочи. Галя жадно схватила корбочку, подскочила к зеркалу, примерила серёжки, крутнулась туда-сюда, – Пойдёт! Сбросила свою кофту без пуговиц, натянула обновку. Фигурка её ладненько обтянулась. «Ничего девка, отмыть, подкормить...» Кузовков налил супа, достал ещё бутылку, плеснул Гале, себе побольше.

-Пей!

Та ойкнула, замахала руками, – крепкая водка. Лапке хорошо, никаких теперь забот... – стрельнула тёмным зрачком, – там ни старых, ни молодых.

Семён выпил, тяжело откинулся на кровать. Одолевала дрема, за окном уже выло во всю мощь.

-Закрой форточку.

-Налей ещё!

-Наливай и метись отсюда.

...Надорвал как-то поясницу Семён, пластом лежал, Лапуля взялась мазь ему «тигровую» втирать. Ручонки маленькие, жаркие, и трёт, и трёт без усталости. «Ну, всё! Всё! Уже здоров!» – взмолился Кузовков. Чувствует, нравится девке его чугунное тело оглаживать. Самого в озноб бросило... Сильная девчонка была, помогала Семёну сети ставить. По хозяйству, требовались вторые руки. И по ягоды они ходили, и по грибы. Смотрел иногда Семён на внешне бесстрастное лицо и понять не мог, что, чем он притягивает девчонку. Уж ей и за четырнадцать далеко, приодеваться стала, да ещё вкус, оказывается, какой... всё так ловко и пригоже на ней. Конечно, читал Семён Набокова. «Лолита»... Ну и что? Навыдумывать чего хочешь, можно. На то он и писатель. Считал, что в жизни такого не бывает.

А вот он в городе, или как в этот раз, в отпуске, а сердце, как у мальчишки, винтом в груди ходит. Кровь лицо палит. И стыдно до смерти... девку хотеть начал. Прямо по мужицки. Придёт она, туда, сюда, шмыг, ле-

пёшки ли печёт, рыбу жарит, а Семён её всю видит, голенькую, ладненькую, груди небольшие, крепкие. Переносил Лапку как-то через ручей, прижалась, за шею обхватила, глаза закрыла... Кузовков уже и сто метров несёт, и двести, так и в домик занёс. Положил на кровать, а она его не отпускает... Осторожен он был с Лапой, рука у него – в стае девчонки, не рука – бревно. Не девчонка Лапуля была, но опыта никакого. А какой опыт нужен Семёну, ласка, и нежность всё огромное тело заполонило...

Навряд ли кто догадывался об их отношениях. Хотя у вахтовиков, да и в посёлке этим никого не удивишь. Лишь Сашке, закадычному другу пожаловался в великой растерянности и страхе. Тот хмыкнул лишь:

-Нашёл о чём страдать. Не ты, так другой. У них это просто. Природа, батенька. Зреют они оё-ёй, как быстро, а век у них – тью-тью! Не журишь..., покаяйся, помолись.

Как ни каялся, ни молился, а Лапочки нет.

Семён схватил шубу, бросился на койку, укрылся с головой, жадно вдыхая прелый овечий дух... Не сбросить прожитого, не забыть... Но жизнь, ведь, не кончилась.

...Через полгода Семен Кузовков оформил пенсию, и уехал на материк. Куда? Об этом никто не знает, видели, что в аэропорту с ним в очереди регистрации стояла девчонка... коренная северянка...

Октябрь, 1999 – 2000 год, Таймыр

Под музыку Вивальди

Вот и наступила пора ностальгическая: очень муторная для души и заковыристая для ума, но для сердца трепетная и тонкая... Полярная весна в зените, балансирует на пике, – раздумья... сомнения... тревоги...

Все серое кругом, местами и черное, но не совсем мрак, и вдруг более тревожно стало: два глянцевиито-угольных ворона тяжело прочертили напряженную необозримую синеву весеннего небосклона, исчезли, оставив огромный вопрос: что это означает, к чему их загадочное, молчаливое появление? Ни каркнули, ни... нет уж их...

Тундра – живое существо, она озабочена. Снега-то почти нет, есть крохи, и эти крохи просят, молят солнце... слепящее, сильное: растопи, изничтожь мою немощь, чтоб дряхлой белизной не портить картины весны, мучительно выжданной, расцветающей в эти часы, минуты, секунды. Скоро! Ох, скоро и настоящее тепло, скоро лето! Оглянуться, перевести дух не успеешь, как оно сразу, минуя красну, и наступит. За полярным кругом только два периода года, ощущаемых вполне ясно – лето и зима, потому что весну и осень – прекрасные времена – не успеваешь вкусить, не успеваешь ими насладиться. Мучительно ожидание праздника, от того и ярок этот праздник, и быстротечен. Если б можно...

О зиме, нудной, длинной как сама жизнь, забыть хочется, и побыстрее. Лето, коротко, но тучи гуса и мошкары так его удлинняют, что час за сутки идет, и молитвы заставляют кровопийцы, чтоб оно и вообще не наступало. Пусть уж зима, морозы и метели, передых, накопление душевных сил. А тратим накопленное, выстраданное ожиданием, за короткий миг: вот гусь пошел, пуночка запыкала, комар зазудел, и назад гусь уже идет – мера этого мига. Осень ждешь, чтоб от лета отряхнуться да к зиме подготовиться. И уж не за горами весна: светлая, кипучая, быстрая... Человек на севере яростен, но век его короток, хоть и забываем до нестерпимого спазма в горле, до соленой слезы... Все тут до душевного спазма... до соленой слезы.

А весна в разгаре, недолгая свадебная кадрили Куропача: кричит, клокочет, орёт. Можно сказать, с ума сходит, желая заполучить нежную, грациозную, с точёной шейкой, маленькой коричневой головкой, Куропаточку. Жених басит, вытягивая шею из белесой остистой травы, голову, увенчанную красными надбровьями, клонит туда-сюда. Вот курочка, кокетливо крутанув шейкой, нежно квокнула раз, еще раз, головку, устыдившись, вытянула вниз, и несколько шажков вперёд, в кустик

тальника... и молчит. Здоровенный Куропач вертит сильной шеей, обрамлённой коричневым воротником, подпрыгивает из травы, тянется во все стороны, потеряв солидность: где же она? Молчит курочка, в пятидесяти метрах друг от друга, молчит и петух.... Первой забеспокоилась невеста, несколько раз нежно квокнув. И опять устыдилась: голову вниз, шейку вытянула и нырк глубже в кусты. И уж там зовуще вытянулась на цыпочках вверх: где же её суженый? Что-то долго молчит ухажёр, не надоело ли ему гоняться за кокеткой, не дай бог, утмила дружка. Нет-нет, тот уж точно теперь видит и знает, где суженая. Да свадебный этикет не позволяет напролом ринуться к ней: и он вытянулся, напряжился, забулькал, переливая червонным золотом своё шейное оперение. Краснобровая голова, раскрытый клюв дрожат, kloкочут от страсти...

Вечерами, в одиночестве очень все волнительно и о...очень впечатляет наблюдать это и подвигает на самые разные размышления.

Родовое имение Мусоргского в каких-то десяти километрах от деревни, где я родился. Место невероятно дикое. Кругом дремучие леса, лишь проплешина голого бугра у озера. Под бугром несколько старых ветел и фундамент. На бугре, на самой верхотуре, на Лысой горе, памятник композитору. Простор и одиночество... я позавидовал. Как, наверное, в зимние вечера: в ветра, в морозы, – страшно и тоскливо было тут. Волки к метели подвывают, на многие версты ни души. На сотни – лишь застывшие деревеньки, занесенные по соломенные крыши снегом. Ни огонька, ни дымка, ни тропочки, лишь поземка, черный лес, стылое звездное небо, злой ущербный месяц. Мрак, тоска и одиночество!..

Месяц назад «Лунная соната» до последней жилки души в серости весенней непогоды и одиночестве была ознобом тишину. Оглянуться не успел... все цветет. Много будет голубики, если не ударят заморозки, но нет, уже не страшно, ягода в силу, в зелень пошла. Морошки видимо-невидимо, вот уж ягода, вот уж из чего варенье. Весь крутолобый взгорок к реке усыпан бутонами жарков, развелось море бескрайнее. На ветру, как пал, пламя, жар плещется среди высокой травы, тальника, кряжистого, седовато вздрагивающего под порывом теплого ветерка. Птичек поет, скачет, порхает несметно. Три года, как нет нашей хозяйки, кошки, Муськи. Не было зверя страшнее в округе: утром ползет из кустов сквозь осоку, вся мокрая, брюхо по земле. Ползет, жмурится – гнезд сколько разорила, хищница. Сейчас птичкам раздолье, запорхали птенчики, растопырив хвосты да крылышками шелупоня.

Дорожки к особо важным местам на точке: баня, туалет, взлетка, – выложены из досок, вот они и скачут по ним, мошек ловят. Куропачий цыпленок, пушистый комочек, в точь, как куриный, даже желтенького есть, прокатился по настилу, за ним шток пять собратьев и мама из травы следом, кудахча, шлеп-шлеп по доскам, коричневой шеей на триста шестьдесят градусов башку – круть-круть – и опять в травку. От весенней кадрили живые побеги...

В яркой зелени тундра, цветов море, краски!.. И желтые, и васильковые, и бордовые... эх! Но не наши заливные луга, хоть и мило взгляду и сердечко вдруг застучало, зачастило, домой что ли, на родину хочет? Нет! Или хочет? Ноет!.. Ох, ноет... Неужели действительно время наступает неотвратимое, безжалостное: пора расставания с необычным, невероятно странным и прекрасным миром? Какие тут люди! И Стеньки Разины, и Иуды, и святые, и Бог мой, сколько могучего люда духом и красотой душевной со всех концов нашей необъятной тут встретил. Неужели бросать все? Но так привычно, и вроде уже удобно? Сомневаясь и переживая, начинаю уговаривать себя: я еще выдюжу, если надо, меня хватит, и много всяких зацепок и придумок... Музыка Вивальди – «Времена года» – постепенно завораживает, укачивает, растворяет в видениях. Ярко-оранжевое солнце раскалённой большой каплей, огрызшей и потемневшей книзу, скользит по далёкому горизонту. Если смотреть, застыв, обмерев каждой клеточкой тела, заметишь его движение. Вот оно, опалив далёкие деревья, окрасив их вершины в тёмно-бирюзовый с нежной желтизной цвет, медленно исчезает, тает в серебристой, искристой, уходящей в бесконечность, равнине. Вот оно ослепительно-красно зыркнуло мне в глаза лучом – и нет его. Солнышко уже где-то в преисподней, лишь редкая дымка в темнеющей синеве чуть розовеет. Дальше, выше, у меня над головой небо уже черно, чуть мерцают, поблескивают звёздочки... – ночь! Красиво, и... и! Одиноко одинокому!.. Жить в природе, быть с нею «на ты», это даже опасно: впадаешь в детство!

И кажется уже: в далекой теплой стороне, под музыку Вивальди грезится мне все это: и первая кадрили Куропача, и темно-вишневая капля солнца над белоснежным зимой, темно бирюзовым летом, в сумрак стекающим простором, и необозримые тальниковые седые всплохи у необъятного горизонта, и обжигающий взгляд первых жарков на высоком, крутолобом яру Большой Хеты... А если и не грезится, то не минуют эти видения мою память нигде и никогда...

АЛЛА ЛУБНИНА

Родилась в 1936 году. По образованию – архитектор. Более тридцати лет живет на Диксоне. Работает в заповеднике «Большой Арктический» методистом эколого-просветительского отдела. Работала в составе Полярной экологической школы на Диксоне. В 2002 г закончила Институт культурного наследия в Санкт-Петербурге. Публиковалась в альманахе «Полярное сияние»

Их помнит Ледовитый океан

Страницы истории освоения человеком Арктического побережья Таймыра, поражают своей безымянностью. Избы промышленных людей, которые осваивали эти берега, известны ещё с 16 века, но имена их хозяев остались неизвестными. Видимо, предки наши были в большинстве своём сильными и талантливыми людьми и не считали геройством способность пройти на деревянном суденышке по Студеному морю, построить на берегу коренное зимовье из леса-плавника и вести промысел. Это было обыденным делом.

Есть основания предположить, что многие промышленники жили здесь семьями. Однако с женскими именами дело обстоит ещё хуже. Читая книгу «Обыкновенная Арктика» Бориса Горбатова, который побывал на Диксоне в 1935 году, знакомимся с семьями промышленных людей, в частности, с дедом Курашом и его супругой – бабкой Дарьей, которые пришли с дитём в 1902 году на эти берега: «...здесь следа человеческого не было... Медвежий край...». А сколько таких семей было разбросано по берегам Студёного моря с незапамятных времён!..

Свидетельством тому являются и находки, обнаруженные в 1940 году на восточном побережье Таймыра в заливе Симса и на островах Фаддея, остатков торгово-промышленной экспедиции, датированной первой четвертью 17 века (судя по серебряным монетам – примерно 1615-1620 годы). Среди погибших были станки, принадлежавшие женщине, а также её одежда: остатки сарафана, обуви, кафтана, украшения... Хорошо сохранилась сумочка для огнива из сукна с разноцветным орнаментом, возможно сделанная руками этой женщины. Это первая женщина-полярница, следы которой обнаружены у берегов Таймыра.

Там же, на восточном берегу Таймыра, который сегодня носит название «Берег Василия Прончищева», трагически закончился в 1736 году жизненный путь Татьяны Фёдоровны Прончищевой, (урожденная Кондырева) первой в мире женщины-исследовательницы, жены руководителя Ленско-Енисейского отряда Великой Северной экспедиции. Отряд проделал тяжелейший путь длиной в один год и восемь месяцев от Санкт-Петербурга через Тобольск, Туруханск до Якутска с обозами, на которых везли всё: продовольствие, одежду, инструменты, парусину, гвозди, смолу, канаты и якоря. Затем на построенном в Якутске вёсельно-парусном дубель-шлюпе «Якуцк» экспедиция полтора года исследовала восточный берег Таймыра в тяжелейших ледовых условиях. Это подорвало здоровье супругов Прончищевых.

Из-за осложнений открытого перелома левой ноги погибает Василий Прончищев, начальник отряда. Татьяна Прончищева, бесстрашно делившая с мужем все тяготы и опасности полярной экспедиции, пережила его всего на две недели. Умерла от горя, простуды и лишения. Ей было 23 года. Могила четы Прончищевых, которая находится в маленьком посёлке Усть-Оленёк в Якутии, сохранилась до наших дней. В 1999 году останки захоронения были исследованы и произведено пластическое восстановление лица по черепу. Так, спустя более двух столетий, к нам вернулся из прошлого образ мужественной женщины, отдавшей любовь и жизнь во славу России и российского флота. Именем Прончищевой названа бухта на восточном побережье Таймыра.

Любовь позвала в Северный Ледовитый океан и французенку Жюльетту Жан, которая была невестой руководителя экспедиции Владимира Русанова. Её включи-

ли в экспедицию как специалиста, ибо, окончив естественный факультет Парижского университета, она продолжала учиться на медицинском факультете, одновременно работая в Сорбонне над диссертацией на степень доктора геологии.

В 1912 году экспедиция благополучно вышла на моторно-парусном судне «Геркулес» из Екатерининской гавани и взяла курс на Шпицберген, где выполнила большой объём геологических работ по оформлению заявок на угольные участки для русского правительства. Дальше «Геркулес» взял курс на Восток через Ледовитый океан.

Владимир Русанов был одержим великой исторической задачей России – найти «выход сотням миллионов пудов сибирских товаров самым дешёвым Северным морским путём», тем самым завоевать мировой рынок. Он писал: «Это бескровное чисто экономическое завоевание неизмеримо важнее самой блестящей военной победы, так как экономическое господство является прочной базой политического могущества».

Экспедиция закончилась трагически. Невозможно даже представить тот ужас и лишения, обрушившиеся на парижанку Жюльетту Жан, которая впервые оказалась в экстремальных арктических условиях! Но отступить было некуда... У берегов Таймыра найдены три стоянки русановцев: остров Геркулес в архипелаге Мона, мыс Русановцев к западу от полуострова Михайлова, остров Попова-Чухчина в шхерах Минина. На стоянках найдено множество вещей, принадлежащих членам команды. Среди них флакончик с лекарством, французская пуговица, французская монета – всё, что осталось от Жюльетты Жан.

Но нигде не найдено останков людей, захоронений, оружия, дневников, записных книжек, документов экспедиции... Их ищут по сей день, но пока ни одна версия не получила подтверждения.

В том же 1912 году из Екатерининской гавани вышла ещё одна экспедиция – экспедиция Георгия Брусилова на паровой шхуне «Святая Анна», на которой предполагалось совершить самостоятельное плавание по Северному морскому пути навстречу экспедиции Бориса Вилькицкого, который шёл из Владивостока на двух пароходах «Таймыр» и «Вайгач».

Единственной женщиной на «Святой Анне» была Ерминия Жданко, окончившая курсы сестёр милосердия,

добровольно согласившаяся принять участие в экспедиции Брусилова. В свои 22 года, она оказывала на судне медицинскую помощь, вела метеорологические наблюдения, заведовала продовольствием и занималась фотосъёмкой.

«Наша барышня», как называли её члены команды, сидела в кают-компании «за хозяйку». Ни одной минуты она не раскаивалась, что «увязалась», как ей говорили, с экспедицией. При исполнении обязанностей «хозяйки» часто попадала в неловкие ситуации, когда к ней обращались с просьбой налить чаю, стеснялась, что не предложила сама.

А «Святая Анна» тем временем подошла в район полуострова Ямала. Сильным южным ветром большое ледяное поле, в которое вмёрзла «Святая Анна», оторвало от припая, и начался медленный, но неуклонный дрейф к северу. Два года ледового плена, к началу 1914 года шхуну вынесло уже к северу от Земли Франца Иосифа. Стала ощущаться нехватка продуктов и топлива, а с середины 1914 года ожидался голод.

«Что-то ждёт тебя, «Святая Анна»? Сойдёшь ли на родную тебе стихию – воду, расправишь ли широкие белые крылья свои и радостно полетишь по глубокому морю на далёкий тёплый юг из царства смерти к жизни, где залечат твои раны. И всё пережитое тобою на далёком севере будет казаться только тяжёлым сном?..

Или в холодную, бурную, полярную ночь, когда кругом завывает метель, когда не видно ни луны, ни звёзд, ни северного сияния, ты внезапно будешь грубо пробуждена от своего сна ужасным треском, злобным визгом, шипением и содроганием твоего спокойного до сего времени ложа; с грохотом полетят вниз твои мачты, стеньги и рей, ломаясь сами и ломая всё на палубе?» – писал в своих записках штурман Валериан Альбанов, член этой экспедиции, чудом оставшийся в живых.

Возможно, так и случилось: «Святая Анна» была раздавлена льдами.

А на льду кучка людей в темноте и в полном отчаянии старалась спасти, что можно из своего имущества, всё ещё хватаясь за жизнь, всё ещё не теряя надежды...

И среди них молодая, полная надежды и любви к жизни – Ерминия Жданко.

Проходят годы, сплетаясь в века... Но их помнит Ледовитый океан...

Диксон. 2003 год.

ГАЛИНА ЗАБЕЛКИНА

Родилась в семье военнослужащего. После окончания Красноярского пединститута работала учителем в поселках Усть-Авамского района. С 1972 года работает в редакции газеты «Советский Таймыр». Ее рассказы и очерки вошли в сборники «Аргиш в полвека», «Белый олень Сэреко», «Северянки». Постоянный автор альманаха.

Звезды мудрого Исая (из блокнота журналиста)

Старый Исая долгую жизнь живет, сильно мудрый стал. Посмотрит на человека и сразу видит: хороший или нет этот человек. Конечно, у всякого свое суждение о людях, у Исая – своя мера. Много людей повидал он на просторах тундры. Это были свои сородичи-нганасаны и русские с «материка». Проверял их на деле.

Бывало, парень костерок не может развести, руки обжигает, слова злые по ветру бросает, а Исая, как ни в чем не бывало, тут же ходит или лучше на санку присядет. Закурит. Выдержку парня проверяет. И если тот – хватить спички оземь да тянется к нему: мол, дед, дай прикурить, значит, это – слабак. Ему не то что костерок для всех разжечь, он и огня для своей сигареты не добудет.

Однако Исая сразу об этом не говорит. Терпелив он, Исая. Сперва, станет объяснять незадачливому попутчику, как с огнем на ветру сладить. И если тот внемлет его советам, Исая довольно кряхтит, и мысли его начинают стекать в доброе русло. «Однако, маленько опыта нет у парня. Однако слушать умеет», – думает Исая, а вслух говорит:

– Огонь ласку любит. Ты – человек, а значит должен добрым быть, тогда и огонь в твоих руках запоет.

А то и другие люди попадались на пути Исая. И если нянькой приходилось быть у них, тут уж резон один: «Однако худой человек. Гляди, как хлеб свой украдкой жует, боится кроху дать другому. Все старается за счет других обойтись. Худой человек!». С таким в долгий путь не отправится Исая, таких он просто обходит молчаливым. Вот и меня Исая встретил настороженно. По заданию редакции мне надо было привезти репортаж из бригады знатного оленевода, а в каюры дали Исая. Небольшого роста, в полном национальном наряде, он ходил кругами вокруг меня, приговаривая:

– Век такой морда не видал. Моя тебя по тундре, однако, не таскал. Зачем сейчас таскать буду?

Исая еще долго изучал меня, но в тундру все же повез. Вот так и состоялось наше знакомство.

Мудрый Исая – добрый человек. Для него нет неодушевленных предметов. Все в природе живое: и мох, и вода, и звезды. Звезды – особенно. Сколько помнит себя Исая, свет далеких звезд всегда был рядом. Звезды говорили с ним на его родном языке, они же были путеводными, предсказывали погоду. «Они – хорошие люди», – по-доброму думает о них Исая.

Тихо. Тихо вокруг, снега укрыли тундру. Но Исая умеет слушать тишину. Она привычна для него, как сам мир. По весне снега стали подтаивать, издавая хрустальный звон. Следы зверей на них отчетливой и ярче. Можно долго их наблюдать и читать по ним исповедь тундры. Только не каждому это дано. Но Исая знает эту хитрую грамоту природы. Он ее читает и в ум складывает. Может, пригодится когда, может, и нет. Все одно складывает...

Помнит он детство свое, и отца, Няго, помнит, и деда, и многих из своего гордого рода Линанчер. Вот, например, как забыть Деся Нармусовича Порбина? Хороший мужик был, этот Деся. С другими безоленными нганасанами часто ходил в горы Бырранга за дикими оленями и в их поиске доходил до самого океана.

Помнит Исая, как вместе с Десей, Сенгиме и Татому возили они товары из Дудинки в тундру. А потом Деся был каюром у Никифора Бегичева. Да, сильный был человек Деся. По тундре ходил, как по своему дому. Хозяином ее был.

И сам Исая, сын Няго Турдагина, не истинный ли он хозяин тундры? Оленеводом был, рыбаком, охотником

был. Две правительственные награды имеет. Теперь, правда годы взяли свое. На пенсию ушел. Однако трудиться не бросил. Такой уж у него характер. В тундре живет Исай, в укромном местечке – Камень Хуруйка. Жена – с ним, сын с семьей. Детей-то было у них со старухой много, но не суждено, видно, им было долго жить под звездным небом. Остался один сын – Николай, переловый охотник. За отличный труд наградили Николая поездкой в Болгарию.

Волнуется Исай, беспокойство хитрой мышью забралось в его душу: как будет по незнакомой земле ходить его сын? А ну, заблудится? «Надо ехать в район. Там все узнаю», – решает Исай.

Путь лежит перед ним знакомый, и ветер теплый, встречный, так чего же шевелится в его душе мышья беспокойства?

– Хр, хр, – шевелит он оленей.

Из под полозьев санок летит снег. Огромный купол неба прозрачен.

В контору Исай зашел сразу с мороза, только капюшон парки откинул. На плечи легли седые завитки волос.

– Скажи-ка, Харитоныч, – обратился он к инженеру по промыслам, – где эта Болгария? Что за земля?

– Да, вот, Исай Нягович, смотри сюда, – инженер ткнул пальцем в зеленый квадрат карты. – Это и есть Болгария.

Исай долго смотрел, куда указал Харитоныч. Наверное, мысленно прошел путь от своего чума на Камень Хуруйке до Болгарии. «Однако далековато совсем. Пропадет, однако, Николай. Потеряется, а? земля-то совсем незнакомая ему, как дорогу гладать будет, по какой звезде путь домой найдет, а?», – думает Исай, а вслух говорит:

– Болгария – это шибко далеко.

– Да, ты не волнуйся, Исай Нягович. Николай будет не один, а с целой делегацией. Проводник будет с ним. Я-то вот по тундре плутаю? То-то! А ты ходишь по ней, как по знакомой дороге, верно? Вот и там такой проводник будет, экскурсоводом зовется.

– Ну, тогда хорошо, пусть едет в Болгарию. Только ты ему напомни: если заблудится, пусть полярную звезду найдет – она всегда к дому приведет.

И снова летят по тундре санки Исая. Хорошо летят. Над его головой светит яркая Полярная звезда – она оказывает старому тундровику путь к дому. Она такая же мудрая, как сам Исай.

Прикосновение к легенде

Из блокнота журналиста

Стояла августовская золотая осень. Четвертые сутки аргиш с многочисленным оленьим стадом двигался к берегам Карского моря, к месту проведения коралльных работ. Полозья санок мягко скользили по цветному росистому мху. Тундра отдавала человеку свои дары: ягоды, грибы, полярные цветы. Днем стояла жара. Полчища комаров и мошек носились в воздухе, поэтому мы аргишили из одной оленеводческой бригады к другой в прохладе ночей, темень которых быстро таяла к утру.

Впереди аргиша бежали олени стада, за ними ехали пастухи. Наши санки замыкали этот экзотический караван в безмолвии тундры. Путь лежал к бригаде Хансуты Харновича Яптунэ, Героя Социалистического труда. Моим каюром был подросток, сын одного из оленеводов, Володя. Олени бежали ходко, спать не хотелось, и я любовалась красотой тундры.

Это только издали тундра кажется ровной, а когда едешь на санках, то и дело встречаются невысокие холмы, узкие речушки, по цвету похожие на кофе, озера и болота.

На холмах восседали огромные белые совы, похожие на сфинксов-стражей непуганых мест.

– Вон, видите на том холме сов? – сказал Володя. – Это семья.

– Почему ты так решил?

– Просто знаю. Вот та большая сова – это мать, а рядом с ней поменьше ее детеныш, а та, что парит над ними, – отец. Никто не рискует подойти к совам близко – глаза могут выклевать.

Чем дальше продвигался аргиш, тем чаще встречались холмы, и теперь на них вместо сов сидели серо-рыжие семейства песцов, которые ничуть не боялись людей.

– Песцы – умные зверьки. Они знают, что в такую пору человек их не тронет. Шкурки сейчас не имеют ценности, не то что зимой, когда зверьки «надевают» белые, красивые «одежды», – поясняет Володя.

Неожиданно речушка, вдоль которой двигался аргиш, вильнула в узкий проход между холмами. Пастухи, едущие впереди, свернули в сторону, а мой юный каюр предложил:

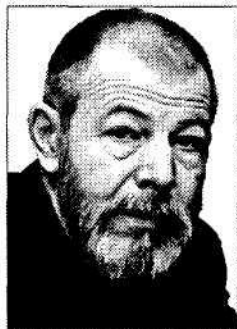
– Рванем через ущелье и быстро догоним аргиш.

Мы нырнули в узкий проход и оказались в низине с небольшим озером, куда впадала речушка. Все пространство было окружено холмами. Возле одного из них виднелось сооружение, похожее на большой побуревший от времени ящик, окруженный шестами, на которых белели черепа оленьих голов и позвякивали от легкого ветра колокольчики. Было жутко. Олени захрапели и встали как вкопанные.

– Это дух озера не пускает нас, – совершенно серьезно заявил Володя и добавил, – видите, у холма развалины сооружения – это могила шамана. Мне дед рассказывал, что давным-давно, когда счет времени велся по лунам, в этих местах жило воинствующее племя очень высоких людей, которым правил этот шаман. Был он очень справедливым человеком. И сегодня каждый, кто попадает в эту долину, должен что-нибудь оставить на его могиле и бросить монетку в озеро для его духа. Володя достал из сумки гильзу от патрона, сделал несколько шагов к могиле, но не подошел, раз-

махнулся и бросил на нее гильзу, а в озеро – монетку. Я последовала его примеру, оторвав от куртки пуговицу, кинула ее на могилу шамана и монетку в озеро. Не знаю, помогло ли это, только наши олени рванули вперед и помчались к выходу из долины, который едва можно было разглядеть из-за тумана, вдруг окутавшего холмы.

... И сегодня, перебирая старые блокноты с записями из разных командировок по просторам дорогого мне Таймыра, я частенько вспоминаю ту далекую августовскую ночь, когда пришлось прикоснуться к легенде.

ВЛАДИМИР СОЛДАКОВ

Родился в 1949 году на Украине. На Таймыр приехал в 1979 году после окончания Ленинградского университета. Профессиональный журналист, более 20 лет работает в окружной газете «Таймыр». Публиковался в центральной печати, на станицах краевых и окружных газет, в альманахе «Полярное сияние». Живет в Дудинке.

Под нами верхние миры...

ДРУЗЬЯ МОИ, НГАНАСАНЫ!

Поселок Усть-Авам, как мы ни выглядывали его в иллюминатор вертолета, открылся неожиданно. И после разбросанных по ровной местности деревянных домов Волочанки предстал перед нашими взорами на взгорке чуть ли не городским пейзажем.

Так нам, гостям, прилетевшим сюда на День рыбака через Волочанку, показалось оттого, что некоторые дома, раскиданные на возвышенности, выложены из кирпича. Вот, наверное, и создается такое впечатление. Сами понимаете, что поселок есть поселок и до города ему далеко...

История строительства кирпичных домов в Усть-Аваме довольно банальна.

Вначале восьмидесятых как будто какой-то рок стал преследовать его жителей. В зиму, не помню какого года, что ни день, то пожар. И руководство госпромхоза «Таймырский» приняло решение о строительстве на месте сгоревших деревянных домов кирпичных сооружений – от них в случае пожара хоть стены останутся и меньше потребуются денег на восстановление. Так вот и появились в Усть-Аваме дома из кирпича. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

В поселке почти нет комаров. И тем самым, не в обиду будь сказано, он намного привлекательнее Волочанки. Как мне показалось, красивее. Более компактный и уютный. Впрочем, это чисто субъективное мнение, с которым, думается, не согласился бы ни один житель Волочанки.

По поселку вальяжно так разгуливает конь, скубает зеленую, вошедшую в рост траву. На дворе – разгар лета. По некрутому склону рассыпались белоголовые ромашки, темно-розовый кипрей да ярко-желтые венчики пижмы. Как ни странно, но соцветья пижмы почему-то напоминают кисти рябин ранней осенью, когда они только-только начинают окрашиваться в свой обычный цвет.

... С дядей Петей Чепаловым мы стоим возле его деревянного дома-скворечника на берегу Авама и любимся открывшимся видом.

Слева от нас – полноводная излучина реки, делающей у поселка поворот, как будто проведенный циркулем. Она убегает направо, унося свои воды в Дудыпту. Там, в девяти километрах от поселка, устье древнего Авама. В его темных водах сейчас хорошо ловятся чирьи и подчирки, муксун, жадно хватает блесну голец.

– Это вообще-то озерная рыба, рассказывает дядя Петя. – А в реку попадает после половодья. Авам по весне разливается и затопляет пойменные озера, а затем, со спадающей в летнюю пору водой, втягивает в себя всю живность, которая там водится.

– Петр Викторович, – прошу я своего собеседника, – расскажите, пожалуйста, про коня. Говорят, вы и сейчас за ним присматриваете?

– Почему сейчас? Я всегда за ним и смотрел. С той поры, как маленьким жеребенком привезли его сюда. То ли с Эвенкии, то ли с Якутии. Точно не помню, знаю только, что конь монгольской породы. Потому и имя у него нехитрое – Монгол. А коню двадцать семь лет уже, однако. Старый, как и я. Но он-то дольше моего проживет. А мне уж за поселок пора, – показывает дядя Петя в сторону кладбища.

Но не подумайте, что Чепалов совсем уж старый. Нет. Как выяснилось, ему только семьдесят три. Тридцать три из них живет в Усть-Аваме.

– Всего-то семьдесят четвертый мне, – говорит дядя Петя. И это его «всего-то» свидетельствует о том, что Петр Викторович Чепалов умирать не собирается. Что ж, долгих лет ему – рядовому труженику, бывшему госпромхозовскому конюху, полжизни своей смотревшему за лошадьми, а нынче тоже вот не бросившем коня на произвол судьбы – присматривает, как говорится, на общественных началах за состарившейся животиной.

Но разговор о бренности жизни, начатый им, невольно и я продолжил, спросив у Чепалова о Молко Согумовиче Турдагине, местном жителе, давнем моем знакомом, в общем-то, хорошо известном человеке. И не только в Усть-Аваме.

– Да помер твой Молко. Уж несколько лет будет, как переселился в свой нижний мир, как сам когда-то при жизни говаривал. Что поделаешь, все мы смертны...

В общем-то, я и предполагал, что не увижу в этот раз Молко Согумовича. Но никак не мог этому поверить. Однако в подтверждение своих слов дядя Петя показал рукой на кладбище.

– Там он, нганасанин старый, – сказал Чепалов, – а в верхнем или в нижнем мире, кто ж его разберет? Вот так вот...

Меня удивило это чепаловское спокойствие. Такая, что ли, готовность покориться судьбе, полнейшее согласие с тем, что так оно и должно быть. Даже смерть человека его не очень удивляет и трогает, а воспринимается с таким вот философским спокойствием, с каким-то полнейшим равнодушием, можно сказать.

Никак не хотелось с этим соглашаться. Разозлил даже малость меня дядя Петя. Но подумал: «А чего сердиться? Злишь, не злишь, все ведь по-житейски понятно. Лет через двадцать и со мной то же самое будет, наверное...».

Подумав так, повернулся в сторону кладбища и поклонился всем, кто туда переселился.

Как узнал позже, похоронили там не так давно и Федора Спиридоновича Безруких. Он легко ушел из жизни – уснул и не проснулся. Пухом ему земля!

О нем и его сыне Илье я в самом начале восьмидесятых опубликовал в «Советском Таймыре» один из первых своих очерков – как результат первой командировки в Усть-Авам. Потому и запал навсегда в душу этот маленький таймырский поселок, и так хорошо помнится обо всем, что с ним было связано. Это, наверное, как первая любовь.

Но, удивительное дело, ту пору очень хорошо помню, а вот когда в последний раз виделись с Молко Согумовичем, вспомнить никак не мог. Но память, как книжка: полистаешь ее странички, и вот она – наша последняя встреча. Семь лет назад это было.

... Молко Согумович не меняется. Над ним время вроде как бы не властно.

Узнав его в городе по характерным движениям низкорослой фигуры, минут пять догоняю, все убыстряя и убыстряя шаг. Вдогонку кричать бесполезно. Знаю, что старик и раньше-то совсем плохо слышал, ну а теперь подавно...

– Ой, это ты! Сколько ж лет не виделись, однако? – приветливо улыбается Турдагин, – Гляжу, все так же с сумкой ходишь. Не та ли, что мои собачки обмочили в прошлый раз?.. Почему новую не купишь, денег нет? А у меня вот тоже их – тую-тую... Все равно живу, как видишь.

... Лет пятнадцать назад в поселке Усть-Авам только у одного Молко Согумовича оставалась собачья упряж-

ка. Все остальные уже гоняли на «буранах». И долганы Илья Безруких с отцом Федором Спиридоновичем, и звенк Борис Кононович Елогирь, и, естественно, русские охотники-промысловики.

Турдагин же – нганасанин. Не знаю, шутил он или правду говорил, но объяснял мне тогда, что обычаи его народа не позволяют ездить на машинах. На оленях можно, конечно, но они в Авамской тундре из-за сибирской язвы давно перевелись. Вот и держал старик по своим транспортным надобностям свору ездовых собак для упряжки.

Это средство передвижения и перевозки грузов впервые я у него в Усть-Аваме и увидел, когда Молко Согумович спускался на санке к речке за водой. Конечно же, нельзя было упускать такой кадр. А потому щелкал и щелкал затвором фотоаппарата.

Потом он собак выпряг, и мы уселись на нарты покурить-побеседовать. Сумка моя кожаная на снегу оставалась. А за разговором и не заметили, как псы «расписывались» на ней... Стой поры хорошо помню один из первых своих таймырских уроков – если находишься в поселке, никогда не оставляй сумку на земле. Но память, бывает, иногда все же подводит...

– Сколько ж тебе лет, Молко Согумович, теперь?

– А и не спрашивай лучше. Сколько есть, все мои. Чего ж их считать? Считай – не считай, а уходить в «нижний мир» станешь, все равно мало покажется. Давно уж и помереть следовало бы...

Помирать-то вроде бы и ни к чему. Глядя на этого не по возрасту шустрого старика, не скажешь, что он в свой нганасанский «нижний мир» собирается, как сейчас сказал. Лицо свежее, загорелое, хотя и солида нынешним летом было мало. Глаза с хитринкой. Весело искрятся.

– Чего радуешься, Молко Согумович?

– А почему бы и не порадоваться? – вопросом на вопрос отвечает старик. – Тебя вот встретил и посмешил немножко. Тоже, вижу, веселее стал. Это ведь только кажется, что жизнь невеселая такая. Смешного на каждом шагу много. Вот посмотри...

Молко Согумович показывает на дымящийся асфальт, по которому туда-сюда медленно ползает тяжелый каток.

– Разве не смешно? Дудинская администрация не нашла денег, чтобы в наш поселок продукты на зиму завезти, а у вас в городе катком эти деньги раскатывает. В Москве юбилей вековые справляют Ельцин и Лужков (столица в тот год отмечала свое 850-летие), а у нас в поселке Усть-Аваме больше сотни безработных на хлеб не имеют... Эх-хе-хе!

– У вас река обмелела. Теперь вот вертолетом будут доставлять продовольствие, – перебиваю бойкого старика. – Раньше-то тоже ведь не сладко жилось. И денег не всегда на все хватало.

– Да, не сладко, – кипятится Молко Согумович. – Но зато всегда, если захочешь, можно было подработать. А нынче вот негде. Ты знаешь, что в нашем поселке по-

шивцев закрыли? Полсотни женщин без работы остались... Хорошо ли это? Плохо. Может, не приведи господи, как в Волочанке получиться – стреляться начнем. Довели правители людей до ручки...

Старик опять вздыхает да охает, покачивая головой. Потом, как бы опомнившись, и оглянувшись по сторонам (не наговорил ли чего лишнего тут!), продолжает:

– Я вот всегда на промыслах работал. Каждый год. Ты ведь знаешь. Но теперь госпромхоз оленей не стреляет. Промысловые точки совсем уже захирели. Непонятно, чем хозяйство занимается. Но на центральной усадьбе в Норильске масса конторского народу все так же бумажки на столах своих перекладывает...

Слушай, а ты мне фотографию так и не сделал ведь, – вдруг обрывает старик свою обличительную речь. – Почему не прислал, как обещал? Я ведь знаешь, сколько рогов тогда госпромхозу заготовил? Мне сам директор Сорокин благодарность прямо на промточке объявил за хорошую работу...

Ладно, не сердчай уж. Ты что – человек понятливый. Не какой-нибудь там начальник или депутат. Это они все обещают да обещают... Прощай, однако. И обязательно к нам в поселок приезжай, если получится. Собак у меня уже нет. Самому прокормиться бы. Но ничего – свинья не выдаст, черт не съезд. Люблю я эту вашу русскую поговорку. А собак еще можно собрать по посел-

ку. Приезжай. Эх, и прокачу!

Последнее сказал для того, видимо, чтобы как-то смягчить свой упрек, чтобы не наносить обиду своему собеседнику.

Здорово, видать, обиделся на меня Молко Согумович. Но я, честное слово, не виноват. Хорошо помню, что отправил ему фотоснимок, который был сделан на промысловой точке Рассоха. Он работал тогда в бригаде отстрельщиков Султана Борисовича Цаллагова – обдирал камуса с оленьих ног да лобики с голов, и горы рогов заготовливал. На фоне одной из таких гор я его и сфотографировал. Но по какой причине не попала фотография в Усть-Авам, кто ж теперь узнает?

Это было последнее, что я услышал от Молко Согумовича. И он тут же ушел, не оглянувшись даже. Словно растаял в асфальтовом мареве городских улиц.

Совершенно не думалось тогда, что уходит он навсегда. В тот мир, который нганасаны называют нижним, а у нас, насколько знаю, принято считать верхним.

... До сих пор от этой мимолетной встречи остается горькое чувство вины. Со временем, правда, оно немного улеглось, притупилось. Но, наверное, не только поэтому, а еще и потому, что знаю – все равно когда-нибудь свидимся. В верхнем ли, в нижнем мире, встретимся непременно. И тогда уж сочтемся невольными нанесенными друг другу обидами...

Семейный отшельник с промточки Пелятка

Именно так в былые годы называли рыбака совхоза «Заря Таймыра» Егора Михайловича Ямкина. Потому что хоть и сдавал весь свой улов в совхоз, однако безвыездно жил на промысловой точке Пелятке. Зимой и летом. Да к тому же не один, а с большой своей семьей, которую сегодня можно считать одной из самых многочисленных в нашем автономном округе.

Автору этих строк не раз приходилось бывать на Пелятке, за что можно лишь благодарить судьбу, писать о передовом промысловике, известном на Таймыре высокими результатами в рыбодобыче, прославившемся своими рекордами на неводном лове.

Неловко признаваться сегодня, но за этими производственными достижениями мы часто не видели людей, хотя, надо сказать, старались писать о них со знанием дела и с душой. Однако, случалось, не замечали других вещей, которые так или иначе присутствуют в нашей жизни, для чего, если разобраться, она в общем-то и предназначена свыше каждому из нас.

Хочу наверстать и поправить то, что невольно когда-то упустил, вернуться в недалекое прошлое, еще раз рассказав о человеке, выполнившем, как мне думается, это свое предназначение с лихвой.

... Далеко на озере кричали встревоженные кем-то гуси. От их заполошного крика утренний сон вмиг рас-

таял. Я открыл глаза и увидел, что Егора на лежанке уже нет. По всей ее длине в самых невообразимых позах спали его чумазые ребяташки.

Было очень рано, потому что подброшенные с вечера в печку дрова еще не успели прогореть. Малиново светились угли, отбрасывая через слегка приоткрытую дверку «буржуйки» мерцающие блики на разостланные в чуме оленьи шкуры.

Я вышел из теплого жилища рыбака и увидел Егора Михайловича сидящим у неширокой протоки, в травянистый берег которой грустно уткнулись носами темные от времени деревянные лодки. Над водой стелился туман, и казалось, они погружены в молоко... Низко над нами, с шумом рассекая воздух, пронеслась пара гусей.

– Видать, ондатра спугнула, – произносит вполголоса Егор, объясняя непонятную для меня ситуацию. – А так у нас здесь в общем-то всегда тихо. Зверь и птица, рыба в реках и озерах – непуганые. Пелятка. Мои родовые уголья...

На Пелятке прошла, считай, вся жизнь Ямкина. Здесь с отцом, Михаилом Прокопьевичем, охотился, добывал рыбу и пастушил. Этим и сейчас занимается, правда, оленей ему выпасают другие люди – родственники, однако. Сколько в стаде домашних оленей, не говорит. Не принято, мол. Есть маленько да и все.

Но я думаю, что, наверное, это как с гусями, когда я спросил у Егора, как он провел весновку.

– Маленько настрелял, – точно так же сказал он. – Если хочешь, пойдем покажу.

И мы пошли с ним в ледник, вырытый давным-давно когда-то в травянистом откосе невысокого бугра. Дедом Прокопием еще, наверное. Там под закуржавевшими от вечномерзлотного холода сводами увидел я олених туши и рыбу разных видов, и гусей – не меньше сотни, но крайней мере...

«Да, – подумалось, – настрелял, называется, маленько...».

Это только кажется, что много, – как бы угадав мои мысли, откликнулся Егор Михайлович. Семья-то у меня большая, вмиг управимся со всем этим заделом...

– Сколько ж детей-то у тебя, Егор?

– Софья вот недавно пятого родила...

– Не так уж и много, – говорю ему, зная о том, что у многих тундровиков семьи и побольше бывают.

– ... Да еще семеро от Кохане – другой моей жены, – заканчивает Егор Михайлович оборванную мною фразу. – С Софьей и с моими младшими ты уже знаком. По-едем в поселок сдавать улов, познакомлю со старшей женой.

И правда, через пару дней мы на деревянной Егоровой лодке, оснащенной малосильным «Вихрем», отправились в Носок.

Это было очень кстати, потому что командировка моя на промысловую точку Пелятку уже заканчивалась. Теплоход «Белые ночи», который доставил меня сюда попутно, что-то не торопился с обратным рейсом, застряв где-то в верховьях реки. И требовалось срочно попасть в поселок, откуда в те времена, а было это в середине восьмидесятых, чуть ли не каждый день представлялась возможность выбраться вертолетом в Дудинку.

Вы бы видели, как собирала Егора в путь вся его семья – Софья Лабочувна и около десятка ребятнишек, разобрав среди которых, кто от Софьи, а кто от Кохане, было просто невозможно! Все на одно лицо. Егорово, разумеется.

Кроме улова, предназначенного для сдачи в совхоз «Заря Таймыра», где Егор Ямкин всю свою жизнь числился штатным промысловиком, во вместительную лодку грузили массу домашних вещей: какую-то выделку из оленьих шкур, мешки, набитые гусиным пухом, что-то еще для меня непонятное, ну и, конечно же, рыбу, свежую и слегка подкопченную (на Пелятке своя самодельная коптильня), десятка полтора уже обскубанных гусей...

Все это, как несложно догадаться, предназначалось для второй части семьи Егора, находившейся в поселке. И Софья Лабочувна внимательно смотрела за тем, чтобы каждая вещь поместилась в лодке, не осталось не дай бог чего-нибудь на берегу.

... От Пелятки до Носка километров, наверное, двадцать по воде. Боюсь даже сказать по какой реке или протоке, потому что все водные магистрали так здесь перепутаны, что мне, попавшему сюда впервые, не понять

было хитросплетений все этих рек и протоков, откуда-то текущих и куда-то впадающих. Знаю только, в конце пути мы попали в протоку Ушакова, что перед самым Носком, и пристали к шаткому от древности причалу рыбоприемного пункта, где хозяин Пелятки постоянно сдавал добытую рыбу.

Пока добирались до поселка, Егор Михайлович успел поведать мне нехитрую свою семейную историю. Вкратце дело обстояло так.

Любил Егор двух женщин. От обеих имел детей. Кохане Танновна была как бы первой его женой, наградив Ямкина семеркой детей, а Софья, что помоложе, постоянно жившая с ним на промысловой точке, одарила его девятью наследниками.

– Егор у нас, что султан персидский, – говорили о Ямкине на центральной усадьбе совхоза. – На промысле у него жена, в поселке тоже... Что за распушенность и да разве разрешено у нас в стране многоженство?! – не унижались Егоровы «доброжелатели».

В общем, закончилось все тем, что подошел к Егору однажды секретарь парткома совхоза и сказал:

– Давай, Егор, заканчивай эту свою «порнографию». Живи как все. С кем-нибудь расходишься. Не будоражь ты наших мужиков, которые гуляют направо-налево. А потому, наверное, и злятся на тебя за то, что живешь открыто со своими, не прячешься ни от кого. На меня уже бюро райкома партии давит – давай, мол, разберись с коммунистом Ямкиным. Не то исключим тебя из партии...

– Да пошли вы все с вашими наставлениями и всеми этими партийными нормами..., – отмахивался Егор. – Я живу по-совести, как понимаю ее своим сердцем. А понимаю так, что никто из моих жен, детей на меня не в обиде.

И все-таки дело о нравственном поведении Егора Ямкина слушалось на заседании бюро районного комитета партии.

Первым секретарем Усть-Енисейского райкома партии был тогда Анатолий Федорович Хижняк, мудрый, с хитровой прищуринкой в глазах украинец, собравший бюро по настоянию его бдительных членов. Очень разумно он поступил, пригласив на заседание бюро жен Егора Михайловича.

У обеих тогда спросили, не обижает ли их чем-либо Егор Михайлович. Но ни Кохане, ни Софья слова обидного о Егоре не сказали. И не решилось бюро разъединить такой необычный, но сплоченный семейный монолит.

Стал дальше Егор поживать да детей наживать. И как уже было сказано, породил он на свет в общей сложности шестнадцать мальчиков и девочек. Двое, правда, не вышли по разным причинам.

Что не сделало партийное бюро, этим сама жизнь распорядилась. В 1998 году умерла Кохане Танновна. Егор остался с Софьей и четырнадцатью детьми. Так, в общем-то, как и добивалось когда-то его партийное руководство.

Однако все Ямкины живут дружно и счастливо. Летом стараются как можно большим семейным составом собраться на родной для всех Пелятке, которую в шутку называют родовым поместьем.

... «Февраль. Набрать чернил и плакать...» – вспоминались грустные пастернаковские строки, когда февральским утром шел я однажды по не проснувшемуся поселку с таким «поэтическим» названием – Носок.

Просыпался он нехотя. Мела поземка, витиевато закручивая возле каждого препятствия снежные наметы. Улицы, слабо освещенные светом редких фонарей, выглядели пустынно и неуютно. От самого этого вида становилось зябко и холодно.

В поселке с полутора тысячу жителей горело лишь одно окно – в кабинете директора совхоза «Заря Таймыра». Галина Александровна Дядюшкина встречает незнамого гостя. Приподнявшись из-за стола, протягивает руку, поеживаясь от утреннего холода.

От него не спасает даже пуховый платок, накинутый на плечи. И вид у директора совхоза такой домашне-деревенский. Как в кино про пятидесятые годы прошлого столетия. Подумалось даже: «Если выйдет из-за стола, то обязательно в больших валенках на ногах...».

И вовсе даже нет. Галина Александровна в теплых кожаных сапожках. На попутном газпромском вертолете собирается вылететь в Дудинку. Выражение озабоченности сменяется приветливой улыбкой. И как-то даже не подумаешь, что поселковый люд прозвал эту женщину «железной леди», так же, как называли в ту пору английского премьер-министра Маргарет Тэтчер.

– Я улетаю в Дудинку, – говорит мне Галина Александровна. – Поможет устроиться в поселке и позаботится о пропитании Мария Егоровна Ямкина. Она сейчас исполняет обязанности главы администрации поселка. Так что по всем своим журналистским делам обращайтесь к ней. Знакомы, наверное?

– Дочь Егора Михайловича, что ли?

– Да, Егорова дочка.

... С Егоровой дочкой, которая запомнилась мне маленькой улыбчивой девочкой с ярким бантом в косичках, ходили мы теперь по поселку, заглядывали в учреждения и организации, к людям, каких мне необходимо было навестить.

И не верилось, что так быстро пробежало время, а Маша стала взрослой, солидной женщиной, у которой уже свои дети.

С тех пор мы с Марией Егоровной встречались не раз. А как-то не так давно приходила она с заказами в типографию. Был сильный мороз, и промерзшая вся Маша согревалась крепким чаем у нас в редакции окружной газеты «Таймыр».

С другими Егоровыми детьми, к сожалению, давно не встречался и не виделся. О них охотно рассказывал мне Егор Михайлович, когда мы как-то встретились на одном из заседаний Совета старейшин при губернаторе округа.

Рассказал Егор Михайлович о своих детях вот что. Выросли они уже, оказывается. Все, а вернее – почти все. Старшие женились, и у них растут свои дети – внуки, значит Егоровы.

Михаил, Дмитрий, Ефим и Евгений пошли по стопам отца и занимаются охотничьим и рыбным промыслами, то есть традиционными видами хозяйствования, которым окружные власти в последнее время больше уделяют внимания. А младший, Юрий, живет пока с родителями.

Кстати сказать, Евгений на нынешнем празднике оленеводов в Носке стал победителем в гонках на оленьих упряжках, которые, как всегда, проходили на льду протоки Ушакова при большом стечении народа. В награду Егоровому сыну вручили снегоход «Тайгу».

А я ведь не раз был свидетелем того, как здесь, на этом самом месте, в конце восьмидесятых – начале девяностых годов награждали его отца – Егора Михайловича Ямкина. Он в ту пору почти каждый год становился победителем в гонках, выработав в течение ряда лет собственную систему подготовки к ним, отбирая для этого самых крепких и быстрых оленей, собственными руками изготавливая упряжь для них. В последний раз Егор, если не ошибаюсь, был победителем не так уж и давно. Кажись, лет пять тому назад...

Дочери Елена, Ольга, Валентина преподают в Носковской средней школе. Мария, как мы уже говорили, работает в поселковой администрации заместителем главы по сельскому хозяйству.

Сыновья Иван и Александр тоже трудятся. Иван – культработником в родном поселке, а Александр на Надеждинском комбинате. Живет далеко от родного дома – в Кайеркане. Еще одна дочка Егора Ямкина, Катерина, вышла недавно замуж за оленевода, а младшие девочки – Люба и Света – пока учатся в школе.

Нынешним летом вся большая Егорова семья опять постарается собраться вместе на родной своей Пелятке, где живет крепкий семьянин, хозяин холодной северной земли, богатых рыбой и зверем родовых угодий.

МАРИЯ РУДАКОВА

Родилась в Иркутской области, детство прошло в маленьком поселке на берегу Ангары. Профессию журналиста получила в Иркутском Государственном Университете. Живет в Дудинке, работает в газете «Таймыр», пишет стихи и рассказы. Публикуется на страницах окружной газеты «Таймыр», в альманахе «Полярное сияние».

Сказочный аргиш

Рассказ

Громадной зеленой змеей извивалось в небе полярное сияние. Такое редко бывает в конце августа. Таня, запрокинув голову и восторженно наблюдая за ядовито-зеленым существом, расположившимся на небе, слегка подрагивала от тихого ликования. Необычайно тепло вокруг, необычайное сияние, напоминающее о зиме... Все происходящее казалось необычайным.

Улицы города, словно замерли в ожидании чуда. А чудо было прямо над головой. И как так получается, что когда наблюдаешь за северным сиянием, будто сливаешься с ним в одно целое? Трудно отвести глаза, и даже кажется, что оно дышит вместе с тобой...

Восторженно и шумно вздохнув, Таня отвела свой взгляд от зеленой змеи и поспешила домой. Уже поздно. Еще надо накормить младших сестер и брата, уложить их спать. А завтра – на работу. Завтра будет новый день.

Пока Таня бегала в магазин за пельменями, пятилетняя Сонька залезла в шкаф, вышарила хранящиеся в нем письма и раскидала по комнате. Эти письма Таня писала матери в поселок, но ни одного из них так и не отправила. Да и не собиралась она отправлять эти грустные письма. Письма, похожие на маленькие и большие ранки. Письма, от которых пахло слезами.

А теперь над письмами сидела капризная Сонька и, сопя, отцарапывала с конвертов марки. Таня быстро собрала помятые Сонькой и временем конверты и засунула обратно в шкаф. Сестренка надула губы и сложила на коленях руки, готовая зареветь. «Надо бы ее отругать,

но сил на это нет, – промелькнуло в Таниной голове. – Главное, поскорее накормить их и уложить спать».

И Таня засуетилась на кухне.

Рядом терлись младшие Саша и Настя. Чтобы отвлечь их внимание, Таня включила телевизор. Рабочая плита – одна, надо умудриться сварить пельмени, а для Саши разогреть молочную кашу.

– Таня, я хочу чипсы «Читос», – тыкая пальцем в телевизор, заняла Настя. – Сходи, купи-и-и!

– Денег нет, – отрезала Таня, шинкуя лук.

– Хочу чипсы, купи мне! – не унималась Настя.

– Если будешь себя хорошо вести, завтра куплю, – пообещала Таня.

Настя шмыгнула носом и уставилась в экран.

Вода в кастрюльке закипела, и Таня высыпала в нее пельмени из пакета. Пельмени плюхались на дно, на поверхность воды из глубины кастрюли вырывались только маленькие всплески-фонтанчики.

Закончив с пельменями, Таня выглянула в комнату. Сонька пристраивалась на диване.

– Соня, иди мой руки! Скоро кушать! – окликнула ее Таня.

– А что кушать? – приподняв голову, спросила Соня.

– Пельмешки!

– Я не хочу, – ответила Соня и уткнулась лицом в диван.

– Будешь привередничать, поедешь к родителям в поселок, – пригрозила Таня и закрыла дверь.

Через минуту Соня уже сидела за столом. В поселок ей не хотелось.

Подоткнув спящим детям одеяла, Таня принялась собирать разбросанные ребячьими игрушками. Под диваном нашла незамеченный до этого конверт. Очередное письмо маме, написанное года два назад. Таня машинально развернула исписанный аккуратным детским почерком листок.

«Здравствуй, мамочка! Мамуля... Мне так тебя не хватает. Я постоянно думаю о вас с папой, скучаю по сестренкам.

У меня все хорошо, правда школу я так и не закончила: устроилась на работу, времени нет ни на что. Но я обязательно отучусь, не в этом году, так в следующем. Простого сейчас мне очень тяжело приходится...»

Таня опустила руку с письмом и отвела глаза. Ей было больно перечитывать написанное. Те времена, когда она писала это, были такими беззаботными! Тогда она жила одна, на ней не лежала ответственность за младших сестренку и брата. У нее было много свободного времени. Зря она тогда не окончила школу, теперь еще долго она не сможет учиться: надо работать, кормить детей...

«Мама! Мне часто снится один и тот же сон. Помнишь, у нас был олененок Тимка? Которого папа мне принес? Мне снится, что я с ним разговариваю, что он меня катает на своей гладкой мягкой спинке. А когда просыпаюсь, почти всегда плачу и на душе так хорошо-хорошо. Хоть вы все далеко от меня, и никого из родных и близких рядом нет, мне иногда кажется, что этот олененок где-то рядом, что он хранит меня и вас, передает мне ваши мысли, а вам – мои...»

Таня закрыла глаза, и ей вспомнился Тимка. Почему-то принесенный отцом олененок стал ей таким дорогим, что она чаще думала о нем, чем о матери и отце. Олененок стоял перед ней боком, повернув к ней свою мордашку. Дымчато-рыжая спинка, трогательная мордочка и белые разводы на ногах, точнее – копытах... А глаза... Такие глаза умеют разговаривать без слов. Тимка не был трусишкой, и Тане это нравилось. Он был больше похож на большую ласковую кошку, чем на оленя.

Сколько раз Таня плакала, уткнувшись ему в бок! И Тимка молча стоял, замерев, как вкопанный, не издавая ни звука, ни шороха, и только слегка шевелил ушами. И слушал, слушал. Казалось, что вот так вот, не двигаясь и сосредотачиваясь, он умеет вникать не только в смысл человеческих слов, но и в душу.

Таня затолкала письмо в шкаф, уселась на диван и закрыла глаза. В голову лезли мысли о том, что Настькины ботинки прохудились, и надо покупать новые, а денег на них нет. Но она отогнала эти мысли и попыталась представить Тимку.

Но Тимка все не приходил, а перед глазами мелькали драные ботинки. Просидев так минут десять, Таня поднялась с дивана. На вечер у нее было запланировано много дел. Перешить на Сонькиной куртке пуговицы, поставить заплатку на Сашкиных штанишках, постирать детское белье, протереть в коридоре пол, приготовить

еду на завтра... Как обычно, под вечер никаких сил на все эти текущие дела не оставалось, но Таня не привыкла откладывать что-то на завтра. Она неохотно открыла край и стала мыть скопившуюся за день посуду. Она знала: раскачиваться тяжело, но через какое-то время в ней проснется «второе дыхание», и все у нее получится.

...Тане было лет шесть-семь, когда родители начали пить. До этого они выпивали только по праздникам, но постепенно пристрастились к спиртному.

Когда Таня пошла в первый класс, впервые услышала от взрослых людей – учителей, что ее родители – пьяницы. В этот день, придя домой, Таня долго сидела на кухне рядом с матерью и все не решалась спросить у нее, пьяница ли она.

В ногах матери, словно спящие матрешки, валялись бутылки. Та, поглядывая в телевизор, иногда катала их ногами. Длинные не расчесанные волосы свисали на стол, словно черные бельевые веревки. В кухне пахло табачным дымом и алкоголем.

– Что ты сидишь, доча? – наконец, мать повернулась к Тане. – Сходи, посмотри, где батя... Скажи, пусть домой идет.

– Мама, а ты хорошая? – спросила в ответ Таня.

Мать прищурилась. Она внимательно посмотрела на дочь и будто удивилась: дочь-то уже большая!

– Что ты сказала?

– Я спросила: ты хорошая?

Зажав между руками голову, мать опустила глаза:

– Нет, доча. Я не хорошая. Когда вырастешь, постарайся не быть похожей на свою мать, – голос матери прозвучал трезво и хрипло. Тане даже показалось, что это говорила не мать, а другая, незнакомая ей женщина.

– Мама, а ты – пьяница? – робко поинтересовалась Таня.

– Кто тебе сказал? – взвилась мать. Она даже слегка подскочила на стуле. – Кто тебе такое сказал??

Таня ничего не ответила, повернулась и побрела к двери, ведущей на улицу: искать отца.

– Эй! – окликнула ее мать. – Кто тебе про меня такое сказал?

– Никто!

– Не ври!

– Никто не сказал. Я просто спросила.

– Никогда не задавай мне таких вопросов. Посмотри: какая же я пьяница?! Разве я запиваюсь? Где ты видела таких пьяниц?

Таня с тоской оглядела мать. Да, ее мать – пьяница. Именно так они и выглядят. Надо было сразу это понять самой.

...Она училась в восьмом классе, когда внезапно поняла: с родителями она больше не может жить. В доме появился третий ребенок: Соня требовала к себе внима-

ние и заботы, но мать продолжала пить. Пьяная, она кормила ребенка грудью, поэтому Соня практически все время спала. Спала, как убитая. Девочку несколько месяцев звали разными именами: никто и не думал зарегистрировать ребенка в ЗАГСе. А когда все-таки пришлось это сделать – под нажимом местных доброжелателей – встал вопрос: а как же все-таки девочку назвать?

– Назовем Соней, – предложил отец. – Она все время спит.

На том и порешили.

Спокойно наблюдать за происходящим Таня не могла. Сердце ее разрывалось на кусочки. Каждый вечер она проводила с Тимкой, прижавшись к нему, словно к родному человеку, которого не хочется отпускать, и плакала, плакала. Ей было больно.

Однажды Тимка исчез. Просто исчез. Таня, придя из школы, обнаружила, что сарайчик, где Тимка зимовал, пуст. Несколько дней она была вне себя от горя. Бегала по поселку, искала оленя. Спрашивала про него у знакомых, но никто Тимку не видел. Дни складывались в недели, недели – в месяцы. Копилась боль, но некому было ее излить. И Таня решила бежать.

То есть, определенного решения у нее не было. Просто в мечтах она представляла себя свободной. Ей рисовались картинки о том, как она живет одна в городе, где есть хорошая работа. А на выходные приезжает домой, и ей все рады. Таня привозит сестрам подарки, маме дает денег, а та на радостях даже перестает пить. Мама становится прежней мамой: доброй, ласковой, заботливой. Таня уверена: однажды мать бросит пить. И папа бросит. Надо только ей, Тане, постараться... Мечты грели Танино сердце. Она могла просиживать, сжавшись в комочек, и мечтать часами. Правда, после этого у нее всегда болела голова, чернело в глазах, а действительность, наваливавшаяся сразу после очередной порции сладких грез, прибывала Таню к земле.

...Близилась ночь, а родителей все еще не было: они ушли в гости и до сих пор не вернулись.

Таня уложила сестренку спать. Еще немного посидела у окна, прихлебывая чай, и решила тоже прикорнуть.

Проснулась Таня оттого, что на нее навалился пьяный отец. «Видимо, перепутал меня с мамой», – мелькнуло в Таниной голове. Пытаясь выбраться из-под дышащего перегаром отца, Таня кричала, звала на помощь. Но никто не шел: сестренки, проснувшись, испугались, а мать еще не пришла с «вечеринки». Несколько минут продолжалась борьба. В отчаянии Таня вцепилась ногтями в лицо отца. Тот взвыл и схватился руками за лицо. В этот момент Таня выскользнула и в одной сорочке бросилась на улицу.

Забившись в Тимкин сарайчик, трясаясь от страха и негодования, Таня зарыдала. Она плакала долго и горько. Слезы, превращаясь в сосульки, свисали с волос. Сорочка заледенела. Но Таня не чувствовала холода. Толь-

ко прорыдавшись, она поняла, как замерзла. Теперь, Таня тряслась не от всхлипов, а от дикого холода, сковавшего ее тело.

Оторвав от пола примерзшую к нему Тимкину подстилку, Таня, как могла, обернула ее вокруг тела. Руки и ноги не слушались, зубы непроизвольно стучали друг о друга. Сжавшись в комок, Таня затихла в углу сарайчика.

– Главное – уснуть, – сказала она себе. – Во сне замерзеть не так страшно.

Домой возвращаться Таня не собиралась.

Несколько минут сидела она, стуча зубами и мучаясь от боли. Вдруг дверь сарайчика приоткрылась, и в него вошел... Тимка. Он подошел к Тане близко-близко и прижался к ней своим теплым боком. Слегка оторопев от счастья, Таня крепко прижалась к олененку. Долгое время они сидели молча. Таня чувствовала, что от олененка мощной волной идет тепло. Как от печки. Она радовалась, что все ее страхи закончились, радовалась, что все вернулось на круги своя. С этой спокойной радостью Таня заснула, не чувствуя ни холода, ни боли, ни горя.

... Домой Таня уже не вернулась. На следующий день она уже ехала со старшим братом своей подруги на «Буране» в город. В город, который манил ее с самого детства, в город, который казался ей самым большим и красивым на земле.

Родители хватились ее только через неделю. Первой забеспокоилась мать.

– Иди к соседям, узнай, где Танька, – приказала она средней дочери Насте.

– Я уже спрашивала, – хмуро отозвалась Настя.

– А у подруг узнавала? – спросила мать, поджав губы.

– И у подруг узнавала, но не у всех, – тихо подтвердила Настя. – Не у всех. Я всех ее подруг не знаю...

– Где же она может быть? – спросила себя мать, уставившись на Танькину кровать, словно ища ответа у нее. – Вот дрянь!

– А ты у папы спроси, – посоветовала Настя и выбежала из комнаты.

Несколько дней Настю мучила мысль, что Таню отец убил. Той ночью она прекрасно слышала возню и Танины вопли. Но она побоялась прийти на подмогу: пьяному отцу под горячую руку лучше не попадаться.

И Настя считала себя виноватой во всем случившемся. Правда, в глубине души она продолжала надеяться, что Таня жива. Вдруг сестра просто не хочет показываться на глаза родителям?

... Когда отец с матерью пили, их переставала интересоваться судьба старшей дочери. Сонька была еще слишком маленькой, чтобы что-то понимать. А вот Настино сердце разрывалось от горя и безысходности.

Продолжалось это до тех пор, пока однажды от Тани не пришло письмо. Вытащив конверт из почтового ящика, и увидев знакомый почерк, Настя прижала весточку

к груди и долго плакала, стоя у калитки. Это были счастливые слезы. Маленькое счастье, возникшее так внезапно, могло разрушиться. Поэтому Настя боялась раскрыть конверт. Наконец, когда последние всхлипы перестали вырываться из груди, девочка села прямо в сугроб и прочитала письмо.

«Здравствуйте, мама, папа, Настюха и Сонечка! Я по вам очень соскучилась. Первые дни моей новой жизни были какими-то странными. Я не могла понять, что со мной происходит. Сильно тосковала по дому.

Простите меня, что уехала так внезапно и ни с кем не попрощалась. Это было нужно и мне и вам. Никто в этом не виноват. Просто в жизни каждого наступает переломный момент. Я устроилась в школу, живу в интернате. Вечером мою полы в кафе. Скоро – первая зарплата. В этом месяце у меня накопилось много долгов, поэтому с этой полочки не смогу вам ничем помочь. А вот со следующей, может быть, вышло денег. В интернате нас кормят три раза в день. Ну, вот и все, пора прощаться. Буду ждать от вас писем. Таня».

В этот же день Настя показала письмо родителям.

– Во гадина! – только и промолвила мать. – Мы тут без нее с ума сходим, а она там развлекается.

...А у Насти появилась мечта – тоже уехать в город. Подальше от разврата и пьянства, которые поселились в отчем доме.

Настя наизусть заучила Танин адрес. Однажды, выкрюив время, она села за письмо старшей сестре.

«Здравствуй, Таня. Мне тебя не хватает. Забери меня к себе. Хотела сообщить тебе одну новость. Только ты не расстраивайся, пожалуйста. Мама снова ходит с животом...». На письмо ушло несколько часов. Больше, чем Настя предполагала.

Опуская конверт в синий почтовый ящик, девочка глубоко вздохнула. Очень многое в ее жизни зависело от этого письма.

Постепенно на Таню «свалились» все ее сестры и брат. Родители продолжали пить. Пили они по черному. Им было все равно, что на хрупкие плечи старшей дочери легли все заботы. Ни разу никто из них не подумал о том, как тяжело приходится Тане.

Таня закончила девятый класс и поступила в училище. Сняла комнату в «гостинке». Но денег, чтобы прокормить младших сестер, ей не хватало. Она не гнушалась никакой работы: мыла полы, посуду, работала няней и сиделкой.

Главная трудность была в том, что, когда обе сестры сбежали из дома к ней, в город, ей еще не было восемнадцати лет. Поэтому на серьезную работу ее не принимали. Приходилось довольствоваться тем, что есть.

Все резче и четче она чувствовала свое одиночество. Никто, никто на целом свете не сможет ей помочь. Родители давно опустились до такого уровня, что стало трудно называть их людьми.

Отец избивал годовалого Сашу. Мать забывала его кормить. Главной заботой в доме было – достать бутылку. И даже приезде дочери родители радовались потому, что Таня всегда приезжала с деньгами. Мать унижалась перед ней, кланя деньги, отец уговаривал лаской, а если не получалось – пускал в ход кулаки. Так что ездить в гости к родителям Таня не любила.

Несколько месяцев назад, в очередной раз приехав в поселок, Таня поразилась видом Саши. Казалось, еще несколько дней, и малыш умрет от истощения. Не говоря ни слова, она собрала ребенка (вещей у него было очень мало – в основном, поношенная одежда других детей, подаренная соседями и знакомыми из жалости) и уехала в город.

Так, в снятой Таней квартирке поселился еще один жилец. Маленький худенький малыш, вздрагивающий от любого резкого звука.

Пришлось Тане надолго забыть об училище, в котором она начала было учиться. Надо было кормить малышкой. И вовремя платить за квартиру, иначе вся ватага быстро оказалась бы на улице.

Никогда и никому Таня не рассказывала о том, как ей трудно жить. Проблемы заставили ее закрыться в собственной раковине. А еще – днем и ночью быть на страже, трудиться не покладая рук.

Однажды к Тане заглянула соседка.

– Что ты мучаешься, давай помогу устроить их в приют.

Таня крепко прижала к себе младшего братика:

– Я не мучаюсь. С чего вы взяли?

– Я же вижу, как тебе тяжело. Кстати, какое у тебя образование? Только школа? А что будет дальше? Давай, временно устроим их в приют. Ты выучишься, найдешь работу, а их заберешь. Я тебе помогу.

– Спасибо за заботу, но не надо. Нам и так хорошо, – потупив глаза, ответила Таня.

– Ну, как хочешь, а я плохого не пожелаю.

Уже несколько лет Таня откладывала деньги на покупку квартиры. Хотя бы маленькой, но своей. Денег было мало. При ее возможностях можно было бы купить десятую часть маленькой квартирке где-нибудь на отшибе. Но Таня терпеливо, отказывая себе во всем, каждый месяц прятала в шкатулку потом и кровью заработанные бумажки.

Еще много-много лет такой жизни. Ребятишки вырастут, жить станет немного легче. Таню грела эта мысль. Может быть, поэтому она отказывала себе и в общении со сверстниками. Может быть, именно поэтому она всякий раз опускала глаза и молча проходила мимо, когда на улице к ней, красивой долганской девушке, подходи-

ли знакомиться парни. Сердце нуждалось в любви, но толстая раковина не давала пробиться к ее душе даже самому маленькому лучику любви и нежности.

– Таня, а я – цыганка? – спросила однажды Соня.
– Чего-чего?
– Ребята говорят, что я – цыганка!
– Может быть, они говорят, что ты – долганка? – улыбаясь, предположила Таня.

– Да-да, долганка! – оживилась Соня. – Я долганка, да?

– Да, зайка. Ты – долганка!
– А ты? Ты тоже долганка?
– И я долганка!
– А мама? Мама тоже?
– И мама.
– А папа?
– И папа?
– А тетя Рая?
– И тетя Рая. Ты знаешь, Соня, у нас в поселке – почти все долганы.

– А быть долганкой – плохо?
– Быть долганкой – это очень хорошо!
– А почему тогда все долганы так плохо живут? У всех много детей, нет денег, и все пьют?

– Не все, зайка. Видишь, я не пью. А много детей – это не плохо. Это – хорошо. Главное, научить их правильно жить, любить жизнь, любить свою Родину, своих близких и родных.

– Таня, ты не пей, – и Соня взяла танину руку двумя своими маленькими теплыми мягкими ручонками. – Я тебя люблю. Ты хорошая. Ты лучше, чем мама.

На глаза Тани навернулись слезы. Она крепко прижала к себе Соньку.

– Сонечка... У нас все будет хорошо, вот увидишь. Мама наша – тоже хорошая, просто ей тяжело пришлось. Знаешь, Соня, долганский народ – самый лучший! Ты должна гордиться тем, что ты – долганка. Гордись этим,

будь лучшей во всем. Будь похожей на тех, кого ты уважаешь и любишь... – слезы не переставали течь, и Таня чувствовала, что ее переполняет гордость за свой народ и за то, что она, Таня, – не самый худший представитель долганского народа. Это состояние Таня испытывала впервые. Впервые она поняла, что есть что-то еще, что будет давать ей силы каждый новый день. Она открыла для себя дверь, которую раньше не замечала. Эта дверь вела Таню туда же, куда она стремилась, но теперь путь к будущему казался светлым и чистым.

Вечером, ложась спать, Таня несколько раз гордо прошептала: «Я – долганка! Я – долганка!». И погрузилась в счастливый сон. Впервые за долгие-долгие годы Таня засыпала абсолютно счастливой.

...Ночью в окно кто-то постучал. Семья жила на втором этаже. И Тане показалось это странным. Подскочив с постели, она увидела внизу Тимку. Олененок стоял в темноте, отбивая копытами дробь. Первый снег был нетронутым и белым. От восхищения у Тани перехватило дух.

Несколько мгновений – и Таня уже спустилась по лестнице, выбежала на улицу и обхватила олененка за шею.

Олененок присел, словно ожидая, когда Таня сядет к нему на спину и замер. Девушка радостно подчинилась.

Раз, два, три. Ровно три прыжка ему потребовалось, чтобы оторваться от земли. Мелькнул Танин дом, электрические столбы, и оба погрузились в синюю темноту. Со всех сторон Таню обдувал ветерок, но ей не было холодно. От новых впечатлений захватывало дух. Вот уже видны звезды, до этого прячущиеся за облаками, а вот и оно – северное сияние. Разноцветное, шикарное, вольготно раскинувшееся на небе! И ощущение полного, неисчерпаемого счастья!

– Что это, Тимка? – задыхаясь от радости, спросила Таня. – Почему это со мной происходит?

– Это сказка, – услышала Таня чей-то нежный женский голос. – Это – твой первый сказочный аргиш...

ИРИНА АПЛЕСНЕВА

Родилась в 1961 году, выросла в г. Талды-Курган Казахской ССР. Там училась, работала, вышла замуж, родила двоих детей. В Дудинке живет с 1994 года. Работает корреспондентом газеты «Таймыр». Постоянный автор альманаха.

Джамайка, или полеты наяву

Пятидесятилетняя Нинка Кулик уже более получаса переминалась внутри двухсотлитровой железной бочки, наполненной дождевой водой. Оказалась она там по собственной дурасти и теперь не чаяла выбраться наружу. Бочка стояла под водостоком, и вода в ней под жарким июльским солнцем хорошо прогрелась за день. Нинке стало жалко, что такая горячая вода пропадает задаром, и недолго думая, она решила искупаться в ней. Забралась Нинка в бочку довольно сноровисто, а вот выбраться обратно уже не смогла – икру ноги свело так, что невозможно было и пошевелить ею.

«Вот дура старая, – кляла себя Нинка за непредусмотрительность. Шел уже четвертый час пополудни, и нужно было отправляться за внуком в детский сад. – Залезла, вот и стой теперь ровно конь в стойле!». Она в тоске оглянулась: вокруг никого. Пыльная улица заштатного районного городишки в этот час дня была пустынна. Соседей не докричишься. Нинка предприняла еще несколько попыток вырваться из теплого плена и, окончательно отчаявшись, пригорюнилась. «Видно, придется стоять здесь, пока дочь с зятем не вернуться с работы», – смирилась она.

Вдруг в соседнем, граничившем с ее огородом доме мелькнуло за окном перекошенное зевком лицо соседа Сашки – отъявленного пьяницы. Сашка был не просто соседом по прозвищу Джамайка, он был еще и бывшим Нинкиным мужем. Разошлись они десять лет назад. С тех пор Джамайка, и до этого не отличавшийся особым трудолюбием, вообще перестал работать. А пил он много и охотно, и в основном на то, что удавалось выклянчить или украсть на подворье у бывшей жены. Из общего, когда-то выстроенного вместе с Джамайкой, дома Нинка ушла. Домишко, в котором она жила теперь с

дочерью и зятем, оставила ей бывшая свекровь. Сыну мать не решилась сделать такой подарок – Сашка все равно бы пропил его.

– Джамайка, – призывно замахала из бочки Нинка. – Помоги!

Сашка взгляделся в окно, и по тому, как бесшумно зашевелились его губы, Нинка поняла, что он ругается. Однако, уразумев, что на Нинкиных «посиделках» можно заработать на выпивку, Сашка неспешно пересек огород.

– Ты че, залезла-то? – подойдя к бывшей жене, удивился он. – Бани тебе не хватает, что ли? – и Сашка махнул рукой в сторону стоявшего в огороде строения. Баня была их общей – его и Нинкиной – и протапливалась довольно быстро – газом. Дома в городишке тоже протапливались газом. И хотя уже минуло лет двадцать, как Нинка с Сашкой перестали возиться с заготовкой угля и дров, у баньки всегда высилась березовая поленица – просто так, на всякий случай.

– Да не учи ты меня, – простонала застоявшаяся в бочке Нинка, – помоги лучше вылезти. За внуком в садик пора.

Сашка оценивающе обошел вокруг кадки и предложил:

– Пять рублей.

– Чего? – не поняла Нинка.

– Пять рублей плати, тогда помогу, – объяснил бывший супруг.

– Заплачу. Не в трусах же у меня деньги, – разозлилась Нинка. – Вытащи, тогда и рассчитаюсь.

– Нет, – после недолгого раздумья решил Сашка. – Я сейчас позову Ивановну, и пусть она налетит мне самогонки за твой счет.

Сказав это, Сашка-Джамайка затрусил к соседнему забору. Глуховатая соседка Ивановна в долг не налиwała, однако, завидев смиренно стоящую в бочке Нинку, быстро сообразила, кто будет оплачивать угощение. Опорожнив четверть стакана, Сашка крикнул и завыл в полную силу своего пропитого голоса:

– Джама-а-а-йка, Джама-а-а-а-йка...

Нинка взвизгнула от злости и негодования:

– Олух царя небесного, скопытишься сейчас, а я так и буду стоять до вечера!

– Не боись, Нинок, и на тебя еще силы остались, – миролюбиво заключил Сашка и, ухватив Нинку поперек туловища, несильно потянул. С первого раза Нинка «не поддалась».

– Эх, как разнесло-то тебя, – беззлобно оскалился Сашка, ощупывая Нинку за бока и приравливаясь половчее перехватить бывшую жену в объятьях. На что та лишь простионала со злобным свистом:

– Тяни уж, мочи нет!

Сашка поднатужился, и уже через минуту они оба оказались в разросшихся у бочки кабачках. Отирая с лица землю, Сашка огорченно сплюнул:

– Эх, как обмишурился-то! Надо было на бутылку раскрутить тебя.

– Ладно, уж, – потирая сведенную судорогой ногу, сказала Нинка. – Намылась я сегодня на две недели вперед. Так что с меня причитается...

ЕЛИЗАВЕТА БАРСУКОВА

Родилась во Владикавказе. По образованию инженер-строитель. На Таймыре с 1985 года, живет и работает в Дудинке. Автор книг «Прощальная симфония», «А птицы всегда возвращаются». Публикуется в альманахе «Полярное сияние». Постоянный автор альманаха.

Пожь

Она вновь почувствовала на себе пристальный взгляд. Оглянулась по сторонам. Опять он!

... Вчера, во время её доклада на конференции он, сидя в первом ряду, не сводил с неё глаз. Сначала это её раздражало, но постепенно она успокоилась и, как ни странно, сама стала смотреть на него. Прямо в глаза. Они светились очень доброй улыбкой. На мгновение ей даже показалось, что что-то родное, близкое есть в глубине этих красивых голубых глаз.

«Какая глупость!» – подумала она и, пытаясь разорвать эту, непонятно откуда взявшуюся невидимую ниточку, готовую накрепко их связать, взмахнула головой. Но окончив доклад, она вновь посмотрела на него и улыбнулась...

Сейчас, заметив, что она на него смотрит, мужчина что-то сказал своему собеседнику и направился в её сторону.

– Максим, кто этот человек? Вон он. Кажется, он идёт к нам.

– Как руководитель делегации, я должен знать всех организаторов конференции. – Максим поздоровался с подошедшим к ним пожилым человеком. – Добрый день, Аркадий Владимирович!

– Здравствуйте, Максим Петрович. Очень рад вас видеть.

Аркадий Владимирович посмотрел на неё, их взгляды встретились, и опять ей показалось что-то до боли знакомое в его открытом, приветливом взгляде. Странное ощущение овладело ею. Невольно, в поиске защиты от этого ощущения, она взяла Максима под руку.

– Кажется, я смутил вашу спутницу своим появлением.

– Да?! Я этого не заметил, – улыбнулся Максим. – Познакомьтесь – Анастасия Николаевна.

– Очень приятно. Аркадий Владимирович.

Последовало минутное замешательство. В глазах Аркадия Владимировича читались удивление и восторг.

– Анастасия, – она подала ему руку. Он спрятал её в своих ладонях, от которых повеяло теплом и нежностью.

– Я очень рад нашему знакомству.

Анастасия не торопилась убрать свою руку. Она была очарована этим, уже старым человеком с душой, как ей показалось, молодого человека.

– А что, если мы сейчас покинем это скучное место, где все говорят только о делах, и отправимся гулять по городу, – вдруг предложил Аркадий Владимирович.

– Я бы с удовольствием, но у меня ещё есть дела. А Анастасии Николаевне эта прогулка пойдёт на пользу. Готовясь к докладу, она все дни провела в гостинице. Нельзя же уехать, не посмотрев Лондона.

– Я согласна, – не задумываясь сказала Анастасия.

– Вот и хорошо, – Максим проводил их до выхода.

Какое-то время они шли молча, изредка поглядывая друг на друга. Со стороны они смотрелись как отец и дочь. Она держала его под руку и чему-то улыбалась. Чему – не знала сама.

– Аркадий Владимирович, – прервала она молчание, – а что вас так удивило, когда вы услышали моё имя?

– А вы это заметили?

– Это было не очень трудно.
 – Вы, правда, хотите это знать?
 – Конечно. Но, может быть, вы не хотите об этом говорить, – спохватилась она, заметив грусть в его глазах. – Простите меня.
 – Ну что вы? Не за что извиняться. Вы очень похожи на одну женщину.
 – Поэтому вы так смотрели на меня во время доклада?
 – А вас это смущало. Я прав? – улыбнулся Аркадий Владимирович.
 – Сначала. А потом нет.
 – Я это понял, но ничего не мог с собой поделать. А сегодня, когда услышал ваше имя... Вы не только очень похожи. У вас одно и то же имя.
 – Надо же! Какое совпадение.
 Анастасия остановилась и внимательно посмотрела в глаза Аркадию Владимировичу.
 «Что же это такое? Ведь мне тоже показалось что он...».
 – Вы хотите спросить, кто эта женщина? – прервал её мысль Аркадий Владимирович.
 – Да. – Она слегка кивнула.
 – Моя мать... Знаете, я никогда ни с кем о ней не говорил, а с вами я хочу поговорить.
 – А почему вы никогда о ней не говорили?
 – Пойдёмте. Почему? Так случилось. Сначала это была запретная тема в доме, а потом... Потом я сам не хотел говорить о ней ни с кем. Я плохо помню её. Но у меня есть её фотография... Две... Мне было пять лет, даже меньше, когда она ушла из дома. Я помню, как она плакала, целовала меня и говорила, что ей надо уехать. Тогда я не мог понять, зачем она уезжает, если не хочет этого. Помню, отец очень торопил её, а она... Больше я её не видел. Через некоторое время мы уехали из России.
 – Вы...
 – Да. Я родился в России. В Тамбовской губернии. Так вот, мы с отцом и двумя его сестрами уехали сюда. Воспитанием моим занимались тётушки, отец редко бывал дома. Когда я спрашивал, где мама, почему она не приезжает, мои вопросы оставались без ответа. Однажды, когда я спросил у отца о ней, мне было лет двенадцать – тринадцать, он велел мне сесть в кресло, а сам сел напротив и сказал:
 – Ты должен навсегда забыть о ней. Ты уже взрослый и я скажу тебе правду – она бросила тебя ради чужого дяди! Она не любит, и никогда не любила тебя.
 Вы не представляете, что со мной было! Я возненавидел отца и тёток. Я не мог верить в то, что мама не любила меня. Наверно, мне было бы легче, скажи отец, что она умерла. Но он сказал именно так: «Она не любит тебя!». Я не верил этому и продолжал её ждать. Но уже никого, ни о чём не спрашивал.
 Однажды я зашёл к отцу в кабинет без стука, что было мне запрещено. Он очень рассердился. Я заметил, что он поспешно что-то спрятал в ящик стола. Через несколько

дней, когда отец уехал, я вошёл в его кабинет, закрыл на ключ дверь и стал рыться в ящиках стола. Там я нашёл две фотографии матери. Я сразу понял, что это она, иначе отец не прятал бы их от меня. Так я подумал тогда. Да и я узнал её сразу. Я помнил её лицо все эти годы. Она была очень красивая.

С тех пор, когда отца не было дома, я часто приходил в его кабинет и подолгу смотрел на эти фотографии. И я не знаю когда, с любовью, а когда с ненавистью. В моей душе, сознании никогда не было однозначного отношения к ней. Даже сейчас, когда мне почти уже восемьдесят.

Анастасия не знала, что именно, но понимала, что должна что-то сказать. Что-то в оправдание этой женщины. Что-то, что могло примирить, пусть очень поздно, мать и сына. Вернее, чтобы память, воспоминания о матери не были для него так мучительны. Но что она могла сказать?

То ли случайно ноги привели его сюда, то ли нет, но они оказались около дома Аркадия Владимировича.

– Вот здесь я живу. Приглашаю вас выпить по чашечке кофе.

Анастасия колебалась. С одной стороны, ей было неудобно, но ...

– Вы покажите мне эти фотографии?

– Конечно. И мы ещё поговорим.

Их встретила жена Аркадия Владимировича, очень приветливая женщина.

Вскоре они втроем сидели в уютной гостиной, пили кофе, разговаривали. Анастасия с нетерпением ждала момента, когда увидит лицо женщины, которую, почему-то, ей было жаль.

Наконец, Аркадий Владимирович поднялся, вышел из комнаты. Вернувшись, он положил перед Анастасией две фотографии. Жена Аркадия Владимировича извинилась и ушла.

«Наверно, она её просто ненавидит» – подумала Анастасия и посмотрела на фотографии – на одной была молодая женщина, на другой она уже с молодым человеком. «Мурашки» пробежали по спине Анастасии.

– Что с вами, почему вы jobледили? – заволновался Аркадий Владимирович.

Анастасия не могла произнести ни слова. Мысли путились у неё в голове. «Как это могло случиться?! Это ж они! Конечно! Но этого не может быть».

– А как ваша фамилия? «Зачем я спрашиваю? Ведь это знаю».

– Языков... Но вы не ответили...

– А фамилия вашей мамы? Её фамилия?

– Гончарова. Анастасия Михайловна Гончарова, растерянно ответил Аркадий Владимирович.

– Я тоже Гончарова, – очень тихо сказала Анастасия. А это... – она указала рукой на фотографию, – это мой папа, а это его сестра, тетя Настя.

– Как? Нет, это невозможно!

– У меня тоже есть такая фотография. Точно такая.

Они молча смотрели друг на друга. У Языкова стало очень грустное лицо.

«Глаза! Конечно! У него глаза как у папы. Тот же взгляд. Но это мне и в голову не могло прийти! Значит...»

– Значит, вы – мой двоюродный брат, – заключила она свою мысль в слух. – Мой старший брат.

– Да... И на сколько же старше? – очень безразличным тоном спросил он.

– Намного. Очень много, – улыбнулась Анастасия. – Ну, это и понятно. Тётя вышла замуж очень молодой. Папа был моложе её на семь лет, а женился когда ему было около сорока.

– Сестра, о которой я ничего не знал.

– А я знала о вас. – Анастасия взяла его за руку, слегка сжала её. – Знала. Тётя рассказывала о вас.

– Она рассказывала как бросила меня? – в его голове прозвучала нотка злости.

– Она не бросила вас. Её... Она любила вас. Любила вас и вашего отца.

– Поэтому изменила ему? Незадолго до смерти отец рассказал мне эту историю.

– Никакой истории не было. Он обвинил её в несуществующей измене. Она всегда любила вашего отца. Он умер в Париже?

– Да. Последние годы он жил там. А откуда?..

– Откуда я это знаю. – Анастасия откинулась на спинку кресла, помолчала. – Однажды тётя позвала меня к себе и показала свёрток. В нём была одежда, которую она приготовила себе... На смерть... Она достала из кармана платья маленький листочек, газетную вырезку. Это был некролог. В нём сообщалось, что в Париже скончался Языков Владимир Платонович... Кажется, это случилось в пятьдесят восьмом году.

– В пятьдесят девятом.

– Тётя сказала, кто прислал ей эту вырезку. Я сейчас не помню кто именно. Кто-то из подруг по институту.

– Институт благородных девиц. – Аркадий Владимирович сделал ударение на слове «благородных».

– Да. В семьдесят шестом году тётя умерла... Я, конечно, выполнила её просьбу, положила некролог с ней.

Наступила гнетущая тишина. Анастасия старалась не смотреть на Языкова, но она заметила, что руки у него дрожали.

– Отец умер так до конца и не простив её. А может быть, и себя тоже.

– А она любила его. До последних дней своей жизни.

– Что же тогда произошло между ними? – сдавленным голосом спросил Аркадий Владимирович, понимая, что не услышит ответа.

– Не знаю. Знаю только, что она была очень одинока. Кроме нас у нее никого не было.

– Что, она больше не выходила замуж?

– Нет.

– А отец был женат. Дважды.

– Каждый проживает свою жизнь так, как считает нужным.

– Тут вы ошибаетесь, Анастасия Николаевна. – Никто, в угоду себе, не имеет права манипулировать чужими жизнями.

– Я согласна. Но беда в том, что люди часто считают, что делают это во благо.

– Но для меня это не было благом. Это уже точно. – Аркадий Владимирович встал, медленно подошёл к окну и, глядя куда-то вдаль, сказал. – Знаете, я ненавижу день двадцатое апреля.

– День вашего рождения.

– Угадали.

– Нет, не угадала. Я знаю это. Каждый год в этот день тётя делала нам с братом подарки. Готовила что-нибудь вкусное. И обязательно эклеры... Ваши любимые.

– Да. – Языков повернулся и посмотрел на неё. – Похоже, вы действительно много знаете.

«Неужели?! А я испугалась» – подумала Анастасия.

– Конечно, – очень спокойно сказала она. Вы были с вашей мамой всего пять лет, а она всю жизнь находила, что рассказать о вас.

Аркадий Владимирович вернулся, сел в кресло.

– А теперь расскажите мне о ней... О маме. Как можно больше.

Они разговаривали очень долго.

«А ведь я лгала, – думала Анастасия, глядя на улыбающегося Языкова. – Тётя была очень скрытным человеком. Она никогда не рассказывала о своих переживаниях. Я знаю о том, что у неё был сын, но она никогда не говорила со мной о нём. А день рождения – это я действительно угадала».

Почему я это сделала? Почему солгала? Какое это имеет значение?! Он уже не ненавидит её. Возможно, он ещё сможет, успеет её полюбить. Аркадий Владимирович встал и сказал.

– Вы подарили мне то, чего мне не хватало всю жизнь – вы вернули мне МАМУ.

ЛИДИЯ ГАРМАНОВА

Родилась в 1951 году. Живет в поселке Диксон. Работает телефонисткой. Пишет стихи, любит природу. Мечтает о возведении церкви на Диксоне. Публиковалась в альманахе «Полярное сияние».

Царская корона

– Что это там вверху такое творится, посмотри. Сколько солнц! Как будто кто царскую корону одел на весь Диксон! Посмотри вокруг, одно солнышко около другого, а какое из них настоящее? Вот чудо, так чудо! Я третий год на Диксоне живу, а такого еще видеть не приходилось. Три радуги с разных сторон видели, а такое! Пошли, позвоним по организациям, пусть хоть выйдут, полюбуемся красотой. Да, что вы там мешкаете, скорее смотрите!

Народу остановилось посмотреть на чудо много, но ни у кого не было ни малейшего желания напомнить рядом стоящему о том, что жалко, не прихватили с собой фотоаппарат или видеокамеру. Завороженность, всеобщее восхищение, радость, торжественность и ... через 18 минут ясное чистое небо обозначило только то солнышко, которое единственное для этого времени: 11ч.20 мин. Там, где ему и надлежало быть. Счастливики увиденного поспешили с рассказами к тем, кто не смог бросить службу, чтоб воочию убедиться в чуде. Кто-то стал это явление объяснять с физической точки зрения. Но ему тут же ответили, что может он в физике и силен, а вот красная шерстяная ниточка на его запястье – это что? Тоже с физической точки зрения? Отвечать было нечем. И восторг от увиденного продолжал свое шествие от одного к другому. Да, что уж говорить, дал Бог возможность жить в краю где, наверное, чудеса рождаются.

Вот, к примеру, прошлой осенью, помните, какой был ветер? Крышки коробов летели как перышки, шифер с крыш, рвало жесть обшивки 10-ой пятиэтажки... А по центру улицы идут мать с дочерью, дочь в положении, и двое соседских парнишек. Прогуливаются, мирно беседуют и как будто ничего не замечают и не видят происходящего! Да и как же им на что внимание обращать,

если даже волосы на их головах от ветра не шевелятся. Кто-то говорит, что они в эпицентре. Смехота! Это что, эпицентр себя выбрал именно там, где они идут? И так с самой тундры? Ведь дети к ним подбежали вон там, в конце поселка. Оторванный, искореженный, примерно с баркас размером, кусок жести несло ветром прямо на них, а буквально в десяти метрах швырнуло его в сторону, к коробу. Там он еще неделю лежал, пока все не отремонтировали. К утру все утихло и им стали рассказывать и спрашивать. А они: «Да, вы уж так жестоко не шутите, чтоб мы грохота не услышали, или летящего шифера не увидели? Честное слово, когда мы шли по улице, светило солнышко, небо было ясное и никакого ветерка».

А еще!

Многие дети знают, когда зажжется сияние... Говорят, что они еще вчера с ним договорились, что когда они сделают уроки и выйдут вечером гулять, так оно и ... появится. Вместе играть будут. Ну, или что-то в этом роде. А как дети с луной в прятки играют, ни разу не видели? Ой, да вы, видать, про природу ничегошеньки не знаете. Вот было такое. Пошли мы летом на «шашлыки» на свое излюбленное место, а спички забыли. Достали из сумок мясо замоченное, шампура, а ни спичек, ни зажигалки нет. Но огорчаться не стали, сели и поем: «Капитан улыбнитесь». Смотрим, а на соседнем бревне лежит коробок спичек. Сухой! Но ведь не было же. Вы думаете, что кто-то из нас же и положил. Покрывим душой, если с этим согласимся. Подобных случаев очень много, обо всем не расскажешь, но вот еще одно расскажу. Когда зимой приходят ледоколы, команды приглашают всех местных ребятшек в бассейн, у нас-то своего нет. Ну и устраиваем соревнования по футболу на льду, около ледокола. Поразмяться и морякам, и

нашим не грех. А летом, сидим около костерка, вечер. Солнце-то не заходит (полярный день). Здесь подошло судно с туристами. Ну, они естественно, с расспросами: как живете, не скучно ли в зимнюю пору? Разговорились, ну мы им и рассказываем про футбол на льду. И вдруг несколько небольших облаков на северо-западе стали как бы больше солнцем освещены, а на них! ... Мираж! Как на льду играют в футбол мужики в спортивной форме. Да так четко, будто смотришь матч по телевизору. Минут пятнадцать, это точно. А осенью, собирали мы грибы. Дождичек накрапывает, вдруг мы видим: впереди нас, в тундре !!! старинное судно – трехсельное, и под одним парусом, на волнах чуть покачивается. А на нем Старец в домотканой длинной рубахе, без пояса. Мы ему поклонились и рукой помахали, а он нам тоже рукой машет. Изображение минут семь было четким, а потом стало таять и исчезло. Мы перекрестились и дальше грибы собирать. Ну, и естественно, переговариваемся: мираж? или видение? а может у тундры, как у живого человека, свои мысли, только она их более доходчивым языком нам рассказывает? А еще ... да, что говорить, по глазам вижу, не верите, но все равно

расскажу. Все мы здесь люди не жадные. Вот, к примеру, едет кто в отпуск и хочет родню рыбкой угостить собственного!!! улова. Так ему на крючок одна за другой! А мы решили на бережку уха поклевать. Взяли котелок, банку воды, удочку. Подошли к берегу и рассуждаем: пошли море нам одну рыбку, на уху хватит. Насадил наживку, как водится, поплевали и забросили... Рыбка тут как тут! Женщины стали уху варить, а мужики пошли отпускникам помочь ловить. Сколько ни забрасывали, ни одной больше, не поймали. Вот и говорят: «Нечего чужими руками жар загребать».

Да что рассказывать! Почаще на природе бывайте, да по сторонам повнимательней смотрите, может вам природа еще и лучшее покажет. Да только парусник-то у нас потом действительно был. А привиделся он нам как раз в тот день, когда Алексей, наш Патриарх, икону для него передавал. Имя ему «Андрей Первозванный». А узнали мы это так! Когда парусник пришел на Диксон, то мы экипажу показали число, когда было «видение», а у них-то ведутся все записи. Вот и выходит – правда все, богата чудесами природа, а особенно наша Диксонская.

Размышления о себе

Бывают люди заметные и не заметные. К каким я отношусь – судите сами. Заметные это те, у кого много наград, для меня самая большая награда это уважение, любовь людей, плюс трудолюбие. В результате – пенсионер, ветеран труда, продолжаю работать.

Скучать жизнь не дает, поэтому счастью хватает времени и места. А я и не спорю. Выходя на улицу говорю: «Доброе Утро! Доброе утро снег хрустящий, ветерок летящий, земля, высота небес, все окрест, огоньки душевных глаз – с добрым утром всех Вас!» Я благодарна Богу, что позволил мне жить в мечте! В уникальных диксонских просторах, красотах, которые хранят в себе первозданность звездной пыли. Красота – которая имеет чу-

лодейственную, живительную силу..., которая доказана мудростью природы, наукой. Хочу, чтобы наши внуки и правнуки гордились не только нами – живущими сейчас на этих просторах, любующимися северным сиянием, но и прикладывали все силы, чтобы теплота и чуткость души не превратилась в вечную мерзлоту. Я хочу, чтоб и они тоже жили среди диксонской нежной первозданности, наслаждались ароматом цветов, чистым дыханием моря, полярными китами, солнечными ночами полярного лета, и звонкий смех детворы чтоб не умолкал и в трескучий мороз, среди пурги полярной ночи.

Так и живу с благодарностью ко всему прекрасному, которое окружает меня каждый миг.

ВЛАДИМИР ЭЙСНЕР

Родился в 1947 году в Омской области. Закончил Пятигорский пединститут, факультет иностранных языков. Литературным творчеством занимается с 90-х годов. Работал в заповеднике «Таймырский». С 1991 года стал публиковаться в местной газете «Советский Таймыр». Печатался также в газете российских немцев, в альманахах «Полярное сияние», «День и Ночь». Его рассказы вошли в сборник «Стая».

Сенокос

Крестьянский двор. Утро. Тополь.

Под топодем сидит двенадцатилетний Виллем, качает больную ногу и плачет. Рядом с ним мама.

Оба смотрят вдаль, за огороды. Там, по зеленому полю, скачет всадник в красной рубаше. Ног лошади не видно. Тёмная полоса от сбитой росы как след от удара бичом.

«Ма! Des is de Saschke!»¹

Конопатый мальчишка лет пятнадцати рыжий, как клоун из цирка, въезжает во двор и ловко разворачивает мокрую по брюхо лошадь, давая насладиться зрелищем: без седла, кнут за поясом, рубаша узлом на груди. Это Сашка Клёнов, сирота, подпасок при общественном стаде и посыльный бригадира Ильи Тюленева.

– Скоря? – тихо спрашивает мама. Посыльный важно поджимает губы:

– Тюлень сказал: завтра.

– Как савтра? Как ше савтра? Сматри, што телает!

Пастушок внимательно смотрит на синюю ногу Виллема и шмыгает облупленным носом:

– Сказал: завтра. И то, еслив дождь... Тебя ведь еще в комендатуру² завозить... Разрешение брать... Сенокос. Некому. Подорожник прикладай!

– Та феть я што голко не телал! Мошет, ты пафесёшь, Сашок?

Подпасок, хмыкнув, разворачивает коня и ходкой рысью уходит за огороды. Весёлые разноцветные стёкла разлетаются из-под копыт.

Такие же радужные искры у Виллема на ресницах.

Мама наклоняется над сыном и осторожно кладёт руку ему на колено.

– Net doch, Ma, s'tut weh!³

– Aich weiЯ, mai Kinn... hier, trink' e'mool...⁴ Виллем делает пару глотков прохладной «сыворотки из-под простокваши». Жар, губы сохнут, в висках – молоточки, на ресницах цветная роса. Три дня назад он спрыгнул с лестницы, загнал себе колючку под кожу на пятке и вытащить её не удалось. Сегодня всю пятку правой ноги занимает тугой, желтый, как брюхо паука, нарыв, подошва стала черно-синей, ступня багровой, а мелкие красные пятна пошли выше... А отец и старшие братья на сенокосе. Вообще почти все трудоспособное население этого степного поселка на сенокосном «участке» в тайге, за сто километров. Сено потом привозят зимой на тракторах.

Мама легонько притрагивается к ступне сына, откуда поднимается вверх, к колену, беспощадный антонов огонь...

Виллем приткнулся плечом к ее плечу, горячей щекой к прохладной маминой щеке и молоточки стучат в мамин висок: «помоги, помоги, помоги...

Мама шепчет молитву.

Эту молитву Виллем знает. Мама научила. Таким же полушёпотом он произносит перед сном, набегавшись за день и потом крепко, засыпает.

– Vater unser im Himmel, dein Name werde geheiligt. Dem Reich kommt... Hilfe uns in der Not, lass uns nicht aus

¹ Ма! Это Сашка!

² Вплоть до 1956 года ссыльные немцы Поволжья находились под надзором спецкомендатуры

³ Мама, Больно!

⁴ Знаю, сыночек, на, выпей.

deiner Hand fallen... Mache meinen Sohn wieder gesund und munter... aber nicht mein, sondern dein Wille geschehe...⁵

– Помолвившись, мама вытирает слёзы и отходит к летней печке. Она тут же, под тополем. Рядом с печкой ворох соломы и сухие ветки. На длинном столе чёрный противень, белая мука и тесто куполом. Сейчас мама вытопит печку, испечёт хлеба и вкуснее свежей душистой корочки с молоком нет ничего на свете!

По улице, вдоль забора, идет женщина с узлом на груди. Она останавливается у калитки и смотрит на Виллема.

Нет, она смотрит сквозь Виллема!

Смотрит вдаль больным тяжёлым взглядом...

Необычная, такая необычная тётя, что даже молоточки в висках умеряют свой перестук.

Она серая. Вся серая.

Серый пыльный платок, серая кофта и серая юбка.

Серые волосы, серые губы, из серого узла на груди – две розовые детские ножки.

Наконец, незнакомая тётя замечает Виллема и, будто сделав выбор, толкает калитку. Медленным шагом подходит к столу, без приглашения садится на скамью и роняет руки на колени.

Мама смотрит...

Серая развязывает платок и тогда видно, что на спине у неё горб. Нет, не горб. Ещё один узел. В противовес узлу-ребёнку. Посидев с минуту, серая тётя тяжело встает, вытаскивает из горба-узла одеялко, расстилает его под тополем, укладывает на эту постельку спящего ребёнка и, тонкая, стройная, с хрустом прогибается назад в спине.

– Хозяйка, дай хлебца, – говорит она просто.

– Клеп скоро пудет... Сейчас малако...

Мама приносит из летней кухни кружку холодного молока. Серая тётя благодарит и отпивает глоток.

– Можно муки?

– Мошна, – отвечает мама.

Виллем смотрит, как женщина берет со стола ложку, набирает в нее муку из миски, сыплет муку в молоко, размешивает и пьёт. И мама наливает ей еще молока. Но когда женщина вновь тянется за мукой, мама говорит:

– Ни ната мука. Сейчас клеп – липёшка пудет.

Из мелких сухих веточек мама устраивает на земле рядом с печью шалашик, подсовывает под него пук горячей соломы, подбрасывает в костер веток потолще и наливает в чёрную сковородку желтое масло. Ножом отсекает кусочек теста и раскатывает его в лепёшку. Через минуту – сковородка на углях, тесто твердеет и пузырится, и вот уже ароматная горячая лепёшка прыгает на широкую плоскую тарелку.

– Кушай, кушай мамачка, липёшка лучше, чем мука...

Серая женщина отрывает кусочек и ест. Поднимает с земли своего запищавшего младенца, расстёгивает серую

кофту, – Виллем видит мелькнувшую вишню, – и дает ребёнку грудь.

– Что с твоим парнем? – спрашивает женщина маму.

– Пекает, пекает. Прыкает, прыкает. Криша тоше прыкает... нока укол. Сильна полит. Токтор ехатъ – ната сначала коментатур расришений получают... муш – сенакос, тети – сенакос, все – сенакос, прамо пета...

Ваня видит улыбку в уголках губ женщины, когда она слушает маму. С ребёнком у груди Серая подходит к Ване.

– Не трогай, тётя, больно!

– Не трогаю, смотрю.

Она легонько нажимает пальцем на середину икры больной ноги. На опухоли остается ямка, которая затем медленно выравнивается. Глаза у женщины вовсе не серые, а ярко-голубые, с темными точками грязи в уголках, косы под платком пшеничные, в тонких складках тонкой шеи тонкие ниточки пыли.

Женщина отходит к дальнему концу стола и там шепчется с мамой. И мама приносит из летней кухни оселок на длинной ручке. Этим красным камешком папа и старший брат точат ножи и косы. Серая берет со стола нож и тоже, жик-вжик, жик-вжик, начинает его точить.

У самых ног Виллема она укладывает на траву полено и начинает ножом рубить на нем тонкие хворостинки.

– Видишь, как быстро, а ты, небось, и не знал, что и ножом можно дрова рубить. Так ведь, не знал?

Она бросает хворостинки в костер, мамин огонь вспыхивает с новой силой и Серая несколько раз проводит по пламени ножом, как бы приглаживая красноватые языки, как бы осекая их от углей.

Зачем это? Зачем она гладит огонь? Во все глаза смотрит Виллем на Серую и, не задумываясь, отвечает на вопросы: сколько ему лет, давно ли ходит в школу и в какой класс, как зовут брата и сестру и какие книжки любит читать.

– Ты хорошо говоришь по-русски, – хвалит Серая Виллема, – так хорошо говоришь и не скажешь, что немецик, в школе, небось, одни пятерки получаешь?

Виллем не отвечает. И голос и движения женщины фальшивы и вся она стала другая, совсем не такой она была, когда вошла в калитку, когда пила молоко, когда говорила с мамой. Уже не странная, – страшная женщина! Зачем она все время сует нож в огонь и затем взмахивает им у самой больной ноги? Зачем села так близко? Зачем она положила руку ему колено? И где мама? Мама, где ты?

– А что там у тебя за спиной? – Серая делает большие глаза и смотрит за плечо Виллема. Но нет, не обманешь! В такую игру играют в школе старшеклассники с новичками из дальних деревень. Стоит только оглянуться, и

⁵ Отче наш, ты, который на небе. Да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое... Призри на нас в горе нашем, не дай нам выпасть из Руки Твоей., верни здоровье сыну моему...впрочем, не моя воля да исполнится, но Твоя...

тебе дадут кулаком в бок, ущипнут за ухо или так толкнут в спину, что упадешь...

И все же Виллем слегка поворачивает голову, и нож с потягом ложится на опухоль. Из вспоротого брюха паука брызжет желтая дрянь. Ваня вскрикивает и хватается тетю за руку.

– Ruhig, Jungche, ruhig, des schlimmste is vorbei⁶

Мама рядом. Она берет в свои руки горячую ступню сына и проводит рукой по подошве от пальчиков к пятке. Гной потоком стекает на солому и Серая бросает эту солому в огонь. Виллем плачет, но боль стихает, и дышать становится легче. Женщины осторожно обмывают большую ногу, прикладывают к ранке подорожник и забинтовывают чистой тряпочкой.

Голова Виллема падает на грудь. Серая берет его, тяжелого, на руки и относит на кровать, в прохладу дома.

Утром Виллем просыпается от знакомых звуков. Дзынь-дзынь, дзынь-дзынь слышится из приоткрытого окна.

Это мама доит корову. Тонкие белые струйки из упругого вымени ударяют в жестяной подойник, рождая утреннюю мелодию крестьянского двора.

Виллем садится на кровати и пробует, можно ли ступать на большую ногу. Можно. На пальчики.

Виллем, ковыль-ковыль, выходит в сарай, делает свое утреннее дело, возвращается на кухню, наскоро ополаскивает руки под рукомойником, хватается с полки большую «амелиневую» кружку и, ковыль-ковыль, во двор к маме.

Мама доит Малину, прислонившись щекой к ее круглому мохнатому боку. Перед коровой стоит широкая лохань с травой и картофельными очистками. Малина жует, шумно дышит и смотрит на Виллема влажным черным глазом.

Мама поднимает брови и улыбается сыну навстречу. Виллем прислоняется к ее плечу и подставляет кружку под белую струйку.

По утрам прохладно и роса. Поэтому Виллем обычно выпивает своё парное молоко с горбушкой хлеба на летней кухне, смотрит как встает солнце, слушает как гомонят воробьи, да как с тончайшим нежным звуком лопаются в кружке пузырьки розовой пены.

Но сегодня кухня занята. Там Серая. На низкой скамейке она пеленает ребенка, играет с ним, целует его розовые пяточки и плачет.

«Настенька, дитятко мое милое, кровинушка моя роденькая, зачем ты ушла, зачем спокинула меня-а-а, зачем одну оставила несчастную-горемычную-у-у. И как я теперь Сереже своему в глаза посморяю-у, что скажу ему, что-о-о?»

Серая тетя стоит спиной к Виллему, но ребёночек лежит на пеленках лицом к нему. И хорошо видно, что это вовсе не «Настенька», – это «Иванушка»... Розовенький

крепенький ребёночек с перетяжками на пухлых ручках-ножках. Но не девочка, – мальчик...

Неслышно ступив назад, Виллем возвращается в дом. Кладет хлеб на стол. Там, где пальцы вжались в горбушку, мякиш стал липкой серой массой... Виллем откусывает с боку кусочек, выпивает глоток молока, смотрит в окно. Затем накрывает молоко и хлеб полотенцем, ложится в постель и долго лежит с открытыми глазами...

Солнце уже высоко в небе, когда Виллем просыпается во второй раз. Тихонько выходит на крыльцо.

Стол под тополем отодвинут в тень. Значит, все уже позавтракали. За огородами, у пруда, маячит белое платьице восьмилетней сестренки Маргит. Она пасет гусей и «пасет» двухгодовалого братишку Ваню. Румяный пузатенький Ваня ужасный непоседа. За ним глаз да глаз. Ножки нетвердые, а бегаёт как заяц. Однажды наделал переполоху: был тут и пропал... Мама плакала... Нашёл его папа за километр от дома, спящим в высокой ржи.... И никого не боится Ваня, только гусака!

На бельевой верёвке полощутся юбка и кофта. Серая тётя в мамином старом платье сидит за столом рядом с мамой и шьет. Мама перебирает фасоль. Вымытые волосы обеих женщин распущены по плечам. Мамины – каштановые с проседью, тётнины – цвета спелой пшеницы. Волнистые, густые, блестящие, длинные – до пояса. И, – Виллем вздрагивает от неожиданной мысли, – в эти волосы хочется зарыться, их хочется гладить, перебирать, смотреть сквозь них на солнце, вдохнуть запах...

Виллем приковывается к маме и прижимается к ее плечу.

– Мр-р, мр-р, мр-р – ласково мурлычет мама, обнимает Виллема свободной рукой и легонько щиплет его за ухо. Такая у них с детства «кошачья» игра. От такой игры у Виллема потом весь день хорошее настроение.

– Здравствуй, Вильгельм, здравствуй, болезный, – нарочито громко говорит Серая тётя, – завтракать будем, или сначала ножку посмотрим?

«Болезный» и «ножка» не нравятся Виллему. Что она с ним, как с маленьким...

Он молча отодвигается на край стола, шепчет про себя короткую молитву, как мама научила, и принимается за еду: остывшая картошка, молоко, хлеб, и – ура!, немножко мёда в крутобоком бочоночке со смешным медвежоночком на липком боку.

Женщины, переглянувшись, продолжают прерванный разговор.

Мама вспоминает о том, что в начале марта со стены сам собой упал портрет Сталина, а потом сказали по радио: умер. И все плакали. И сейчас еще многие плачут. Как жить дальше, что делать без «вождя народов»?

Это неинтересно, эту историю Виллем слышал. Только неправда, что все плакали. Папа не плакал. Сказал: „F“ leicht lasse se uns jezz nouch Naam...»⁷

⁶ Спокойно, сыночек, спокойно, самое страшное позади.

⁷ Может, нас теперь домой отпустят...

А Серая, мама называет её Даша, говорит, что у ней муж «сидел», а теперь его «отпустили» и он должен приехать в Омск, и она идёт на станцию, чтобы на «ветке» или поездом, уж там как получится, доехать до города и там они встретятся и вместе поедут домой, и, может, еще зайдут потом, на обратном пути. Конечно, тяжело с грудничком в дороге, ну да ничего, своя ноша не тянет.

Тоже неправда. Сама говорит: «на станцию», а сама с той стороны пришла... Говорит, – из Николай-Поля, а сама так устала малыша держать – сразу руки уронила... И ни хлеба с собой, ни молока... Виллем ездил с папой на станцию, и брали с собой хлеб и пить... Деревушку Николай-Поль с крыши видно, а вся в пыли... И на ребёнка: «Настенька», а это мальчик... Вот и пойми...

Сейчас она вымытая, отдохнувшая и молодая, но на самом деле уже немножко старенькая. Говорит, – ей двадцать два. Значит, на четыре года старше учительницы Зинаиды Васильевны. Это много... Виллем на четыре года старше сестренки Маргит и прекрасно помнит как возился с ней и таскал на закорках и караулил, как она теперь караулит Ваню. А сейчас Маргит выросла и стала вредная, и только и ждет, когда у него заживет нога, чтобы самой быть дома с мамой, а Виллем чтобы пас гусей и смотрел за братом...

– О-ой, устала сидеть! – говорит вдруг тетя Даша, встает, вскидывает руки вверх, к солнцу, и тонкая, стройная, прогибается назад в спине, как вчера, только не устало, а сильно, ловко, упруго.

Виллем замирает... Не хватает третьего слова... Тонкая, стройная – да! Но это вообще, это вообще – тонкая стройная... Нужно третье слово, которое вобрало бы эти первые два, влило б в себя, закончило образ. Но его нет, его нет этого третьего слова в его малом еще пока запасе русских слов. И Виллем напряженно ищет, как ответ на задачку, аж пот выступил на лбу, а рука сжала ложку, которой выскребал остатки мёда из бочоночка.

– Вильгельм! Ты куда улетел?

Тётя Даша стоит рядом и белозубо улыбается, в руке у нее ножницы и тонкая палочка с закругленным концом.

– Держи! – она дает Виллему палочку, – сейчас займемся твоим ранением. Вместе с мамой она осторожно разматывает повязку на ноге Виллема. Опухоли как не бывало!

Подошва ступни еще багровая и вяло-морщинистая, но на самой ступне никаких пятен и боли тоже почти нет.

– Вычищай ранку. Сам. Осторожненько!

Мама опять разводит костерчик у летней печки, а Тётя Даша принимается ножницами срезать старую толстую кожу вокруг ранки на пятке. Виллем вычищает палочкой желтые плохо пахнущие комочки и пластинки и стряхивает их на солому. В центре ранки – черная полусгнившая колючка. Тётя Даша осторожно вытягивает её тонкими пальцами, и говорит:

– Хорошо, что кровь пошла, – ранку промоет.

Но крови немного. Ранка чистая и видно, что там выросла молодая кожа. Розовая, нежная как у младенца.

– Видишь, какая теперь у тебя замечательная пятка, – смеется тетя Даша, – ни у кого во всей деревне нет такой новенькой блестящей кожи, как у тебя!

Она сидит рядом с Виллемом, её густые волосы прикрыли его плечо, но мальчик перестал сердиться и не отодвигается.

Тетя Даша уже не чужая. Вчера она, сама полуживая от усталости, подняла его больного, засыпающего на руки, и отнесла на кровать, в прохладу дома. Память прикосновения осталась в душе... Не чужая эта тетя Даша Она просто... просто странная... Она по-другому держит голову, по-другому ходит, по-другому шутит и смеется, чем женщины, среди которых Виллем вырос. Рядом с ней спокойно и хорошо. Она ... она... почти как мама...

А мама накладывает повязку на больное место и говорит:

– Siheste, Jungche, de Herr hot mai Bitt⁸ geheert, diese Fraa geschickt. Sie hot e Mool als Krangeschwester gearweidet... Awwer du kannst doch schon e bisl rumlauwe? Aich brauctf die Margitt hier...⁸

Эх, везёт сестренке! Ну, да ладно. Мы тоже не льком... Виллем проскальзывает в дом и сует в свою пастушескую сумку шахматы и «Приключения капитана Врунгеля». В том, что тогда Ваня пропал и потерялся в высокой ржи, виновата эта книжка. Потом, вечером, Виллем рассказал о своей оплошности маме и Господу. А папе не сказал... Зато теперь, читая книжку, Виллем «раздваивается». Одним глазом в книгу, – другим за братом. А гуси – те сами пасутся.

Братишка Ваня гоняется за бабочками. Он без штанов. Так удобней. Его куцая рубашонка мелькает в высокой траве. Кузнечики да лягушки прыскают у него из-под ножек. Одуванчики он срывает, хватая их прямо за «голову» и приносит Виллему:

– Nimm!⁹

Если Виллем отказывается, Ваня сыплет цветы прямо на книжку и бежит за следующей порцией. Глаза у Вани синие, кудри светлые, а щечки красные.

Мимо пруда идут на ферму доярки. Одна из них, ссыльная эстонка Сузаан, догоняет Ваню, подхватывает его на руки и целует в румяные щечки, да в искусанную комаром попку. Ваня сопротивляется, смеется и колотит тетю Сузаан кулачками. Та подбрасывает малыша в воздух, ловит, укладывает его у себя на руках, как грудничка, и кружится, кружится с ним по траве, как в вальсе...

Виллем не мешает Сузаан. Она живет одна. Мужа у нее «забрали», а ребёнок умер. Наверное, скучно тете Сузаан одной в доме...

Наконец, Ваня, набегавшись, засыпает рядом с Виллемом в тени под березой. Виллем наклоняется к малень-

⁸ Видишь, сынок. Господь услышал мою молитву, послал эту женщину. Она раньше медсестрой работала. Ты уже можешь бегать... Маргит нужна мне здесь...

⁹ Возьми!

кому тельцу и слушает как тук-тук, тук-тук, бьется сердце. Такое чудо, – сердце брата... укрывает его своей рубашкой и вновь открывает книгу.

К воде подъезжает Сашка-подпасок и, напоив коня, отпускает его пастись. Медленно, в развалочку, подходит к Виллему, закуривает «беломорину» и выпускает дым из носа и ушей. Дело это, очевидно, нелегкое: лицо и шея подростка становятся такими же красными как и его уши. Виллем вынимает из сумки коробку с шахматами, но подросток делает отстраняющий жест.

-Подорожником? – Сашка кивает на забинтованную ногу Виллема.

-Ну.

-А я что сказаа? Подорожник – перво дело. Еслив с чесноком на чердаке привязать-чертей прогонят. Сильна трава... Ты зачем разрешать энтой бабе ребяте́нка тискать?

-Это ж Сузаан, она хорошая.

-Вот сглазят тебе братана, тогда будешь знать «хорошая!»

-Как это «сглазят?»

-Эх ты, немчура нерусская! И того не знашь!

Слова обидные, но в голосе нет издевки. Просто сказал, что думал. И Виллем отвечает таким же ровным тоном:

-А ты – олух Царя Небесного!

Сашка смеется:

-В книге вычитал?

-Ну.

-А я не люблю читаа. Я люблю от так, в плероде жить! – Сашка широким жестом обводит пространство вокруг себя, – что зимой, что летом – хорошо! А книжа что? Мечтание. Книжен сыт не бушь... Что у вас за тётка во дворе маячит?

-А пришла с улицы.

-Просто так и пришла?

-Просто так и пришла.

-И что?

-И кушать попросила...

Хмыкнув, Сашка сплёвывает и некоторое время молчит, держа папиросу на отлете.

-Щас всякие шалаются... Берия зеков выпустил, дак чё тока не делают! То барана со стада уведут, то козу, то телку! У кого погребок вычистят, хлеб там, мёд, сметану, масло, вареники-меники – подчистуу! В Хорошоньках одна хозяйина ночью порося увели. В валенки обули! И не хрюкнул – не-е! Ум-меют, черти!

- В Славянке, тридцать км отсюда, в середь бела дни лошадь пропала. И дитё грудное с покоса. И баба молодая... Хором искали. И милиционер Степанов с району, и палнамочный. Как корова языком!

-Зачем же – детей? Они ж плачут, и молока... Сашка изумленно смотрит на собеседника.

-Ты вчерась родилси или пальцем деланный? Мамка... молоко-о! Да они их на шашлык, понял? На закуску

под водочку, ясно? Зеки же, или не дошлоо? Незаконное попустительство и ротозейство на фоне сложной международной ситуации!

Освободившись от застрявшей в памяти радиофразы, подпасок так затягивается папиросой, что его тут же скручивает сухой злой кашель, и когда он, наконец, способен продолжать разговор, в голосе его уже нет чувства превосходства.

-А энта ваша... ну, гостья чё-ли, она с дитем?

-Ну.

-Малой или девка?

-Мальчик, – смутно предчувствуя недоброе отвечает Виллем, и неожиданно сообщает подпаску то, что не сказал даже маме:

-Мальчик у нее, а она его: «Настенька!» И плачет... А чего плакать? Здоровенький, не крикливый... Головку не держит, так мал. Подрстет...

Подпасок отшвыривает папиросу и внимательно смотрит на Виллема рыжими в крапинках глазами. Видно, что какая-то новость трепыхается у него в горле и просится наружу, но, сглотнув ком, Сашка говорит совсем другое:

-Дак баба она что? Их рази поймешь? Вона я вчерась у Тоньки Малявиной харчевалси. В дом пригласила. Чисто у ей. Рушник на столе, шти с каймаком¹⁰, сало. И мне: «Соточку примешь?»

- Ну-к что ж, принял... А она то так зайдет, то эдак, то руку на плечо, то грудью... И жарко от ней, – горячаа! А потом... – тут Сашка примолк, но плотину уже прорвало и выплеснулось:

-А потом – руку мне под рубаху – и там пощекотала!

Тут Виллем понял, что пора поощрить рассказчика. Выпучил глаза и сказал:

-О-о-о!

-Дак ты знашь ли, скока ей?

-Не-а.

-Тридцать чегыре! Почти на двадцать лет! Старуха!

-М-да-а... совсем по взрослому говорит Виллем и осуждающе качает головой. Интуиция подсказывает, что если он сейчас спросит, где именно находится это «там» то потеряет Сашкино уважение навсегда.

-Тока молчок, понял? – Она вдова, и к ей, гуторят сам Тюлень захаживат, а мне оно надо? Эх-х, бабы-и. Ну, побежал я, коровы разбрелись...

-Погоди! – Виллем достает из сумки огурец, хлеб и молоко. – Возьми, мамка много дала, мне все равно скоро домой

-А братану оставил?

-На, смотри!

Сашка деловито заглядывает в сумку. Там действительно еще один ломоть хлеба с маслом, еще один огурец и, рядом с шахматами, маленькая бутылка с молоком для Вани.

-Годится! Спасибо... Шахматшки потом. Седни сам вишь какой день, суета!

¹⁰ Сметана.

Сашка часто пропускает занятия и учится плохо, но он лучший шахматист школы и «тренер» Виллема. Зимой Виллем часто прибегает к нему на колхозную конюшню, где у Сашки свой закуток: печурка, кастрюля и чайник. У Сашки редко бывает хлеб, все щи, да каша. Папа разрешает Виллему брать хлеб для шахматного врага, а мама намазывает этот хлеб маслом или свиным смальцем или вообще чего-нибудь вкусенького сунет. Мамочка родненькая...

Ваня спит, Виллем читает. У комаров, похоже, *Mittagspause*¹¹.

Но вот над головой заворчал и грохнуло, зашлепали по листьям мокрые ладошки, и кузнечик прыгнул в раскрытую книгу.

Ух ты-и! Виллем подхватывает полусонного «братана» на закорки и бежит домой. И вовремя. Только укрылись под навесом крыльца, как полило по-настоящему.

Мама подхватывает Ваню и сажает к себе на плечо, тётя Даша с малышом на руках, Маргит и Виллем, – все вместе смотрят с крыльца как идет дождь, как вонзаются в землю белые прутья, как стекают по тополию светлые нити и в кустах сирени прячутся куры.

Из переполненных бочек по углам крыши течет вода и, не успев дождь закончиться, как уже засновали по лужам желто-зелёные утята, процеживая воду черными клювиками.

По улице, вдоль забора на мокром коне, в облипочку рубашка, крупным шагом едет Сашка Клёнов.

– Сашко! – кричит ему Виллем и машет рукой, но подпасок не оглядывается.

И тут во двор въезжает телега. Спереди сидит бригадир Тюленев. Он разворачивает лошадей и, проехав немного вперед, натягивает вожжи.

– Тпру-у-у!

Телега останавливается в проеме ворот.

С широких досок, укрытых мокрым сеном, соскакивает грузный мужчина и откидывает капюшон черного плаща.

Это «палнамочный» по делам ссыльных с нелепой фамилией Пивторыбатько.

– Воровка! – кричит он тете Даше, – думала, не найдут тебя, ну?

Тётя Даша с криком срывается с крыльца и, лоскользясь в грязи, падает на одно колено.

– Не спеши, красавица! – Тюленев хватается за ее локоть, но она вливается зубами ему в руку.

– Ах ты..! – ругнувшись, бригадир отскакивает, но «палнамочный» хватается тётю Дашу сзади за волосы и дергает с такой силой, что она, откинувшись назад, падает теперь уже на оба колена и сверток с ребенком скатывается на мокрую траву.

Жалобное «у-а-а!, у-а-а!» заполняет прохладу вечернего двора.

– Ви што телайт, нинармальный! – Мама поднимает младенца и укачивает его у своей груди. «Палнамочный» борется с тетей Дашей, старается закрутить ей руки за спину, а она отбивается, плачет и кричит на всю улицу. Бригадир Тюленев стоит у телеги и заматывает платком прокушенную руку. И делает это нарочито медленно, без конца поправляя и затягивая узелок зубами.

Люди собираются во дворе. В основном это жены ссыльных, тех, кто сейчас за сто километров от села на сенокосе. Здесь крымская татарка Эминэ, эстонка Сузан, карачаевка Айшат, чеченка Малика, латышка Майя, калмычка Мелтэ и две соседки Виллема: Мария и Хильдегард. Женщины смотрят и молчат...

Наконец, тете Даше удается вырваться. Ворота заперты телегой, но она подныривает под лошадей и оказывается на улице.

– От дитя не убежишь! – «Палнамочный» боком подсакивает к маме и хватается у нее из рук младенца. Новое жалобное «у-а-а», ребенок сучит ножками и выгибается в больших грубых руках.

Тётя Даша тем же путем возвращается во двор и набрасывается на «палнамочного». Отброшенная сильным толчком в грудь, она ударяется о крыльцо и сползает на траву.

Красный туман наполняет Виллему глаза. Стиснув зубы, он бросается с крыльца и начинает изо всех сил колотить «палнамочного» по толстому брюху.

– Отстань, щенок! – удар ноги отшвыривает мальчика в лужу, но Виллем тут же вскакивает и бросает «палнамочному» в лицо застрявший между пальцев кусок грязи.

– *Jungche, was machst du!*¹² – Мама, крепко обхватывает сына сзади руками, прижимает к себе и оттаскивает в сторону.

Тётя Даша медленно встает и прислоняется спиной к стене дома, ее покрытое мокрыми пятнами платье местами прилипло к телу, верхний угол заплатки на юбке оторвался, обнажая белую кожу, и видно как, нанизанные на царапину, наливаются соком ягодки красной смородины...

Между лошадиных голов выныривает рыжая Сашкина голова. Лица у него нет. Лишь глаза, да веснушки...

Но Виллем смотрит на тётю Дашу. А тётя Даша, как вчера утром, смотрит сквозь него. Смотрит вдаль большим тяжёлым взглядом. По щекам у нее текут блестящие дорожки, все новые капли скатываются из-под ресниц, грудь тяжело поднимается, руки теребят кончик тонкого пояска.

И вовсе она не старенькая. Она молоденькая! Она лишь чуть старше сестренки Маргит. Тонкая, стройная... Не хватает третьего слова... Во все глаза смотрит Виллем на Дашу. Даже сейчас, сквозь горе, видно какая она другая, чем женщины среди которых он вырос... И это светлое платье с пояском... На наших все балахонистое,

¹¹ Перерыв на обед.

¹² Сыночек, ты что делаешь!

темное, безрадостное-серое, как тоска по родине, как злая неволя ссылки...

Во двор входит Пелагея Кулагина, высокая костлявая старуха с пронзительными черными глазами.

Ребенок, чуть прикрытый скользким плащом, извивается и плачет на руках «палнамочного».

-Дак ты чего, паря, с бабой воюешь? Чего тут раскошмашиваешься? Верни молодке дитя!

«Палнамочный» долго в упор глядит на старуху и, нехотя, цедит сквозь зубы:

-Не её малой. Украла!

-Отдай, отдай, – будто не расслышав, отвечает Пелагея, – твое ли дело – воры? Али с сьльными мало забот?

-А все – наше дело! Поняла? Всюду контроль, ясно? – Совершенно Сашкиным голосом отвечает Пивторыбатько.

-Дак ты хошь, чтоб ей молоко в голову бросилось? И так не в себе молодуха, дак ты хошь, чтоб спомерла? Убить?

Верхняя губа «палнамочного» подпрыгивает, обнажая крупные зубы:

- Это она – убийца! Свою заспала, мертвого в постели бросила, чужого с покосу схватила и – деру! Тридцать вёрст по жаре! В другой район! Тока от нас не уйдешь, у нас везде глаза и уши!

Женщины перестают перешёптываться, все смотрят на Дашу, а «палнамочный», торжествуя, бросает на весы еще одну гирию:

-Ще мало. Свекор у ей больной-паралитик. Без обиходу бросила. Может помирает сейчас. А ты...

-Аха-а, так вы все на первородку свалили! На ей корова, огород, пороса. На ей больной, да грудной. На ей вся хозяйства, а вы единственную помощь, мужа, – на сенокос! Дак тут не то – заснешь, умрешь, не встанешь!

-Ты спи, да ухо имей. Дитя задавила!

-Чо мелешь, чо мелешь, поганец! Ты видал? В окно подглядал? Дак чо мелешь тогда? Иного дитя Бог во сие приборет... Вон – все бабы, спреси!. А ты, коль за правду, -косу в зубы, да вместо ейного мужа – комарей кормить! Там – от пузо-т растрясешь, да может человеком станешь, гля...

Лицо «палнамочного» медленно наливается помидорным цветом, но с Кулагиной не поспоришь. Она не ссыльная. Она из тех первых, «столыпинских» переселенцев, кто тяжким трудом поднимал здесь целину, копал колодцы и строил заимки. Её муж, герой Гражданской войны, погиб в Отечественную. На мужа она получает «пенсию», а сын, здоровенный детина по кличке «Лёня маленький», мать в обиду не даст.

А голос Пелагеи все лезет вверх, как змей на ветру.

-То в «черном вороне» ездил, а шас друго время приспело, дак на телегу пересел? Спомяни мое слово – недолго вам осталось! Дитю титьку надо, али свою сунешь?

«Палнамочный» вздрагивает. Неленость ситуации, похоже, только дошла до него. Преступница на свободе,

а он с плачущим ребенком на руках в кругу «врагов народа».

С достоинством отвернувшись, не удостоив Кулагину ответа, он кладет, почти бросает малыша на мокрое сено телеги. Молодая мать вмиг оказывается рядом и подхватывает ребенка на руки.

-Отвернись, бестыжий! – Верхние пуговицы платья у тётки Даши оторваны, она отходит в круг женщин и дает ребенку грудь. Жалобный плач сразу стихает...

«Палнамочный» столбом стоит у телеги, бригадир Тюленев все возится с повязкой на руке, закатное солнце зажигает тополь, рисует клетки в окнах и кладет тени на лица.

И опять шлепают по мокрой траве лошадиные копыта. Уютная пролетка на красиво выгнутых рессорах останавливаются у забора. Высокий седой мужчина протискивается мимо лошадей в воротах и проходит вперед.

Это «дядька милиционер» Степанов. Его уважают, потому что он «за правду».

Детей у Степановых нет, и они взяли на воспитание двоих сирот. Жену Степанова, молчаливую тетю Лену, говорят, видели на Пасху в городской церкви...

Ни взглядом, ни словом не удостоив «черного ворона», Степанов негромко, твердо говорит:

-Гражданка, пройдемте со мной. А вас, граждане, прошу разойтись!

Он помогает тётке Даше подняться в пролетку и накидывает ей на колени одеяло.

-Н-но-о!

Лошади медленно разворачиваются в длинных медных лучах.

Неужели не оглянется, неужели не вспомнит, неужели...

Медленно поворачивает Даша голову.

-Спасибо, люди добрые, спасибо за хлеб-соль, за уют, за уют, за все, за все..., дай вам Бог... дай вам Бог... В поднявшемся шуме и плаче Виллем не слышит последних слов.

Ну, взгляни же, взгляни!

И она нашла его взглядом, легонько кивнула, улыбнулась уголками губ и наклонилась к ребенку.

Степанов тронул лошадей шагом, затем пустил их рысью. Виллем следил за пролеткой, пока она не растворилась в сумерках, пока не зарыбило в глазах.

Первое осознанное сердца замирание перед тайной красоты, первый звонок из взрослой жизни, первое ранение...

Виллем приходит в себя оттого что мама тормошит его за плечо:

-Des Entche dort weint aach, helf' ihm doch!¹³

У самого входа в сарай застрял утенок в коровьей лепёшке. Он отчаянно пищит и машет куцыми крыльшками, но перепончатые лапки прочно засели в липкой зеленой грязи. Рядом стоит мама-утка и хрипло, тревожно крикает.

Виллем накрывает сверху ладонью пушистое невесомое тельце, осторожно вытаскивает утенка из «коровье-

¹³ Утенок там тоже плачет, помоги ему!

го» плена, обмывает в луже его испачканное желтое пузечко, сполоскивает малыша в чистой дождевой воде из бочки и опускает на землю рядом с мамой-уткой.

-Jezz awwer schnell schlouwe gehe! – S' is schon dungen!¹⁴

Пока возился с утенком, слезы высохли...

Этой ночью Виллем прибежал к маме и уткнулся ей в плечо:

-Ma, hot se wirklich des Kinn gestoole?

-Aich denk jo, sie hot es,-вздыхает мама.

-Awwer du host doch gesaagt – Herr Gott hot se geschickt... Stehle – is Sinde – “Ne Sinderin geschickt?

-Aan jeder hot sei Sinde in diesem Leewe, mai Kinn...

-Unn die anre Motr, die richt'ge, die hot geweint?

-Aich denk “sie hot sehr geweint...

-Unn der schlechte Mann, der „palnamotschni“, der wollt des Kinn der richt'ger Motr zurickgewew?

-Jo, der wollt's.

-Unn Stepanoff aach?

-Stepanoff aach...

-Unn Stepanoff macht es aach?

-Er macht es aach...

-Alsoo dann sinn die Mdnner net schlecht, awwer die Tande Dascha, die is “schlecht! Meinst du, Ma, sie hot wirklich Ihr Kinn dootgedrickt?

-Aich denk 'des Kinn is doot, awwer ob sie daran schuld is 'des kamman net wisse...

-Awwer, Ma, des muss ma' doch wisse... wer gut unn wer schlecht is...

-Du host doch g'sehe, Kinn: Dascha is 'kaa schlechte Fraa, bloЯ so jung, bloЯ so “n grooses Leid.... deshalb...¹⁵

-Was „deshalb „Ma,“ was? Deshalb hot se des Kinn gestoole? Unn Herr Gott hot “ zugelasse?¹⁶

Мама долго молчит, ее мягкая рука тихонько гладит затылок сына, с грустью шепчет она в ночную тьму:

-Du werrst es schwer hawwe in deinem Lewe Willi... getf mool schlowe, geh' mol schloowe, mai Kinn,, der Morchent went schon alles annerst unn leichter mache...¹⁷

И с такой же горечью Виллем:

-Niemols, niemols, Ma, werr aich se noch e mool sehe...¹⁸
Виллем никогда больше не видел тётю Дашу...

Вскоре всем припомнились слова Пелагеи Кулагиной. Власти отменили комендантский режим, куда-то подевались, как сквозь землю провалившись, все «палнамочные», а ссыльным семьям из прибалтийских республик и, ссыльным народам России разрешено вернуться в родные места.

Лишь татарам Крыма, да немцам Поволжья – вечная ссылка...

...Прошло пятьдесят лет. Пушистые елочки на могилке родителей стали стройными елями.

Сестренка Маргит стала матерью десятерых детей, можаовой бабушкой шустрых внуков и вместе с русской родней уехала в Германию.

Давно не бьется сердце братишки Вани. Братишка Ваня, колхозный механизатор и отец пятерых детей умер в сорок лет в жаркий «давай-давай, быстрее-быстрее» день на сенокосе...

Сашка Кленов стал отцом многочисленного рыжего потомства и фермером. Его буйная шевелюра поредела.

«Тихо льётся с кленов листьев медь...»

Еще много было «звонков» подобных первому, теперь все чаще звонят «оттуда», а третьего слова все не находилось.

И вот, однажды, глядя на собственную двадцатидвухлетнюю дочь, как она, привстав на цыпочки, срывает яблоко, Виллем нашел это слово: юная.

Да, оно.

Юная, юность, юн.

Голова стала белая...

Горит, горит тополь, облитый вечерним золотом. Болит сердце, болит...

10. 04. 2004.

¹⁴ А теперь – спать! Уже темно!

¹⁵ Ма, она правда, украла ребенка?

-Я думаю, да...

-Но ты же сказала, – Господь ее прислал... Воровать – грех. Грешницу прислал?

-У каждого свой грех в этой жизни, сын...

-А другая мама, настоящая, она плакала?

-Я думаю, она сильно плакала...

-А плохой дядя «палнамочный», он хотел отдать ребенка правильной маме?

-Да, он хотел.

-И Степанов тоже?

-И Степанов тоже...

-И Степанов отдаст?

-Да, он отдаст.

-Но тогда дяди – не плохие, это тетя Даша плохая... Ты думаешь, ма, она вправду задавила своего ребенка?

-Я думаю, ребёнок умер, но виновата ли она, – это неизвестно...

-Ма! Но ведь это надо знать, кто плохой, а кто хороший!

-Ты же видел, – она хорошая... Просто – очень молоденькая и такое большое горе... Поэтому...

¹⁶ * -Что «поэтому», ма, что? Поэтому она украла ребенка? И Господь допустил?

¹⁷ -Тяжело тебе будет в жизни, Вилли... Иди-ка спать, пора спать, сыночек, утром все будет по-другому, все будет не так...

¹⁸ -Никогда, никогда я ее больше не увижу!

ОЛЕГ ЯРУНЦОВ

(1951-2002)

Родился и жил в Дудинке. Закончил Свердловское суворовское училище, философский факультет Уральского университета. Увлекался фантастикой, любил поэзию, писал стихи. Автор книг «Жизнь кадета – путь к справедливости», «Последний аргиш». Последняя книга была издана посмертно.

Последний аргиш.

(Окончание гл. 5.)

Вторая реальность.

2.

Дул ровный встречный ветер, и на следующий день в прямых лучах солнца мы увидели край равнины. Впереди виднелись крутые прибрежные скалы, они грозно чернели, загораживая зарю, а внизу их терзали белые клыки морского прибоя. Дальше идут арктические острова, и на них теплее, чем здесь, на материковой части, из-за теплых течений, омывающих их берега.

День был тихий, в воздухе легкий морозец, все открытое пространство вокруг одето перламутровым инеем. Ветер свободно гуляет здесь по прибрежным землям, просаливая почву и корежа редкий кустарник. Глубоки-ми извилистыми рытвинами сбегают к морю узкие ручьи, а в часы отлива на отмелях полно всякой живности и крикливые морские птицы бродят между камней, привлеченные легкой добычей.

Это край одной и той же земли. Но эти места сохранили память о более древних временах, и все здесь немало не так и не то.

Я видел, как Тихон в изумлении широко открыл глаза и рот, и даже уравновешенный Денис не без видимого интереса взирал на ряды стоячих камней, открывшиеся нам на травянистом холме. Не нужно обладать особым воображением, чтобы увидеть их рукотворное происхождение. Высотой в два человеческих роста, они замерли в непонятном нам порядке — и их скрытый смысл, и неясное назначение окутывали это место великой тайной, недоступной для понимания. Такие камни, ряд за рядом, стоят вдоль и поперек всего мира, точно шеренги сивогривых витязей или рати мертвецов. И стояли, люди говорят, всегда, с незапамятных времен. Никто не знает, зачем и как они были установлены. Это те самые камни,

что показывал мне в полусне тот, кто хотел быть похожим на моего друга Вэнго, а может, и был им раньше, став ныне другим.

Мне неизвестно, откуда во мне такая уверенность, что эти камни воздвигли не боги и не исполины, а простые смертные умельцы и секреты их мастерства следует искать в древних песнях. Но хоть эти постройки воздвигнуты людьми, давно уже обратившимися в прах у их подножий, но те, во имя кого они были воздвигнуты, по-прежнему живут здесь. Их присутствие ощущается так явственно, что сжимается сердце, и незнакомая мелодия ощущений заставляет трепетать наши души.

Стоунхендж сооружался 300 лет. Кому и как удалось убедить примитивные племена построить столь грандиозное и замысловатое сооружение? Очевидно, что в основе столь величественного и одновременно бесполезного строительства находился культовый мотив. Но истинное назначение его было известно только учителям. С пирамидами та же история. Под видом усыпальниц строились технически сложные сооружения с неясными даже для нас целями. Зачем, для чего — непонятно.

— Если б мы чего-нибудь такого не ожидали, могли и мимо прошуровать, — Артем вместе со всеми бродит между камней, осматривает их со всех сторон и даже пытается зарисовать схему их расстановки.

Иногда простое везение бывает гораздо важнее, чем проявления гениальности. Нам здорово повезло, что мы оказались в этом месте. Каменные лабиринты — прямое свидетельство реальности древней цивилизации, а эти, найденные нами, указывают на ее существование здесь, в Арктике. То же самое подтверждают труды самого авторитетного ученого древнего мира Плиния Старшего,

а на ее географическое расположение в районе Северного полюса прямо указывали карты Меркатора. Не верить этим картам оснований не находят ни закоренелые консерваторы, ни тем более простодушные романтики.

Описанная цивилизация человечества составляет только шесть тысяч лет, и весь этот период не оставался без внимания со стороны. Мифы и легенды всех стран и народов оставили нам память об этом вмешательстве неких могущественных сил. Но кто же вмешивался в дела людей на протяжении тысячелетий? Наше детское воображение приписывает его богам или пришельцам из далекого космоса.

Но я вижу в этом подтверждение факта существования развитой «дочеловеческой» цивилизации. Она не могла погибнуть бесследно, не оставив следов, а возможно и своих миссионеров. И эти следы, без сомнения, есть, только увидеть мы их пока не в состоянии, поскольку наше возбужденное воображение ждет чудес типа скал-терти-самобранки и сапог-скороходов. Мы шарим жадной рукой в закоулках пирамид в надежде найти кусок золота или кувшины с эликсиром жизни, далекие от понимания того, что надо искать на самом деле.

Вот и сейчас, словно не веря своим глазам, Артем обходит каменные столбы, трогает светло-зеленый мох, наросший на их боках. Его обескураживает наивная простота постройки и то, что ничего не происходит. Нет дьявольского свечения, признаков иного излучения, не ударяет молния и не слышно пения хотя бы ветра между ними. Эти камни поставлены так давно, что мы не в состоянии оценить прошедшего времени, как не можем выяснить, какая жизнь кипела на Земле совсем недавно, пока потоки воды не смели с морских побережий материальные свидетельства иного мира. Но не все. Мы прошли Долину Смерти насквозь, чтобы увидеть эти камни, и моему торжеству нет предела.

Все устали и рады сделать привал. Тихону, как самому сильному, поручили тащить не только общую часть вещей, но и нашу неожиданную добычу, и он всю дорогу ворчит, кляня свою горькую участь и бессердечность товарищей. У нас не хватило духу кощунственно расположиться прямо между загадочными камнями, и мы разбили свой лагерь в распадке соседних холмов.

— Мерзнешь? — весело похлопал меня по спине Тихон. Он рад освободиться от своей поклажи и хозяйствует за импровизированным столом. На самом деле мне слегка нездоровится, и свежий ветерок пронизывает, кажется, насквозь.

— Один момент и будет чай, — он топчется вокруг костра, вскрывает банки с консервами и вываливает тушенку в котелок. Сейчас он изготовит варено, рецепта которого не найти ни в одной кулинарной книге. Тем не менее, для голодной братии густая и горячая масса супа без названия как раз то, что надо.

— Есть предложение перекусить, а потом обследовать местность, — предложил Артем, — без спешки оглядимся, может, еще что-нибудь неожиданное обнаружим.

Никто ему не ответил. И так ясно, что на месте народ не удержат. Рядом океан, и отметить на его берегу захочет каждый из нас.

Двумя группами мы расходимся в разные стороны. Неутомимый Тихон шагает рядом со мной и стрекочет очередной историей о каких-то событиях и отношениях незнакомых мне людей.

На ветру трепетали крошечные полярные маки, а в местах, где они росли особенно кучно, склоны холмов расцветались пятнами лимонно-желтого цвета. Там же, где встречались сырые низины, были рассыпаны желтые цветы лютиков. Птиц было сравнительно мало. Над морем кружили одинокие чайки, а берег был усеян иероглифами следов куликов. Завораживающая океанская даль растянулась свинцовым одеялом до самого горизонта. Мы зашли в воду и окунули руки в ее ледяной холод.

Здравствуй и прощай, Северный Ледовитый океан. Мы дошли до твоих берегов, но скоро уходим, не тревожа тебя своим присутствием. Мы знаем твою силу и мощь, не один корабль покоится на твоём дне, и не одна морская душа переселилась в белокрылую чайку. И мой отец был моряком и мужественным человеком. Он на ногах перенес первый инфаркт и ни разу не пожаловался на здоровье. Он свято верил в моряцкие легенды и, может быть, эта чайка, что кружит надо мной, приняла его душу на свои крылья. И кружит она теперь надо мной в своей родной стихии, где бушуют соленые ветры и пенятся волны неутомимого океана. Полон тоски и печали крик белоснежной птицы, с болью и тоской провожаю я взглядом ее стремительный полет. Не суждено идти нам больше одним путем, и разные дороги развели нас на разные стороны жизни, и не известно мне, навсегда ли.

— Николай, а чайка не белая, — вдруг вскрикивает, отрывая меня от раздумий, Тихон.

— Черная, что ли, я же не дальтоник.

— Розовая, розовая чайка, взглядишь внимательно, — настойчиво размахивает он руками в сторону мечущейся птицы.

В это время чайка сложила крылья и закачалась на волне недалеко от берега. Тот, кто посвящен, тот знает, что увидеть розовую чайку — к большой удаче.

Сколько лет обнаруженным нами камням, мы не знаем, но очевидно, что они поставлены много веков назад. Быть может, эта чайка знает эту тайну. Она пронзительно вскрикивает и мечется над водой, но непонятен мне ее язык. Я просто человек, который все еще удаляется от природы, породившей меня, и время нашего сближения с ней еще не наступило.

3.

Наконец мы стряхиваем с себя оцепенение, вызванное величием водной стихии, и углубляемся в глубину береговой тундры. Берег сплошь каменный, иссеченный трещинами и разломами. Местами его покрывает каменная осыпь. Словно вываленные из гигантского грохота

булыжники неустойчиво шевелятся под ногами. Идти теперь приходится с крайней осторожностью: соскользнет нога — и перелом обеспечен. А это может обернуться катастрофой для всей группы. Только изредка из камней выглядывают редкие пучки жесткой травы и нашлапки лишайника. Но чем дальше мы отходим вглубь материка, тем радостнее становится глазу, тем больше цветов жизни порождает земля.

Мы прошли не менее километра на юг, когда наткнулись на невероятное зрелище. Тут и там, среди редкого кустарника, лежали тела мертвых оленей. Вокруг гудел и раскачивал редкий кустарник океанский бриз. Безжизненная пустыня простиралась во все стороны света. И вдруг мы столкнулись с тем, что совсем недавно было шумной, теплой и настоящей песней жизни на этом безрадостном фоне. Растерянные мы бродили среди трупов, гадая о причинах развернувшейся здесь драмы.

— Их что, из пулемета здесь укладывали? — гадаю я вслух, обходя поверженные тела.

— Какой пулемет, ты что, не видишь, что ранений не видно, — возражает мне мой спутник.

И действительно, туши абсолютно целы. Не видно пулевых отверстий, нет следов и охотничьего беспредела. Бывает, что охотники натываются в тундре на оленье стадо. Охваченные азартом, они поливают его свинцом из всех стволов, а когда опьянение удачей и убийством проходит, обнаруживают, что эта добыча им не по плечу. В лучшем случае вырезают мясные части и язык и уносят с собой. Если это случилось зимой, зарывают в снег и возвращаются за остатками. В худшем же бросают убитых животных, оставляя на съедение тундровым хищникам.

Но здесь все происходило иначе. Вот лежит, вытнута шею, молодая олениха. Она словно уснула без мук и страха, открытые глаза как обычно печальны, но нет в них ни боли, ни страха смерти. Недалеко от нее покоится могучий самец, его необыкновенной красоты рога еще совсем недавно были готовы к схватке за право продолжить род. Но теперь они бессильно уткнулись в рыжеватый мох, ноги поджаты и виден след от копыт, словно в последнем усилии пытался олень устоять на них, не дать опрокинуть себя на землю и избежать позора падения на глазах всего стада. Но, похоже, он умер последним. И некому было осудить его, подвергнуть сомнениям его мужество бойца.

— Бля, какая скотина все это устроила, — охотничье сердце Тихона не выдержало, он громко ругается и потерянно бродит между нетронутых тел погибшего стада, в котором не меньше пятидесяти голов.

— Смахивает на массовое отравление, — строю очередное предположение, поскольку ничего другого в голову мне не приходит.

— Да нет, посмотри, они как бы рухнули все разом, да и следов характерных не видно, морды чистые, — возражает Тихон. Он, конечно, прав, оленя вообще трудно отравить, такое только человеку с его химией под силу. Здесь же человека очень давно не бывало, производства,

само собой, нет, никаких следов от ядовитых атмосферных осадков тоже. Радиоактивное облучение, как и любая эпидемия, мгновенно не убивает. Но лучше отсюда убираться подобру. И мы уходим, оставляя все как есть, унося с собой недоумение, раздражение и гнев на причину столь странной смерти.

— Дело нечистое, — выслушав наш рассказ, заключает Артем,

— Долина Смерти не выпускает свою добычу, как бы и мы с вами не оказались в ее числе.

— Ерунда все это, если вы ничего не поняли, то это не говорит в пользу сверхъестественных явлений, — Денис более практичен, — следы все равно должны остаться, не может целое стадо загнуться без всякой причины.

— Вот ты их и ищи, тебя для этого и учили, — возражает ему Тихон, — только нет там следов, как у вас принято говорить, насильственной смерти. Трупы есть, а следов нет.

— Хорошо, схожу сам и посмотрю. Есть тело — будет и дело, — самолюбие Дениса задето. Он подхватывает автомат и топает в указанном направлении.

Мы же занимаемся обустройством лагеря. От нечего делать таскаем камни и выкладываем великую арктическую стенку, надеясь на защиту от довольно прохладного ветра с побережья. Нам здесь ночевать, поэтому выкладываем спальники и собираем топливо для костра. В разгар строительных работ появляется Денис. Вид у него озабоченный, он молча включается в общую работу, и нам становится ясно, что его следовательский гений пострадал и ничего толкового он нам не скажет.

Заняться здесь больше нечем, и мы завариваем традиционный чай, садимся в кружок и заводим бесконечные разговоры на такие же бесконечные темы.

— Нет таких мест больше на земле, как у нас. Простор, красота, безлюдье, — вздыхает Тихон.

— Надолго ли, — скептически замечает Денис, — скоро и здесь помойка будет. Уделали всю планету так, что и самим скоро жить будет негде.

— Тогда подадимся на другие планеты, — оживляется Артем. — Будем строить новое общество вместе с инопланетянами.

— Сколько вам говорить, что для нас никаких инопланетян нет, — возмущаюсь я, — они есть, но не про нашу честь. Все наши мечты о контактах и других мирах — просто отражение наших идей о собственной жизни. Мы не готовы к жизни во Вселенной даже по техническим причинам, а знания, необходимые для этого, не открываются нам, пока мы не станем космической цивилизацией, готовой для сотрудничества, а не войны. А мы только думаем о себе, что мы цивилизация, но ошибаемся. Признаками цивилизации являются универсальное знание и осознание себя единой расой с планетарным мышлением. Нет этого пока, и при нашей жизни не будет. Мы даже древние знания умудрились во времени утратить, мечемся во тьме невежества, как стадо слонов в посудной лавке.

— Что-то мне немного не по себе, — жалуется вдруг Денис, — словно в спину кто смотрит. Не чувствуете?

— Я тоже искрутился, думал, зверь за нами наблюдает, — поддержал его Тихон. — Сюда запросто белый медведь зимой заходит, но не в это ведь время года. Может, пальнуть?

Он покрутил карабин, но стрелять не стал. Я вместе со всеми ощущаю невинное беспокойство, но отношу это совсем на другой счет.

Однажды Фрейд заметил, что человек, задающий вопрос о смысле жизни, нездоров. Но если у меня мания преследования, то это не означает, что меня на самом деле никто не преследует. А преследуют все те же вечные вопросы, ответы на которые мы ищем всю жизнь. Меня заклонило на том, что мы не первые разумные существа на этой планете. Тайна первой цивилизации на Земле остается открытой, что дает нам повод изменить свои взгляды на многие вещи. И мне кажется, что мы находимся в том месте, где когда-то проходила граница легендарной Гипербореи, давшей начало нашей современной цивилизации.

Неспроста это место зовется Долиной Смерти, не просто так здесь установлены обнаруженные нами мегалиты, не зря так усердно нас выпихивали в этот район, а мы сами хотели сюда попасть, подчиняясь внутреннему зову души и сердца.

4.

— Ребята, посмотрите, что это, — раздается крик неугомонного Тихона. Он вскочил на ноги и показывает рукой в сторону открытого нами каменного лабиринта.

Мы подсказываем и видим, что от земли в самое небо уходит зеленоватый светящийся столб света. Мы привыкли к виду северного сияния, а это зрелище сильно напоминает его бледные сполохи. Но в это время года его не бывает. Северное сияние возникает в самые сильные морозы и растекается широко по небу, но никогда не достигает земли. Да и цвета у него насыщеннее и прозрачнее. Это же явление похоже на луч огромного прожектора, который то ли упирается в землю, то ли исходит из нее.

— А где Денис? — спохватываюсь я, только сейчас обнаружив, что команда как бы не в комплекте.

— Так отошел, наверное, по нужде, — говорит Артем, озираясь по сторонам.

— Денис, — кричу я в темноту, но никто мне не отвечает. Обеспокоенные молчанием, мы по очереди и хором кричим, призывая своего товарища, но результата нет никакого.

Между тем, свет как бы набирает силу. Сквозь его столб уже не видно звезд и, похоже, он постепенно растет в ширину.

— Я пойду искать Дениса, — говорю я парням, — вы смотрите за костром и, если позову, пусть кто-нибудь пойдет навстречу. Не нравится мне его молчание, и свистильник этот не по делу тут появился.

— Я с тобой, — Тихон всегда готов, но я не хочу оставлять Артема одного и отправляюсь в одиночку. Для успокоения души вытаскиваю из рюкзака пистолет, ставлю на боевой взвод и ухожу.

Осенью в тундре довольно темно. Если зимой снег отражает звезды и лунный свет, то сейчас под ногами непредсказуемая темнота, а в расщелинах укрылся непроницаемый мрак. Я догадываюсь, куда мог пойти Денис и держу направление на камни арктического Корнака. Чем дальше я ухожу, тем большее беспокойство овладевает мной. Постепенно оно переходит в беспричинный страх и наконец превращается в панический ужас, который сковывает тело и не дает двигаться дальше. Сердце замирает, ноги сделались ватными, а волосы шевельнулись, пытаюсь встать дыбом.

Ветер стонет и взвизгивает в камнях, как стадо пьяных демонов, а рассудок пытается выскочить и скрыться подальше от парализованного тела. Мне так страшно, что хочется повернуться и бежать, бежать, пока это свечение не останется далеко за спиной. Страх накатывается волнами, как бы пробуя меня на прочность, и вдруг исчезает. Поток ужаса превращается в сквозняк из щели ада, затем пропадает так внезапно, что я чуть не падаю, стою, покачиваясь на месте, и снова делаю один маленький шаг вперед, потом другой. Идти приходится медленно, нащупывая ногами возможные ямы и низкие заросли кустарника. И все-таки, несмотря на предосторожности, я умудрился зацепиться за какой-то куст и со всего размаха упасть на землю и довольно сильно удариться коленом.

Пару минут я лежу на земле, ожидая, пока пройдет боль, и странное дело: вставать и шевелиться желания нет. Под боком уютно пружинит мягкий мох, а запах багульника кружит голову. Мне становится мягко, уютно и тепло. Только что меня обуревали эмоции, страх и беспокойство толкали вперед, и вот все прошло. Уже не хочется никуда двигаться, хоровод сновидений закружился в голове, и мои странные сны настойчиво прорисовываются под закрытыми веками.

Вот мы с Тихоном идем по дневной тундре, и я вижу, что она до горизонта усеяна мертвыми телами оленей. Я подхожу к одному из них и трогаю рукой жестковатую, серую шерсть на шее. Но олень жив, он внимательно смотрит прямо мне в лицо, и я вижу свое отражение в его стеклянном зрачке. Сейчас он, кажется, взбрыкнет — я отшатываюсь в сторону и вдруг вижу, что Тихон лежит на земле среди оленьих тел. Его карабин скатился с плеча и валяется рядом с хозяином, руки разметались по земле, и лицо утонуло в мелкой зеленой траве. Я быстро иду к нему, мне страшно, что я останусь здесь совсем один. Вот я встаю на колени и переворачиваю тяжелое тело на спину. И вижу, что это не Тихон: лицо Вэнго спокойно и уверенно глядит на меня, застывшее, словно маска, но живое. И ужас обрушивается на меня, сковывает все тело, и нет сил отвернуться и уйти с этого места.

Но этот сценарий мне не нужен, я возвращаюсь, и иду с Тихоном по дневной тундре, и вижу, что она до гори-

зонта усеяна мертвыми телами оленей. Я знаю, что сейчас подойду к одному из них, но я держу Тихона за плечо и пытаюсь увести в сторону, но уже поздно. И мы стоим в самом центре мертвого стада, и я боюсь оглянуться, иначе увижу лежащего Тихона.

И тогда я все начинаю сначала, но теперь я один удаляюсь от океана в каменистую тундру, и я вижу, что она до горизонта усеяна мертвыми телами оленей. Я приближаюсь к ним и уже знаю, что среди них по-прежнему лежит человеческое тело и мне не избежать встречи с ним. Чтобы разорвать этот круг, мне приходится сделать над собой усилие. Как со школьной доски я стираю все краски мелькающих картин и вглядываюсь в черное пространство без звезд, тундры и оленей. Но сам я присутствую рядом, стоит захотеть — и начнется новое действие. Но я не хочу. Мысли скользят по самому краю сознания, не давая целиком сосредоточиться на усыпляющем ритме видений.

И в этот момент, словно выныривая из глубины, я открываю глаза и вижу перед носом кустик волчьей ягоды и даже различаю твердый, еще не опавший плод.

— Здравствуй, ж..а, Новый год, — говорю я вслух и окончательно осознаю свое горизонтальное положение. Поднимаю глаза и вижу свет зеленого прожектора, упирающегося в самые звезды. Я весь мокрый от пота, и все тело пронизывает дрожь слабости, но я поднимаюсь сначала на четвереньки, а потом, борясь с тошнотой, в полный рост. Ориентиром мне служит это сияние, которое вовсе не сияние, но подсветку дает как прибор ночного видения и направление движения указывает точно. Но вот он, или оно, мигнуло и исчезло, и только звезды едва освещают мне дорогу. Еще днем я ходил здесь в полный рост, а теперь крадусь кое как, прислушиваясь к каждому новому звуку. Наконец я добираюсь до подножия холма, на котором мы обнаружили древнее строение и едва не наступаю на лежащее тело.

Десять минут назад я уже перевернул одно тело и чуть не растерял остатки здравого ума. И я не тороплюсь, медленно, шипя от боли, опускаюсь на колени и беру за плечи лежащего человека. Он застыл в бегущей позе: правая рука вытянута вниз по склону, ноги поджаты в отчаянном рывке. Но это первая реальность и это, к моему облегчению, Денис. Он словно спит, но на его лице застыла гримаса боли и пережитого ужаса, и твердо сказать, что он живой, я не могу. Как я его ни трясу, его глаза не открываются, и я тихонько ругаюсь, кляня эти камни, этот прожектор, этот поход и вообще все, о чем могу вспомнить и что вижу. Но надо что-то делать, одному мне с ним не управиться, я встаю в полный рост и начинаю звать на помощь.

— Эй, Артем, Тихон, помогите, — кричу я изо всех сил раз за разом. Но меня, похоже, никто не слышит. Пришла уверенность, что и ребятки наши находятся в похожем состоянии. Иначе обязательно ответили бы мне, расстояние всего ничего и звук на своем пути не встреча-

ет препятствий, как в лесу. Думать о худшем не хочется, но что делать мне, если они погибли?

Этот миг осознанного в полной мере одиночества был ужасен, от него шел запах безысходности. В такие мгновения люди лезут в петлю и прыгают в пропасть. Но моя пропасть была еще впереди, и со мной был Денис. Да, со мной был друг, его надо было спасти, и я потащил его в лагерь.

Я тащил его волоком, запинаясь и падая, проклиная свое бессилие и тяжесть его тела. Шел я сюда двадцать минут, а обратная дорога показалась вечностью. Обливаясь потом и задыхаясь, я тащил Дениса и читал вслух слова, которые всегда читал в решающие моменты.

Когда в глазах померкнет свет,
И дух покинет плоть,
Туда, где мрака ночи нет,
Нас призовет господь.
Туда, где светится всегда
Последняя звезда.
Сказав последнее «прости»
Всем тем, кто дорог нам,
Мы с упованием свой взгляд
Поднимем к небесам.

В один момент мне показалось, что я больше идти не могу. Казалось, что таинственное свечение отняло у меня все силы, боль в колене мешала сосредоточиться на движении, а Денис становился все тяжелее и тяжелее.

— Мне необходимо отдохнуть, — сказал я себе, — всего пять минут. Больше я ничего не хочу.

— Нет. Надо двигаться, иначе ты утратишь и уже не встанешь, — ответил я сам себе.

— Тогда пусть он останется здесь, я уйду один, — подсказал я себе решение проблемы, — иначе мы умрем вместе.

— Нам необходимо держаться вместе. Отдельно мы погибнем быстрее, ты боишься за свою шкуру, — ответил я себе.

— А ты, однако, зануда, настырный зануда, — угаривало меня мое второе «я», — отступишь и спасайся.

— Не могу, мне страшно, и я устал, но я не предатель и не трус.

Меня охватило презрение к самому себе, но сильнее презрения было отчаяние из-за собственной слабости. И это отчаяние принесло второе дыхание.

Я тащил его и тащил, падал на спину и, глядя в небо, снова читал стихи, похожие на молитву, вновь вставал и снова тащил.

Денис не мог быть мне благодарен за избранный способ транспортировки, я проволоком его по всем камням на пути и протаскивал сквозь весь кустарник, встреченный на дороге. Но я доволоком его до лагеря и оставил в покое рядом с погасшим костром.

Как я и предполагал, на помощь мне прийти никто и не мог. У костра не было никого, Тихона и Артема я на-

шел недалеко. Они лежали в позах бегущих людей, и на их лицах была маска перенесенного страдания.

Похоже, внезапный удар обрушился на них, заставил броситься в бега, но предохранители в их головах погорели раньше, чем они успели удрать достаточно далеко. Я присел на камень, судорожно вздрагивая от усталости и холода, и подвел неутешительные итоги. На моих руках оказалось три вырубленных невсedomой силой мужика и десятки километров до базового лагеря. За моей спиной торчали каменные клыки непонятного сооружения, а вокруг бродила неведомая сила, способная в любой момент проявить свой нор и добить последнего из тех, кто посмел приблизиться к зоне ее действия.

5.

Который уже раз я убеждаюсь, что вторая реальность существует, но безнаказанно заглянуть в нее не дано никому. Не удалось бы мне очнуться от своих видений, так бы и остались мы здесь навсегда. Тем не менее, я с подозрением оглядываю окрестности и только разве не щипаю себя, чтобы убедиться в достоверности происходящего. Впрочем, для сумасшедшего его мир вполне реален и достоверен, все дело в том, как посмотреть. Вот я и смотрю и жду ответной реакции на свое проникновение в нее.

Бросить здесь парней и идти к месту посадки вертолета я не могу. Никто не даст гарантии, что они не замерзнут или ими никто не захочет закусить. Исполнение же роли сестры-сиделки достаточно долго чревато голодной и холодной смертью. Я понимаю, что нам надо выйти из зоны воздействия свечения, но как далеко эта граница — неизвестно. Есть от чего прийти в отчаяние, но и выбора особого нет. Наступила еще одна ночь, и я все время старался поддерживать огонь, боясь переохлаждения своих спящих красавиц. При такой температуре организм рано или поздно уступит, и смерть стояла за этим сном. Поэтому весь день я бродил вокруг лагеря и собирал все, что может гореть.

Ночь тянулась мучительно долго, я с опаской поглядывал на горизонт, но кроме астрономически законных звезд ничего более не видел. Пятнистая луна холодно и тускло освещала тундру, теряясь в медленно плывущих облаках. Разные мысли посещали меня, путаясь и сменяя друг друга без видимой связи. Когда звезды уже начали тускнеть, и кромка тундры опоясалась красной полосой начинающегося утра, усталый мозг был готов снова отправиться в мир видений второй реальности.

И наступил момент, когда завис я один на один с этой мыслью и ничего не мог предложить в оправдание. Под мышкой все еще болтался и мешал двигаться пистолет в кобуре, его теплая рукоятка уперлась мне в ребро, как бы напоминая о себе. Я, как многие мужчины, любил оружие и относился к нему с доверием и заботой, видел в нем надежду и друга. Взгляд мой упал на заботливо укрытый от непогоды сверток с нашим боевым арсеналом. И тогда я раскрыл его, провел рукой по прикладам ору-

жия, взял автомат, передернул затвор и всадил длинную очередь в никуда, наслаждаясь дрожью приклада и живым звуком пуль, вжимающих по камням.

Так бы я и боролся между инстинктом самосохранения и чувством долга перед товарищами, если бы они не начали приходить в себя. Первым в предраcсветной тишине второго дня очнулся Тихон. Его по-детски безмятежный взгляд не отразил никаких эмоций, когда он шевельнулся, сел и потянулся к костру.

— А компот?! — требовательно произнес он, и звук человеческого голоса, которого я не слышал уже больше суток, пролился бальзамом на мою душу.

— Щас спою, — восторженно ответил я и поставил чайник на огонь.

— А эти почему дрыхнут? — посмотрел Тихон в сторону Дениса и Артема, которые мирно лежали с другой стороны костра.

— Ты хоть помнишь, что произошло? — спросил я его, когда Тихон смел банку тушенки и выпил две кружки свежесваренного чая.

— А как же, ты пошел за ним, — кивнул он на Дениса, — потом сверкнуло, и меня сон сморил. Нет, не сон. Как в омут провалился.

— Вот именно, эти двое в этом омуте уже вторые сутки. Ты как, все отражаешь?

— Обижает, начальник. Отражаю. Только голодный. А в остальном нормально, голова не болит, соображаю вроде. Денис сам пришел или как?

— Или как. Еле доволло. Думал, все: кранты вам и мне через вас, — признался я, — натерпелся до изнеможения.

— Зря волновался, вон и они зашевелились, — Тихон с воодушевлением вскочил на ноги и стал усаживать одновременно пришедших в себя Артема с Денисом. Не мудрено, что за сутки с лишним все конечности у них затекли, и друзья с трудом приняли вертикальное положение.

— Доброе утро, — поприветствовал я их и без напояний принялся открывать консервы. Получилось не очень любезно, но не целоваться же с ними. Главное, что живы и взгляд осмысленный, реакции правильные. Видно, что с голоду помирают. Это поправимо, и все мои страхи начинают улечиваться вместе с остатками съеденных припасов.

— Эх, сейчас бы сто грамм и цыпленка, — мечтательно вздохнул Артем, бросая в костер обертку от съеденных галет.

Тихон уже ввел всех в курс дела, не опустив моих сомнений в нормальности вернувшихся к жизни путешественников.

— Я вот чувствую, что во мне что-то не так, — запугивает он остальных, — вспоминается всякая муть. А рассказать не могу.

— Ага. Мутант ты теперь облученный, — мрачно радуется его Артем, — мы тебя в цирк сдадим или на опыты. Все польза будет.

— Тебе бы все пользу извлекать, — обижается Тихон, — а я вам, считай, жизнь спас, когда Николаю привиделся.

— Это уж точно, приснишься — мертвый из гроба выскочит, — донимает его Артем. Хороший признак: значит, форму набирает.

— Тыфу на тебя, — плюется Тихон и убегает с чайником за водой.

Денис помалкивает, похоже, ему крепко досталось. Меня подмывает его расспросить о том, что случилось на холме, откуда шел свет. Но приходится сдерживаться, пока он сам не заговорит.

— Вся спина ободрана, — жалуется он, с трудом и кряхтением встает и разминает тело.

— Давай посмотрю, — предлагает Артем.

Денис усаживается перед ним, и задирает одежду со спины. Ничего особенного, но синяки и содранная кожа имеют место быть. Артем извлекает аптечку и под ойканье и айканье пациента мажет ему йодом спину.

— Нормально, до свадьбы заживет, — утешает он пострадавшего, — могло быть и хуже, но некуда.

— А что там? — забеспокоился мнительный Денис.

— Артем, не пугай ты его, а то он из-за царапины всю плешь мне проест, — говорю я медбрата, пока Денис не разволновался всерьез, — таскаешься тут с вами, и никакой благодарности.

— Мы тебя наградим, посмертно, — обрадовал меня Артем.

— Ты уж извини, я тут с тобой немного бесцеремонно обращался, но иначе никак не получалось, — обращаюсь я к Денису.

— Я понимаю, иначе мы бы погибли все, — он морщится, одеваясь, но его раны действительно не самое худшее, что могло нас ожидать. — Спасибо.

— На здоровье, — я чувствовал какое-то веселое равнодушие. Подобное состояние наступает после нескольких бессонных ночей. Когда разум и язык перестают работать слаженно. А благоразумие весело хихикает, словно от щекотки, наплевав на всю серьезность окружающей действительности. От бессонной ночи кружилась голова, глаза временами сами по себе закрывались. Голова падала на грудь.

— И вообще, я сутки не спал. Не кантовать, при пожаре выносить первым, — я действительно валюсь с ног, падаю на спальный мешок и мгновенно проваливаюсь в сон так быстро, что не успеваю этого заметить.

Но мне не поспалось, переутомление сказывалось, и через пару часов я уже был на ногах. Как следует не отдохнув, но в состоянии к новому движению.

Наш маленький отряд был в сборе, и народ явно ждал моего пробуждения, чтобы наострить лыжи с этого негостеприимного места. Но когда мы уже взялись за лямки рюкзаков, Денис смущенно сообщил нам, что хочет на пару минут сбежать до камней и напоследок убедиться в отсутствии или наличии материальных следов загадочных огней.

— Ты что, Пинкертон недоделанный, сдурел! — выразил свое отношение к просьбе опера Артем.

— А что такого?

— Что такого-о!? — чуть не взвизгнул обычно сдержанный браконьер, — а такого, что мы с того света, считай, вернулись. Может, тебе рассказать, что мне привиделось, пока я тут валялся?

— Не надо, жене расскажешь. Я тебе не штафирка штатская, чтоб мной командовать. Так я пошел, — обратился Денис ко мне за поддержкой.

— Блаженный, — подытожил внезапно успокоившийся Артем, — Николай, как считаешь, среди ментов юродивые бывают?

— Идем вместе, — нет у меня желания приближаться к опасному месту, но и отпускать Дениса одного выше моих сил.

Когда мы поднялись на знакомый холм, к нам присоединились и Артем с Тихоном. Денис покосился на Артема, но промолчал.

Камни за это время нисколько не изменились. Их было ровно двадцать три штуки, столько же, сколько и вчера. Между ними виднелись клочки зеленой травы и бурого лишайника. Слабый ветерок обнимал исполицов своим прохладным дыханием и шевелил ветки редких кустиков. Оранжевое осеннее солнце досылало последние капли тепла на остывающую землю. Оно то скрывалось за редкими облаками, то снова показывалось невысоко над горизонтом. Никаких следов вчерашнего происшествия не было видно. Ни обожженной травы, ни дьявольских проплеши, ни запаха серы. Тихон подошел к крайнему камню, сел, опираясь на него спиной, и вытянул длинные ноги:

— Факир был пьян, и фокус не удался.

— Боже сохрани, — дернулся Артем, — только новых фокусов нам не хватало.

Денис задумчиво бродил от камня к камню, прикасался к ним рукой и шевелил губами, словно молился или произносил заклинание.

— Надо делать раскопки, — Тихон жмурился на солнце и не испытывал, казалось, никаких неудобств. — Если нам все не показалось, то что-то здесь должно быть. А вдруг тут под нами техника чья-нибудь зарыта и семафорит она по ночам братьям по разуму.

— Ага, раскопаем, продадим на металлолом и купим тебе японский мотор, — произносит Артем, с опаской разглядывая почву под ногами. — Мотор ты утопишь — и концы в воду, а братья подождут до лучших времен.

— Ну нет здесь ничего, — с досадой говорит Денис, — ощущение какого-то присутствия есть, а визуальное все как обычно: и камни, и трава, и небо, никаких зацепок.

— Мы просто слепые, не видим — и все. И аппаратура, будь она у нас, здесь мало чем сможет, скорее всего, помочь. А археологические изыскания не нам здесь проводить, нароем себе на беду. Вдруг здесь реактор, разнесет нас на кварки и сольемся мы с мировым разумом, а у меня сети не просушены и за квартиру не плаче-

но, — глубокомысленно заявляет Артем, выдвигаясь бочком за пределы незримого круга, очерченного камнями.

— Я не трус, но я боюсь, — бормочу я вроде невнятно, но он меня услышал.

— Героизм должен быть осмысленным, а мы тут ради чего маячим как дети малые, сверкнет — и пользы никому не будет, — может, он прав, что осторожность и трусость ничего общего не имеют.

— Тут надо технически, — с выражением гаечного ключа на лице потешается Тихон. — Сообщим, куда следует, придет экспедиция и научно все объяснит.

— Опять за рыбу деньги! Не будет никакой экспедиции, а в дурдом всю нашу компанию точно пристроят, — поясняет ему Денис. — На слово нам никто не поверит.

— Не на слово, вот у меня и вешдоки есть, — Тихон поднимается и предъявляет на всеобщее обозрение темно-синий голыш, похожий по форме на яйцо.

— Где взял? — недоверчиво смотрит на находку наш отрядный следователь.

— Где-где — в Караганде. Высидел.

— Он у нас теперь каменными яйцами несется, — развеселился Артем.

— Да он теплый, — говорит Денис, взяв непонятный предмет в руки, — и тяжелый, как свинец.

Мы все по очереди потрогали странный камень. По своему цвету он никак не подходил под местный ландшафт, состоящий из гранита. На ощупь и вес это был даже не камень, а предмет из тяжелого металла. Гладкий, словно отшлифованный, он был очень красив, притягивал к себе взгляд, и появлялось желание его погладить.

— Возьму с собой, будет сувенир на память о походе, — Тихон бережно принял предмет у Дениса и сунул в карман штормовки.

— Хорошо, если он никак с ночными делами не связан, — скептически прокомментировал его решение Артем, — начнет излучать, и опять чертовщина начнется.

— Ты его в кармане не носи, береженого бог бережет, — посоветовал Денис, — мало ли что. Будешь остаток жизни своим прибором раз в сутки точное время показывать. Ровно полшестого. Дома на радиоактивность проверим, у меня аппарат есть. Напомни, не забудь.

Мы еще какое-то время толкались на вершине холма, но ничего достопримечательного не обнаружили. Ощущение было двойственным: оставаясь здесь дальше, можно было нажать себе новых проблем, но с другой стороны возникло ощущение недосказанности и неоправданности чьих-то ожиданий. Мы обошли каждый сантиметр огороженной площадки, ощупали все, до чего дотянулись руки, но этого было недостаточно. Мы не знали молитв, заклинаний и магических обрядов, которые могли бы нам помочь. Мы не были ни колдунами, ни учеными исследователями, а наш человеческий опыт в этих местах оказался бесполезен.

С облегчением и сожалением одновременно мы покидали свой последний лагерь на краю Долины Смерти.

Непроизвольно наш путь пролег так, что слева от него оказалось стадо погибших оленей. С расстояния пятидесяти метров мы видели, что здесь ничего не изменилось. Над их телами не вились вездесущие насекомые, признаки разложения не коснулись их тел, безмятежные тени глубокого сна покачивались над ветвистыми головами оленей.

Странная мысль посетила разом наши головы. Была ли это смерть в том виде, как мы ее себе представляем? Быть может, эти несчастные животные оказались на той ее грани, которая не дает им умереть до конца в этом мире, но и не позволяет отправиться в царство покоя и призрачных вечнозеленых пастбищ оленьего счастья.

Тонкая костяная пластина баргана в руках невидимого музыканта будет бесконечно долго тянуть свою заунывную мелодию над ними. Так долго, что состарится и изменится эта земля, звезды поменяются на небосводе, а солнце станет черным карликом, едва видимым среди них. Изменится весь мир, но колдовской сон будет все длиться и длиться, пока не наступит час откровений и маятник жизни не качнется в сторону своего истинного предназначения.

6.

От чего нельзя погибнуть в тундре, так это от жажды. Вода хлюпает под сапогами, льется с неба монотонной слякотью, мох пропитывается влагой как губка, а кустарник стряхивает на одежду такие мириады брызг, что неизбежно пропитывает сыростью любой дождевик.

Из-за обилия воды в тундре не бывает прямых путей. Чтобы добраться до видимого ориентира, приходится обходить десятки больших и малых озер, переходить вброд малые ручьи и искать переправу через каменные речушки, заиленные ручьи и чавкающие болотца. Темная вода озера отражает наши заросшие лица, стеклянно недвижимая и спокойная.

— Нам бы вездеход сейчас, — мечтает Денис, — измучился я по тундре на брюхе ползти.

— Или машину времени, кнопку набрал — раз, и ты вчера снова оказался, дома за столом, — проникновенно фантазирует Тихон.

— Слюной не захлебнись, — дружески советует ему практичный Артем, — Не скоро такие машины будут, скорее солнце остынет, чем нам такую технику доверит природа.

— А зря ты так говоришь, мы с машиной времени каждый день дело имеем, — говорю им я.

— Это как? — удивляется Тихон.

— Посмотри в воду.

— Зачем?

— Посмотри, не дрейфь.

Тихон посомневался, ожидая подвоха, но к воде подошел, заглянул в нее с высоты своего роста.

— Видишь свое отражение? — продолжил я свой эксперимент над живым человеком.

— А он теперь не отражается, и тени у него нет, он же заколдованный, — пугает доверчивого друга Артем.

— Типун тебе на язык, вижу я себя. И что из этого? — обращается Тихон ко мне.

— А то, что система «человек — зеркало» и есть машина времени. В нем отражается наше прошлое, и чем дальше отстоит отражающая поверхность, тем дальше назад мы можем заглянуть. Недаром ведь вокруг зеркал всякие магические дела крутятся.

— Слушайте, а вот то зеркало, что я у шамана видел. А если это не зеркало, а и есть машина времени, что у древних была, — озадачился Артем. — Ну, может, не вся машина, а только часть, но тем не менее. Загадочная вещь, недаром шаман чувствовал, что это не сувенир копеечный.

— Вы знаете, а я вот верю, что наши дальние предки разобрались с парадоксами времени и строили свои сооружения, чтобы решить проблему бессмертия и путешествий во времени, — моя фантазия прямо разбушевалась. — Вероятно, эти две вещи взаимосвязаны. Желаете жить вечно — научись управлять временем, но для этого твоему телу придется умереть. Вот они и рванули кто куда в поисках счастья, а нам оставили всякий хлам.

— Не выходит у меня из головы зеркало шамана, — Артем говорит все о своем, — если обратная связь существует, то как-то она же воздействует на нас. А что если оттуда на нас смотрит совсем другое нечто и ищет с нами, بستолоковыми, контакта.

— Да кто там может быть, в стекляшке полированной, — остужает полет его мысли Денис.

— Кто, кто. Хрен в пальто, — досадует Артем и, выказав неотразимый в любом споре аргумент, надолго умолкает.

Небо над нами вновь затягивается мутной дымкой, сквозь которую проглянул было и тут же спрятался безликий солнечный луч. Наступают сумерки, хотя сейчас только середина дня. Тундра — понятие широкое и многоликое. Это и бескрайняя равнина с озерами и озерами, причудливо петляющими речушками, это и покрытые щебенкой горные склоны, за которые цепляется здешнее солнце, это и непроходимые заросли ивняков. Тундра — это зелень осок, сырые бурые моховины, пестрое многоцветье пушицы, гомон птичьих голосов и звон комариных крыльев. Это ласковые, тихие и солнечные дни, и это же вой ветра, туманы и морось, как сейчас.

Мы медленно двигаемся дальше, в надежде выйти к базовому лагерю уже к вечеру. Несмотря на то, что все бодрятся, ощущается усталость, накопленная за время неустроенной полевой жизни. Но больше всего меня волнуют последствия воздействия на наши организмы непонятного облучения. Не верится мне, что мистическое воздействие зеленого света на нас обойдется без физических последствий. Денис плетется в хвосте нашего отряда и с каждым километром пути ему заметно становится все хуже. Тихон пару раз пытался облегчить его ношу и забрать хотя бы оружие, но каждый раз наткнулся на отказ.

Задул ветер, и в его порыве рассеялось мое наваждение, и только цепочка людей продолжала свой путь в одиночестве через затаившуюся тундру.

Мы шли по местам, где не так давно бродили стада предков современных слонов, раздавалось угробное рычание пещерных львов, и проходили носороги, тараня все живое и неживое на своем пути.

Возможно, это были лучшие дни. И неизвестный нам наблюдатель видел, как кипит жизнь на просторах теперь уже оледеневших равнин. До сих пор местные жители находят сохранившиеся в мерзлоте тела ископаемых великанов и кормят их мясом своих собак. Но никто не может похвалиться тем, что он нашел здесь следы пребывания своих предков.

Нет древних стоянок, нет захоронений, нет даже костей тех, кто жил здесь до нас. До сих пор гадают ученые, каким оружием оставлены идеально ровные отверстия в черепах убитых мамонтов. Бесследно исчезла древняя цивилизация из этих краев, и только легенды неясно свидетельствуют нам, что она была на самом деле.

Гордый и счастливый народ проложил свой туманный след по этой земле и затерялся в бесконечных высотах других измерений и пространств, ушел в нескончаемую даль в потоке света искусственных звезд, даровавших им право на бессмертие и другую участь. Он ушел, оставив нам только намек на наше предназначение в этом мире, и не оставил нам прямых указаний на истинный путь к звездам, великодушно предоставив нам великий дар — право выбора. Только великая, гуманная цивилизация могла сделать нам этот подарок, поскольку высшим проявлением добра и справедливости может стать только уважение права другого самостоятельно избрать свой путь между бесчисленными дорогами жизни и смерти Великого Космоса.

7.

Мы все-таки без потерь добрались до знакомой речушки, где нас ожидали несостоявшиеся старатели со своим предводителем. Все пятеро ненцев копались у чуть тлеющего костерка и разделявали выловленную рыбу.

— Усталые, но довольные они достигли своей благородной цели — вместо приветствия обратился к народным массам Тихон и облапил свое ружье, оказавшееся в целостности и сохранности.

Северное солнце продолжало свой осенний полет к горизонту, но еще было тепло. Мы отбросили капюшоны штормовок и сбросили вконец надоевшие рюкзаки и оружие.

— Тихон, а ты седой, — Артем рассматривал пыльную шевелюру приятеля, отливающую серебряным цветом легкой изморози.

— Не говори глупостей, — Тихон обеспокоенно тронул волосы рукой и вопросительно уставился на меня.

— Извини, но он говорит правду, немного седины есть, — покривил я душой, поскольку на самом деле за сутки его волосы постарели на несколько лет, если не на десятки.

— Вот тебе и на, это когда же я успел, — Тихон вздернулся и скорым богатырским шагом направился к реке искать наглядное подтверждение нашим словам.

— Это от зеленого луча, точно я вам говорю, — прошелестел Денис, трудно выговаривая слова, — мне что-то хреновато, думаю, от него же, излучения этого чертового.

Он и на самом деле выглядел не пасхальным яйцом. Глаза ввалились и нездорово блестели. Как только мы добрались до базы, сразу рухнул на землю, не разбирая вещей, и замер в сторбленном состоянии.

Когда озадаченный Тихон вернулся к костру, мы уже с тревогой думали о последствиях облучения в долине. Самый плохой был Денис, физическое состояние которого явно указывало на серьезное заболевание или, как минимум, жестокое потрясение. Временами он походил на свежий труп, который только по недоразумению обрел возможность ходить. Кроме внезапной седины у Тихона, видимых изменений и болезненных признаков ни у кого не наблюдалось.

Элонг Монтович вначале наблюдал за нашими манипуляциями со стороны, но когда все успокоилось, присел рядом:

— К шаману, однако, надо, злых духов отгонять, — посоветовал он мне.

— Вернемся, я твоего шамана по стенке размажу, — просипел отзвучивый Денис, — в такую блуду нас втянул, что хлебать не расхлебать.

— Играть легко только языком, — укоризненно протянул ненец, — обижать шамана, что медведя дразнить. Слово, что нож без ножен, сам не порежешься.

— Не порежусь, а до шамана вашего доберусь, — истратив последние силы на дискуссию. Денис отвалился на спину и закрыл глаза.

— Не обижайся, заболел он, — попытался я сгладить резкость друга, — людей не отпускай, вертолет к вечеру будет. Тот только кивнул в ответ и удалился к своим молчаливым сородичам.

— Война войной, обед по распорядку, — неунывающий Тихон споро собирал нехитрую еду. Из конфискованной у аборигенов рыбы он наварил нечто, напоминающее уху, и разлил в алюминиевые чашки. Денис стал было сопротивляться, но его насильно усадили в круг и всучили ложку. Артем извлек заветную флягу и накапал в кружки по пятнадцать наркомовских.

— Давайте за нас, — произнес Артем тост, и мы дружно сомкнули наши походные бокалы. Как бы ни было, поход был завершен, и было бы грешно не отметить это событие. Спирт проскочил обжигающим облачком в наши глотки и умиротворенно разбежался по всему телу. Хорошо...

Но только мы похватили ложки, как среди нас появился пятый собутыльник. Не обращая внимания на нас, на импровизированном столе появилось маленькое пушистое создание, копия нашего старого приятеля. Этот лемминг явно посчитал прошлое знакомство с нами вполне

достаточным для установления панибратских отношений. Бесцеремонно обнюхав галеты в раскрытой пачке, он резво подскочил к чашке, стоящей напротив Дениса и, привстав на задние лапки, стал активно принюхиваться к ее парящему содержимому. К аромату юшки наверняка примешался сильный запах перца, он пошевелил усиками и довольно отчетливо чихнул. Прямо в суп. Мы замерли.

Денис, помня итоги последнего контакта со зверьком, утратил дар речи от подобной наглости. Он приподнял ложку, которой намеревался закусить проглоченный спирт, и что было сил вдарил по незваному гостю. Раздался истошный вопль — и несчастный Тихон, которому досталось вся уха из чашки, воспарил над нами. Невредимый лемминг, не ожидавший столь бурной реакции, шмыгнул в кусты. Тихон, смахивая ошметки рыбы со щетины и одежды, прыгал вокруг нас, ругаясь нехорошими словами. Мы хохотали, как заведенные. Денис плевался и извинялся, как мог. Ненцы, не понимая в чем дело, подскочили с мест и озадаченно наблюдали за скачущим Тихоном.

— Что-то нынче Тихон низко летает, — сквозь смех и слезы выговорил Артем, — к дождю, однако. — И все снова закатились в хохоте на эту старую шутку.

Обед, можно сказать, удался. Скоро все успокоилось, но настроение нашей компании кардинально изменилось. Мрачное и тревожное ожидание сменилось на обычное видение мира, в котором превалировала вечная надежда на то, что и в этот раз все плохое пронесет мимо, не задев нас крылом непредсказуемых последствий.

Мы провели на этой речке еще несколько часов, когда наконец покой тундры нарушил стрекот долгожданного вертолета. Борис нас не подвел. Излучая радость от встречи и собственной обязательности, он выскочил из чрева железной птицы, не дожидаясь трапа. Увидев наш возросший в составе отряд, только присвистнул, но осложнений с посадкой не было. В пустом брюхе машины хватило места всем.

Борис метался между нами, подсел ко мне, щелкнул ногтем по циферблату часов и поднял два пальца, пытаясь дать понять время до нашего прилета в пункт назначения. Часовая стрелка показывала на цифру пять. Я отвернул рукав штормовки и сверил часы. Они шли, но на них было только два часа. Тогда я толкнул в бок Тихона и знаками попросил показать свои знаменитые карманные неизвестной системы, предмет его особой гордости. Время на них совпадало с тем, что показывали мои часы.

Вид из иллюминатора не радовал глаз. Вновь начался дождь, грозя превратиться в снежную пыль. Серая тундра съежилась в ожидании наступающих холодов. Ничто не говорило о том, что справа от нас проплывала Долина Смерти. Каменные исполины уменьшились до размеров малокалиберных патронов и затаились от постороннего глаза, накапливая неведомую нам энергию в своих неизвестных целях. Последние гиперборейцы, хо-

зьева этой земли, завершали на ней свои дела. На этой планете появились другие хозяева, наивные помыслы которых были еще далеки от возможностей их разума и любви. Мы, люди, еще стыдимся своих возвышенных чувств и ограниченности своих мыслей. Нет в нас открытости. Мы пишем стихи и стыдливо читаем их компьютеру. Мы мечтаем о славе, но не решаемся открыто зая-

вить о своих амбициях. Неуверенно смотрят наши глаза в глубину величайших свершений и видят в свете звезд только свое отражение, не замечая в них всего многообразия жизни Вселенной. Детство нашей цивилизации так далеко от взросления, что мы все еще считаем себя достаточно большими для познания мира, оставаясь всего лишь незаметной пылью на его задворках.

Гл. 6. Дар выбора.

1.

У меня по-прежнему болела голова и уже несколько раз случались тяжелые приступы, похожие на обморок. Эти обмороки, а их уже было три, поражали меня в одиночестве, так что о них, кроме меня, никто не знал. Перед третьим случаем, я уже различал признаки его приближения: словно от легкого голода засосало под ложечкой, закружилась голова, захотелось лечь и молчать. Мне слышался зов, приятный и почти неодолимый, стоило поддаться ему, и со всеми земными делами было бы покончено. А может, кто знает, они бы только начались? Мягко опшетами мое сознание картины нереальных сюжетов, раствориться в них без остатка или нет, зависело только от моего желания. Но его не было, и я возвращался назад весь в холодном поту и невероятной слабости. Я не стал попусту ломать себе голову над медицинским объяснением недуга, а просто принял его как неизбежную муку и расплату за взятые на себя обязательства.

Мозг, ушедший в полет над настоящим, не хотел мириться с ограниченностью привязанного к нему организма. Он пытался бороться и уничтожить неподчиняющееся ему тело. Живущее по своим физиологическим законам оно, тем не менее, проявляло необычайную живучесть, оставаясь неизменным носителем буйствующего сознания. Я разделился на две части, каждая из которых желала свободы и права на жизнь, не желая примириться с другой. Некая могучая сила вселила в мой разум новый дух, который не оставил места для покоя и равновесия.

2.

Сегодня мы с друзьями договорились посетить Дениса, загремевшего все-таки в больницу. Я приехал первым и дожидался остальных, не выходя из машины.

Лето, а вместе с ним и осень, завершили свои короткие дни. Привычно белое покрывало вновь укрыло всю видимую землю. Не успевшая отойти от мерзлоты даже на глубину штыковой лопаты, почва окаменела до твердости стали.

Не от хорошей жизни хоронят умерших сородичей местные народы прямо на открытом месте, поверх грунта. В деревянных ящиках или укутав в меха, оставляют на санках в разных местах тундры. Нет никакой возможности продолбить окаменевшую землю на глубину мо-

гилы. И только здесь, в городе, современная техника может справиться с этой задачей.

С такими печальными и совсем некстати пришедшими мыслями сидел я в теплой машине и ждал прихода друзей. Наконец подоспели Артем с Тихоном и мы, получив белые халаты и тапочки, прошептали в нужную нам палату на втором этаже.

— Спиртное в палату нельзя, — строго напомнила нам на входе пожилая медсестра, обращаясь почему-то к одному Артему, — и добавила, — толпой по больнице не ходите, пусть больной лучше сам к вам выйдет.

Игнорируя полученное указание, мы гурьбой прошептали вдоль коридора. Денис в одиночку давил сачка в трехместном апартаменте и при нашем появлении изволил присесть и углубиться в изучение и так предположительно надоевших лиц.

— Ты кто, небритый колобок или лысый ежик? — вежливо поинтересовался Тихон, продолжавший удивлять нас неисчерпаемым набором этических сравнений.

Вид у Дениса был, конечно, обалденный. На его голове, а можно было предположить, что и в других местах, не было ни одного волоска. Не было ни ресниц, ни бровей, ни щетины на подбородке. Из-под полированного бледного черепа выглядывали черные глаза, которыми было негде укрыться. Но, несмотря на полное отсутствие шерстистости, чувствовалось, что он никак не находится на грани жизни и смерти.

— А у тебя, — спросил он в ответ Тихона, — волосы настоящие, или как?

— Только если у тебя голова искусственная, — не задержался с ответом тот и без приглашения уселся на бывшие много лет назад белоснежными, простыни кровати.

— Как мои дела, кто-нибудь в курсе? — обратился к народу пациент.

— Жить будешь, ходить навряд ли, — уверенно возвестил Артем.

— А жить будешь потому, что лечить мы тебя не будем, — поспешно успокоил его Тихон.

— Я рад, что вы хоть к какому-то выводу пришли. А серьезно?

— А серьезно ты вроде и не болен, — ответил я ему, — отклонений никаких, факт облучения не установлен, так что Артем правду говорит. Да ты и сам лучше нас знаешь, никто тебе нового ничего не скажет.

— А здесь меня зачем держат, непонятно, — вздохнул Денис.

— Как зачем, чтоб население не пугал и для экспериментов, опять же, — ввернул Тихон.

— Это для каких экспериментов? — поддался на провокацию больной.

— А на предмет внедрения в штаб противника на случай войны, с последующей гибелью его состава по причине повальной остановки сердца при рассмотрении вблизи верхней части тела нашего разведчика.

— Ах ты... козел клонированный, — не подобрал лучшего медицинского термина Денис для выражения своих чувств.

— Кого ты имеешь в виду? Ой, что они с тобой сделали, — ужаснулся Тихон, словно осененный страшной загадкой.

— Да хватит вам, — остановил разыгравшихся друзей Артем, — если что нужно, говори, обратился он к Денису.

— А что сразу я, хватит так хватит, — принял замечание на свой счет Тихон, — пошутил исключительно для поддержки морального духа. Извиняюсь, если что не так.

— Не в обиде, — отмахнулся больной, — и впрямь лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас.

И ответил Артему:

— Нет, ничего не надо, скоро отсюда выпишут за отсутствием диагноза и потому невозможностью лечения.

— А тебя одного, что ли, поселили? — сказал Тихон, обводя взглядом пустые кровати.

— Как же... — фыркнул Денис. — Тут еще двое дедов гнездятся. Один орет по ночам всякую хреновню, другой вообще... В соседней палате они сейчас, в карты рожутся.

— А чего читаешь? — Артем присел на соседнюю кровать и взял книжку с тумбочки, — Стивен Хокинг. «Краткая история времени» — прочитал он название. — Это тебе Николай, точно, подкинул. Умники, чтоб вас, — он отбросил книгу в сторону. Я ведь в ВУЗ поступал, но до выпускных экзаменов дело не дошло.

— Это почему? — заинтересовался Денис.

— А он вступительные не сдал, — засмеялся Тихон, довольный, что удалось подколоть приятеля.

— Н-да... — я оглядел уныло-салатные стены палаты и окно с куцыми занавесками. — Не очень тут весело. Кормят хоть?

— Да кормят. Но я на домашнем пайке.

— А у них с собой было, — таинственно проговорил Артем, с видом фокусника выхватывая ниоткуда заветную бутылку. — Эта книжка получше твоего, как его... Хокинга будет, профессор.

И мы все подивились прозорливости медсестры, которая точно установила разносчика алкогольной заразы.

— Ребята, стаканы, — вдохновенно скомандовал Артем, и вечно крайний Тихон безропотно конфисковал сосуда с тумбочек соседей по палате.

Артем разлил водку по стаканам, мы чокнулись за успех безнадежного дела и выпили, не забыв сполоснуть

посуду в целях конспирации. Закусили принесенными для пострадавшего яблоками.

— Да, мальчики, жизнь как болезнь, передаваемая половым путем со стопроцентным летальным исходом, — чуть погода потянуло на философские темы нашего браконьера.

— Опять дома проблемы? — уловил ветер грусти Денис.

— Когда я родился, я плакал, — впал в меланхолию Артем, доедая последнее яблоко, — когда женился — понял, почему.

Мы помолчали. Его семейные проблемы не были ни для кого секретом, но в силу их скандальной непрерывности уже давно стали образом жизни их семейной пары и потому утратили присущий такому случаю драматизм.

— Все образуется. — дежурно продекламировал я и предложил перекурить в специально отведенном месте. Таковое значилось в предбаннике больничного туалета. Пахло хлоркой и всем остальным.

— На отметке был? — пуская облако дыма, изрекла маска Фантомаса, лишь отдаленно похожая на Дениса.

— Завтра.

— Парни как, не пострадали?

— Внешне не заметно, только вот седина у Тихона... Молчат оба. У меня, если честно, с головой не все в порядке, может, наследственное. А может, музыкой наваяло, — я прислонился к стене, даже здесь окрашенной в традиционно больничный цвет, посомневался, но спросил:

— А у тебя никаких ощущений нет, что в тебе что-то изменилось? Как вообще ситуация представляется?

— Что тут думать, рискнули нами, похоже, большие дяди. Провели разведку, так сказать, боем.

— Да это и так ясно. Все выиграла, ваша контора чуть было преступность не победила, контора государственной интерес защитила. Вопрос в том, что все-таки там, в долине, происходит. Не эксперименты же «оборонка» проводит. У нас заводы без заказов стоят, денег нет, а тут что-то серьезное творится. Стране такие дела не по средствам, деньги в другие карманы идут, личное теперь выше общественного. А соорудить подобный генератор должно быть весьма затратным делом. Излучение ведь было очень мощное, и наше счастье, что вырвались мы оттуда почти целые. Все наши спутники, что остались, находятся под контролем дружеских стран, космическую станцию мы, по просьбе мировой буржуазии, утопили. Получается, что с орбиты такой выхлоп незамеченным бы не остался, хай бы тогда поднялся до неба. А на земле мы тоже ничего не обнаружили, да и нас бы на пушечный выстрел туда не допустили, будь это инициатива милитаристов. Отсюда вывод: не наших это рук дело. А вариантов несколько. Первый — реликтовое природное излучение. Вариант второй — это явление внеземного происхождения, ну а третий — действие древней земной установки. Выбери, что нравится.

— А если это провал во времени, и мы на свою беду в зоне каких-то завихрений оказались?

– Начитался. Вполне возможно, но это не для наших мозгов. Хотя не очень в такую аномалию и верится. А с другой стороны, полно фактов бесследного и внезапного исчезновения людей. Есть свидетельства непроизвольного панического страха, который внезапно и мгновенно обрушивался на людей на ровном месте. Выходит, есть что-то, что влияет на человеческую психику так, что люди в итоге гибнут. Кто в море прыгает, кто со скалы скачет, кто босиком в трусах на мороз без оглядки чешет. И вы бы бежали до Чукотки, если б доза великовата не оказалась.

– А ты?

– А я...головка от чеснока. Говорю тебе, что выпадаю куда-то, то с Вэнго общаюсь, то вот по другим местам...путешествую. Не голова стала, а машина времени. Собственно, что нас и выручило. А побегать тоже хотелось, от страха все помутнело, где что — не понять, только беговой инстинкт и оставался, да вовремя на камешках прикорнул, хорошо хоть ненадолго.

В это время Артем и Тихон, увлеченные разговором между собой, прервались и предложили продолжить банкет в другое время и в другом месте. Мы и так здесь задержались, и надо было уходить, пока Шерлок Холмс в белом халате не устроил нам разгон за нарушение больничного режима.

Когда мы дружно вывалились под снегопад, Денис маячил белым пятном лица в оконном стекле второго этажа и делал нам ручкой. Медленный колючий снег задернул сплошной пеленой здание больницы и скрыл нас друг от друга.

3.

Эта контора не выпячивалась монументальным фасадом на центральную улицу города, и дежурные офицеры не гоняли автомашины рядовых сограждан с мест служебных стоянок, норовивших парковаться на любом свободном пятачке и чихавших с высокой колокольни на самые грозные предупредительные знаки и надписи. Закаленные ветераны российских городов из поколения в поколение совершенствовали методику пофигистского отношения ко всем предписаниям и законам, с тупым упорством, продуцируемым в темных недрах бюрократической машины государства.

Нескончаемая борьба между чиновником и рядовым гражданином устраивала все стороны, но не касалась незримых и негласных правил, сложившихся вокруг подобных учреждений. Незрячие зеркальные стекла окон таранились на чистенькую пустынную улочку, свободную даже от редких прохожих. Многоопытный обыватель нутром чуял скрытую угрозу и опасность, исходящую от бетонного параллелепипеда учреждения без вывески.

И хоть эти службы не испытывали интереса к каждому отдельно взятому обывателю, равнодушно взирая на муравейник людской суеты, никто из горожан не забывал многократно проверенные истины, вроде той, что береженого бог бережет или от сумы... и далее по тексту... не зарекайся.

Андрей Ефимович сидел за столом, не касаясь его идеально полированной поверхности, и внимал руководящим указаниям своего руководителя. Речь шла об итогах экспедиции Павлова в особый район арктического побережья.

– Всех этих людей надо тщательно проверить, — настаивательно растягивая слова, говорил Иван Леонидович. — Если они чисты, никакого вреда это не принесет. Отправьте сообщение в местное отделение и скажите, чтобы они немедленно принялись за работу.

– Товарищ генерал! У меня есть основания верить Павлову, и необходимости в такой дотошной проверке я не вижу.

– При чем здесь ваша интуиция. Если будет обнаружено, что от нас скрыли нечто важное, вы пострадаете вместе со своим протеже, не забывайте.

– Тогда пострадают невиновные, — обреченно заявил Андрей Ефимович.

Для человека, которому перевалило далеко за пятьдесят, генерал был скорее рыхлым, чем толстым. Под его живыми, беспокойными глазами образовались мешки. Впрочем, доставшийся столу сокрушительный удар свидетельствовал о том, что под аккуратным костюмом и темным галстуком — обязательным элементом чекистского негласного этикета — скрывалась немалая сила.

– Подполковник, не устраивайте мелодрам. Нам они явно недоговаривают. У меня есть идея получше. Я полагаю, что не стоит препятствовать органам МВД, которые затеяли задержание Павлова за превышение самообороны и незаконное хранение оружия. До поры до времени, конечно.

– Если дело дойдет до суда, и он будет справедливым, мы подставим смежников. Они ведь не в курсе всех событий.

– Вы что же, считаете, что у нас суд может быть несправедливым? — вкрадчиво поинтересовался генерал. На слове «у нас» он сделал ударение.

– Никак нет, «у нас» никогда, — подчеркнуто браво и глядя прямо в глаза, ответил Ефимович.

– Ваш сарказм сейчас является исключительно неразумным, — почти отчески пожурил своего подчиненного Иван Леонидович. — Безопасности можно добиться лишь осторожностью, а не самонадеянностью. Нам нужна информация, и мы ее должны получить.

– Но не таким же путем. Не будет в восторге и Белов, начальник местного управления милиции, когда станет ясно, что он перестарался.

– Подскажите вариант лучше, если вместо ясно изложенных фактов мы слышим басню об играх дьявола.

– А золото, а пресечение незаконного промысла? Это наш актив и очевидная заслуга Павлова и его группы. Наконец, как они его называют, арктический Корнак, источник того излучения, в которое мы и сами не верили.

– Давайте поделимся заслугами. Кроме того, Белов всегда производил на меня впечатление человека, который готов приветствовать мученичество, если, конечно, муче-

нический венец не достанется ему лично. Ему нужен результат, и значение имеет только выигрыш. Совместная операция по ликвидации крупного преступного сообщества и пресечение незаконного золотого промысла – хороший трамплин для его карьеры, если мы ему это позволим.

– И, тем не менее, я бы просил разрешения поработать с Павловым индивидуально. Они, то есть вся группа, явно подверглись какому-то воздействию или получили на руки инструментарий для манипуляций собственным сознанием. Оттуда либо не возвращаются, либо ничего там не находят. Они нашли, и были там со всей очевидностью. Косвенным доказательством является то, что они стараются не встречаться, ушли, так сказать, в себя. И только двое носят характерную отметку гепатогенной зоны в виде изменений волосяного покрова. Один облысел напрочь, другой внезапно поседел, словно от внезапно испытанного стрессового состояния. Николай стал совершать странные поступки. Не подумайте, что психоз, а вот буза точно. Жаль ребят, — торопливо высказался подполковник.

– Герои сражаются и умирают, пытаются отыскать истину. Другие правят и используют власть для своей пользы и при помощи тонкой лжи подталкивают других к самопожертвованию. Такова жизнь, — генерал разглядывает картину и словно рассуждает про себя. — А что касается зеленого луча или свечения, то объяснение этому есть. Оно может быть связано с запуском баллистической ракеты и инъекции паров щелочных металлов, — оторвался генерал от созерцания картины.

– Если бы не два обстоятельства, — помолчав, ответил подполковник. — Первое: ни пусков, ни самоликвидации ракет по причине отклонений от заданного маршрута в этом районе не было. А второе, соответственно, электромагнитных полей столь большой мощности, чтобы они воздействовали на физиологию человека столь предметно, там быть не могло. И выходит, что замотивировать произошедшее нечем...

4.

Этот город похож на похмельного биндюжника, знающего себе цену и далекого от лакейства лакированных туристических центров. Мне он нравится за свою правдивость. Здесь пьют, как и во всех русских городах, шарамыжничают бомжи, навязывают интимные услуги в гостиничных номерах, грабят на центральных улицах и бросают окурки мимо урн. Но здесь не смотрят на тебя как на чужого и не пересчитывают, глядя в глаза, наличность в твоём кармане.

Мы неторопливо ведем свой разговор, на столе стоит забытый чай, и со стуком скачут стрелки больших настенных часов. Мой собеседник намного старше меня, но не перебивает мою не всегда складную речь, только улыбается иногда умными глазами. Хотя диалога фактически и нет, я сам задаю себе вопросы и сам же пытаюсь на них отвечать.

– Зачем мы отдаляемся от природы? — задаю я сам себе очередной вопрос и сам на него отвечаю: — Ведь

только для того, чтобы слиться с ней в едином порыве познания.

– Почему мы раздробили наши науки под непосильным объемом информации? Получается, что для того, чтобы постичь гуманитарную основу для Универсального знания.

– Отчего мы ведем войны? Отчего люди с ненавистью истребляют себе подобных? Отчего человек ищет в убийстве другого основу для личного благополучия? Не из-за того ли, что скоро, через боль и страдание, наступит понимание человечества как единой расы перед лицом великого Космоса. Да, единой расы людей, но одинокой и потому уникальной.

Я механически покрутил ложкой в полупустой чашке и сделал глоток. Мучительно хотелось закурить, но здесь это не поощрялось:

– Бесконечно малое скрыто в бесконечно большом. Одна мысль об этом может свести с ума. Мир похож на матрешку с бесконечным числом своих оболочек, где бесконечно малая матрешка может оказаться больше самой бесконечно большой, но нигде с ней не пересечься.

– Стоп, стоп, — прервал мой монолог собеседник, — остановись, а то запутаешься и потеряешься в словах. Ты мне скажи, у тебя есть ощущение состоявшегося контакта?

– Ощущение есть. В Долине Смерти имеет место эффект чужого присутствия. Нам всем там было не по себе, словно кто-то абсолютно чуждый человеку тяжело и неотрывно наблюдает за нами. Ощущение очень неприятное, а концовка запредельная вышла. Сильно похоже на провал во времени. Часы у нас всех отстали на три часа. Ни одна фотография не получилась, пленка оказалась полностью засвеченной. Физиологические проявления налицо — тошнило, головокружение. Контакт, по моему мнению, состоялся, но с кем или с чем?

– А так ли это важно, с кем. Почему люди сами не знают, чего хотят? Все ожидают встретить неких существ, мудрецов или героев, которые возьмут нас за руку и поведут в счастливое будущее. Ходили, и не раз, только где оно, это счастье. А на самом деле прямой контакт недостижим. Когда мы до него дорастем, контактировать будет не с кем, поскольку это и будем мы сами, — поправили меня.

– Ага, в смысле, что не мы.

– Вот именно, не мы. Пока возможен только косвенный контакт. Например, в виде интуитивного знания или случайного участия в чужих... мероприятиях. Вероятно, что со временем появятся и другие возможности, но не сегодня.

– Но жить надо сегодня, надо верить, что мы не одни, что все изменится и будет совсем по-другому.

– Вера и знание — разные вещи. Вера слепа, фанатична и убийственна. Знание приносит мудрость и печаль, но порождает уверенную надежду. Это одно, а ведь извечное стремление к счастью — это мечта. И живем мы с ней именно сегодня. Ты должен это понимать. Ладно, ... оставим эту тему. Что с сувениром вашим будем делать? От конторы вы его утаили, а ведь он может научную ценность представлять.

— Не уверен, но вполне вероятно, что камешек не простой. Если вы не возражаете, пусть отлежится. Лучшее место для хранения не придумать, а поднимать волну вокруг артефакта рановато. Не думаю, что кто-то способен оценить объективно его значимость, а научных спекуляций и так полно. Все магазины макулатурой завалены. Один деятель трилогию выпустил. Все обещал с атлантами в пещерах Тибета встретиться, и меня на любопытстве поймал, а сам просто деньги, не отходя от кассы, сделал. Не время, мне кажется, для серьезного разговора. Быть бы живу, не до жиру.

— Согласен, только не создать бы ситуацию для активирования артефакта. Сдается мне, что не напрасно он в человеческие руки попал, а его связь с зеленым лучом прямо так и напрашивается. Посоветуй своему другу не держать его дома, да и вообще в городе. Сам и схоронить помоги, подальше от сглаза.

— Намек понял.

— И вот еще что, желательно тебе сменить место жительства. Не будет тебе покоя ни справа, ни слева. А мы не всеильны. Да и дело есть одно небольшое...

5.

На холодной каменной глыбе сидит человек. Несмотря на сильный мороз, капюшон его сокуя откинут, и черные гладкие волосы блестят в лунном свете, словно смазанные жиром. Почти человеческие глаза всматриваются в окружающий мир. На его одежде спиралевидные украшения из бисера — код всего живого и неживого. Вокруг кипит движение, и он молча участвует в нем. Он здесь и не здесь, видя одновременно и шашбаш чаек на скалистом берегу далекого острова и медленное вращение спирали соседней галактики. Каждый идет своим путем, не пересекаясь, и испивает свою чашу бытия до самого дна, чтобы обнаружить бездонный колодец новых преобразований. Человеческая жизнь так мгновенна и не предопределена, что нет никакого смысла вмешиваться в ее течение. Нет никаких причин влиять на настоящее. Здесь еще никто не понимает, в чем оно со-

стоит, все торопятся в будущее, которого нет.

Ему безразлично понятие правды, он не ведает, что хорошо, а что плохо. Ибо появился он еще до того, как возникла грань между добром и злом, прежде чем из хаоса появился порядок, прежде чем родились любовь и ненависть. Он возник задолго до всего этого, но он же должен был уцелеть после того, как все это исчезнет. И нет никакой разницы в том, возник он потом или до того. Остановка в настоящем так ничтожно мала, что нет разницы, вчерашний или завтрашний ветер занес тебя сюда. Там, где он есть, все направления времени равны друг перед другом, там нет места пристрастной человеческой справедливости, ведь абсолютная объективность холодна и немилосердна.

И все-таки настоящая истина существует в настоящем. Там, где царит разум, бушует плазма страстей. Разве в потоке квантов и электронов не скрыт свой микромир носителей высоких чувств, без которых природа слепа и глуха? И кто придумал, что смерть Вселенной, неизбежная для этого мира, унесет с собой ее разумное начало? А разве размеры живых миров имеют значение там, где нет линейных точек отсчета и где ничтожная часть больше бесконечно огромного целого?

Истинная жизнь не может существовать вне настоящего, каким бы оно ни было. И это главный урок для тех, кто торопился его покинуть. Многие из уходящих с горечью думали о тех радостях, которых они не испытали, и тех соблазнах, перед которыми устояли. Глуп тот, кто считал, что, уходя, он начнет все сначала. Все тяготы прошедшей жизни остались вместе с ними и тревожат их в новом настоящем, поскольку не были прожиты в отпущенное для этого время. И эта незавершенность заставляет вновь и вновь обращать свой взгляд сюда, в этот мир, который они покинули, но не смогли из него уйти.

Холодная каменная глыба пуста, и нет следа от чужого присутствия на ней. Зеленый луч мигнул — и погас в невообразимо глубокой космической дали. Совсем близко, чтобы не вернуться, и бесконечно далеко, чтобы надеяться на встречу.

Гл.5 (вместо заключения). Эффект бабочки.

1.

Денис и я искали этой встречи, и наши поиски, наконец, завершились. Мы и сами не знали, зачем нам это было надо. Но желание взглянуть на человека, который сыграл свою роль в происшедших событиях, не оставляло нас. Вопросы к нему сидели как заноза. Кто, как и зачем? Ответы на них существовали в большинстве своем только в нашем воображении, что порождало только новые вопросы. Надо было стряхнуть с себя магическое наваждение загадочных событий, чуть не стоивших нам жизни.

Мы воспользовались тем, что приближался праздник Хейро, знаменующий начало весны. Природа наполнялась оптимизмом, и возбужденные ненцы откочевывали к поселкам из глубокой тундры в поисках ритуальных развлечений наступающего праздника жизни.

Сутки бились мы о железные бока вездехода и глохли от натужного рева его двигателя. Твердый наст хорошо держал машину, но местами мы с трудом выбирались из снежных заносов, бесполезно сжигая драгоценное топливо. Сквозь темные стекла очков мы высматривали гиблые места на озерах и реках, молили технику не подвес-

ти неисправимой поломкой. Любое непредвиденное обстоятельство могло аннулировать нам обратный билет, закрепив вечный союз с тундрой. Умирать в расцвете сил вредно, и нам казалось, что наша очередь не наступит, пока мы будем верить в свою удачу. И нам повезло. Одушевленные от грохота, тряски и постоянного напряжения мы ехали-ехали — и наконец приехали.

Шаман нас ждал. Прямые и черные волосы были стянуты пестрой лентой, открывая серьезное и спокойное лицо. В нем не было ни капли напряжения. И только взгляд таил в глубине колючие искорки настороженности. Денис молчал, то ли от усталости, то ли запутался настолько, что не знал о чем спрашивать, и только вслушивался в наш странноватый диалог.

— Вы вернулись?

— Как видишь.

— Хотите спросить о Вэнго?

— Ты убил его.

— Не совсем. Он нарушил запрет. Хотите отомстить?

— Только понять.

— Ты русский, тебе не дано.

— А сейчас ты скажешь «Убирайтесь с нашей земли».

— Не скажу. Это ничего не изменит. Не надо волноваться.

Надо же, он нас успокаивает. Куда-то пропал характерный акцент. Наши взгляды встретились. Возникло ощущение, что он видит меня насквозь. Опережая мой вопрос, он сказал:

— Нет, мыслей я не читаю. Вздор все это. Среди людей нет настолько способных, чтобы овладеть телепатией. А вот по лицу и движениям догадаться, о чем человек думает, могут многие.

— Тебе говорит о чем-нибудь название....

Чувствуется, как он напрягся, но ответил вопросом на вопрос:

— Ты знаешь, что там, за стеной?

— Снег, безмолвие, бесконечность, — неуверенно ответил за меня Денис.

— Многообразие. Ни одна снежинка не повторяет другую.

— ??

— Понять и упростить — не одно и то же. Каждый человек другой, но он добровольно решает, подчиняться ему правилам жизни или нет.

— И все равно, зачем было копаться с этим золотом, которое вам в тундре даром не нужно?

— Не в нем дело. Вы видели...

— Охраняли, что ли? А вдруг там ключ для всеобщего счастья?

— Что есть счастье?

— Я думал, ты знаешь и скажешь нам.

— Вы сами должны решить. Вечная жизнь и вечные радости. Многие рвутся в бессмертие, и за право жить вечно поступились бы всем. Но вы на самом деле к этому не готовы. Уйти в иное пространство и измерение. Бесплотным духом пролетать сквозь мир, который тебя породил, и даже не вспомнить о нем. Как не помнит

взрослый человек о своих первых игрушках, так и новое существо не вспомнит о своей матери. Можно жить вечно. Но помнить вечно нельзя. Зачем помнить вечно живущему то, что стало для него незначительным и несущественным. Есть ли в этом счастье?

— Значит, там был путь?

— Он есть, только куда...

— Если ты знаешь, то зачем ты здесь... — начал было говорить Денис, но осекся на полуслове. Подумал и неуверенно спросил: — Но ведь есть причина?

— Общество. Государство. Из-за них вы обделены теплом, вас гнетет чувство неуверенности и одиночества. Большинство людей только верит, что имеет друзей. Каждый умирает в одиночку. В этом большая беда. Вы дети, которым не хватает материнского участия.

— Это уже было, много раз. Весь мир насилия мы разрушим...

— Нет, дело в настоящем. Смерть — лишь передышка перед новой жизнью. И нет другого выхода, кроме как стать богом. Но настоящее важнее будущего. Судьба моей собаки сегодня волнует меня больше, чем война космических миров завтра. Это надо понять. Когда появится ответственность перед настоящим, будущее перестанет быть приманкой для людей.

— Ты говоришь как ученый мудрец. Кто ты?

— Просто шаман, сын своего народа. Вы должны отдохнуть, поесть и попить чай.

Отказываться было нельзя. Молчаливая пожилая nenka расставила пиалы, разложила вареную оленину и вяленую рыбу.

— Спасибо, — сказал шаман, когда мы поели.

— За что?

— За вопросы, которые вы не стали задавать.

— Живи, как знаешь, профессор, — буркнул Денис.

Местные боги обхотались, глядя на нас, когда мы вывалились в снежную ночь — обалдевшие и мало что понявшие.

— Идиотизм — заболевание интернациональное, — заключил Денис, когда мы отъехали на добрый десяток километров.

— Возможно. Но согласись, если бы он захотел, мы бы здесь и остались, — прокричал я ему в ответ. Денис пожал плечами и надолго замолчал. Мы двигались по своему старому следу.

Свет фар выхватывал из темноты развороченный гусеницами снег, неясные тени голых прутьев низких кустов и упирался в сплошную стену отгородившейся от нас темнотой тайной непонятых нами истин.

Глаза мои слипались от бессонницы и усталости, и я мечтал о чашке настоящего горячего кофе. Я мечтал о своем любимом напитке и думал о том, что Россия сегодня сама — как чашка с горячим кофе. Никто не сможет прогнозировать с абсолютной точностью движение жидкости в процессе остывания в силу его хаотичности, но будущее данного напитка очевидно: движение в нем прекратится, поскольку кофе неизбежно остынет. Если,

конечно, все будет идти, как идет, и чашка останется в комнате. Ни для кого не секрет, что военно-стратегическое положение России ухудшается. Потеря зарубежных баз, военно-космический контроль всей российской территории, информационная прозрачность всего оборонного комплекса ясно свидетельствуют об этом. Мощное присутствие агентов влияния на всех уровнях ведет к расколу России на несколько государств. По замыслу иноземных стратегов этому должна предшествовать война с Китаем или Украиной. В этом случае проамериканское лобби изнутри и извне, например из Казахстана, поддержит сепаратистов Уральского и Сибирского регионов. Уже сейчас население призывают затянуть пояса и пожить на зарплату непонятого государства Афганистан по ценам стран золотого миллиарда. Нищета и смерть, смерть и нищета стучится в двери сел и деревень российской глубинки, если планы людей, назначивших Россию в свои враги, начнут сбываться.

Все это так, если чашка с моим виртуальным кофе останется в данной комнате. Но этого не произойдет, и начальные условия изменятся, потянув за собой глобальные изменения и раскручивая двойную спираль новой эволюции.

Американские аналитики испытывают дефицит исторического понимания неизбежности возникновения всемирной идеологии протеста против олигархического империализма. Изменится окружающая среда — и будущее кофе становится неопределенным. Поэтому и настоящее страны надо описывать из ее будущего состояния, которое можно рассматривать только через призму глобальных процессов в мире. Чашка нашего кофе, скорей всего, окажется в среде, отличной от прогнозов могильщиков русского государства. Материальной основой ее уже стал мир ислама и экуменический клерикализм во главе с Ватиканом. Да и сами глобальные миротворцы вполне могут развернуть такую борьбу за мир, что от последнего не останется камня на камне.

А может, судьба мира решается как раз здесь...

2.

Принцип неопределенности и случайности породил во Вселенной множество историй. В одной из них случилось жить нам. Но существует множество других. Похожих на нашу историю, но других.

Человечество пока ведет себя так, словно у него впереди бесконечная жизнь. Но этой надежде не суждено сбыться автоматически. Земля прожила свои четыре из пяти миллиардов отпущенного ей срока. Разбитую чашку не склеить, потому что края разлома не совпадут. Стоит уверовать в свою безнаказанность перед будущим — и это будет совсем другая история, в которой нам нет места.

Нас отправили в Долину Смерти на свой страх и риск, стремясь придать огласке факты контакта и изменить целый мир. Некто хотел разыграть карту изменения всей геополитической ситуации, найти повод, чтобы объединить людей в космическую расу, единую цивилизацию.

Мы не сделали никакого открытия и не смогли удовлетворить свое любопытство в полной мере. Но сам факт поиска перевернул не только мою душу, превратившись в праздник человеческого ума.

На первый взгляд, ничего не изменилось в нашей жизни. В городе появился новый смотрящий, и криминальные группы продолжили свою охоту на кошельки запуганных граждан. Чиновники неумоимо формировали свой личный бюджет, не уступающий по размеру бюджету страны, и сводили счета между собой с помощью наемных убийц. Воровские авторитеты приобретали места в правительстве и законодательных органах, приспособливая законы государства под свои нужды. Прокуроры возбуждали уголовные дела, чтобы за вознаграждение их закрывать, а судьи толковали основы права в зависимости от материальных возможностей своих подсудимых. Опережающий рост цен не мог возместить унизительных прибавок к пенсиям, загоняя стариков уже не за черту бедности, а за порог жизни. Новый президент не страдал запоями и демонстрировал здоровый образ жизни, но оставался заложником антинародной системы безжалостной либерализации устоев государства.

Внешне почти ничего не менялось, но и не стояло на месте. Только люди могут создавать свалки, по своей структуре более сложные, чем любой природный объект. И страна, превращенная в помойку, не могла оставаться без движения. Во дворах замелькали футбольные мячи. Офицеры все чаще гладили брюки, а гаишники стали бояться брать взятки. Бомжи перестали кичиться своей бомжеватостью, а беспризорники не так активно убежали из приемников.

Борис занялся легальным бизнесом и строил свое личное счастье. Тихон не вылезал из тундры, стал большим молчуном, и с ним было приятно разговаривать. Денис плюнул на свой огород и поступил на государственную службу без права выбора жертвы. Его подозрения, что от той неведомой болезни становятся дураками или умирают, не оправдались, и он выжил. Артем занялся поиском смысла жизни и грустил от неустребованности сделанных им выводов.

Верный своим традициям, я уехал однажды в ночь, не прощаясь. После этого утечет много воды и произойдет множество событий.

Но я знал, что однажды у меня зазвонит телефон и Денис сообщит мне новость, которая будет касаться только нас четверых.

Голос тундры прозвучит в моих ушах, и зеленый луч ударит в бескрайнее небо. Новый поход позовет нас в неведомую даль за новыми открытиями, важными всем и никому.

Поздним вечером, когда дети будут смотреть сказочные сны, а в мир взрослых вползут призраки их прошлых и будущих грехов, зазвонит телефон и знакомый голос скажет:

— Привет, что-то давно мы не встречались. Есть тема...

ИРИНА ДУБОВИЦКАЯ

Родилась и выросла в Дудинке. Работает в администрации города. Ее первые рассказы печаталась в коллективных сборниках крымского издательства. В альманахе «Полярное сияние» публикуется с 2001 года.

Бунт муравья

Минутная стрелка дрогнула и перескочила на двенадцать. Конец рабочего дня. И впереди целая неделя, несколько чудесных дней, наполненных ленью, пляжной дремой, долгожданным общением с друзьями.

На базе санатория часто проводились международные конференции. В этот август принимали представителей знаменитых библиотек, частных и общественных фондов развития библиотечного дела. Персонал сбился с ног, обеспечивая высокий уровень обслуживания презентаций, экскурсий, деловых встреч, об отдыхе даже заикаться было запрещено, ни одного выходного.

Работа Оли, одной из горничных корпуса, была доведена до автоматизма, воображения совсем не занимала, но все же и для нее эта пара недель прошла довольно интересно. Переводчики не всегда были под рукой у гостей, а ситуаций, когда помощь необходима, достаточно. Пригодился и робкий Олин английский. Не зря в школе «англичанка» держала всю группу в ежовых рукавицах. На бытовом уровне знаний вполне хватало, что очень вдохновило. Настольной книгой стал русско-английский словарь, изучением которого она теперь была увлечена не меньше, чем другие – детективами или любовными романами. Но конференция закончилась, гости разъехались, можно и отдохнуть.

Ольга проверила, не забыла ли пляжное полотенце. Поправив бретельки сарафана, с легким сердцем вышла из корпуса. Прочь, прочь отсюда, по ступенькам, мимо фонтана, туда, где скрывалась затененная зеленую аллея, ведущая к набережной.

Конец августа радовал погодой. Осень слегка тронула желтизной перистую листву акаций, но это было единственным признаком грядущих сезонных перемен. Скинув босоножки, Оля с удовольствием ступала босыми

ногами по теплым гладким плитам, по рыжим сухим хвойникам. Густой хвойный аромат смолистых сосен и можжевельника был почти осязаем, сквозь птичий щебет, звон цикад пробивался гулкий ритм прибоя. Штормит. Но так хотелось окунуться и потом полежать на горячем песке, ни о чем не думая, ни о чем не мечтая. Раствориться в августовском мареве, слушая голос моря, чувствуя на влажной коже мягкость солнечных лучей и свежесть ветра. Эти минуты слишком желанны, чтобы от них отказать.

Песок служебного пляжа был спрессован тяжелым накатом прибоя. Ольга достала полотенце, сбросила сарафан. Сняла очки, и невыразительное лицо изменилось. Тяжелая темная оправа и толщина стекол больше не «гасили» большие светлые глаза. Немного поколебавшись, все же решила зайти в море. Плавала она, в общем-то, неплохо.

Волны уносили все дальше и дальше от берега. Один высокий пережат, другой, еще выше, противоборство захватывало, солнце обманчиво окрашивало гребни волн светлой голубизной, упругий теплый ветер срывал с них пенные шлейфы. Всё казалось игрой, разве опасность бывает так красива, разве ее цвета – бирюза и ультрамарин? Только ослепляющее солнце и оглушающий голос моря, только высокие волны и ветер навстречу. Преодолеть это – значило преодолеть себя. Подавить страх и принять вызов стихии, ведь она сможет! Кровь вскипала от адреналина, яркая радость ударила в голову. Вот за это она и любила море! Обновление чувств, ощущения на грани – это было просто... просто грандиозно! Другое слово, казалось, просто не подходило моменту.

Но, похоже, она всё же не рассчитала силы, потеряла счет времени, лишь почувствовав боль в усталых мыш-

цах, решила вернуться. пляж приближался, но, увы, слишком медленно. Слабое сердце начало сдавать. В отчаянии она сосредоточилась на дыхании, надеясь на то, что волны все же донесут до берега, если только она не захлебнется раньше. Не её день, совсем не её день, зачем надо было заплывать так далеко? Ну, еще немного, совсем чуть-чуть, надо продержаться.

Наконец, можно было коснуться дна. Ольга облегченно перевела дыхание, став на ноги. Очередная волна даже помогла, подтолкнув ее в спину к мелководью. Но неожиданно та же волна, отхлынув, подмыла песок под ногами, потянув ее за собой. Положение было не так безнадежно, если бы следующий вал не ударил, оглушив и протаскивая за собой еще глубже. Охваченная ослепляющей паникой, острой жаждой жизни, она захлебывалась, теряя надежду, пока море играло ею как сломанной куклой у самого берега.

Когда совсем без сил, она лежала на плотном влажном песке, уткнувшись лицом в скрещенные руки, тяжелые натруженные, неподъемные руки, откашливаясь от морской воды, задыхаясь от пережитого шока и слез, некому было даже ее утешить. пляж пуст. Если бы сейчас она не выиграла это сражение за жизнь, помощи ждать не приходилось.

Как добралась до дома, что пыталась сделать, в памяти не осталось. Кажется, все пыталась согреться, но ни чай, ни горячий душ не помогли, тело сотрясал нервный озноб. Укрывшись пледом, Оля забылась беспокойным сном в глубоком кресле. Сумерки постепенно переходили в ночь, Ольга то стонала и всхлипывала, то откашливалась, хватая воздух запекшимися губами, но, наконец, уснула крепко.

И оказалась... в очереди. Перед нею и за ней были люди. В каком-то странном мерцающем тумане шаг за шагом очередь продвигалась. Смутно виделся силуэт впереди идущего. Откуда и куда медленно шли эти люди, как попала она в это странное шествие? Вопросы металась в сознании встревоженными птицами, но предпринять что-либо было невозможно. Только шагать, все ближе и ближе к чему-то. Постепенно начал доноситься голос. Тихий, бесстрастный и немного утомленный. «Что ж, тебе быть пять лет собакой... Тебе – два года кошкой...» – раздалось совсем близко, и почти парализованная страхом Оля вдруг поняла, что сейчас будет ее черед. Светящийся туман стал ослепителен, пульсируя в ритме слов. «Двадцать пять лет на реке бакеном...». И оттого, что эти слова прошли сквозь сердце, поняла – для нее. Она потеряла твердь под ногами и, в отчаянии, пытаясь протестовать, сорвалась в бездну.

«Почему, – кричала она, и эхо разносило ее обиду и удивление по всей этой мрачной вселенной, – почему другим два года, пять лет, а мне целых двадцать пять? Почему вдруг каким-то бакеном? Если на то пошло, уж лучше, как там пела эта странная девочка? В следующей

жизни, когда я стану кошкой...» Вспыхнули сверкающими льдинками миллионы жестоких кошачьих улыбок, оскалились ей навстречу: «Что захотела, не слишком ли?» И тонули, таяли в темноте эти острые льдинки, и тонула вслед им Ольга, раскинув руки в безнадежной попытке удержаться от падения в эту черную бездну – маленькая бледная звездочка, все меньше, меньше, вот и нет ее. Может ее и не было?

Проснувшись, долго не могла взять себя в руки. Да, это был всего лишь сон, но что ж такого сделала, или может не сделала она в своей жизни, в чем, так сказать, грех, за который её так странно, право, с черным юмором наказали. После перенесенного вчера шока она все еще была на грани меж реальностью и призрачным миром видений. Надо было срочно избавиться от этого тягостного чувства, и, кажется, она знала, куда пойти – в кофейню, владелица которой была знаменита на все побережье чудным кофе и гаданиями. Вся эта метафизика была вовсе не свойственна Ольге, но звенья уже тянулись, одно за другим, вне зависимости от ее прежних склонностей и привычек.

В кофейне, к удивлению пустой в этот час, за дальним столиком сидела сама хозяйка. В черном, высокая, худая, ну не гарпия ли? Мрачная хищная гарпия. Как раз под настроение. Оля знала, что девчонки со всего города бегают сюда погадать. Решившись, подошла, и женщина оторвалась от занимавшего ее вида штормящего моря. Сколько ей на самом деле? Сорок? Шестьдесят?

– Гадать? Я сегодня не расползена. Будешь настаивать, слишком дорого обойдется.

– Да нет, гадать я как раз, и не собираюсь, никогда не хотела знать своего будущего. А кофе вообще не пью. Мне хотелось бы поговорить с Вами о сне. Он мучает меня.

– Сон? – гадалка отреагировала с неожиданной заинтересованностью.

Оля рассказала, то и дело, сбиваясь на интонации обиженного ребенка.

– Обида, говоришь. Не гневи Бога, неблагодарная маленькая дурочка. Лучше пару лет провести бродячей собакой или кошкой? Голодая и получая пинки от всех? С тоской поглядывая на чужие окна, так тепло освещенные вечерами. Взгляни на море. Даже в этом тебе повезло. Бакеном качаться на реке. Чувствуешь надежность берегов? Изредка появляется бакенщик, зажигая огни в темноте. Представь, как в погожий день ты покачиваешься на воде, чайки, солнце, тепло. Это ли не благо (*«для тех, кто боится жизни»*) прошелестела листва за окном) – ни боли, ни слез целую четверть века.

Эти более чем странные аргументы почему-то сняли мрачную тяжесть с сердца, и хозяйка кофейни, лукавый взгляд которой притушили ресницы, выглядела вовсе не гарпией. Странно, теперь ей никак нельзя было дать и сорока. Уже спускаясь по ступенькам, Оля оглянулась, лицо и силуэт гадалки как-то неуловимо менялись. Впрочем, это всё блики солнца, тень от облаков, что же еще.

Она не забыла, как вчера тонула, захлебываясь в горько соленой воде, страх все еще пронзал сердце, но после этой встречи думала совсем не о кошмарах.

Ведь если бы вчера погибла, не наслаждалась бы сейчас теплом солнца, каждым глотком воздуха. Другими глазами смотрела она теперь на розово-фиолетовые пряди дикого винограда, ярким пестрым гобеленом украшенные стены и терракоту черепиц. На дома, спускающиеся светлыми террасами с зеленых холмов. На темносиний горизонт, где собрались грозовые тучи, обещавшие ливни. И грозу она встретит с радостью. Это будет еще одним проявлением чуда жизни. Жизни...

В висках застучала кровь, глаза защищало от слез. («Что за сентиментальность, рассиропилась», – вскрикнула Оля, но ничего не могла с собой поделать.) Она вдруг осознала, как хорошо – просто жить, дышать, вот так идти упруго, господи, да если она захочет, то обойдет, именно обойдет весь мир.

Впервые вдруг она поняла, как ограничена, запрограммирована её жизнь, впрочем, как и жизнь всякого другого. Драгоценное Время – волшебный щедрый дар, уходит на то, чтобы «свить гнездо» и намертво к нему привязаться. Пресловутый инстинкт сохранения рода. Всё – учеба, работа, дружеские связи, здоровье, всё подчинено одной цели – создать иллюзию безопасности в этом большом мире. Неосознанного бунта хватает от силы на то, чтобы «выпасть из гнезда» или «свить» другое. Разница лишь в цепи – у одного длинная, у другого покороче, но только на длину цепи может «оторваться» добровольный узник.

Человек рождается, получая самый важный, самый потрясающий подарок – свободу. Иди, мир перед тобой. Вся эта великолепная планета, вся эта огромная территория страны, щедро раскинувшей крылья от Балтики до Тихого, замерли в ожидании. А вдруг все же дождутся чуда и очередной «муравей» наконец решится не бегать по кругу, вблизи родного муравейника, а на свой страх и риск уйдет за горизонт, всё дальше и дальше, до последнего заката, до последнего своего свободного вздоха. И не для того, чтобы на новом месте начать опять свою бесконечную борьбу за выживание. Но нет, возразит «муравей», конечно заманчиво, а средства на это? Опять он о безопасности, а не о свободе, вот опять, вздохнет Большой Мир, опять он не о том. Опять – кругами у муравейника. И с презрением смотрит планета на символ высшей муравьиной свободы – возможность управлять свободой других муравьев. Уж эти великие муравьиные гроссмейстеры, как им нравится играть судьбой своих соплеменников! Впрочем, они тоже не главные фигуры на большой шахматной доске.

А ведь она даже никогда не желала увидеть Океан, – подумала вдруг Оля. Наверняка он так же схож с родной бухтой, как море с деревенским прудом. Телевидение преподносит эффект присутствия в любом уголке Земли. Но какого вкуса там воздух, какими экзотическими ароматами цветов и фруктов он наполнен? Каков он, этот

белый песок далеких пляжей, когда струится меж её, именно её темных от загара пальцев? Какая она на вкус, северная ягода со смешным названием – морошка? Что почувствует она, если в лесу найдет целую поляну ландышей с жемчужными бусами соцветий? Что это будет за волшебный коктейль, когда сладостный аромат этих цветов сольется с хвойным духом кедров, со свежим лесным ветром? Да что случилось с фонтаном желаний детства, неужели он иссяк? Или она просто забыла о нем в этой повседневной бессмысленной суете? Она почувствовала себя игрушкой, завод которой окончился. И слава богу.

А если... Отчаянное, безумное бесстрашие вырвалось внезапно из клетки, давно, еще в детстве надежно прикрытой на сто замков всех этих «так надо», растеклось ледяным игристым шампанским по венам, покалывая иголочками безрассудства кончики пальцев. Что мешает ей просто взять и пойти вот так по дороге, за город, все дальше и дальше, это ее жизнь, ее желания, пусть и безумные.

Да бог с ней, с безопасностью, жизнь итак воляна прерваться в любой момент, а дороги... дороги манили ее за собой, только пожелай она, и увлекут в бесконечное переплетенье, за горизонт, за горы. Рассвет в степи, сумерки на таежной просеке, большие и маленькие города, да что там, другие страны, всё, только пожелай, действительно, по-настоящему пожелай, и все стало бы возможным! Кто хочет – ищет способы, кто не хочет – ищет причины. Теперь она это ясно, всем существом своим, всей душой понимала. Радости полон мир для того, кто смеет без предубеждения, так, кажется, говорил индийский мудрец.

И почему... Почему она раньше считала себя бесцветной тенью? Проходя мимо витрин, улыбнулась своему отражению, как бы подтверждая самой себе, что и глаза хороши, и молода, и совсем неплоха. И надо сменить эту нелепую, уродующую ее, темную оправу, хватит прятаться (вот оно, поняла Оля, вот ключевое слово), прятаться за ней от всего мира. Что за театр, право. А главное, спохватилась вдруг она, главное и любимое дело ожидало ее дома. И, пожалуй, все же рискнет и примет участие в осеннем вернисаже, как и уговаривали ее подруги.

Позже, достав с антресолей большую стопку своих работ, безжалостно рассортировала. Большую часть выбросила, не жалея, решительно, как никогда раньше. Остальное отложила, чтобы подготовить паспарту, оформить, наконец, по-человечески. И заняться тем, чем давно хотела. Вот, например, нарисовать, наконец ту Золотую бухту, что часто снилась ей, или продолжить серию о раковинах. Она подошла к стеллажу, провела тонкими пальцами по россыпи мелких ракушек, большим раковинам. Они были несовершенны. Не было ни одной целой. Но для нее именно на таких был отгис индивидуальности, их изысканные изгибы совсем не испортили надломы. Обнаженные спиральные завитки с влажно сияющими сводами розового перламутра открывали свои

тайны. Рождались в море, далеко от людских глаз, донные рыбы касались губами, сон и вечность были их уделом, пока Случай почему-то не выбрал из миллионов других, таких же. Как их выносило на берег, как долго море полировало надломы о песок и гальку побережья, кто знает, но теперь некоторые в ее рисунках.

Достав коробку пастели и делая набросок, Оля обещала себе заняться и лепкой, керамикой. Ждет своего часа уже подготовленный материал, тщательно завернутый в плотный целлофан для сохранения влаги. Сколько еще сделает. Она уже почти ощущала кончиками пальцев, как послушно меняла форму влажная красноватая глина, знала, какой оранжево-чистой звонкостью и легкостью порадует изделие после обжига. Желаний и задумок было так много, что голова кружилась. И больше никогда ничего не откладывая, торжественно клялась она себе, есть только настоящее, а будущего, как оказалось, могло и не быть.

Она давно не ломала голову над тем, почему любимое дело, которому отдавалась так увлеченно, так страстно, не стало профессией? Возможно ее природная робость, неуверенность в себе, постоянные сомнения по любому поводу. Или опять – Случай. Анализируя возможные причины, Ольга вспоминала и школьного учителя рисования. Их судьбы пересеклись, может и это сыграло свою роль?

Молодой учитель считал свое пребывание в школе временным явлением. Все эти методики, планы, галдящая толпа школьников совсем его не привлекали. Он окончательно решил стать свободным художником. Модным, известным. Ступенькой на лестнице Успеха, конечно, будут год-два безденежья и каторжной работы в мастерской, но он был готов и к этой жертве. В его блистательной биографии и эти годы наверняка будут описаны достойно. Естественным продолжением этих размышлений стало более чем прохладное отношение к работе в провинциальной школе. Уволиться, рискнуть, наконец? Но до конца учебного года доработать он был обязан, портить отношения в маленьком городе совсем не хотелось. Вот дополнительно вести факультативные занятия. Господи, какая тоска. Эти подростки, эти гадкие утята. Ему было скучно до тошноты. Однако спорить не стал и набрал группу. Как-то подготовил очередную натюрморт. На этот раз – из старой выцветшей драпировки и (еще дедовского, старого) узкогорлого восточного кувшина. Сойдет, выглядит просто, без заморочек.

Он медленно ходил по аудитории, изредка подправляя пропорции на эскизах. Позевывая, отошел к окну и, сдвинув тяжелую плотную штору, загляделся на листву за окном. Солнце вдруг брызнуло лучами меж портьер, оживив, до этого тоскливо-серую, композицию. Ольгу охватило волнение. Она смыла акварель, нанесенную раньше. «Все должно быть по-другому, совсем по-другому!» – пела, звенела в ней радость (она знала теперь, какие на самом деле были эти скучные вещи).

Когда скучающий преподаватель проходил мимо, взгляд его наткнулся на яркий выразительный этюд. Светло-лимонная драпировка стекала складками, шафрановые, мозаичные тени легли у серебряного чеканного основания. Всё в ярких солнечных бликах. Он перевел взгляд на композицию. Где она это увидела? Серый кувшин и пыльная тряпка. Да, бывшая когда-то желтой, сейчас просто ветошь. Девочка подняла лицо, очки в тяжелой темной оправе съехали на кончик носа, большие светлые глаза как-то шало смотрели на него. Но вот в них растаяла магия творчества, с мстительным удовлетворением понял он, и Овца вернулась.

Собрав планшеты, он распустил всех домой. Ни единого слова поощрения не было сказано в адрес Ольги. Какая-то гнусная ревность мешала ему, чувство, неожиданно даже для него поднявшееся из тайных темных глубин... Оля так и не узнала, что позже он взял кувшин, протер драпировкой и вдруг заметил, что в чеканный узор вплетены несколько слов арабской вязью. Ну, надо же. Поставил планшет с рисунком Ольги, рядом – кувшин. Так ясно теперь представлялось, как его, сияющего светлым серебром орнамента, берут нежные смуглые руки. Длинные ногти крашены хной, перстни с коралловыми вставками, тяжелые браслеты. Наваждение исчезло. Довольно. Но как могла эта... эта никчема... уловить саму суть? То был последний день факультативной работы. Он все же ушел со школы. Болезненной занозой засело – почему он не увидел? Чего в нем такого не было, что было в этой девочке?

А Оля навсегда запомнила волнение, творческий азарт, захватившие ее, но отнюдь не получившие ни малейшего одобрения педагога. Что казалось ей вполне объяснимым. Профессионал реально оценил ее ничтожные способности. Более того, похоже, был даже раздражен. С тех пор рисовала только дома. И все это как-то не отражалось на ее «внешней» жизни. В институт поступать не стала, карьера не привлекала. Только друзья знали ту Ольгу, которая сейчас с упоением рисовала, забыв обо всем. Мелок пастели крошится в пальцах, она сдувает с листа тонкое, яркое разноцветье. Как цветочную пыльцу, осыпавшуюся с букета на полировку стола. Такую тонкую легкую взвесь, что могла бы украсить крылья бабочки.

Вся ее вновь обретенная неистовая жажда бунта вдруг органично нашла выход. Её душа наслаждалась, выплескивая эти пятна цвета на белизну листа. Целая вселенная образов и сюжетов таилась до поры в обманчиво-белом пространстве. Как часто она всматривалась в это белое поле и с гордым трепетом первооткрывателя новых миров, времен и континентов, прикосновением кисти открывала другим то, что она уже итак *видела*, знала. Краски только проявляли на листе то, что уже там изначально было, как одно из миллиардов возможных проявлений.

В этот раз на бумаге возник из ничего город-порт, весь в золотистой дымке рассветного тумана, он напоминал своей архитектурой сказочные города эльфов, их

удивительные, полувоздушные дворцы. Лишь одну уступку своим пристрастиям сделала Ольга – эти эльфы были не лесными жителями, без моря она себе не представляла города счастья. Персиковая от зари бухта гостеприимно принимала корабли в каскадах парусов, старинные узкие улочки уводили взгляд в глубину перспективы, это был город-сон в волшебный час грез, час, когда сбываются мечты. Магия, подвластная её кисти.

Было ли творчество для Ольги проявлением свободы? Самообман? Бунт муравья... Что ж, решать муравью, это его выбор.

Всю ночь над бухтой и городом бушевала гроза. Промытые ливнем улицы были еще пустынно, на чистом асфальте подсыхали последние лужицы. Оля распахнула окно, в комнату ворвались звуки просыпающегося города, аромат цветов и освеженной дождем зелени. Солнечные блики теплыми брызгами света окрасили стены. Легкий порыв качнул ветви старого, перевитого виноградной лозой инжира и дождем полетели капельки, сброшенные ветром с листвы. Какое наслаждение – воздух после грозы и предраассветного тумана.

Ольга взяла пару яблок и удобно устроилась на теплом подоконнике, прислушиваясь к негромкой музыке, доносившейся со двора. Похоже, не одна она проснулась пораньше. Пунцовое ароматное яблоко с крупными розовыми веснушками блестело глянцевыми боками, такое безупречно красивое, что Оля только перекатывала его в ладонях, любуясь, не нарушая гармонии формы и цвета. И точно по заказу, отвечая настроению, со двора доносились слова знакомой песни:

Ты проснешься, и солнечный зайчик
Затанцует, тебе говоря:
От прошедшего лета подарочек
Принимай в этот день сентябрь.

Абрикосы, бананы, арбузики,
Огурцы, помидоры и лук...

Песня вполне отвечала её состоянию, после вчерашнего творческого взрыва, горячечной, лихорадочной одержимости, по телу разливалась волна умиротворяющей усталости. Молнии творчества отсверкали, громы открытий отгремели, и как кошка на солнышке, она потягивалась и улыбалась, грезя о счастье в этой светлой комнате.

Оля прислушалась к негромкой мелодии. Она любила эту песню, гимн домашнему уюту и душевному комфорту:

...И когда соберешь ты по вечеру
Всех друзей бабье лето встречать,
На столе, хлебом-солью увенчанном
Пусть, сияя, лежат: алыча,
Абрикосы, бананы, арбузики...

Да-да, пожалуй, это хорошая мысль, надо собраться. Оля потянулась к телефону и задумалась, прикидывая, кому из друзей позвонить.

Резко наплывшая тень вдруг стерла золотые блики солнца со стен, по босым ногам прошла ледяная волна, она поежилась. Да что это в самом деле, а ведь так славно начинался день.

– Оленька, Олешек, – такой знакомый, родной голос...

Он заставил ее обернуться. Это невозможно, этого быть не могло. За окном вместо обычного городского пейзажа билось, накатывая, море. И это потрясло ее больше, чем голос отца, погибшего два года назад.

В глазах потемнело, сердце взрывалось отчаянной болью, воздух густел, закручиваясь в спираль водоворота, меркли очертания родных стен. Да что это? Да где это???

Сознание осветило яркой вспышкой всё, что, как ей казалось, действительно происходило в эти два дня, которых не было, она вернулась, о, Господи... вернулась в реальный мир Жизни и Смерти.

Широко распахнула глаза, успела удивиться – песок, пена, обрывки водорослей над ней сбились в бутылочно-зеленый хаос.

Судорожно рванулась вверх, но очередной вал, невероятно красиво сверкая светлой бирюзой, подхватил и разбил о монолит волнолома хрупкое Олино тело.

Слабеет солнце, догорает
На крышах яркий фиолет.
И луч последний, как стилет,
Поранил клен. Белье снимает
С веревки женщина. Шалея,
Не в силах удержать порыв,
Вихрь запылит под свой мотив,
Ей розовые ноги, шею...

Всё было как всегда.
Заканчивался еще один день.
Жизнь города продолжалась.
Без неё.
Без Оли.

стихи В.Заварзиной, М.Танка

ГАЛИНА КОЖЕВНИКОВА

Родилась в 1949 г в Дудинке. С раннего детства увлекалась литературой. Закончив факультет журналистики Иркутского Государственного университета возвратилась работать в редакцию газеты «Таймыр». Работала в пресс-службе администрации г. Дудинка. Публикуется в местной прессе, в альманахе «Полярное сияние».

Саввишна

– Какая была старушка? А никакая, незаметная, как мышка полевая, – так мне тогда казалось. Ну, сидела себе на скамеечке, грелась на солнышке. Руки под грудью складывала. Всегда в черном платке и в черной юбке. Уж и широкая была юбка! По теперешней моде так три-четыре юбочки для девок вышли бы, точно!

– Какой голос у нее был? Вот ей-богу, не помню. А может, и не слышал ни разу – уж больно тихой, молчаливой была старушка. Прямо божий одуванчик, да и только. Проходишь, бывало, поздороваешься или доброго вечера пожелаешь, она молча поклонится тебе прямо так, со сложенными руками, и все. Чтоб разговоры там, распросы какие или замечания – ни-ни. Не поймешь, то ли строгая, то ли робкая.

– Бабки-то у нас во дворе все языкастые да любопытные, как иностранные акулы пера, – ни одна новость мимо них не прошмыгнет. И заметят, и обсудят, и прокомментируют, и резолюцию наложат. И попробуй потом от этой резолюции отделаться. Человек уже женился, ребятишками обзавелся, его на заводе Василием Степанычем кличут, а какая-нибудь, Пелагея Филатовна одно твердит: «Васька-то с тридцатой? Шеллапут, толку от него нет! Ему бы только футболы гонять, стекла бить да кошкам хвосты откручивать!». Так и ходит уже сидящий Василий Степанович в хулиганах да в живодерах.

Да, так старушка эта... Ее во дворе Саввишной звали. Привык я к ней, как привыкают к виду из окна. Не сразу и заметишь, что в нем что-то изменилось, просто как-то беспокойно делается, вроде чего-то не хватает. Так и старушка моя: каждый вечер сидела в своей черной юбке, маленькая, сухонькая такая, руки чуть дрожат да оборку кофты теребят. Чудная старушка: никого не обсуждала, ничего не рассказывала, да и не слушала толком, все вдаль глядявалась, будто ждала кого. Бабы сердились на нее за молчанку: «Ишь, старая, губы под-

жала, а что на уме – неизвестно». Бабы не любят, если в их гвалте кто-то особнячком держится. Вроде как советит их, что ли, за языки злые. То одна кохнет, то другая подначит, то третья фыркнет, а Саввишна молчит, вроде не про нее говорят, серьезно так взглянет, и опять кого-то высматривает. Плкнут бабы да разойдутся: дело к вечеру, пора мужиков кормить, ребятишек укладывать.

К чему все это я? А вот к чему: вдруг перестала Саввишна во двор выходить. Я этот день машинально отметил – среда была, но как-то так отметил, будто сфотографировал, а пленку не проявил. Хожу день, другой, третий, неделю хожу мимо и вдруг чувствую, что беспокойно как-то на душе. И тревожно, и неловко, и в толк никак не возьму, в чем дело. Даже с женой поругался, она потом дня три злилась, посуду швыряла.

И вот однажды иду с работы и вижу, у подъезда народ собрался. Не густо, но человек десять-пятнадцать стоят, ждут чего-то. Смотрю, четыре мужика вынесли из подъезда гроб и потащили к автобусу. Старый такой автобус, обшарпанный, помятый, насквозь казенный. Сели в эту колымагу, старушек каких-то прихватили, и укатали. И тут, будто в сердце кто толкнул меня: да это же Саввишну на погост повезли! Сел на скамейку, и так мне муторно стало, будто мать свою обидел. Здоровый мужик, полтинник давно разменял, на фронте был, в танке горел, в Немане тонул, по госпиталям загибался, а тут вдруг раскист так жалко мне ее стало! И себя почему-то... Матери своей не помню, пешком под стол ходил, когда она померла. Помыкался по детдомам да приютам. Вот и выходит, что ни у меня, ни у Саввишны никого на свете не было. Моя жена Нинка не в счет, ей главное, чтобы я зарплату исправно приносил да чаще двух раз в неделю не напивался. Она только деньги любит да барахло всякое, потому, наверное, и детей у нас нет. Все копит да складывает, по магазинам бегаёт, в очередях пропадает. Тряпками все

забила, посудой, крупой, мылом, спичками – черт его знает, чем еще. Зачем, для кого? И сама не знает. Но я терплю ее позорное поведение, потому что знаю: она в оккупации да лагерях наголодалась, хватило ей горького до слез. Вот и свихнулась слегка, все складывает под себя, все новой войны опасается. Когда женился, думал, оттаает Нинка-то, и я возле нее. Нет, не оттаяла. И горько, и постыло, и холодно с ней, а уйти не могу – это вроде как раненого товарища бросить. Да и то правда, раненые мы с ней оба и есть, обоих войной на всю жизнь контузила. Мне хоть терять некого было, а у нее война всех родных скосила, подчистую. Вот и гадай, что лучше: сиротой на войне воевать или сиротой в войну стать.

Сию я так на скамейке, курю, пытаюсь комок в горле протолкнуть, ничего не вижу. Только кровь стучит в висках, да комок, проклятый, горло дерет. Тут еще плечо заныло, засвербило, – осколок зашевелился. Да что же это такое, думаю, ведь мог я, старый олух, догадаться хоть о здоровье Саввишну спросить, помощь какую ей предложить. Ходил, как чурбан, мимо.

Вечером соседи собрались на поминки. Скромные такие поминки были, тихие. Старушки крестились да уверяли всех, что Саввишна, дескать, была большой праведницей. Будто кто-то сомневался в этом. Да у нас пол-России таких праведниц, особенно после войны. Как водится, бабы всплакнули, вспомнили ненароком матерей своих. Авдотья Киржаева даже взялась голосить, да я цыкнул на нее, уж больно противно она визжала да глаза закатывала, точь-в-точь курица.

И тут моя Нинка вдруг и скажи:

– На трех сынов и на мужа похорошки получила наша Саввишна. Муж еще в финскую погиб, трех сыновей она в эту войну схоронила, а четвертого, Гришкой звали, все ждала. Как призвали его в сорок третьем, так за всю войну и после нее ничего, – ни письма, ни извещения. Так и жила все тридцать лет, ждала, авось объявится, найдется. Куда только письма не писала! Сама-то малограмотная, печатными буквами подписывалась. Все ко мне ходила, вместе мы эти письма и сочиняли.

Я сначала даже не понял, о чем это моя женка рассказывает, а когда понял, все во мне перевернулось. Я-то Нинку совсем пропащей считал, барахольщицей – ни женщина, ни мать, ни человек, так, одна видимость человеческая. А она, оказывается, жалеть умеет. Смотрю на нее во все глаза и не узнаю: волосы у Нинки уже сединой присыпало, и морщин прибавилось! Глянула она на меня, как стегнула: что, мол, уставился. Потом сникла и тоскливо так говорит: «Нашелся Гришка-то». Люди стали переглядываться, перешептываться, переспрашивать, какой, дескать, Гришка. Она и повторила, что младший сын Саввишны, Гришка, нашелся. Тут уж все замолчали, как стукнутые обухом по голове: все же знали, что Саввишна одна жила, без родни, никого у нее на сто верст вокруг не было. Ее и на кладбище провожали одни соседи. А тут, оказывается, сын есть. А что же он не приехал? Да как же так?! Да почему? Началось обычное бабье кудахтанье.

А Нинка моя горько так отвечает: «Да не нужна ему мать, вот и не приехал!». Чувствую, голос срывается, сейчас заревет. Взял ее за руку и повел домой. Только дверь за собой закрыл, Нинка уперлась в стенку лбом и зарыдала. Ревет и бормочет: «Мою... мамку... ведь молодая совсем была... поганец, мальчишка мокрогубый... звереныш фашистский... из автомата... Она беременная ходила, меня собой закрывала... А этому – мать не нужна-а! Гадина, сволочь!».

Взял я Нинку за плечи, развернул, к себе прижал. Уткнулась она мне в плечо, такая родная, такая беззащитная, ну как дите малое, и плачет, остановиться не может, всю рубашку мне слезами промочила.

Оказывается, нашли Гришку где-то на Крайнем Севере. Ишь, куда забрался, стервец, и ни разу не вспомнил, что мать у него есть. Она же с места не стронулась, жила в нашем доме, по старому адресу, все боялась, что Гришенька ее не найдет. Все ждала, что он вот-вот объявится, приедет, войдет во двор, тут она его и встретит. А дома накормит, спать уложит, сама тихо рядышком посидит, от счастья поплачет.

То-то радости было, когда пришло известие о том, что жив-здоров Григорий. Написали они с моей Нинкой ему большое письмо, все боялись: вдруг не дойдет или адрес перепутают. Саввишна уже дни считала, узелки завязывала да гостинцы готовила. Да только зря радовалась.

В общем, ответа не было ни через месяц, ни через два, ни через три. А потом все-таки пришло письмо: дескать, как я рад, дорогая мамаша, сколько лет, сколько зим. Не могу, мол, к вам сейчас приехать – занят по горло, деньги зарабатываю. Будущим летом, может быть, и пожалуй с женой и дочкой, но твердо не обещаю: вдруг путевку на южный курорт дадут.

Это письмо и подкосило Саввишну. Она совсем замолчала, слегла и быстро сгорела, до самой смерти и слова упрека вслух не сказав.

Тут Нинка оторвалась от меня и закричала: «Я ему, Гришке, телеграмму, «молнию» отбила: мать, дескать, померла, приезжай на похороны. А он...». И опять в слезы ударилась. Глажу ее по голове, какие-то слова дурацкие говорю, и сам с нею плачу.

Нет, видно, не всех война на ум-разум поставила. Да если бы у меня мать жива была! Да я бы пылинки с нее сдувал, руки целовал!.. Эх, да что там говорить: живет человек рядом, под боком, молчит, сторонится, а мы и рады: не докучает, не мешает, и ладно. Мы люди занятые, а что в душу заглянуть, не в чужую, так хотя бы в свою, – так нет, боимся! А может, там все польнюно заросло, пеплом засыпало. Но ведь мы живые люди! Вот и Нинка моя, оказывается, живая. Пепел сверху, а внутри – живая душа. Вот так-то, браток...

Давай помянем мать и вдову солдатскую, пусть земля ей пухом будет.

1977г.

НИНА ЯДНЕ

Родилась на Ямале в многодетной семье ненца-оленевода. Училась в МГУ им. Ломоносова, выпускница Государственного Ленинградского пединститута им. Герцена. Работала в школах-интернатах округа. В 1995 году вышла ее первая книга «Я родом из тундры». В настоящее время работает руководителем приемной Губернатора автономного округа по городу Надыму. В альманахе публикуется впервые.

Хозяйка собачьего приюта (рассказ)

С утра был сильный трескучий мороз. Тишина прочно обосновалась над стылой тундрой. Снег был твердый. В свои права вступила настоящая зима.

Наступил месяц малой темноты. Мрна – хозяйка одинокого чума, женщина неопределенного возраста, невысокого роста, широкая в плечах, с круглым лицом, курносая, с маленькими черными глазами и седыми волосами. Зимой она почти всегда одета в суконную мужскую сорочку поверх ягушки и старую женскую ненецкую шапку с почерневшей оторочкой из песцовых хвостов. Мрна еще вчера решила, что пора ехать в поселок Паюта для получения пенсии и закупки продуктов на месяц, потому что потом, в пору месяца большой темноты наступит время подледного лова на Тазовской губе. Все снаряжения, сети, собачья упряжка готовы к зимнему лову.

Это время года всегда радовало старую одинокую женщину потому, что зимой она очень много ловила рыбы и для своего питания, и для того, чтобы раздать бедным одиноким старухам. Но главное – она с удовольствием заготавливала много мешков всякой рыбы для того, чтобы до лета, или даже до новой зимы не искать корма для своих собак.

Продукты Мрна зарывала в глубокую яму и надежно закрывала сверху крышками, оленьими шкурами, брезентом, а сверху придавливала тяжелой нартой. Собак у нее было много, но она всем, кто интересовался их количеством, почему-то бойко и четко отвечала только по-русски: «Тринасать!». Она почти не умела говорить на русском языке, в школе никогда не училась, знала только самые необходимые слова: надо, дай, хлеб, масло, са-

хар, чай, нету, собака, рыба. В магазине поселка всегда находились добровольные переводчики – ненцы и потому у нее не было особой необходимости забивать свою голову русскими словами.

В своем чуме ей тоже не с кем было общаться, кроме собак разных мастей. И собаки тоже ее понимали, любили ее и старались не огорчать свою хозяйку. Иногда, конечно, собаки дрались, отбирали еду друг у друга, глубокой осенью дрались из-за новых подружек, исчезали осенью или зимой на несколько недель погулять с приглянувшимися сучками из других чумов или из поселка, но потом снова возвращались к своей хозяйке Мрне.

Одних хозяйка приводила сама, других дарили люди из поселка, третьих рожали Взнеко неба (собачьи матери), что приبلудились с ее собаками. Характеры и нравы у всех собак были разные: Юдак был надежным и серьезным псом, Шарик – сильным и добродушным, Тырс был неряшливым и на его шерсти всегда был какой-то мусор, хвост грязным, Тассо – слишком жадным и часто ползал около стола и ведер в поисках пищи, Нявре брал пищу только с рук хозяйки. Лапа, любимая подруга Юдака, которая заботилась не только о себе, но и о своих детенышах, часто начинала скулить, когда хотела кушать и очень деликатно брала еду из чашки, в которую хозяйка старалась положить что-нибудь вкусное, кусочки мяса, рыбного супа или каши.

Одни собаки ночевали на улице, других Мрна привязывала к шестам в чуме. Те, что ночевали на улице под нартами, были дежурными сторожами, и они сразу же поднимали истошный лай, когда к одинокому чуму приближалась оленья упряжка, шел пешеход или катился

быстроходный «Буран». А если собаки не умолкали, то те, что были в чуме, помогали лаем и визгом своим друзьям, и тогда казалось, что собаки поднимают нюки чума и разнесут жилище своей хозяйки в разные стороны. А когда были сильные морозы, то почти все собаки собирались в чуме и старались лечь на постель вокруг своей хозяйки, согреть ее своим теплом; но спали они всегда чутко, прислушиваясь к каждому звуку и шороху на улице...

– Вчера вроде тебе полегчало, а сегодня снова лежишь и не выходишь на улицу! Бедный ты мой пес!... – с жалостью посмотрев на большую собаку по кличке Юдак, проговорила хозяйка чума. Юдак услышал слова хозяйки, медленно поднял свою пятнистую морду с потухшими глазами, шевельнул ушами, сделал раза два приветливое движение мордой и, снова опустив пятнистую голову, вытянулся как-то, полизал больную лапу, зевнул, но остался лежать в дальнем углу чума на старой оленьей шкуре.

Мрна любила Юдака. Несколько лет назад знакомые в поселке подарили ей маленького пятнистого щенка, который вскоре вырос и стал большим здоровым и сильным псом. Юдак был передовым в собачьей упряжке Мрны, и ее беспокоило то, что из-за болезни Юдака, ей нужно будет обучать другую собаку. Тут с улицы приполз Шарик – крупный, с блестящей шерстью, красивый серый трехгодовалый пес. Он оставил приоткрытой за собой дверь из оленьих шкур.

– У-у! Ты опять несешь с собой холод! Может быть тебя, Шарик, сделать передовым вместо Юдака? – спросила, поглаживая по холке серого ласкового пса с блестящими красивыми глазами, который деликатно принюхивался к тому, что есть рядом с хозяйкой и весело помахивал пушистым хвостом. Женщина вяла палку и, не вставая с места, закрыла за Шариком вход в чум из облезлых оленьих шкур. Шарик с удовольствием взвизгнул, еще раз помахал пушистым хвостом и удалился на ту, вторую половину чума. Он лег около Юдака, наблюдая за действиями хозяйки. Шарик словно чувствовал, что ему сегодня предстоит выполнять какую-то важную роль и время от времени поднимал свою красивую лохматую голову и поглядывал в сторону хозяйки.

Мрна, растапливая железную печурку в своем холодном чуме, подумала: «На улице еще семь хороших собак, может кого-нибудь из них обучу на передового!». Она поставила кипятить чай, на перекладки над печкой положила буханку ржаного хлеба для того, чтобы нагрелся и размяк. Стала готовить столик. У священного симзы, (особого священного шеста, где привязывают амулеты и предметы культа) напротив входа в чум по обе стороны лежали две черные небольшие собачки с лоснящейся гладкой шерстью: Тег и Лонгэй. Их отличало друг от друга только белые пятнышки на лбу. У Тега на лбу два круглых белых пятна и все думают, когда видят его впервые, что у собаки четыре глаза. А у Лонгея одно белое пятно на лбу. Этих собак еще в прошлом году

привезла семья Ядне и оставила у Мрны потому, что псы хорошо работали, но пришло время им на покой, а убивать их не хотелось. Вот и превратился чум Мрны в дом приюта для собак.

– Вот истинные тундровики! Никогда не крутятся под ногами хозяйки в поисках еды или подачки! Вот гордые! Сразу видно, что они тундрового воспитания, а не поселковые халеи! Ждут, когда подадут им кушать, – вслух, с восхищением глядя на двух черных собак, невольно воскликнула старая женщина, продолжая хлопотать по хозяйству.

Когда Мрна села за стол, стала пить чай и кушать перед дальней дорогой, то остатки от вчерашних кусочков оленьего мяса, стала бросать через печку больному Юдаку. Но тут, откуда ни возьмись, вдруг кусочки налету стали схватывать собаки по кличке Тырс и Тасо.

– Взн пасы нюху!!! (грубое ненецкое ругательство «Сучкины дети!») Вот настоящие поселковые халеи! Обжоры и ленивцы! Кушать любите, а работать не хотите! – крикнула Мрна и стукнула одного из них по хребту попавшей под руку, железной кочергой. Другого пнула правой ногой и крикнула: – Фу! Нгабтар явлы! Пин хань!!! (Фу! Воняешь ты! Иди на улицу!!!)

Хозяйка решила подогреть еще вчерашний собачий суп из старых консервов и разделить еду всем собакам поровну. Ненасытные Тырс и Тасо крутились около хозяйки, подбирая крошки хлеба около стола, глотали слюны из котла с остатками еды хозяйки, изредка рычали друг на друга...

– Да еще многодетную мамашу надо накормить, ведь ей детей кормить целый день, может быть только к ночи и вернуться! – ласково сказала хозяйка и подошла к женской половине чума с той стороны, где была расположена ее постель, заглянула под старую ягушку и увидела, как маленькие щенята разных мастей льнут к матери – рыжей сучке Пуроне. Мрна Пуроне не любила, эта сучка часто ночью съедала все продукты со стола хозяйки. Однажды Мрна за это сильно избила собаку, и с тех пор все прекратилось. Но когда сучка принесла шестерых маленьких щенят, то Мрна никого из них не стала топить в озере, а решила всех вырастить, чтобы раздать оленним ненцам в подарок. Собачью мать Пуроне ей оставили знакомые пастухи, уверенные в том, что Пуроне больше не будет рожать щенят, и что старой сучке пора на пенсию. Щенята были хорошенькими и мирно спали на хорошей теплой оленьей шкуре. Вчера хозяйка уже стала думать, как назвать щенят. Двое из них были мальчиками. Этих решила оставить себе, а других подарить оленеводам, когда те приедут на праздник весной потому, что дети Пуроне всегда слыли среди тундровиков хорошими собаками.

Когда старая, но все еще бодрая женщина, попила чаю, убрала стол, она заложилась за нижнюю губу влажный ароматный сяр (молотый табак), и с аппетитом начала смаковать его. Потом выглянула на улицу и увидела, что семь больших ездовых собак, с вечера привязан-

ные к нартам и столбам, миг подняли свои заснеженные морды, встали, весело замахали хвостами и просящими взглядами как бы умоляли хозяйку: «Отвяжи нас, хозяйюшка, дай нам немного побегать и сделать все свои дела!». Мрна подошла к крайнему крупному белому псу Сэвак, отвязала его, потом отвязала молодого кудрявого Серно, который в знак признательности стал облизывать большие натруженные руки хозяйки, и только после этого весело помчался вслед за остальными собаками за ближние сопки и овраги. Многочисленные собаки разных мастей разбежались в разные места, старались побыстрее сделать все свои дела, развились, наслаждались свободой, весело лаяли, бегали друг за другом...

Когда почти все ездовые луса взнеко (ездовые, крупные собаки, которых ненцы называют русскими собаками), прибежали к чуму, хозяйка стала собирать нарту: брать каждого пса за шкуру и запрягать в упряжку.

Все собаки как-будто знали свои обязанности и, виляя хвостами, с добродушным лаем, будто чувствовали дорогу, позволяли запрягать себя в нарты. Только старые крупные лохматые собаки Сэвак и Лекабчо бегали, залезали под нарты, хотели увильнуть от работы в упряжке. Но Шарик, запряженный сегодня впервые как вожак, как передовой, который должен вести всю собачью упряжку, сердито рычал и косо поглядывал на двух бегущих от хозяйки, собак, и, как бы говорил им: «Вы тоже должны работать, чем вы лучше нас! Мы все должны помогать своей хозяйке!».

Наконец, Мрна отловила всех ездовых и стала готовиться к отъезду в поселок. Путь был длинный. Женщина сначала упряжку вела пешком, а потом с разбегу вскочила на низенькую нарту. Упряжка быстро помчалась по дороге. Снег весело скрипел под полозьями собачьих нарт, а летящие тоненькие снежные иголочки покалывали сильное, в крупных морщинах, коричневое задубелое лицо Мрны, слепили глаза. Мороз перехватывал дыхание и глухо позванивал в ушах. В какой-то момент трехгодовалого неопытного Шарика упряжка из нескольких собак хотела закрутить так, чтобы не выехать прямо. Но Шарик хорошо справлялся с ролью передового, как будто давно готовился к этому ответственному делу. Мрна уселась на низенькую взнеко хан (собачью нарту) и дала команду Шарiku: «Шарик! Пырь!!!». Она изредка дотрагивалась маленьким хореом до собак, и упряжка весело неслась по дороге в поселок. В пути к старой женщине в голову приходили всякие мысли и воспоминания.

...Мрна вспомнила, как Юдак со своей верной подругой, сучкой Лапой, два года назад спасли свою хозяйку однажды поздней осенью, когда нарта неожиданно стала проваливаться в студеную воду широкого моря. Многие собаки из упряжки тогда утонули в холодной ледяной воде Тазовской губы, только Юдак и Лапа, которые в этот день не были в упряжке, бегали вокруг и резвились, а когда поняли, что хозяйка в опасности, рискуя жизнью, бросились к утопающей упряжке, стремительно прыгнули в ледяную воду. Когда Мрна уже подумала

о том, что ей пришла пора уйти в мир иной, то именно сильный здоровый Юдак первым бросился спасать Мрну, а Лапа вцепившись в плечо хозяйки, уперлась в ледяную обеими задними лапами и не давала хозяйке уйти под воду. Мрна выбилась из сил, стараясь выбраться из воды. Юдак отскочил от нее и убежал далеко от края льдины. Но вдруг с большого разбегу, пес бросился к хозяйке, зубами крепко схватил ее за мокрую одежду и с силой выдернул на край льдины... А когда хозяйка, вся мокрая и продрогшая, плелась еле-еле в свой чум, то Юдак и Лапа, всячески показывая свое расположение и сочувствие к ней, жалобно скулили, поджав мокрые хвосты, шли по обе стороны, старались заглянуть хозяйке в глаза, и, их собачьи глаза как бы умоляли об одном: «Хозяйюшка, дойди до чума, не падай, дойди живой, разожги огонь, согрейся, осталось немного, чуть-чуть...».

А как-то ночью, в конце зимы, собаки, привязанные к шестам чума, так залаляли, завизжали и завыли, что Мрна, вскочив на ноги в ночной теплой ягушке, стала выходить на улицу и не смогла откинуть дверь: кто-то сильно давил на дверь с улицы и не выпускал ее из чума. Вдруг этот кто-то тяжеленный, видимо, отошел от двери потому, что раздался истошный лай собаки. Это Юдак разгрыз свою веревку и выбежал из чума, чтобы отогнать медведя-шатуну. Юдак вступил в схватку с медведем. Другие собаки, которые рвались в бой и разгрызали свои веревки, которыми были привязаны к шестам в чуме, тоже отгоняли непрошеного гостя в сторону от своего чума, рычали, выли, лаяли на все лады, спасая свою хозяйку. В нескольких метрах от чума на задних лапах стоял большой медведь. Мрна, от страха, очень суеверная, как все ненцы, боялась даже посмотреть на Бабушку (так ласково мы называем медведя, как бы задабривая, молясь на него, чтобы не тронул) и только тогда, когда опасность миновала, подумала о Юдаке: «Какой умный и сильный пес!!! Если бы не Юдак, может, в живых бы меня не было сейчас!».

Через какое-то время усталый Юдак примчался к хозяйке и стал бегать вокруг нее, виляя хвостом, глаза его сияли радостью. Только войдя в чум Мрна поняла, что опасность окончательно миновала, а Юдак крутился рядом. Из его задней правой лапы сочилась кровь, а он словно не замечал этого и радостно повизгивал, заглядывая хозяйке в глаза, поднимаясь на задние лапы во весь ее рост, хотел награды и старался лизнуть большие руки своей хозяйки...

...Теперь Мрна ехала и вспомнила ту первую весну Юдака, когда он привел с очередной своей прогулки в поселок красивую черную сучку. Мрна сразу же назвала молодую собачку с блестящей иссиня-черной гладкой шерстью Лапой. Долгими светлыми днями и ночами Юдак и Лапа бегали по тундре, наслаждались свободой, солнцем, цветущими травами, уходили далеко на сопки и... счастливыми возвращались к своей хозяйке. Мрна кормила их супом, рыбой и остатками еды.

Вскоре хозяйка заметила, что Лапа стала поправляться и стала широкой в спине. А через какое-то время Лапа

произвела на свет четырех маленьких щенят, которые были похожи на Юдака. Когда щенята подросли, то тундровики сразу же стали просить Мрну продать этих красивых собачек. Только одного оставила себе хозяйка в память о Лапе. Назвала его Нявре.

Несколько месяцев назад какой-то заезжий пьяный мужик застрелил Лапу и Нявре прямо у чума, пока хозяйка ездила в гости. С тех пор Юдак стал грустным, глаза потускнели и стали безразличными, ходил с опущенным хвостом, казалось, что его совсем покинули силы... Прошло время, боль у пса как-то утихла, но глаза его остались такими же грустными и потускневшими с тех пор, как потерял свою любимую Лапу...

А сейчас Юдак болен: недавно, когда он гулял вдоль берега реки, то чей-то капкан зажал его переднюю правую лапу. Он приполз в чум с этим железом, и Мрна сама отжимала капкан от ноги Юдака. Его нога была почти оторвана, не было надежды, что он выздоровеет. Все таки Мрна обработала рану и перевязала, в надежде, что все обойдется. Но пес почти перестал ходить, ел плохо и все о чем-то думал, лежа на той стороне, за железной печкой. Хозяйка два раза в день старалась вытаскивать Юдака на улицу на старой шкуре, на которой он постоянно лежал, и ненадолго оставляла его одного... «Как же я буду жить без тебя? Чем бы тебе помочь, Юдак? Если совсем не сможешь ходить на ногах, то придется человека приглашать за плату для того, чтобы увести тебя подальше от моих глаз и сыхда. (Это значит в буквальном смысле «придушить», чтобы не мучился больше!) Но мои глаза не должны видеть как все будет это происходить... будет больно...» – думала Мрна.

Она часто подходила к Юдаку и рукой поглаживала его по пестрой голове и спине. Пес иногда тоже отвечал ей лаской: старался лизнуть ее руки. Юдак был благодарен своей хозяйке, он целыми днями лежал на шкурах, дремал и вспоминал свою былую счастливую собачью жизнь. Часто он закрывал глаза и представлял, как нежилась она с Лапой на цветущей поляне, а потом носились по берегу широкого моря, плескались в воде, купаясь в лучах жаркого солнца. Об одном жалел пес: вероятно, уже не сможет помогать своей любимой хозяйке. Пес чувствовал свою вину перед хозяйкой за то, что иногда надолго уходил далеко от чума, посещая, знакомые до боли места, где гулял со своей верной подружкой Лапой...

Мрна ехала по наезженной санной дороге, по обе стороны которой оставались маленькие хрустальные деревья в снегу, вернее маленькие кустарники, за которыми изредка кудахтали веселые белые куропатки. Наконец

стали видны яркие огни поселка. Зимний день кончается так же быстро, как сама жизнь. Мрна, подняв маленький хорей над собачьей упряжкой, крикнула: Пырпырь!!! И ее собаки, ее друзья, ускорили свой бег, как бы понимая то, что хозяйка торопится и надо спешить. Шарик бежал, высоко подняв свой пушистый хвост, и, искоса поглядывая на ходу на других собак как бы подгонял их: «Не халтурьте. Работайте, как следует!!! Я тоже устал, но надо успеть дойти до вечера, а там отдохнем...». Собачья упряжка сразу же стала подчиняться новому передовому – Шарик.

Мрна вспомнила те времена, когда были живы ее родители. Тогда они жили в тундре, каслали с оленями. Оленей было много, и ее отец часто уезжал на промысел. Порой его не бывало по три или четыре дня. И была у Мрны любимая собака по кличке Икча. Когда отца не было много дней, то Икча переставал есть, пить, выходил из чума на улицу, становился на задние лапы и целыми днями смотрел в ту сторону, куда уехал отец, и из его красивых черных глаз катились по морде крупные слезы. Икча ждал своего хозяина и... плакал. С годами он постарел, один его глаз покрылся бельмом. А однажды пес не дождался своего хозяина и сам куда-то исчез бесследно... Тогда Мрна была ребенком, сильно жалела свою любимую собаку и больше никогда в жизни не хотела ни одного пса назвать его именем...

Мрна подгоняла свою упряжку, огни поселка становились все ближе и ближе. Вот уже и крайний восьмигранный домик, около которого она всегда оставляла свою упряжку. Быстро привязала упряжку, наспех погладила по густой холке Шарика, который радостно повизгивал и преданно поглядывал в ее глаза. Взяла свой мешок и двинулась в сторону поселка по своим делам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

месяц малой темноты – (ненецкое) – ноябрь

месяц большой темноты – декабрь

ягушка – ненецкая зимняя женская одежда из оленьего меха с двух сторон

Вэн насы ню! – сильное, грубое ненецкое ругательство (Сучьи дети)

Хакеця, хадако – бабушка, так ненцы ласкательно называют медведя – самого священного зверя на земле.

Сыхда, сыхдава – только по отношению к немощной собаке. Буквально – «придушить». Для этого за плату специально приглашается человек, который может это сделать вдали от хозяйских глаз.

ВИКТОРИЯ САЙБОВНА МОМДЕ

Родилась 11 февраля 1966 года в поселке Новая Хатангского района. Имеет два высших образования. Работала секретарем сельсовета, учителем начальных классов, преподавателем долганского и нганасанского языков. Занимается экспериментально-творческой работой по созданию учебно-методического комплекса по курсу «Уроки предков» со 2 по 5 классы. Сейчас работает заместителем главы администрации поселка Усть-Авам. В альманахе публикуется впервые.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

рассказ

Как-то отец пообещал взять нас на рыбалку. Я с нетерпением ждала этого дня, но пана был постоянно занят. И вот, наконец, моя мечта сбылась. В один из солнечных весенних дней мы с отцом пошли на подледную рыбалку.

Остановились на берегу огромного озера. Оно поразило меня своей необыкновенной красотой. Представьте себе, что перед вами расстилается большое зеркало, отражающее солнечные лучи. Под ослепительными лучами солнца снег на озере оттаял, и лед был прозрачный. Снег оставался синеть только по берегам. Большие и маленькие лунки виднелись по всей поверхности зеркального озера.

Стараясь выбрать лунку побольше и получше, мы разбрелись по всему озеру и стали рыбачить. Мой младший брат Кея шел позади всех. Большие лунки он обходил стороной, боялся, зато не пропускал ни одной ма-

ленькой. В каждую из них опускал свою удочку, перебегая от одной лунки к другой. Вдруг в одной из них леска у него натянулась, а блесна, подергиваясь, заблестела в лучах солнца. Кея крепко схватился за удочку и стал ее тянуть. И вот показалась большая кумжа, голова которой застряла в маленькой лунке. Рыба дергалась, извивалась, пытаясь освободиться. Вытащить ее было невозможно: лунка была слишком мала. Мальчик растерялся, не зная, что нужно делать. Он гладил пальчиком мордочку рыбы, тихонько уговаривая ее:

– Рыбка, рыбка, отпусти удочку! Ну, открой ротик, не держи крючок. Хорошая рыбка, золотая...

Тут на помощь прибежал отец. Он с трудом освободил застрявший крючок. Рыба вильнула хвостом и ушла.

Дома мы, смеясь, рассказывали маме о том, как Кея поймал золотую рыбку, но ничего у нее не выпросил.

В ШКОЛУ

Быстро пролетело короткое лето. Наступила осень. Тундра оделась в свою нарядную парку. Созрела морошка. Удивительная это ягода: она имеет привкус меда и до нее не так легко добраться. В тундре морошка растет на болотистых местах. Крупные плоды морошки блестят на солнце, только успевай собирать. Лучше собирать морошку, когда она еще не перезрела.

Набрав полные ведра сладкой ягоды, мы возвращаемся в стойбище. В тундре ходить быстро по мшистым кочкам нелегко, но мы спешим. Нам не терпится поде-

литься с родителями нашей радостью. Дома торжественно показываем собранную ягоду.

Дома нас ждет радостное и в то же время грустное известие. Скоро в школу. По радиации сообщили, что на этой неделе будет вертолет за школьниками. По рассказам мамы, в детстве их увозили в школу на оленях. Сейчас, с оленеводческих стойбищ детей собирают вертолетом.

И сразу все вокруг изменилось. В каждом чуме витает невидимая грусть расставания, притихли дети, загру-

стили взрослые. В нашей семье останется лишь младшая сестренка Каладя. Ей шесть лет.

Мы тщательно готовимся к предстоящему отъезду. Необходимо переделать много важных дел. В эти дни детей не укладывают спать пораньше, да и утром не будут слишком рано. Братишка без напоминания бежит за водой, схватив не по силам большие ведра. После сразу же хватается за другие дела. Собираясь в тундру за дровами, мы берем упряжные лямки и стараемся принести побольше сушняка. Наказывая сестренке не трогать наши игрушки, мы укладываем их в камусный мешок. Каладя клятвенно соглашается, но глаза с хитринкой выдают ее тайные намерения. Бабушка напоминает, что необходимо закончить бисерные полоски для унтов. За вышивкой бабушка наказывает нам хорошо учиться, не лениться, вставать пораньше и быть послушными.

Отец пригнал стадо оленей. Осенью стада спокойно лежат около чумов. В эту пору их не донимает назойливый гнус. Олени жуют зеленую жвачку и мирно дремлют. Все дети собираются на сопке. С возвышенности им хорошо видно все стадо. Стараясь не тревожить оле-

ней, они любовно всматриваются в каждого из них, затем, вспоминают наиболее интересные и забавные случаи, произошедшие летом.

Вещи уложены. Мама приготовила много гостинцев: вяленое мясо «семечки», юколу, варенье из ягод, рыбу. Ожидаемый вертолет появился из тумана, неожиданно нарушив тишину стойбища, не оставляя времени на долгие сборы и прощания. Расставаясь, старшие дети стараются не плакать, но малыши режут хором. Вертолет медленно поднимается над стойбищем. Маленькая Каладя стоит возле чума и машет нам ручками. Все дети уткнулись в иллюминаторы, но слезы мешают им разглядеть зеркальную гладь озер, родной чум, ставший вдруг игрушечным, и оленей, разбегающихся по просторам родной тундры.

Вертолет облетел оленеводческие стойбища, собирая всех школьников в свое большое «налимье брюхо». От радостных встреч с друзьями и несмолкающих ребячьих голосов в вертолете стоит гомон. Наконец, он делает круг над поселком, где среди маленьких домов выделяется наша школа.

Случай в дороге

На темном небе одна за другой показывались яркие звезды. Светлая луна бежала впереди, освещая запорошенную дорогу. Олени резво мчались домой, в тундру.

Каждый раз, возвращаясь из поселка, Бериме чувствовала изменившийся настрой оленей. Еще утром, отправляясь с мужем в поселок за провизией, ей казалось, что олени не хотели отправляться в дальний путь. Приходилось часто погонять их хореем. Но сейчас она даже не притрагивалась к ним. Чем ближе приближались к стойбищу, тем быстрее бежала упряжка. Высоко подняв головы, олени будто летели над землей. Комочки снега, вылетающие из-под копыт, попадали прямо в лицо женщине.

Сидеть на нарте было неудобно и тесно. Женщина ждала рождения ребенка. Сзади сидела дочь. Она была хорошо укутана и привязана к нарте так, чтобы не выпала. Хатаби шел шестой год. Всю дорогу она напевала только что сочиненные ею песни, баюкала куклу.

Сайборе, муж Бериме, ехавший впереди, ожидал их на последней остановке перед стойбищем. Он подошел к ним, поправил упряжь, очистил оленям от инея ноздри. Ласково посмотрел на жену и дочь, спросил, все ли в порядке. Закуривая он сказал: «Погода начинает меняться, будет пурга, нужно поторапливаться». Маленькая Хатаби попросила мать не завязывать ее. Бериме согласилась, так как до стойбища было всего кэрыгэли¹. Олени все убыстряли ход. Бериме прислушалась к завыванию ветра, посмотрела на дочь. Девочка, засыпая, пробормотала: «Буду спать!».

Вот и стойбище. Слышен негромкий лай собак. Балков не видно, пурга словно пустилась в пляс. Подъезжая

к дому, Бериме увидела, что муж распряг упряжку и уже затопил буржуйку. Женщина остановила оленей, завязала уздечку к коньлье. Посмотрела на нарту, и у нее подкосились ноги. Она медленно сползла вниз. Дочери не было.

Весть о потере девочки испугала сородичей, но паники не было. Мужчины пригнали стадо, и четыре упряжки поехали на поиски, мгновенно исчезая в клубах снежной пыли. В стойбище до утра никто не спал: прислушивались к завыванию пурги и ждали возвращения мужчин. Бериме в который раз обращалась к Нуо с просьбой о помощи, утешаясь лишь тем, что в зимней меховой одежде дочери не страшны ни мороз, ни пурга.

Собаки возвестили о возвращении долгожданных упряжек. Мужчины сообщили, что найти ребенка невозможно, так как не видно даже упряжных оленей и кончика хоря.

На следующий день утром вышли на связь с поселком. На поиски вышли бураны и вездеход. Хатаби сидела в сугробе, словно в мягком, большом кресле. Белый сокуйчик сливался со снегом, и заметить ее даже в ясную погоду было довольно затруднительно. Меховая одежда сковывала движения девочки, и без твердой опоры она не могла самостоятельно подняться. Выспавшись, она играла с куклой, а затем опять засыпала.

Вдруг Хатаби услышала грохот и сильно испугалась. Яркая вспышка фар осветила лицо девочки. Чьи-то руки вытащили ее из сугроба и передали отцу. Малышка, увидев отца, громко заплакала. Но все люди вокруг почему-то радовались и смеялись.

¹ Кэрыгэли – 5-6 километров

РАИСА ЯПТУНЕ

Родилась в 1952 году в поселке Носок Усть-Енисейского района. По специальности педагог. Двадцать три года проработала в Носковской школе. С 1994 года тележурналист ГТРК «Таймыр», ведет передачи на ненецком языке. Публикуется в местных газетах и журналах, в альманахе «Полярное сияние». Дважды была награждена премией Общества им. М.Кастрена (Финляндия) за публикации о жизни народов таймырского севера.

Иоська – житель тундры. (фрагмент повести)

Быстро летит время. Я даже не заметила, как подрос мой маленький племянничек, Иосик Яр.

Прилетела я в конце августа в свое родное стойбище. Какое сильное волнение охватило меня, лишь только переступила порог своего давно оставленного, отчего чума, который когда-то, лет шестьдесят тому назад поставили мои родители. Мамы давно уже нет в живых. Престарелый папа живет у среднего сына, Ийко, (Апэля нися), так все его называют в тундре.

Ушли уже из этого чума в нижний мир многие члены нашей многодетной семьи. Растут без матери мои племянники. Всего два месяца было Иосику, когда всевышний забрал его молодую мамочку, нашу любимую невестку.

Но, тем не менее, в чуме царил мир и покой, всего в достатке было в семье моего братишки, Григория – Ийко, которого когда-то в далеком детстве я с удовольствием нянчила.

Живя в чуме у своего брата, я молча наблюдала за его детьми. А их у него шестеро. Самая старшая дочь, Юльчак, после смерти матери взяла на себя обязанности главной хозяйки семейного очага. Младшие во всем подчинялись ей, стараясь во всем помогать ей по хозяйству. Иосик, как самый младшенький, много времени уделял играм, прогулке по тундре. Со своим двоюродным братом, Алешкой, играли в оленей, арканили оленьи рога, специально отпиленные дедом для их игр. Любили они также носиться за воробьями, стараясь учиться в меткости стрельбы из лука.

Наблюдая за их вольной жизнью на просторах тундры, я невольно вспомнила картины моего далекого бо-соного детства. В мыслях я сравнивала эпизоды своего

детства с настоящим временем, в котором живут мои племянники. В тундре со мной приключались разные истории, про которые на склоне лет не могу без смеха рассказывать своим близким. Если меня мама отправляла в тундру за тальником на топливо, то я оттуда возвращалась только к вечернему чаю. Попадало от матери здорово. Ведь в тундровых условиях каждый должен исправно выполнять возложенные на него обязанности. И по моей вине семья оставалась без запаса дров. И за такой проступок мне уже в тундру не разрешали ходить. Пополнение запасов воды тоже лежало на мне и младшей сестре. Хотя ведра для наших хрупких детских рук были очень тяжелы, но нас никто не жалел. Ведра всегда до верха были наполнены водой. Просто мы помнили всегда, что заготовка топлива и воды полностью лежит на нас, на детях.

По этим же правилам тундровой жизни живут и мои маленькие племянники.

Вера в бога – вера в будущее.

Дедушка как-то сообщил внуку, что они завтра пойдут к священной нарте, покормить идолов, просушить у них одежду. Младший брат деда, дядя Сангоро, тоже решил с внуком Алешей навестить свою священную нарту. Женщин туда не брали, хотя я тоже в глубине души хотела сходить вместе с ними, посмотреть наших божков.

Мальчишки уже с вечера строили планы, чем они займутся после этой церемонии. Взяли они с собой рыбы свежей, чтобы угостить божков ухой, а потом самим до-есть ее.

И тут перед моим взором опять возникли картины моего далекого детства. Вспомнила время, когда с от-

цом также ходила к священным нартам, где хранились наши домашние божки, идола – сядэи наши.

Сначала мы зажигали священный огонь, варили мясо или рыбу. Брли с собой и другую еду. Устраивали небольшой пир. Отец доставал из нарт идолочков. Я их сажала вокруг костра, перед каждым ставила еду, но, прежде всего, мазали им лица оленьим или гусиным жиром. И эти минуты мне казалось, что мы приобщаемся к каким-то небесным особым существам и на какой-то миг как будто уходим от реально существующего мира. Я думаю, что таким образом старшие неназойливо у нас воспитывали чувство суеверия. Приучали соблюдать ритуалы, чтить и любить своих семейных идолов и божков, ведь в тундре очень верят в потустороннюю жизнь, в святых.

Верование

Мне, конечно, приходилось в детстве, да и в юности тоже присутствовать на ритуалах кормления идолов, в жертвоприношениях. Перед тем, как забить оленя, вытаскивают всех идолов из нарты. Ставят их лицом к восходу солнца. Сделаны идола из разных материалов, из лиственницы, из камня, кусочков шкур. Все они одеты в меховые одежды, которые шьют девочки, или же они обмотаны в кусочки красивой ткани. Ремешков множество, украшения разные. День кормления или посещения места святилища особый, неповторимый ритуал. Всех божков угощают водкой, оленьей кровью, жиром. Просят у них благополучия, удачи в жизни.

В районе точки Дерябино, в Усть-Енисейском районе есть старинное ненецкое святилище, Пэ Саля, каменный мыс. Ненцы говорят, что это место нахождения самого хозяина батюшки Енисея. Здесь его жилище. Именно тутуда правит он всем живым, что находится в его владениях. Я еще с детства помню, как весной мы с папой ходили или ездили на оленях на эту высоченную гору на берегу Енисея, заметную издавела. На его вершине сидят каменные сядэи. В самой середине горы воткнут в землю ялэп-длинный шест из лиственницы, на котором висят веревочки с разными медными колечками, ленточки. Но сами идола не одеты, они из разноцветных камней выточены, полностью напоминающие человеческий лик. До сих пор не могу понять, кто и когда принес их на эту вершину? Или они сами возникли на этом месте? А когда очень близко находишься с ними, складывается впечатление, что это смотрят на нас живые существа. На священной горе множество оленьих черепов. Во все времена приносили жертвы хозяину Енисея ненцы. Некоторым оленьим головам,

И поэтому, наверное, во мне на всю жизнь осталось чувство веры в своих ненецких богов, а традиции и обычаи для меня всегда святы.

А вечером, когда наша четверка вернулась домой, я потихоньку стала расспрашивать мальчишек о том, как они накормили божков. Оказывается, ничего не забыто, все тот же священный огонь, те самые действия передают деды потихоньку уже своим внукам. И у меня возникло большое чувство гордости за продолжение нашего рода. Если и в дальнейшем подрастающее поколение свято будет чтить и соблюдать древние законы и ритуалы, преподносить жертву всевышним богам – Явмал и Нум Ерв, значит древний род Вы” Яр еще будет продолжаться.

наверное, перевалило за сотни, а быть может и больше лет. Когда забивали оленя, папа отрезал ухо оленя и мазал им лица каменных идолов.

Просили у хозяина воды спокойного лета, поменьше жертв на воде. И это произносилось очень громко, желали, чтобы молитву услышал Великий Нум, бог неба. А я смотрела на облака, искала его глазами. И так мне хотелось увидеть на небе хозяина всей нашей вселенной. Совершив все ритуальные действия, мы сами садились за каменный столик, вокруг по ходу солнца сидели безмолвные наши владыки. Сидели мы и молча ели вместе с сядэями, и каждый про себя говорил с ними.

У моего народа много интересных обрядов, обычаев и ритуалов. И я радуюсь тому, что ненцы сумели пронести свою самобытность через различные запреты властей. По рассказам старейшин я знаю, что самым страшным были времена после революции, когда старались заставить ненцев сжигать и уничтожить своих сядэев – идолов, повсюду осквернялись священные места жертвоприношения. Но мой народ стойко выдержал все тяготы жизни и гонения со стороны властей. Любимыми путями сохранили свою языческую веру. И дошла наша вера в своих сядэев до 21 века, до нового тысячелетия. Передают все также старейшины из поколения в поколение священные нарты, знакомят детей со священными сопками, где веками копятя засушенные ветрами черепа жертвенных оленей. И глядя на ритуальные действия, я верю, что у моего народа есть будущее. И пусть еще не одно столетие угощают по весне на священной горе Пэ Сале хозяина могучего Енисея. А это и есть главный закон триединства – Человека, Природы и Космоса.

Интернат: боль, слезы и радость

Потихоньку заканчивалась беспечная жизнь маленького тундровика Иосика в родном чуме, полная радостей и приключений. В эту осень он должен поехать учиться. Хотя дедушка Пехедома не хотел его отпускать в этом году, но кто послушается мнения старого человека, а тем

более, если вопрос касается учебы. Нужно как-то внуку готовиться уже к дальнейшей жизни.

Было решено всем ехать на лодке до поселка Носок. А это немалое расстояние. Но на быстроходной лодке часа за четыре можно добраться, если выехать рано утром.

Ребятишки надели новенькие рубашки, а девочки, Хойне и Лабтане, красивые платья достали, курточки. Аккуратно сложили в мешочки свои игрушки и отдали их на сохранение своей старшей сестре Юльчак. Она же приготовила еще с вечера еду на дорогу.

Мы уже были готовы к отплытию. И тут вижу такую картину: дед подошел к своему внуку, поцеловал его и тихонько, украдкой, смахнул со своего лица скупую слезу. А сделал это очень незаметно для посторонних глаз. Я тут же вспомнила, что когда нас провожали в школу, этого у него не замечала. Не зря, наверное, гласит поговорка, что самые любимые дети – это внуки.

И тут же слышу, как он дает наказ внукам:

– Смотрите за братишкой хорошо, чтобы по поселку без присмотра не ходил, собаки покусать могут. В тундру его одного не пускайте. Потеряется или коровы затопчут.

Из соседнего чума вышли дед Сангоро с внуком Алешей, который тоже держал в руках сверточек с едой. И мы пошли к лодке. Дед остался стоять возле своего чума.

До поселка добрались без особых приключений. Я пошла к своей подруге на квартиру. Ребятишек повели в баню.

Отдохнув немного с дороги, я решила сходить в интернат, проверить, как устроились детишки. И вот что мне поведали воспитатели и старшие сестры Иоськи.

Детей, как обычно принято, повели мыться в баню. Иосика отняли кое-как от сестер. Ему ведь нужно мыться вместе с мальчиками. И тут проявил свой норв, ни в какую не захотел расставаться со своей одеждой, а когда дело дошло до трусов, настоящая борьба началась. Обими руками схватился за них. Поднял страшный рев. Старшие братья, Хамсы и Алеша, вдвоем не смогли справиться с ним, так крепко держался он за свои трусы. Как рыба в воде увертывался от них. Дело дошло до того, что их просто-напросто порвали на части. Волоком потащили малыша в моченую, окатили теплой водой. Кое как, с трудом, помыли его.

Понять такую реакцию мальчика вполне можно, ведь в тундре при посторонних вообще не принято человеку полностью оголяться. И вот почему началась такая борьба. Ему страшно было оставаться голым при людях. Но у воспитателей Носковского интерната уже был большой опыт работы с детьми коренной национальности. И, поэтому, в конце-то концов, Иосик сдался. После мытья одели его во все интернатское. А потом сестры привели его ко мне.

И тут я заметила, что мой племянничек стал неузнаваем. Волосы острижены наголо, а пальто длинное, большое, не по его размеру, цигейковая шапка падала до глаз, сапоги тоже огромные. И тут, при виде такой картины, я чуть не расхохоталась. Передо мной как будто стоял не мой розовощекий племянник, шустрый, с лучистыми глазами, незаменимый в ловле оленей помощник, один из метких стрелков из лука и доставлявший всем нам много радостных минут своим веселым характером и жизнерадостностью.

Одежда, в которую облачили его, сделала моего любимого мальчика похожим на маленького русского старичка. Его красивое светлое личико как будто потухло, карие лучистые глаза стали тусклыми, движения какими-то медленными, неуклюжими. Он не мог понять, чем ему теперь предстоит заняться, что его ждет впереди.

Видя его растерянность, я вспомнила себя в его возрасте. Мне тоже было немного страшно и непонятно все окружающее в интернате.

Первое, что я помню, это то, как нас посадили кушать за длинным столом. Мне очень хотелось чаю, но нам почему-то дали кашу, черную, сухую, которая даже в рот не лезла. А повариха, раздававшая еду, постоянно кричала громко, швыряла тарелки. И мне через переводчика передали, что пока не съем эту черную смесь, которая на моей тарелке, мне чаю не дадут. Я заплакала. Кашу вывалила под стол, хорошо такая мысль пришла в голову.

И тут мне дали долгожданный чай, такой ароматный и сладкий. Я залпом выпила всю кружку, попросила еще, но опять крикливая женщина что-то пробурчала. И тут переводчик мне говорит, что повариха боится за мою постель, если выпью много чая, то вдруг ночью не успею до туалета добежать. Я тут же проявила свой характер, и громко заявила на всю столовую, что у меня в жизни не было такого случая, чтобы постель ночью мокрой стала. Заплакала навзрыд и сказала через переводчика, что не уйду, пока чаю не напьюсь вдоволь. Но тут пришла красивая русская женщина, сама налила мне чаю, дала еще кусок хлеба с маслом, который я съела с удовольствием.

И вот, глядя на своего племянника, я пришла к мысли, что на будущее неплохо было бы заранее в стойбищах, в летнее время проводить подготовку тундровских детишек в школу. Рассказывать им об интернате и знакомить их с правилами поведения в школе.

У детей, воспитывающихся в тундре, очень чистая душа, сильно развито чувство взаимопомощи, горой стоят они за родственников, и пусть это даже дальние, все равно следят друг за другом. Меня тоже оберегали в первые годы учебы. Но самое неприятное воспоминание о том как дети оседлых ненцев, поживавших в поселке, занимались вымогательством, что не принято в тундре. Тайком отнимали у малышек сладости, хотя интернатский паек у всех был одинаков. Поселковые ненцы в то время жили очень бедно. Дети у них постоянно недоедали. Поэтому они были очень агрессивны, часто в интернате устраивали жестокие драки. Иных ребят заставляли просить у родителей как можно больше денег и все это отдавать им. Особенно этим отличались дети Поповых, которые с первых дней появления колхоза «Заря Таймыра» жили в поселке.

И все это постепенно прекратилось с появлением в школе учительницы – ненки, Любови Прокопьевны Ненянг-Комаровой, которая позже стала знаменитой поэтессой, гордостью таймырских ненцев. На своем род-

ном языке кто-то рассказал ей все подробности вымогательства некоторых поселковых детей. И она тут же устроила общее собрание в интернате. Объяснила всем правила поведения в обществе, а также пристыдила тех, кто недостойно вел себя в интернате. С тех пор прекратились воровство и вымогательство со стороны некоторых детей.

В то время нас тоже одевали не по размерам, выдавали огромные кирзовые сапоги или валенки зимой. Носили сатиновые платишки, фуфайки и тонкие шаленочки на голове при страшных зимних морозах. Многие часто болели зимой, простужались. Были рукавицы, которые шили нам воспитатели, но их то украдут, то мы их сами теряли. Кофточек теплых тоже не было. Я все думаю, а почему же не разрешали нам носить свои теплые малицы, бокари?

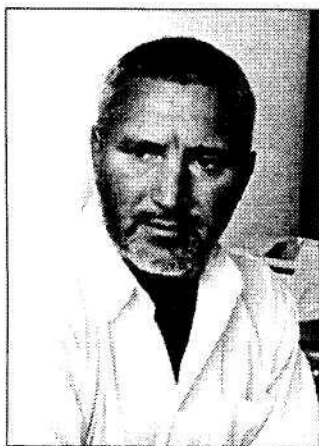
С годами мне учеба стала нравиться. С первого по четвертый класс я была лучшей ученицей в школе. Но каждую осень из родного дома уезжала нехотя, успокаивала только мысль о том, что я в этом году узнаю еще много нового, интересного, научусь хорошо говорить по-русски. Принимала активное участие в художественной самодеятельности, декламировала стихи на праздничных концертах. Я много читала. Воспитывали нас в то время в духе интернационализма и братства.

На всю жизнь запомнился мне тот момент, когда я впервые взяла в руки красочную книгу – Азбуку. Долго принюхивалась к непонятному запаху, а увидев красивые картинки, пришла в неистовый восторг. Каждую страничку рассмотрела внимательно, стараясь понять то, что там нарисовано. Я её полюбила от всей души – эту

волшебную книгу. А вечером аккуратно положила ее под подушку. Ночью мне даже приснились некоторые картинки из азбуки. Утром взяла книгу с собой в столовую. В классе моя учительница, Любовь Прокопьевна, на немецком языке растолковала некоторые непонятные мне картинки, изображенные на страницах моей азбуки. Я начала познавать азы учебы в школе. Училась с превеликим удовольствием, но, отсидев два урока, я вдруг захотела пойти в тундру, ягоды поесть. Меня, конечно, никто туда не отпустил. А после уроков опять взялась за просмотр картинок в книге и это, видимо, как то отвлекло меня от грустных мыслей о доме, о маме. А мне так хотелось в лоно своей родной семьи. Слезы сами по себе полились из моих глаз...

Я прекрасно понимала, что такое же чувство тоски по дому испытывает и мой маленький племянник

По его глазам явно было видно, что ребенок скучает и готов зарыдать в любую минуту. Я купила ему «подарок первоклассника», чтобы заинтересовать учебой. Хотела, чтобы первые дни в школе для него тоже стали незабываемым радостным моментом в жизни. Получив свой подарок, он немного повеселел. Взял букварь и внимательно стал рассматривать картинки. Он знал некоторые буквы. Немного умел писать. Стал срисовывать картинки со страницы букваря. Глядя на него, я подумала о том, как быстро закончилось вольная тундровая жизнь у моего любимого племянничка Иоськи – жителя тундры. А впереди у него целое десятилетие учебы в школе, со своими радостями и печалью. И, конечно, мне бы хотелось, чтобы радости у него было как можно больше.

НИКОЛАЙ КОСТЕЦКИЙ

Родился в 1949 году на Украине. С 1971 г. живет в Дудинке. Более 34 лет работает в Дудинском морском порту. Его статьи на разные темы публиковались на страницах газет «Таймыр», «Заполярный вестник», в журнале «Дудинка». Увлекается исследованием истории Дудинского морского порта, экстремальными путешествиями, в альманахе публикуется впервые.

Город моей молодости

... Холодное Таймырское лето 1971 года, 13 июня. Полный сил и энергии, отслужив срочную службу в одной из частей Московского военного округа, я ступил на студеную землю Таймыра. Ничто не пугало, все в ту пору казалось по плечу, а поставленная перед собой цель придавала уверенности. Не было никаких сомнений в том, что задуманное удастся, жизнь получится.

Дальше все, как и у многих приехавших тогда на Север: работа – Дудинский порт; место жительства – городское общежитие №1, позже – семейный барак. Это сейчас молодые начинают совместную жизнь с проживания в домах гостиничного типа и премного тем недовольны. В период моей молодости семейные будни начинались в спартанских условиях.

Первое мое место проживания вне общежития – на улице Октябрьской, дом 18. Здесь во всю свою длину вытянулся одноэтажный барак. Снаружи оштукатурен и окрашен в желтый цвет.

Внутри его, по самому центру, – холодный, длинный и очень узкий коридор с симметрично расположенными квартирами по обеим сторонам. В торце коридора две двери выгребного туалета. Стены темно-серого цвета с проблесками известковой побелки. Комнаты около 12-14 квадратных метров. В каждой проживала одна семья. Только первая и шестая квартиры были двухкомнатными.

В этой маленькой комнатке все: и коридор, и кухня, и жилая часть. Обязательный атрибут каждой квартиры – печь. А стены в доме засыпные. И возможно, что, когда он был новый, стены и полы сохраняли тепло. Но, когда мне пришлось в этом доме жить, этого уже не было.

Топишь печь – тепло, причем выше пояса – можно оставаться без рубашки, зато внизу – без валенок не обой-

тись. Утром под детской кроваткой замерзала вода в тазу с пеленками...

Превозмогая холод, быстро затопливаешь печь дровами, приготовленными с вечера. Уголь засыпается прямо на них, когда хорошо разгорятся. И вот уже кипит вода в чайнике. Тепло приятно обволакивает тело. Семья оживает, высовывая головы из-под одеял, – благодать.

Прослушав погоду по местному радио, собираюсь на работу. Дальнейшая забота о тепле перекладывается на хозяйку (так и напрашивается сказать – хранительницу домашнего очага). А ведь в действительности так и было.

Но забота о тепле в квартире начинается еще летом. Машина дров – с лесного района, машина угля – с угольного. А дрова непременно надо наколоть и сложить в аккуратную поленницу, уголь обязательно просеять.

Рядом с домом были сараи, закрепленные за каждой квартирой. Эти сооружения имели многоцелевое назначение. Здесь хранили дрова и уголь, ненужные вещи. Сараи в летний период использовались еще и как импровизированные дачи. В ненастную погоду или в выходной день, а то и в перерывах между колкой дров, в одном из сараев организовывали по обычаю застолья.

В хорошую погоду стол накрывали прямо на улице. И здесь можно было встретить скооперировавшихся соседей, иной раз и примкнувших к ним знакомых. Седьмой магазин – рядом. А примитивная закуска в нем всегда была. Хлеб, тушенку, селедку можно было купить легко, причем без значительных финансовых затрат. Ну, а «все остальное» в Дудинке всегда было, исключая период, когда известный всем генсек пытался установить подобие сухого закона.

Надо только сказать, что такие мероприятия не так уж часто проводились и не все соседи участвовали в

них. Расходились, как правило, тихо, без разборок, потому что жили дружно, хотя и небогато, без зависти и склок.

Как молоды мы были... Возраст у нас всех примерно одинаковый, у каждого – дети, почти одногодки. А проживали здесь семьи Новокшеновых, Мухамедьяровых, Злобиных, Сахно, Романовых, Ефремовых. Некоторые фамилии, к сожалению, стерлись из памяти.

Чтобы точно сориентироваться на местности и понять, где же все-таки была улица Октябрьская, необходимо представить себе существующую ныне улицу Щорса в районе дома №17. Семнадцатый «а» – это улица Пролетарская, семнадцатый «б» – то, примерно, место, где стоял барак на улице Октябрьской.

Эти улицы шли параллельно улице Щорса. Перпендикулярно тянулась дорога (ее название почему-то не запомнилось, а быть может, его попросту и не было). Проходила она по створам зданий сегодняшнего плавбассейна и окружной больницы. Если подниматься вверх по ней, то с левой стороны находились спортзал и стадион, который в то время располагался, примерно, на улице Все-вятского, захватывая территорию магазина «Пассаж». Проще говоря, одни футбольные ворота находились у забора тубдиспансера, другие – в районе лыжной базы.

С правой стороны дороги, на месте нынешней горки, с которой скатываются лыжники, стоял магазин №5. И было очень удобно – ходить за выпивкой-закуской далеко не надо...

Футбол тех лет – это особый период в жизни города. Играли почти все. А кто не играл, тот приходил на стадион болельщиком.

Дальше шли балки вокруг озера Собачьего или по-другому «Станционного». И так до пересечения с улицей Щорса. Поднимаясь по дороге вверх, с правой стороны можно было видеть одноэтажное здание детской больницы (в прошлом – женская лагерная баня). С левой – гаражи и неприметный, вросший в землю, барак на улице Пролетарской. А прямо перед глазами по обе ее стороны величественно возвышались два желтых барака. Здесь пересечение с улицей Октябрьской.

Выше, слева, – магазин №7 с входом со стороны города. В памяти моей он находился, примерно, на месте «Стола заказов». Дальше идущая вверх дорога упиралась в кинозал. А вокруг – одноэтажные, вытянутые бараки и погребенные под снегом балки.

О знаменитом кинозале необходимо замолвить отдельное слово. Это, как говорили в те времена, очаг культуры с правом первого показа фильмов. Одноэтажное здание барачного типа, зал человек на семьдесят-сто (кто назовет другую цифру, спорить не буду), уютный и чистый. Черная теплая печка в углу.

Вот тут по очереди с женой смотрели «Калину красную». Да и другие фильмы так же приходилось смотреть. А по очереди потому, что все бабушки и дедушки на «материке», а ребенка одного дома не оставишь. Вот так и ходили в кино, один на 19 часов, второй – на 21. И сегодня

еще у магазина «Стол заказов» можно видеть четырехстороннюю или, правильнее сказать, четырехгранную тумбу с надписью «Кино» и с зияющими пустотой окнами. Здесь тогда вывешивались афиши о предстоящих просмотрах фильмов в кинозале, Доме культуры, клубе порта и в клубе племсовхоза «Полярный».

Воду брали из колонок, которые находились одна на улице Щорса, вторая – на Пролетарской, между зданиями роддома и гинекологии (детсад «Льдинка»). Кстати, этот детский сад располагался раньше в здании барачного типа, чуть выше теперешнего. А воду носили кто чем горазд. Я, к примеру, таскал ее в молочной фляге на плече.

Несколько слов скажу о том, как в ту пору вывозили бытовые отходы и мусор с территории, прилегающей к баракам и балкам.

Все было предельно просто. Вблизи баракосов устанавливали короб кубометров на пять-шесть, собранный из деревянных щитов. Жильцы вываливали в него бытовой мусор, сливали воду и помой. Смесь эта в зимнюю пору смерзалась. И по мере наполнения короба приходила «группа захвата» с бульдозером. Мужики эти сначала очищали снег вокруг него, затем разбирали щиты и обвязывали мусорную глыбу тросом «на удавку», цепляли ее к бульдозеру и волоком транспортировали в мусорный отвал.

Хорошо, когда были сильные морозы, а жильцы вываливали в мусор достаточное количество воды. Тогда глыба быстро смерзалась, становилась монолитом, и не было проблем с ее транспортировкой. А в оттепель от нее отслаивались целые куски. Часто глыба перерезалась тросом, мусор крошился. Тогда его сдвигали бульдозером в сторону, до лучших времен.

Летом со всем этим было проще. Разбирали одну стенку короба и лопатами загружали мусор на машину.

Так было в те времена из-за того, что не имелось надлежащих технических средств. Сейчас они есть, но, к сожалению, все продолжается по-прежнему. Ведь нерадивые жильцы и сегодня высыпают мусор не в бункер, а рядом с ним. Почему? Никак мне этого не понять...

Зимой барак с северной стороны заносило до уровня крыши снегом. Кто хотел быстрее увидеть дневной свет, откапывал окна в марте-апреле. Кто же намеревался сохранить тепло (а может, просто ленился), ждал весеннего таяния снега.

На участке между деревянным тротуаром, проложенным сегодня к магазину №7 и до кафе «Меридиан», стояли жилые бараки бывшей женской колонии. Они строились на относительно большом расстоянии друг от друга. Летом это пространство густо зарастало буйной травой. И везде ромашки, ромашки, ромашки...

В сухую погоду, после работы, так приятно поваляться на зеленом травяном ковре перед домом. Лежишь на спине, смотришь, как редкие тучи наползают на солнце и время от времени закрывают его. Тишина. Только шум редко проезжающей по дороге машины

да отдаленный лай собак нарушают покой и выводят из задумчивости.

Были молодыми, проблем как бы и не существовало. Работалось в охотку, спартанское житье вырабатывало здоровые привычки. Семейные заботы не утомляли, а были в радость. Молодая энергия была ключом и позволяла решать мелкие житейские проблемы.

По левую и правую стороны от бараков женской зоны (в 60-70 годах в них уже жили семьи) находилось множество балков. Надо заметить, что построены они были не беспорядочно, как это почти всегда случается. Ровные улицы, заборы и строения. Здесь, за забором, под одной крышей размещалось все: и жилье, и белье, и стайки-сарайки, туалет и баня.

Да, да. У всякого хорошего хозяина обязательно была своя, настоящая русская баня. И непременно огород. Редис, зеленый лук, укроп прямо со своего собственного земельного участка поступали на стол в предбаннике...

Так вот о бане. Запросто можно было попариться всем звеном у Виктора Григорьева или у Ильи Беломестнова. Они жили в балках по соседству – на месте нынешней четвертой школы. Правда, из лабиринтов и хитросплетений этих хозяйственных построек выбраться после бани в одиночку, без сопровождения хозяина, было делом невозможным.

С этим дудинским «гарлемом» мы с радостью расстались в 1974 году, перебравшись всей семьей из барака на улице Октябрьской в центр города – на улицу Ленина, в шестнадцать метровую комнату коммунальной квартиры...

Улица Ленина.

В начале 70-х годов она представляла собой центральную улицу для прогулок горожан. Кроме того, по улице Ленина осуществлялся сквозной проезд транспорта. Чтобы проехать от железнодорожного вокзала до развилки в районе шестого магазина, необходимо было добираться от улицы Матросова до строящегося магазина «Таймыр».

Дальше дорога была закрыта, так как где-то примерно на середине улицы долгое время стояли два деревянных одноэтажных здания окружного музея и другие постройки.

В центре возвышались жилые финские домики. Возле здания «Аэрофлота», помнится, находилась контора какого-то СМУ – скорее всего, Норильскгазпрома. Не доезжая до магазина «Таймыр», поворачивали налево, и дорога огибала двухэтажное кирпичное здание (здесь сейчас размещается природоохранный комитет). Потом еще поворот направо – на улицу Ленина.

Это двухэтажное здание теперь находится во дворе, а в 60-е, 70-е годы оно своей фасадной частью выходило на Ленина. И чтобы четко представить улицу, надо мысленно провести линию от школы № 3 до дома «300 лет Дудинке». Она частично еще сохранилась в районе школы, двухэтажного здания на Ленина, 24, между домами №№ 16-18 и кинодосуговым центром «Арктика» с пивбаром «Докер».

Дальше автомобильный, вездеходный и гужевого транспорт (в ту пору он еще сохранялся) проезжал до пересечения с улицей Островского. Вверх по ней можно было проехать в царство балков. А чтобы добраться до шестого магазина, требовалось ехать в сторону Енисей до городской бани. Поворот направо за зданием горисполкома (снесено в начале нового тысячелетия), потом еще направо, мимо городского Дома культуры, через деревянный мост (сохранившийся в аварийном состоянии) – так транспорт двигался в сторону шестого магазина до развилки дорог. Другого пути через город просто не было.

В любом порядочном городе (для примера возьму родную Одессу) нумерация домов начинается от моря. А так как в Дудинке моря нет, то она начинается от реки Енисей. И если учесть, что улица Ленина практически параллельна Енисею, начало ее все-таки ближе к самой реке, в районе здания Сбербанка.

Вот так, можно сказать, вспять, против течения реки Енисей, и проследуем по улице Ленина.

Еще совсем недавно напротив здания Сберегательного банка в жилом доме располагалась пожарная часть. Там, где сегодня находится городской рынок, раньше стояло двухэтажное деревянное здание, вроде бы принадлежавшее районному управлению Енисейского речного пароходства – ЕнУРП, как у нас говорят в обиходе. Две пятиэтажки на Ленина, 16 и 18, в ту пору были уже построены. Напротив них – свайное поле нынешнего пивного бара «Докер».

На месте кинодосугового центра «Арктика» стояло сразу несколько зданий. Первое – это двухэтажка универмага «Норильск», дальше – магазин «Рыба-мясо», а на углу улиц Ленина и Островского стоял домик барачного типа, в котором размещалось жилищно-коммунальное хозяйство. Он как бы вытянулся вдоль улицы Островского.

Здесь когда-то я официально оформил свое право на проживание в Дудинке.

Величественное здание на улице Ленина, 16, со знаменитым панно, выполненным потомками в честь 300-летия со дня основания Дудинки, и сегодня олицетворяет лицо города. В 70-е годы, когда еще не было высотных домов, торцевая стена пятиэтажного здания приводила в трепет горожан, небезразличных к истории города и округа. И сегодня, надо полагать, у жителей окружного центра есть фотографии, выполненные на фоне дома «300 лет Дудинке».

Пересечение улиц Ленина и Островского. Здесь в два ряда двухэтажные деревянные дома – гордость архитекторов города 50-х годов. С правой стороны улицы, в сторону котельной № 7, построен деревянный тротуар. Дорога отсыпана гравием.

В сухую погоду здесь невероятная пыль, оставляемая в воздухе проезжающим транспортом, а в сырую – непролазная грязь. Болотные сапоги – постоянный атрибут жителя города в дождливую погоду. Идешь, быва-

ло, по улице Ленина и встречаешь прогуливающиеся по тротуарам молодые пары. Здесь же и стайки школьников-старшеклассников, которые идут после занятий из третьей школы, а может быть, из первой или пятой. Не исключено, что это встречными потоками проходят просто празднично шатающиеся школьники.

Ближе к вечеру наблюдаю за молодыми родителями и их детьми. Слава Зубков степенно шагает с трехлетним сыном Андреем. Саша Худоногов на ходу делает внушение своему грязнуле, только что угодившему в лужу.

Сегодня у Зубкова и Худоногова уже есть внуки. Да и у меня самого тоже подрастают...

На балконе второго этажа с сигаретой «Опал» или «ТУ-134» часто можно было видеть Свищева. Свойственную ему персональную хватку удерживания сигареты в руке я не встречал больше ни у кого. Евгений Петрович до прихода в Дудинский порт работал помощником машиниста парового крана, а попросту – кочегаром. Всем в основном был известен под прозвищем Алтын.

Выяснить, откуда оно произошло, вряд ли стоило, да и ни к чему, откровенно говоря. В период процветания Норильлага за человеком прочно и навсегда закреплялись клички. В семидесятых годах в Дудинке оставалось еще много бывших заключенных. Им по каким-либо причинам или по воле злой судьбы не удалось уехать в родные места.

– Привет, Евгений Петрович!

Это проходит мимо дома, возвращаясь навеселе с работы, Валерий Пустовецкий. Рост у него – метр с кепкой, но голос двухметрового великана.

– Тихо, Валера, не шуми. Манюня перед ночной сменной отдыхает, – хрипло просит Евгений Петрович.

Да, голос у него был своеобразный. Но нашему соседу, Александру Гурьянову, удавалось все же его копировать. Сегодня и Евгений Петрович, и его жена, так и оставшаяся навсегда в памяти моей Манюней, уже на погосте...

А вот наблюдаю, как перебрасываются через дорогу репликами Магомет Самадов и Геннадий Полянский.

Дома их напротив. В том, где жил Полянский (угол Ленина и Андреевой, на этом месте сейчас магазин «Цветы»), на первом этаже находился салон «Фотография». В помещении для приема заказов продавали довольно красивые керамические изделия, изготовленные гончарными мастерами местного быткомбината.

Иду дальше по деревянному тротуару. Он на улице только с одной стороны. На противоположной – канава вдоль дороги, которая всегда почему-то заполнена водой.

Особенность передвижения по тротуарам состоит в том, что требуется постоянное внимание: расслабился ли, задумался ли, отвлекся ли – и ты уже в неловком положении.

Настил тротуара разно уровневый. На протяжении всего пути сплошные преграды – пороги, переходы через

трубы, выломанные доски. Засматриваться нельзя. Ширина пешеходной дорожки не более полутора метров. В некоторых местах высота достигает уровня окон первого этажа. Внизу никогда не высыхающая грязь. Проезжую часть дороги постоянно отсыпали гравием, и с ростом «культурного слоя» дома как бы уходили в землю.

В одном из них под номером тридцать жил Николай Петров по кличке «оленеvod»: спортивно развитый чувак выполнил норматив мастера спорта России по национальным видам.

Нет, я не оговорился. Именно мастер спорта России. Тогда соревнования по национальным видам проводились не на уровне СССР, а на уровне России. Старожилы помнят, наверное, то время начала семидесятых, когда в Дудинке проходил чемпионат России по национальным видам спорта, когда в столицу округа приехал брат Раисы Сметаниной, знаменитой лыжницы из Сыктывкара.

...Дома №№ 32 и 34 намного отличались от остальных деревянных зданий на улице Ленина. Они были построены с архитектурными излишествами периода пятидесятых, что не могло не отразиться и на деревянном зодчестве в Дудинке.

Дома на три подъезда, по четыре квартиры в каждом. Над средним возвышался мезонин, представлявший собой большую квадратную комнату, нежилую почему-то. Красивые балконы поддерживались вертикальными брусками. Деревянная крыша была продолжением балконной.

Между домами, прямо по центру улицы 40 лет Победы, протекал Ароматный ручей (сегодня он в трубах под асфальтом). Слевой его стороны по направлению к порту – деревянный тротуар. По центру ручья, от улицы Ленина до улицы Горького, – деревянные сараи.

В семидесятых годах проезжей части на улице Матросова не существовало. Прямой дороги не было, потому что открытым потоком протекал Ароматный ручей. Можете представить себе, как осуществлялось движение на улице Ленина – автомобильного и гужевого транспорта, техники на гусеничном ходу?

Дорога отсыпана лишь гравием. Если дожди и сыро – грязь из-под колес окатывает пешеходов с ног до головы. В сухую погоду – пыль столбом. К тому же все усугубляется нескончаемым лязганьем гусениц тягачей и шумом автомашин. Днем и ночью.

Последние дома на улице Ленина – двухэтажное деревянное здание вечерней школы и двухэтажный кирпичный дом под номером 39. В этой части города в тридцать четвертом доме я прожил больше десятка лет. Жил бы и дальше. Уж очень нравились и этот район, и двор, и двухкомнатная квартира на втором этаже. Но наступило время застройки центральной части города, что практически привело к ликвидации улицы Ленина.

...И образовалась улица Матросова, а в самом центре улицы Ленина выстроены девятиэтажные дома. На

месте вечерней школы и дома № 34 построены два высотных здания, ставших составляющей частью образовавшейся здесь улицы 40 лет Победы.

Воспоминания настойчиво обращают мысли назад, в золотое время молодости. В тот период в доме № 32 жили семьи работников порта – Юрия Бохонько, Леонида Андрушко, Дмитрия Рыбачека. Жили, конечно же, и другие семьи, но мне почему-то больше запомнились эти. Видимо, потому, что вместе работали, да и возраст объединял.

А в тридцать четвертом доме, в комнате с подселением, я прожил без малого пять лет. После выезда на «материк» знаменитого в Дудинском порту бригадира Николая Левочкина я с семьей переселился в его квартиру, находившуюся на одной лестничной площадке с моей.

Более уютной квартиры, признаюсь, в моей последующей жизни не было. Даже четырехкомнатная Одесская, расположенная рядом с морем, уступает бывшей двухкомнатной на улице Ленина в Дудинке. Чего только стоит кухня с электрической «Лысьвой» и рядом стоящей компактной печкой, топящейся дровами! Спасибо, конечно, Левочкину – не выбросил старорежимную печку при наступлении цивилизации. Как за то мы были благодарны ему и его Лие Ивановне впоследствии!

В те времена, особенно по весне, часто отключали электричество по техническим причинам, связанным с профилактикой линий электропередачи. А во дворе был ларек, где всегда продавался картофель в деревянных ящиках. Любая тара в то время шла в утиль, и несколько ящиков в дни отключения электроэнергии обеспечивали семье экзотику и горячее питание.

... В доме нашем рядом с каждым подъездом была небольшая площадка и обязательно скамья – место сбора и отдыха жильцов в летний период. Эти своеобразные крылечки связывались между собой узкими деревянными тротуарами.

Во дворе играют дети. В зависимости от погоды и времени года он превращается то в зеленый травяной покров, то в несусветную грязь. Напротив дома – всевозможные гаражи, сараи и сарайчики. Забота родителей заключается в том, чтобы периодически прогонять детей с крыш или из грязи во дворе. Но где еще играть им? Ни одного квадратного метра асфальта в Дудинке тогда не было.

В хорошую погоду жильцы рассаживались на скамейках во дворе. Общались с соседями из других подъездов. Жили дружно, хорошо знали друг друга. На Ленина, 34, жили тогда Панковы, Левочкин с Сорокиной, Заботины, Рушенцевы, Ивахины, Аникиевы, Беломестновы, Соловьевы и многие другие. Некоторые семьи и сегодня живут в Дудинке, только в разных районах. С оставшимися здесь продолжаем общаться, обмениваемся впечатлениями, предаемся воспоминаниям.

Всегда просыпался довольно рано – под звуки гимна в шесть часов утра. Нежиться в постели, когда энергия бьет через край, было мне несвойственно. Бритье, мы-

тье, утренний кофе. В перерывах смотрю через окно на улицу.

Навсегда осталось в памяти то примечательное обстоятельство, что в домах на улице Ленина в ваннных комнатах имелось окно. И еще до объявления в 6.58 метеопрогноза по местному радио я по одежде на прохожих мог сориентироваться о текущей погоде. Направление ветра и его скорость определялись трубой котельной № 7.

Просыпается Дудинка, просыпаются соседи...

Вот встретились на тротуаре бригадир Левочкин и заместитель начальника морского района Соловьев. Значит, уже около семи утра. Общий путь у них всего-то ничего – от улицы Ленина до улицы Горького, потом расходятся в противоположные стороны.

Один работает бригадиром на причалах высокой воды, второй – на морском районе. За короткий промежуток общения соседи успевают обменяться информацией о работе и поинтересоваться проблемами личной жизни.

Были тогда относительно молодыми. Жены, случалось, надолго уезжали в отпуск. И вот Николай Александрович (при очередном нахождении жены в отпуске) неожиданно стал отцом. Бывает, конечно. А Павел Александрович был еще и секретарем партийной организации на районе. Стоят, разговаривают. Но даже по энергичной жестикуляции обоих из окна дома трудно определить, какие вопросы они решают в столь раннее время дня – производственные или личные.

Из дома напротив вышел Михаил Александрович Петрикей и качающейся походкой отправился на «море», где работает механиком перегрузочных машин.

После восьми утра из дома №39, всегда аккуратная и стройная, спешит быстрым шагом на работу в управление торговли Антонина Ивановна Умрилова.

И пошли-потянулись люди. Матери с плачущими детьми, сезонные рабочие группами в несколько человек. Сезонники всегда почему-то с испуганным видом, одетые одинаково в брезентовые спецовки и похожие на интернатских учеников. В насквозь промасленной робе спешат в гараж АТП водители.

В гражданской рабочей одежде (когда-то парадно-выходной) уверенной поступью следуют на работу докеры. Школьники младших классов с расстегнутыми куртками по пути в школу успевают еще и выяснить отношения между собой. Парами идут то ли старшеклассницы, то ли молодые учительницы.

Если поставить перед собой цель и проследить за улицей дальше, дождешься обратного потока, когда эти же люди начнут возвращаться домой. Все те же, только заметно уставшие после работы.

Поздно вечером, как всегда, не спеша, идет тяжелой поступью с работы начальник Дудинского порта Александр Григорьевич Кизим. В это время из дома №39 выходит прогуляться с женой председатель горисполкома Леонид Иванович Корнеев. Гуляют «постепенно», как у нас на Дерибасовской в Одессе...

– Почему поздно с работы, Александр Григорьевич?
– спрашивает жена Корнеева.

– Так уж очень хлопотное хозяйство – порт, – как бы оправдывается Кизим. – За всем глаз да глаз нужен.

Еще несколько дежурных фраз и соседи расходятся...

Я с удовольствием пью чай на балконе второго этажа, наслаждаюсь тишиной и прохладой вечерних су-

мерек. А по притихшему «бродвею» – улице Ленина – еще долго гуляет молодежь. Только редкая автомашина, проезжающая здесь в вечернюю пору, может нарушить покой жильцов, поднять колесами пыль, которая медленно и безмолвно будет оседать на деревянные тротуары.

Город отдыхает.

«Фешенебельный» район

Изначально, когда меня осенила идея описания улиц нашего города, я немного слукавил, назвав улицу Октябрьскую первым местом своего проживания в Дудинке вне стен общежития. Были и раньше попытки начать семейную жизнь, обзавестись отдельным жильем.

Я даже приобрел балок на улице Станционной. Всего лишь за 200 рублей, что в ту пору составляло половину моей зарплаты.

Проживание в таком балке без наличия домовой книги обрекало семью на нелегальное положение со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Это сейчас нет проблем – у горожан есть право проживать в квартире, будучи зарегистрированными, по другому адресу. А тогда с этим делом было строго: где прописан, там и должен жить. Но если откровенно, все же надо сказать, что только относительно строго было.

Все мы люди. И все понимали ситуацию. Если не нарушаешь общественный порядок, живешь тихо и скромно, то, как правило, проверяющие закрывали глаза на такие нарушения, или ограничивались очередным «китайским» предупреждением. Люди создавали семьи, обзаводились детьми, а прописаны были в общежитиях, ведя совместное, бесправное проживание в балках.

Эта участь, к счастью, миновала меня. В балке я не прожил ни одного дня. Быстро нашелся покупатель и перекупил у меня отдельное жилье на улице Станционной. Находилось оно примерно там, где сейчас располагается база кооператива «Эколог».

В этом «фешенебельном» районе было еще несколько домов-балков. Ходили упорные слухи, что на этом месте будет создаваться база мостоотряда № 387. Так оно вскоре и вышло.

Улица Морозова: место встречи – пивной бар

Улица с таким названием – это, прежде всего, пивной бар, представлявший собой одноэтажное, приземистое здание, прижатое к ледникам управления торговли.

Большим его достоинством было то, что на одном крыльце находился вход в пивбар и овощной магазин, в котором продавались различные спиртные напитки.

Как известно, пиво без водки – деньги на ветер. И любители хмельного застолья всегда могли оперативно приготовить гремячую смесь.

Зато балки с другой стороны от железной дороги еще долго оставались жилыми. Начиная от здания нынешнего ПТЭС «Норильскэнерго», вдоль железной дороги и до самого перекрестка, стоял не один их десяток. И зажаты они были между двумя озерами. Фасадная часть балков выходила на железную и автомобильную дороги, а впереди – озеро Теплое, с тыла – озеро Собачье или Станционное, как еще его называют.

Здесь жил со всей своей семьей Михаил Кулибачук (по прозвищу Али-Баба) после возвращения в Дудинку из очередной «отсидки». Очень толковый мужик, всегда весь в делах.

Немного поодаль – балок Владимира Усольцева (Усолье). Он только женился и сразу стал частным собственником: приобрел балок и мотоцикл «Иж». Появились заботы. Ведь, чтобы выжить, надо содержать хозяйство.

– Не проходи мимо, Колек. Заходи, – обращается ко мне Владимир.

Во дворе – в полуразобранном состоянии мотоцикл. И ни души. Смех с крыши. Погода летняя, прекрасная. Усольцев, искупавшись в Теплом, млеет «на крыше дома своего»...

– Некогда мне, Вова. Спешу к Али-Бабе. Есть кой-какие вопросы, – отвечаю ему, проходя мимо.

А Михаила, как всегда, нет дома. Весь в делах, в бегах. Сколько его знал, никогда не видел в другой, кроме робы, одежде – «энцефалитке» с закатанными рукавами, свитере и потертых джинсах. Таким и остался в моей памяти, а след его как-то потерялся...

Была, да будет вам известно, и такая улица в нашем городе. И такие вот люди жили на ней.

бытового корпуса жд цеха, между путями и автодорогой.

Восстанавливать почтовый адрес здания нет необходимости. В моей памяти железнодорожный вокзал как

был, так и остался на пересечении улиц Станционной и Морозова. Кстати, скажу о том, что до сих пор мне так и не удалось выяснить, кем был Морозов, в честь которого названа эта улица, и не Павликом ли его, случайно, зовут?

Улица Советская

На береговом откосе большое число беспорядочно разбросанных жилых балков, покошенных от времени, дождей и оползней. Прекрасный вид на Енисей, в ясную погоду летом – тишина и благодать. Редкие гудки паровозов, скрип сцепляемых вагонов, напряженный гул кранов рудной линии, доносившаяся с причалов перебранка портовых грузчиков нисколько не мешали отдыху собравшихся. Кто из старожилов не знает территории, именуемой в народе Шанхаем? Его последний балок сожгли совсем недавно, года два тому назад. Последним аборигеном, в нем проживавшим, был Николай Чернобривец.

Крутой берег Енисея от погранзаставы до здания службы МЧС. Правая сторона улицы Советской со стороны санатория-профилактория «Енисей». Это учреждение в тот период еще только строилось. И первоначально улица начиналась от угольного участка.

На склоне горы, от угольного до профилактория, было кладбище. До недавних лет здесь сохранялось несколько захоронений. На памятнике одного из них стояла дата – 1945 год. С вводом в действие подстанции на пригорке последнее напоминание о кладбище исчезло само по себе.

Теплым летним вечером поднимаюсь с пляжа по крутому склону в сторону угольного участка. Далее путь в город проходит по улице Советской. В ее начале, ближе к дороге, двухэтажные преимущественно деревянные дома. По правую сторону, на косогоре, балки Шанхая. По левую – в двухэтажном доме – расположен магазин «Стол заказов».

Вот и дошли мы с вами до двухэтажного кирпичного дома (сегодня остались только руины). В свое время в одной из его квартир происходили банальные разборки, обошедшиеся первому секретарю горкома партии Александру Антоновичу Бажкину и начальнику порта Владимиру Николаевичу Ли смещением с занимаемых должностей. А всему причиной стала обычная сговорodka. Однажды, когда аргументы спора были полностью исчерпаны, в ход пошел примитивный способ разборок. И результат выяснения отношений не замедлил сказаться...

Рядом с дорогой, в здании с мезонином, на первом этаже находилась столовая № 3. На втором этаже в квартирах, подобных нынешним «гостинкам», проживали люди. Дом сгорел. Столовую перенесли в трехэтажное здание второго грузового района порта.

От Советской, 9, до перекрестка с левой стороны дороги возвышалось двухэтажное здание окружного РСУ, а чуть дальше – приземистое рубленое здание магазина «Книги». За ним, в глубине двора, под общей крышей

стояли в два ряда жилые металлические балки работников строящегося газопровода Мессояха-Норильск. В одном из них жил нынешний депутат окружной Думы Анатолий Ерофеев.

После того как снесли на улице Морозова пивбар, пиво на разлив в одно время продавалось на углу Советской, рядом с клубом порта.

Это первая площадь на Советской. Здание речного вокзала было в ее глубине, а посередине стоял огромный базальтовый осколок, которым застолбили место для памятника комсомольцам. Камень однажды выкорчевали и построили здание Губернского банка.

Но до этого времени предстояло еще дожить, а в ту пору здесь была площадь, на которой располагался знаменитый рыбный магазин под народным названием «Шестигранник». Он был именно такой формы, с соответствующим внутренним содержанием.

За магазином, где сейчас здание налоговой инспекции, дислоцировалась пограничная застава, позже перенесенная в здание, что напротив профилактория «Енисей».

На другой стороне улицы, у самого тротуара, стоял рубленый дом, в котором располагался магазин № 6. Его преимущество состояло в том, что он был дежурным и работал поначалу до 24-х, а немного позже – до 23 часов. За ним находился приземистый хозяйственный магазин. В то время тут, помимо всего прочего, можно было купить охотничье оружие и боеприпасы.

Так потихоньку мы дошли до пересечения с улицей 40 лет ВЛКСМ.

Перекресток. Вдоль дороги – магазин № 3. Напротив – двухэтажное деревянное здание окружного Управления внутренних дел (после пожара УВД переехало на улицу Горького, 61). Рядом с милицией здание ОК ВЛКСМ, через дорогу, у ручья, – одноэтажное здание банка (сейчас на этом месте гаражи).

На этом же перекрестке было здание центральной сберегательной кассы (гаражи налоговой инспекции). В торцевой части здания – сберкасса, а та, что ближе к погранзаставе, жилая.

Дальше дорога проходит через ручей по печально знаменитому деревянному мосту. В памяти заключенных Норильлага он остался навсегда...

Еще в начале 70-х через него двигался весь городской транспорт. Мост на улице Горького построили в конце десятилетия, а нижнюю дорогу от Площади портовиков до пассажирского причала тоже не так давно открыли. А раньше, чтобы попасть на лодочную станцию, надо было проехать от Площади портовиков через все пере-

езды в сторону управления порта. Дальше шел поворот направо. По тыловым площадкам морских причалов, вдоль железнодорожных путей, была проложена сквозная автомобильная дорога.

Центральная площадь. Здания узла связи и городского Дома культуры в те годы уже стояли. На месте нынешнего «Белого дома» было двухэтажное общежитие Дудинского зооветтехникума. А на углу улицы Островского – горисполком. Здание это снесли совсем недавно. На первом этаже, в правом крыле, располагался ЗАГС, деревянное строение которого просуществовало до прошлого года.

На косогоре, напротив Дома культуры, стояло несколько неказистых балков. Немного поодаль – два кирпичных одно-подъездных жилых здания. Остаток кирпичной стены одного из них еще можно увидеть под откосом, что напротив церкви. А дальше, вдоль него, возвышалось двухэтажное комбинированное здание. Между двумя его кирпичными башнями было встроено деревянное помещение, в котором располагалось управление порта. Позже его использовали как санаторий-профилакторий.

После строительства нового санатория-профилактория оно сгорело. Правда, выгорела только центральная часть. Его затем отстроили опять и разместили в нем магазин «Долгун». Но после очередного пожара здание ликвидировали полностью.

Еще одна маленькая деталь. Между строениями, расположенными ближе к косогору, и дорогой стоял продовольственный магазин № 1. Магазин, как и все магазины того времени, деревянный и одноэтажный. Одно лишь существенное преимущество – расположен близко к порту. И портовики не могли не воспользоваться этим. В хорошую погоду после работы собирались на косогоре, любясь только что оставленным местом добывания хлеба насущного.

За магазином, на территории от церкви и до входа в здание нынешней администрации, рассыпалось около десятка самых различных балков – отдельно стоящих и сбжавшихся под общую крышу. В народе это место именовалось Крышами Парижа.

Баню старожилы помнят еще с тех пор, когда она работала. Потом ее закрыли. А после очередных выборов стараниями Г.П. Неделина и А.В. Филатова баню на короткий промежуток времени открыли снова, чтобы потом закрыть окончательно и бесповоротно. Еще несколько лет здание простояло закрытым, успело погореть за это время, а в 2003 году, наконец, снесено.

Напротив бани, в балках и сараях, находилось хозяйство участка № 3 СУ «Порт строй». И часто можно было видеть, как Лев Ярошенко гонял от стен построек «отдыхающих» мужиков, спасая вверенное ему имущество от неминуемого пожара.

За торговым центром находилось «озеро Рица». На его берегу, со стороны города, стояло двухэтажное здание энергосилового цеха, немного дальше – Дом техни-

ки. Здесь учили всех и всему. Удовлетворяли потребности в подготовке квалифицированных специалистов для порта и подразделений комбината, расположенных в Дудинке. С уверенностью можно сказать, что это была настоящая кузница подготовки кадров. И не было такого рабочего в порту, который бы не проходил обучение в Доме техники Дудинского морского порта.

Немного поодаль, возле самого озера, стоял в одиночестве склад Рычковой. Как свидетельствовала народная молва, склад всевозможных дефицитов того времени. Впрочем, что это было действительно так, утверждать не могу, потому что его услугами пользоваться не приходилось. А была в тот период практика получения товара на складе и оплаты его в магазине. Практика, конечно же, не повсеместная, а распространявшаяся лишь на определенный круг лиц.

Фасад здания Дудинской конторы управления торговли выходил на улицу Советскую. Это деревянное двухэтажное строение известно еще и тем, что на первом этаже переоборудованной диетической столовой № 1 открыли кафе-шашлычную. Вход в нее был отдельный, со стороны улицы Горького. Много разных событий и встреч происходило в этом кафе. Здесь одновременно можно было увидеть интеллигентных гостей, празднующих очередное торжество, и девушек с томными взглядами, устремленными в сторону столика, за которым располагались моряки с судна, стоящего под обработкой в порту.

Здесь же, за соседним столиком, завсегдатаи – Усольев, Извеков, Поляна и другие «дворяне». А называли их так потому, что жили они в одном дворе, за магазином «Север».

Докеры ведут непринужденную беседу. Естественно, на производственную тему. И это неважно, что не успели переодеться после работы, что сидят за столом в робах-энцефалитках со следами комбикорма на плечах. Такой вот нынче обрабатывался груз. Завтра, может быть, на робах будут остатки муки или соды. Одно лишь неизменно – компания практически одна и та же. Редко какие вечера заканчивались тихо, без разборок. Традиционно выяснение отношений происходило, как правило, с экипажами судов. Так уж сложилось. Дудинские невесты очень сильно «западали» на моряках. Как же такое безобразие можно было терпеть в пьяном угаре? Так и продолжалось до тех пор, пока шашлычную не закрыли. И компания дружно переместилась в пивбар, ведь в ресторан «Элдэн» не зайдешь в робе со следами груза на спине.

Но мы немного отклонились от темы. Одна сторона «озера Рица» – сплошные застройки, которые я уже перечислил, вторая – береговой откос, покрытый травой. Здесь были примитивно оборудованные места для гуляний. И тут традиционно проводили после работы свое время грузчики речного района.

По центру озера на сколоченных сваях рассекали волну мальчишки, дружно загребая веслами из досок мут-

ную и грязную воду. В воде плавали порожние ящики из-под картофеля, бочкотара и другой бытовой мусор. Но озеро отсыпали. С берегового откоса двухсотые «МАЗы» засыпали озеро шлаком из котельной, расположенной на улице Горького (сегодня участок благоустройства ЖКХ). Это уже в 1974 году начальник терминала Лонгин Андреевич Хан построит на месте исчезнувшего озера хозяйственные и бытовые помещения. Еще позже на месте склада Рычковой возведут административно-бытовой корпус терминала.

Но это еще не конец улицы Советской.

От бани до здания управления порта ее как таковой уже не было. А было озеро, за озером – деревянный мостик, перекинутый через ручей Ароматный до поста Верного. Дальше дорога поворачивала в сторону реки.

На самом береговом откосе уже в 70-е годы стоял постамент с чайкой и надписью на размахе крыльев – «Дудинский порт». Улица Советская продолжалась и здесь. А у старого здания управления порта был почтовый адрес – Советская, 43.

Дальше улица продолжения не имела, потому что упиралась в откос спусковой крановой дорожки. Необходимо отметить, что и через спусковую дорожку был перекинут деревянный пешеходный мостик, который сохранился и сейчас. На противоположной стороне этого мостика пешеходная тропинка упиралась в административное здание речного района.

Вот и вся улица Советская. От угольного района (профилактория) до речного района не более пятнадцати минут быстрой ходьбы...

Мост нашей памяти

Биологическая память человека не бесконечна, как и сам человек не вечен. Конкретные события прошлого уходят в небытие навсегда и безвозвратно. Так оно и должно быть. Зачем засорять память? Но есть вехи в истории Дудинки, о которых грех забывать. Будущие поколения нам этого не простят.

Старожилы города помнят, что проезжая часть дороги и пешеходный тротуар улицы Советской проходили через ручей по печально знаменитому деревянному мосту. После открытия, в конце 70-х годов, железобетонного моста на улице Горького, деревянный мост на Советской еще долго служил жителям города в качестве пешеходного.

Со временем это сооружение превратилось в бог знает что. Вокруг разруха, промоины в грунте, все захламлено строительными материалами. Деревянные конструкции моста одряхтели.

Наблюдательные дудинцы могут сегодня видеть на двух сохранившихся столбах, установленных на мосту, раритетные осветительные фонари, которые изготовили умельцы еще в незапамятные времена. После прокладки трубопровода и электрических сетей два столба с другой его стороны ликвидированы.

Что для теперешнего поколения значит этот мост? Да ничего. По нему сейчас даже пройти опасно. Очередной объект, подлежащий ликвидации...

А в памяти всех заключенных Норильлага он остался навсегда. По нему в одну сторону прошли все, а вот сколько обратно – история умалчивает. Пока мост сохраняется в первозданном виде, сохраняется память людская.

Необходимо отдать должное норильчанам. Они чтят свое историческое прошлое. На местах массовой гибели людей устанавливают памятники, мемориалы.

В Дудинке почему-то стараются замалчивать этот период в жизни города. Кладбища заключенных исчез-

ли. Бараки и дома не сохранились. Остался лишь один мост, как напоминание о необходимости увековечить память об узниках Норильлага, о незаконно репрессированных, вынужденных переселенцев.

Полуразрушенный мост стоит долго. Всем своим видом взывает к действию. Разрушим его – превратимся в Иванов, родства не помнящих, сохраним – честь нам и хвала. Но что-то необходимо делать. Другого не дано.

Нужно сделать капитальный ремонт моста. От центральной площади по обочинам дороги восстановить деревянные тротуары и открыть пешеходное движение.

Установить на нем набат или другую историческую композицию, отражающую период в жизни города с 1937 по 1953 годы. Небезразличные жители Дудинки смогут оказать поддержку при создании исторического мемориала, расположенного рядом со строящимся окружным музеем. Назрела острая необходимость в выполнении ремонта деревянных конструкций моста прямо сейчас. Срочная, пока есть что сохранять.

В связи с этим возникает резонный вопрос – где взять средства на восстановление моста?

Понятно, что в окружной и городской казне их нет, ведь выполнение этих работ не предусмотрено в титуле. А потому есть два выхода. Первое – пройтись среди жителей округа и города с «шапкой по кругу». Второе: ремонт выполнить в складчину. Каждое предприятие города должно принять участие в ремонтно-восстановительных работах. Но прежде чем собирать средства, необходимо объявить конкурс на разработку композиции памятного исторического места города.

По большому счету это наша гражданская обязанность – отдать должное пострадавшим от геноцида, сохранить в назидание потомкам память о страшных днях в истории страны.

Одержимые игрой

Заканчивая воспоминания об улицах города, не могу не сказать о стадионе спорткомплекса «Портовик», расположенном на улице Спортивной, где в летнюю пору всегда кипели футбольные страсти.

В 70-80 годы футбол в Дудинке был больше, чем футбол. Это период самого расцвета и одновременно начало заката большого футбола. Ведь отношение к спорту не может оставаться неизменным вечно. Со временем поменялось и оно. Сейчас, на мой взгляд, элитные его виды взяли верх над массовыми, популярными, доступными для большей части населения. По веянию моды произошло это и в Дудинке, где большой футбол с поля перешел в зал, став мини-футболом. Вот только игроки остались прежние – из большого футбола. А многолетнее увлечение превратилось в страсть. Преданность футболу, коллективной игре, бескомпромиссной борьбе – останется у них навсегда. И, конечно же, не только у игроков, но и у многочисленных его поклонников.

«Как они играли!..» – вспоминается цитата из выступления Романа Карцева о послевоенном футболе в Одессе.

Вся страна тогда переживала футбольный бум. Играли все – на любом поле, при любой погоде, в любое время года. Играли самозабвенно, босиком, любым мячом. Под палящим солнцем юга, в дождливую погоду средней полосы России, в короткое холодное лето за Полярным кругом.

Если у кого-либо из нас появлялся обычный резиновый мяч, сразу же начиналась игра – в любом, даже самом неподходящем месте. Кожаный мяч со шнуровкой или с ниппелем был уже настоящим достоянием, вызывающим зависть к его обладателю. Но это не мешало стайке мальчишек моментально разбиться на две команды.

Деление на противоборствующие группы происходило обычным способом. Первоначально определяются две «матки» (капитаны команд). К ним попарно подходят игроки, называя вместо имен свои пароли. Капитаны наугад выбирают состав своей команды. Все было по честному...

Затем определяются границы поля. Ворота обычно устанавливаются из подручных средств. Шагами дотошно измеряется их ширина. Но при замере своих ворот шаги почему-то всегда короче. И возникает первый спор. Истина, однако, достигается контрольным замером ширины ворот ступнями ног одного из игроков под пристальным взглядом обеих команд.

Далее – расстановка сил. Все непременно хотят играть в нападении. Наконец игроки расставлены. Нехотя занимают свое место в воротах обиженные... Это уже потом, когда повзрослеют, наберутся игровой практики, тогда поймут, что вратарь – одна из ключевых фигур команды. И не каждому игроку дано природой достойно защищать ворота.

Играли без судьи. Элементарные футбольные правила знали тогда практически все.

Начинается игра. Но постепенно она становится похожей на регби. Куча идет на кучу. Где защитники, где нападающие – трудно разобраться. Всяк стремится в гущу событий.

С перемещением мяча перемещается и куча игроков. Каждый непременно хочет лично забить гол. Игра то и дело сопровождается провозглашением футбольных терминов: «апсайд», что значит офсайд, «аут», «коробочка», «пеналь» (пенальти)...

По ходу игры смахивается грязными руками пот с лица. Майки становятся грязно-мокрыми, колени и локти кровоточат. Играют, конечно же, без учета времени, с короткими перерывами, долго, до изнеможения. А затем все расходится по домам, чтобы завтра опять встретиться и продолжить сражение.

Немного повзрослев, самостоятельно, а другим словом – хозспособом, обустроили на месте сегодняшнего универсама «Норильск» футбольное поле. Поставили стационарные ворота. Здесь же оборудовали волейбольную и баскетбольную площадки.

На футбольном поле с успехом играли и в лапту. Город был поделен на районы – свои, мальчишеские. Улица играла на улицу, верхний поселок – против «Шанхая», и так от ранней весны до поздней осени.

Дома хватает сил лишь на то, чтобы помыться, перекусить (обедать некогда было). Сквозь сон мальчишки слышат причитания матери, ставшей примочкой на не успевающие заживать раны. Мамино «завтра будешь дома сидеть» доходит уже как из другого мира...

И так каждый день. Но так росло и воспитывалось поколение физически здоровых парней. Свежий воздух, чувство коллективизма, занятия спортом готовили молодой организм к повсеместно не простой мужской жизни.

Все мы родом из детства, а повзрослев, отправились со дворов и пустырей на настоящие футбольные газоны и стадионы. Игроки выходят на поле, знатоки и ценители футбола превращаются в яростных болельщиков, занимают место на трибунах.

Возьму на себя смелость и скажу, что самым массовым, самым зрелищным и самым любимым видом спорта в Дудинке был и остается футбол. А в пору моей молодости играли все. Кто не играл – стоял на трибуне и мысленно был в гуще событий, происходящих на поле. «На поляне» – ласково называли футбольное поле дудинские любители этой игры.

Были случаи, когда на футбольных матчах присутствовало до семи тысяч болельщиков. И это на тридцать тысяч населения, причем многие жители города летом находились в отпусках, а их дети – в лагерях отдыха.

Сегодня не каждое культурное мероприятие, проводимое на центральной площади города, сможет привлечь такое количество зрителей.

В пору расцвета футбола в нашем городе игровое поле находилось в районе снежного городка, за Домом физкультуры. Если сказать точнее – поперек улицы Всесвятского. Одни ворота были недалеко от окружной больницы, вторые – рядом с дорогой, которая поднималась вверх, в направлении кинозала (на этом месте сейчас трибуны стадиона).

Со стороны Дома физкультуры находились левая и правая трибуны. Между ними, в центральной части, возвышалась отдельно стоящая гостевая трибуна с флаш-током. На дощатых трибунах для зрителей были устроены сплошные скамейки в три ряда.

Поле перед каждым матчем выглядело нарядно. Вся разметка на нем выполнялась свежими опилками в виде узкой ленты. По углам флажки, за трибунами на ветру развеваются флаги спортивных обществ страны, на флаш-токе – флаг спортклуба «Заполярьник».

Все – как на «материке». Вот только вместо привычного зеленого газона – смесь песка, грунта и гравия.

Это на хорошем поле игроки после неудачно выполненного удара почему-то смотрят на ногу, поправляют гетры, начинают вдруг хромать. Наши же привыкли играть в экстремальных условиях. Поэтому эти уловки здесь не применяются. В таких случаях они просто выбрасывают с поля первый подвернувшийся камешек, показывая всем своим видом, в чем, оказывается, причина неудачно выполненного финта или удара.

Для футболистов каждая игра – это «рубка», для болельщиков – праздник, несмотря на будний день. Зрители заблаговременно занимают места на трибунах. Болельщики играющих команд располагаются отдельными группами.

Принцип их объединения простой. Он заключался в том, что каждое подразделение порта выставляло свою команду. Все предприятия города – то же самое. И надо признать, что между болельщиками играющих команд складывались дружеские отношения. Как в быту, на работе, так и во время игры на стадионе.

Навсегда, наверное, врезалось в память, как выходят на игру судья в поле Вадим Кишкин, а с ним судьи на линии Эдуард Маринин и Валерий Надворецкий. Из раздевалки спортзала выбегают игроки команд, получая по пути к полю последние наставления болельщиков.

Постоянными соперниками за призовые места были команды морского района порта «Моряк» и района «высокой воды» «Волна».

Обязательный ритуал в центре поля – приветствие игроков, выбор ворот. Фотокорреспондент газеты «Советский Таймыр» Виталий Данильченко спешит сфотографировать футболистов в нарядном, чистом виде. Радиожурналист Юрий Ладур у бровки поля бе-

рет интервью у наставника команды «Моряк» Виктора Лидера.

Болельщики района «высокой воды» группируются возле бригадира Николая Левочкина. Моряки с виду как бы сидят вместе, но тем не менее у них несколько отдельных, характерных групп, составленных по бригадному признаку. Их возглавляют Чарым Батыров, Михаил Чекашкин, Михаил Иванов и автор этих строк (Н.Костецкий).

Пришедшие поболеть за родную команду вальяжно расположились на трибунах. Две бутылки «перцовки» и пакет со снедью лежат у Юрия Золина в ожидании первого гола. Теплый летний вечер. Погода и приподнятое настроение предвещают хорошую, содержательную игру. Легкий ветер напрасно старается разогнать полчища комаров.

Свисток судьи в поле – игра началась. Это уже не детская игра в футбол «всей толпой от ворот до ворот». Играют зрелые мужи – в настоящий футбол, стараются, по крайней мере.

Игроки давно знают друг друга, не один раз встречались на поле, поэтому сразу же бросаются в атаку. Без всякого выяснения слабых сторон друг у друга. Всем все давно известно. Здесь конкретная игра, зависящая только от настроев команды и поддержки болельщиков.

Евгений Петрович Свищев медленно расхаживает вдоль бровки поля. Время от времени отпускает реплики игрокам своей команды. Он яростный и многолетний болельщик команды московского «Спартака» и команды второго грузового района «Моряк».

Нередко на обочине поля можно было видеть и Ивана Журавлева – дядю Ваню Журавля, как вежливо прозвали игроки команды «Торпедо» своего болельщика. В послевоенные годы Иван Журавлев сам неплохо играл в футбол. На первенстве комбината встречался на поле с самим Старостинным, когда тот отбывал срок в «Норильлаге».

А тем временем на поле накаляются страсти. Виктор Перевалов, нападающий «Моряка», в жесткой контактной борьбе встретился с вратарем команды «Волна» Юрием Малышевым. «Горчичник ему!» – кричат трибуны, взывая к арбитру. В Дудинке, как и везде, тоже так называют желтую карточку предупреждений за опасную игру.

Иногда завязывается горячая словесная перепалка двух болельщиков, выясняют отношения Марат Перевалов и Андрей Малышев – отцы футболистов. Беззлобно, с острыми, правда, поддевками, но не унижая друг друга. Скорее всего, просто так. Для куражу, для запявки сидящих на трибунах.

Пожимая друг другу руки, мирно расходятся – на поле футболисты, а на трибуне их родители. Друзья все же. Что родители, что сыновья. Ведь в пылу борьбы бывают игровые моменты, когда зрелые мужики, как петухи, сходятся для выяснения отношений. И только за происходящим строго следят судья и все, кто пришел на стадион.

Короткий перерыв. Игроки команд устраиваются для отдыха прямо на трибунах среди болельщиков. Уставшие, мокрые, грязные, пьют воду, высказывают претензии друг другу и выслушивают наставления.

А советы дают все, даже те, кто никогда в футбол не играл. «Моряк» первый тайм проигрывает с минимальным счетом. Капитан команды Виктор Перевалов требует от ребят, чтобы они собрались и сыграли по жестче.

С этого и начинается второй тайм. Получив установку капитана, игроки «Моряка» начинают вести жесткую, бескомпромиссную борьбу и прессингуют по всему полю.

Очередной финт Петра Шевченко вызывает оживление на трибунах. «Пека, ты лучший!» – слышны возгласы с трибун «моряков».

Петр Шевченко – заметная личность на поле. Мастер спорта по борьбе, ростом – «метр с кепкой». От других игроков всегда отличался оригинальностью в одежде. В любую погоду выходил на поле в трех майках разных цветов, причем нижняя всегда закрывала кисти рук. Ну и трусов было не меньше. Одни длиннее других. Они плавно переходили в гетры, создавая иллюзию единого целого.

Матч приближается к концу. «Моряк» по-прежнему проигрывает с минимальным счетом. Казалось бы, для чего биться? До конца сезона еще далеко, можно в игре с другими командами набрать необходимые очки. У постоянных соперников последних лет за первые места – команд «Моряк», «Волна» и «Лесник» – свой, особый счет. Счет сыгранных между собой матчей.

– Го-о-о-л! – взрываются трибуны.

Гол. В очередном яростном навале на ворота «Волны» кто-то из «моряков» сумел-таки протолкнуть мяч в сетку ворот. Судья уверенным жестом указывает – мяч на середину поля.

Болельщики «Волны» возмущаются. Это же надо такому случиться – гол в их ворота забили на последних минутах игры! Начинают выяснять, кто автор забитого мяча. Кто-то из лагеря соперников советует болельщикам «Волны» посмотреть повтор по программе «Время»...

Все смеются. Боевая ничья устраивает всех. Народ со стадиона уходит удовлетворенным, потому что игроки, как всегда, выложились до конца. Договорных матчей тогда не было.

...Весь город с нетерпением ждет ледохода. За ним приходит поздняя северная весна, и начинаются футбольные баталии. На кромке поля еще лежит снег, а спортсмены уже разыгрывают приз турнира «Подснежник», с которого и начинается короткий, но насыщенный футбольный сезон.

За неполных четыре месяца необходимо провести первенство и Кубок города, выступить на спартакиаде комбината, разыграть приз газеты «Советский Таймыр», а также призы праздничных турниров, посвященных дням торговли, железнодорожника, строителя, физкультурника.

На День лесника в сентябре команда города традиционно выезжала в Игарку. А на первенство северных городов (конец августа) выставляли свои команды города Норильск, Талнах, Кайеркан, Игарка, село Хатанга и поселок Диксон. Дудинку всегда представляли две сборные.

В некоторые годы, если позволяла погода, удавалось проводить еще и блиц-турнир закрытия футбольного сезона. Это всегда происходило в октябре и приурочивалось к завершению речной навигации.

Сразу же после окончания футбольного сезона поле заливалось водой, и те же игроки начинали сражаться в русский хоккей или, как теперь говорят, – хоккей с мячом. Эта игра не менее азартная, чем футбол. Так вот, в зависимости от времени года, и чередовались футбол с русским хоккеем.

Играли в охотку, ради собственного удовольствия. Наградой победителям были кубки, грамоты, а то и просто большой красивый торт килограмма на два. Неоднократными победителями соревнований на приз газеты «Советский Таймыр» становилась команда «Моряк». А призом этим была годовая подписка на окружную газету. Ее получал каждый игрок команды. Евгений Петрович Свищев всегда включался в состав команды «Моряк» под номером один.

В вышеперечисленных футбольных состязаниях ежегодно принимали участие по четырнадцать-шестнадцать коллективов. Это только футболистов около 250 человек.

В ежегодном футбольном марафоне принимали участие команды: «Моряк», «Крановщик», «Енисей», «Волна», «Терминал», «Пищевик», «Лесник», «Тыловик», «Локомотив», «Торпедо», «Строитель», «Энергетик», «Факел», «Динамо», «Юность» и множество других. Солидная их часть была представлена подразделениями порта, остальные – другими предприятиями и спортивными объединениями города.

Для автора материала ближе всего команда «Моряк». Она комплектовалась из работников морского района порта, на котором я тогда работал. В ней в разные годы играли Виктор Перевалов (капитан), Сергей Кузьменко, Виктор Заливин, Виктор Лавров, Виктор Свиридоненко, Вячеслав Зубков, Сергей Дергелев, Анатолий Керзик, Владимир Извекко, Петр Шевченко, Валерий Бондаренко, Виталий Борзенко и многие другие. Наставник и организатор команды Виктор Лидер, а группу поддержки возглавлял всегда Евгений Свищев.

В команде «Крановщик» в разное время играли братья Лонгин и Вячеслав Хан, Виктор Скринник, Валерий Щукин, Валерий Комаров, Александр Самойлов, Анатолий Логинов. Наставником у футболистов был Виктор Зименс. Капитаном команды – Валерий Комаров, обладавший филигранной техникой обводки, игравший в нападении и полузащите. Он неоднократно признавался лучшим игроком сезона.

Заметными футболистами в команде «Волна» были Виктор Андрианов, Юрий Малышев, Юрий Контарев,

Николай Морозов, Александр Чурсин, Александр Шишов, Виктор Дадаев, Анатолий Ерофеев. Группу поддержки представлял бригадир комплексной бригады докеров-механизаторов Николай Левочкин.

За команду «Терминал» играли Анатолий Баричевский, Валерий Бурдейн, Вячеслав Никитин.

Организатором и многолетней поклонницей команды «Пищевик» была Антонина Умрилова. Антонину Ивановну часто можно было видеть за воротами своей команды. Болела она за команду своеобразно, но сдержанно, однако. В конце игры, в случае выигрыша, встречала Владимира Журбенко, Юрия Кондратенко и других игроков «Пищевика» у центральной трибуны. В случае проигрыша, не дожидаясь финального свистка, быстро уходила домой...

Организатором команды «Тыловик» и яростным ее болельщиком был начальник района Павел Соловьев. За нее играли разносторонние спортсмены, которых объединяла общая любовь к футболу: Виктор Краус, Николай Антонов, Сергей Кунишников, Владимир Белоус, Владимир Лукашишин, Олег Мозгунов, Василий Батагов и другие. Работая в тяжелейшем двенадцатичасовом режиме на закладке картофеля в овощнике, докеры-механизаторы (члены команды «Тыловик») в обеденный перерыв умудрялись играть в футбол.

И где, спросите, бралось столько силы и энергии? Ответ один – черпались они из футбольного и спортивного детства. Ведь футбол похлеще наркотика будет, потому что затягивает основательно и на всю жизнь.

В разное время в командах города и порта играли Вячеслав Жулковский, Владимир Евдокименко, Петр Вакарчук, Сергей Вороненко, Юрий Чугунов, Александр Арзамасцев, Иван Чуев, братья – Александр и Валентин Макаrchуки, братья – Николай и Владимир Гончаренко, Аркадий Давидян, Владимир Раджепов, Дмитрий Неглинский, Александр Хохлов, Эдуард Маринин, Юрий Эрнстон, отец и сын – Николай и Владимир Шишovy, Виталий Жариков, Валерий Сигуней и многие-многие другие. Всех просто не счесть.

Многие бывшие футболисты – сегодня известные, уважаемые всеми в городе и в округе люди, занимают видные руководящие должности. И несомненно одно – все они, если говорить по-старому, остаются передовиками и лидерами на производстве. Занимают инженерно-технические и «сержантские» (бригадиры, звеньевые) должности.

Чувство коллективизма, ответственности, бойцовский характер, мастерство – это далеко не все качества настоящего мужчины, которые приобрели игроки команд на футбольном поле спортивного комплекса «Портовик».

Как не вспомнить товарищескую встречу по футболу команд Норильска и Дудинки с ветеранами советского спорта! В команде за ветеранов играли тогда заслуженные мастера спорта СССР и мастера спорта междуна-

родного класса Эдуард Стрельцов, Евгений Майоров, Альберт Шестернев, Виктор Численко, прославленный вратарь Хомич и другие не менее известные футболисты страны. А за команду Дудинки играли Александр Чурсин, Юрий Конгарев, Виктор Перевалов, Эдуард Маринин, Виталий Скринник и другие. Возглавлял ее Юрий Эрнстон.

В предварительных играх наша команда проиграла норильчанам. В финале ветераны спорта с ней и встретились. Прогрывая в ходе встречи, норильчане нашли все же в себе силы и волю и в отчаянной борьбе свели игру вничью.

Радость зрителей была безмерной. А победа в игре оказалась общей. Ветераны спорта СССР убедились в мастерстве футболистов Таймыра, которые, в свою очередь, показали достойную игру. Болельщики получили от нее истинное наслаждение. Стало понятно всем – в футбол можно достойно играть и за Полярным кругом.

В дубле команд «Нефтчи» (Баку), «Балтика» (Калининград), «Карпаты» (Львов) играли в свое время некоторые игроки, оказавшиеся затем волею судьбы в нашей заполярной Дудинке. А зачастую в командах порта играли сезонные рабочие. Многие из них приезжали сюда несколько сезонов подряд.

Усиленное комплектование команд в некоторых случаях происходило за счет переманивания игроков на работу в то или иное подразделение порта, подразумевая затем их выступление в его команде.

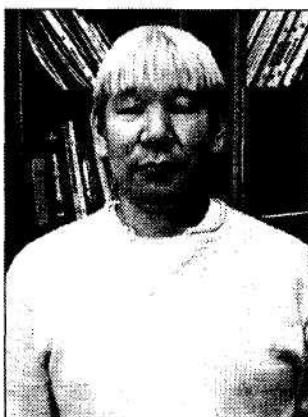
Эдуард Маринин, работая постоянно в зооветтехнике преподавателем физвоспитания, каждое лето уезжал временно на работу в порт. В зависимости от работы и играл за команду.

Эдуард Серафимович был заметной личностью в спортивных кругах города. Он входил в состав сборной Красноярского края по ручному мячу. От силы его броска разлетались деревянные предохранительные щиты в нашем Доме физкультуры, а масса его тренированного тела представляла угрозу для игроков...

Вспоминается открытие Дома физкультуры, на котором присутствовал олимпийский чемпион по марафонскому бегу Петр Болотников. А в середине 70-х годов в Дудинку приезжал чемпион мира и Европы Валерий Брумель (целых одиннадцать лет продержался его феноменальный рекорд по прыжкам в высоту – 2 метра 28 сантиметров).

Бежит неумолимо время. Многие известные игроки тех лет выехали на постоянное место жительства в более благоприятные климатические условия, некоторые нашли постоянное пристанище в мире ином...

Несомненно, и сейчас в Дудинке найдутся ветераны-бойцы, готовые по первому же зову создать команду, которая на равных сразилась бы с любым соперником и показала бы при этом достойную игру. Мастерство и любовь к футболу – они ведь не ржавеют...

ВЛАДИМИР БИЧЕ-ООЛ

Родился в 1971 году в республике Тува. После окончания хореографического училища был приглашен на работу в Таймырский автономный округ. С 1996 года живет в Дудинке. Работал в ансамбле «Хейро». С 2001 года преподает этно-хореографию в Таймырском колледже. Публикуется впервые.

НГАНАСАНСКИЙ ТАНЕЦ. (размышления хореографа)

Народный танец-это пластический портрет народа. Немая поэзия, зримая песня, таящая в себе часть народной души. В ее неистощимой сокровищнице много бесценных жемчужин. В них отражены творческая сила народной фантазии, поэтичность и образность мысли, выразительность и пластичность формы, глубина и свежесть чувств. Это эмоциональная, поэтическая летопись народа, самобытно, образно, ярко рисующая историю событий и чувств, пережитых им...»

И.А. Моисеев

У всех народов, населяющих тундру и тайгу, издавна бытовало самобытное хореографическое искусство со своеобразной структурой и специфической пластикой танцев. Однако уровень развития танцевальной культуры у отдельных народов Севера был различным. Наиболее развита была у эскимосов, чукчей и коряков, в наименьшей степени – у самодийских народов.

Народные танцы коренного населения Севера были тесно связаны с различными обрядами. Наряду с танцами, строго приуроченными к определенным праздникам и ритуалам, значительное место в повседневном быту занимали игровые танцы.

Народное хореографическое искусство сохранялось в быту населения Севера вплоть до 1940-х годов. В это время по традиции часто устраивались состязания на создание лучшей песни и лучшего танца.

Сложный процесс освоения фольклора своеобразно проявляется в различных сферах культурной жизни современного общества, в самостоятельном и профессиональном творчестве северных народов.

Сельское население является сейчас основным хранителем песенно-музыкальных и танцевальных традиций народов Крайнего Севера. Жители сел более, чем горожане, ориентированы на этот слой народной культуры.

В дни таких праздников как, День Оленевода, День Рыбака и во время дней фестиваля они надевают свои ярко-красочные нарядные традиционные костюмы.

В конце 1950-х в начале 1960-х годов среди народов Севера в связи с развитием художественной самостоятельности появилась новая форма танцевальной культуры – сценические танцы. В художественной самостоятельности у народов Севера преобладают песенно-танцевальные ансамбли. Их репертуар базируется на богатой местной традиции синкретического по характеру искусства, в котором органично переплетаются слова, музыка и танец. Бытующие в среде коренного населения Севера подлинны народные танцы существенно отличаются от их сценических интерпретаций.

Самобытная хореографическая культура нганасанского народа, широко бытовавшая в недавнем прошлом, ушла из его повседневной жизни. Этот прецедент вызван резкими социально-экономическими и культурными преобразованиями на протяжении XX века, в итоге разрушившими традиционный образ жизни этого этноса. Вследствие этого нарушены национальные традиции и разорваны прямые связи между поколениями, нависла угроза утраты национальной культуры.

Рождение сценического хореографического искусства нганасан началось в советский период, в рамках художественной самостоятельности, неся в себе специфику культурно-просветительской работы. Процесс развития сценического хореографического искусства на современном этапе искусственно ограничен и остался невостребованным в полном объеме самим народом.

Развитие социально-экономических отношений, усиление влияния культур «больших народов» и массовой культуры повлекло за собой неудержимые ассимиляционные и аккультурационные процессы, оказывающие свое негативное воздействие по отторжению молодого

поколения нганасанского народа от самобытной культуры, завещанной предками.

Изучение уникального и неповторимого явления – хореографической культуры нганасанского народа как основы развития традиционного пластического мышления этноса – имеет сегодня большое значение. Многие исследователи прошлого и нашего времени в своих работах дали подробное описание различных обрядов, ритуалов и шаманских камланий в контексте традиционного представления об окружающем мире, сохранили смысл.

Петр Симон Паллас, путешествовавший по Сибири в 1772 году, описывает пляску самоедов: «Пляшут с бабами по кругу, а пляска их состоит в том, чтобы не сходя много с места, делать всякие телом движения и ломки приступая по такте; вместо ж музыки хрипят в нос и некоторый слог выражают, а бабы равным образом под такту отхрапывают». Путешественник обращает внимание на необычное звуковое сопровождение танца: хрипение, организованное в особом ритме.

Вся ритуальная магия обрядового пляса посвящалась тому, чему в данный момент поклонялся человек. Поклонение, почитание и трепет заставляли человека активно действовать во имя этого поколения. Сегодня известно всем, что танец вышел из обряда, он обладает теми же свойствами, что и обряд. Обряд служил, по своей сути, нравственному воспитанию, имел свое определенное построение и канон – место игрового и плясового действия знали все, ибо канон строго соблюдал весь род. К проведению обряда готовились особо, это было наиболее яркое, зрелищное действие. Благодаря своей консервативности обряд долго сохранялся в своем неприкосновенном виде, сам обряд являлся школой познания мира. Танец-пляс же выступал только кульминационной частью обряда. Обряд придавал танцам устойчивость, сохраняя традиционную структуру. Пластика, танцевальные элементы и сами танцы особенно активно вошли в обряды. Они концентрируют в своих формах традиции древних нганасан, имевшие ранее ритуально-магический характер. Эти пластически-танцевальные действия в обрядах сопровождалась ритмизованными речитативами и песнопениями.

Этнографическому изучению нганасан посвящена большая литература, однако, сведений о традиционных танцах в ней немного. Самые яркие письменные свидетельства о танцах нганасан относятся к 1860 году. Так А. Мордвинов в своей работе «Иногородцы, обитаемые в Туруканском крае» пишет, что при убитом медведе тазовские остяки «делают ему почтительные поклоны с приветствием».

Упоминание о плясках нганасан мы находим в работе «Туруханский край, его природа и жители» П.И.Третьякова, который, описывая коренных жителей Туруханского края, заметил: «Молодежь, не принимавшая участия в спорах и разговорах, начинает плясать с припевом: «тыльчик ниевчик самазго», – «вот как, вот как хорошо», тыльчи нальчик, – «вот этак так худо» и далее он пишет: «В песнях самоедов есть некоторая доля поэзии...».

В своей работе «Путешествие на Север и Восток Сибири» в 1878 году А.Ф.Миддендорф обратил внимание на то, что у асей, в этногенезе которых значительную роль сыграл тунгусский компонент, была широко распространена не тунгусская пляска «Һэйро», а чисто «самодийская медвежья пляска». Миддендорф пишет, что ему лишь один раз удалось увидеть тунгусскую пляску, которую исполняли аси, однако без всякого воодушевления.

Нганасаны верили в нгуо – добрых духов неба, солнца, земли, коча-духов болезней, дямады – духов-помощников шаманов, баруси-одноруких и одноглазых чудовищ. Все явления считались порождением Матери Земли Моу-немы, Матери Воды Бызы-немы, Матери Дерева Хуа-немы. Почитались родовые и семейные покровители койка в виле камней, скал, деревьев, антропоморфных и зооморфных фигур. У духов – покровителей испрашивали удачи на охоте, излечение от болезней.

Далее перейдем к рассмотрению шаманских обрядов-камланий. Описание шаманских камланий благодаря своему насыщенному языку повествования представляют собой четкое композиционное построение живого действия. В настоящее время обычай, обряды и камлания навсегда исчезли из жизни нганасанского народа.

В жизни самодийцев большую роль играл шаман, который, по их представлениям, являлся посредником между людьми и духами. Во время камланий, совершаемых по различным поводам, шаман исполнял пляски, в которые нередко включались все присутствующие. А.А. Понов, известный исследователь сибиревед, оставил подробное описание их праздников и связанных с ними танцев в книге «Тавгийцы».

Он сам присутствовал на празднике «Чистого чума»-Мадуся. Вот его подробное описание: «ежегодно после поллярной ночи, когда солнце начинает показываться, тавгийцы устраивают празднество «чистого чума».

О предстоящем торжестве заранее оповещается все население, которое и съезжается к месту празднества в нарядных смертных одеждах, надеваемых при жизни только на этот случай».

«Праздник происходил внутри чума и длился семь дней. Главная роль в нем принадлежала шаману, во все дни проводившему камлания. Важной составной частью камлания были ритуальные танцы. В первый, второй и четвертый день они заключались в следующем: во время камлания шаман поднимался со своего места и вместе с семьей женщинами составлял круг и при этом пел без слов. Женщины подражали звукам, издаваемым важенками оленя. Они взяли за руки и размахивали ими, переступая с ноги на ногу. Это продолжалось десять минут. Затем поднимались все мужчины и начали прыгать вверх с вытянутой правой рукой, выкрикивая «һиок!», «һиок!» Женщины пляской испрашивали себе плодородие, мужчины оплодотворяющую силу. На третий день пляски не было. На пятый день праздника в определенный момент камлания шаман, присутствовавший на камлании, вы-

шел из чума и составил круг из семи пар мужчин и женщин, державшихся за руки. Восьмую пару составил шаман и его старший брат. Хоровод в глубоком молчании совершил три круга по солнцу. Это шаман произвел ритуальное огораживание присутствующих от грозного божества, желающего якобы похитить душу одного из них. На шестой день праздника «по примеру прошлых» дней вместе с шаманом становятся в круг девять женщин и скачут вместе с мужчинами, испрашивая себе плодородие».

На седьмой день праздника шаман проводил камлание без плясок.

Из описания А.А.Попова, ритуальные танцы нганасан отличались большой экспрессией, экзотичностью от других народов Севера-Востока Сибири, что объясняет их особой ролью в шаманских обрядах и вообще.

Наряду с ритуальными танцами у нганасан были распространены и бытовые, среди которых были и подражательные. В репертуаре Таймырского ансамбля песни и танца народов Севера «Хэйро» есть нганасанский танец «Гагары», который исполняют в сопровождении бубна три девушки. Одна из них солирует, подражая движениям гагары.

Так, в то время, когда в «чистом чуме» происходило камлание, молодежь заводила пляски на открытом воздухе. «Мужчина и женщина брались рукой за палку или курительную трубку и в то же время свободной рукой соединялись со стоявшими рядом парами. Таким образом, составлялся круг. Затем все составляющие хоровод одновременно поворачивались внутрь круга, левые руки и правые плечи выдвигали наружу. При этом поднимали ногу, не отделяя носков от земли, и медленно описывали полукруг левой ногой, откидывая ее на бок, по направлению круга пляшущих. При этом участники танцев «хоркали» по оленю: мужчины грубым голосом подражая самцам оленя, женщины – более нежным голосом, подражая важенкам».

Сравнительный анализ описаний пластики движений танцев нганасан, сделанных А.Ф.Миддендорфом в 1878 году, и А.А.Поповым в 1931 году, позволяет заключить, что А.А.Попов видел тот же самый танец, который наблюдал А.Ф.Миддендорф, но, по мнению А.А.Попова, исполнители подражали не рычанью медведя, а хорканью оленя.

Наиболее подробное описание праздника «Аны о-дялы» содержится в работе этнографа Ю.Б.Симченко. В 1962 году в поселке Усть-Авам проводил исследование по изучению быта и культуры нганасан.

Праздник «Аны о-дялы» проводили регулярно, но он не был приурочен к определенному дню. Нганасаны устраивали его в то время, когда можно было обратиться к солнцу – матери, земле-матери, воде-матери, – весной. Праздник длился одну ночь. На нем главенствующая роль принадлежала старшей по возрасту женщине в стойбище. По традиции праздник проводили на озере, на котором долго не таял лед. Озеро это называли «Аны

о-дялы-турку». Кульминацией праздника были коллективные жертвоприношения богам жизни.

«В хороводе мужчины и женщины чередовались. Держались за трубки». Танцевали следующим образом: «правая нога выставляется вперед, опираясь на ее пятку, трижды притоптывают носком; затем, опираясь на носок левой ноги, трижды топают пяткой; руками в это время покачивают в такт притоптываниям, поочередно выставляя правые и левые руки; после этих «па» весь хоровод делает с правой ноги шаг по кругу в сторону движения солнца и так далее. Поют только мужчины. Мелодия напева имеет всего два звука, образующих чистую квинту. Певцы с хрипом втягивают его на нижней ноте квинты. Танец чрезвычайно затяжной. По утверждению стариков, нельзя выходить из круга, пока держишься на ногах. Старики танцевали буквально до упаду».

Но по рассказам других информаторов, еще недавно молодежь на озере заводила традиционный бытовой танец Бэтэрсэ. Именно его танцевали прежде молодые нганасаны перед чумом во время праздника «Чистого чума». На празднество приходили в нарядных парках. Танцевали нганасаны парами. Каждый мужчина приглашал одну партнершу. На то, что предпочитали танцевать с одной же партнершей, неоднократно указывали наши пожилые информаторы, сетуя, что нет в живых их постоянных подруг, с которыми они всегда танцевали. Нередко в прошлом во время танца мужчины, оставшиеся вне круга, вступали в единоборство со своими соперниками. Эта борьба носила далеко не шуточный характер. «Победитель вместе со своим «трофеем» продолжал пляску, пока кто-либо другой не отнимал ее у него».

В 1982 году экспедиционная группа Института Этнографии АН СССР в составе М.Я.Жорницкой, С.Н.Иванова и С.Г.Циханович исследовала традиционное хореографическое искусство нганасан в поселках Новая, Новорыбная и Кресты Хатангского района, поселке Усть-Авам Дудинского района. М.Я.Жорницкая в своей статье «Традиционные танцы нганасан» дает описание танца Нарка Бэтэрсэ «Медвежий танец». Нганасаны называют свой хоровод Нарка Бэтырса.

Для показа танца они достали праздничную одежду, которая сложена и закрыта на нартах на лето. Парки своеобразного покроя, женские шапки, отороченные мехом с длинным ворсом, надетые на ноги бокари, напоминая лапы медведя лапы, рукавицы – все это создавало образ, отдаленно похожий на медведя. Если еще учесть пластику движений и воспроизводимое исполнителями рычанье, то становилось очевидным, что в этом танце нганасаны действительно подражали медведям. Существует нганасанская легенда о том, что предки нганасан когда-то давно видели на берегу реки Авам восемь медведей, которые перед тем, как залечь на зиму берлогу, стали ходить по кругу на задних лапах и рычать; с того времени будто бы нганасан и стали им подражать в своем танце. Медведь для нганасан, как и для многих других народов Северной Азии – священное животное, тотем. У многих нганасанских шаманов Нгар-

ка, Нгарка-немы были сильными духами помощниками. Особые верования связывались с медведем и в повседневной жизни нганасан: при встрече с медведем в тундре надо было уважительно с ним разговаривать. Пляска медведя в культуре нганасан имела важное обрядовое значение.

Известный фольклорист, знаток шаманской мифологии и ритуала, дочь знаменитого шамана Надежда Тубяковна Костеркина написала стихотворение:

НАРКА

Каждой твари – по паре
 Бог сотворил, говорят.
 Пойте, танцуйте в ударе
 Силы земные велят.
 Белый медведь исполином
 Где-то по свету бредет.
 Он в этом мире едином
 Тоже лелеет свой род
 Издревле мы, нганасаны
 Нгарка ** считали отцом.
 Бубен, играет неустанно!
 Каждый танцор-невесом.
 Вот потому этот танец:
 Парами встанут и вокруг
 Чтобы весной Усть-Авам
 Где-то услышал «Мой друг».
 Каждой твари –по паре
 Бог сотворил, говорят,
 Верь-сквозь ненастные хмари
 Жизни лучи прилетят.

В настоящее время нганасанский танец «Нарка Бэтыр-ся» исполняют ансамбли «Таймыр» и «Хэйро», который сопровождается фонограммой. А в дни фестиваля «Фольклорная классика Таймыра» на сцене городского дома культуры показывают фольклорные группы «Нгамтусу» из Усть-Авама, «Хэнсю» из Волочанки, и группа из поселка Новая Хатангского района. Мы здесь видим живое исполнение танца именно носителями культуры.

Хореографическое искусство рождалось как специфическое отражение действительности. В своих танцах нганасаны выражали свои мысли и чувства, близкой и понятной им естественной пластикой, заложенной самой

природой или подсмотренной у нее. Через пластику и танец проходил мотив желаний и поклонения, радости и веселья. Традиционные танцы нганасан обладают исторической ценностью.

У нганасан в далеком прошлом бытовали танцы, посвященные культу плодородия, культу матерей природы.

Фольклор-это коллективное и основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, определяемое надеждами и чаяниями общества, являющееся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности. К формам фольклора относятся язык, литература, танцы, игры, мифология, ритуалы, ремесла, архитектура и другие виды искусства.

Для сохранения и развития фольклора не важно не только фиксирование его в научных трудах и архивах научно-методических центров. Необходимо не консервирование фольклора, а возвращение его к народу, источникам родной земли, к постановочной работе национальных ансамблей, школьной и клубной художественной самостоятельности. Не использование своего местного фольклора ведет к гибели традиционного искусства, наиболее яркие образцы которого созданы и отшлифованы столетиями. Перед профессиональными балетмейстерами и руководителями коллективов стоит главная задача: избежать процесса эстрадизации народного северного танца. Несмотря на это появились «северные танцы вообще», сочиненные постановщиками, лишь поверхностно знакомыми с жизнью, бытом, искусством народов Севера. Они составляются из отдельных псевдо-северных движений.

Формирование и развитие сценического танца народов Севера проходит неодинаково. Это зависит от того, как сохранился танец в быту народа. Естественно, что легче развивать уже существующие танцы, чем создавать новые, которые должны пройти испытание временем. Ритм и движение живут всегда, и внимательный глаз балетмейстера будет пытливо искать новые формы народных танцев и театральных зрелищ. Переосмысливаются древние праздники, их художественная сторона обогащается новым содержанием.

Север наполнен фольклором. Чудесные танцы, песни, мифы, сказки, легенды– все это кладовая народного творчества.

ЮРИЙ ВЭНГО

Родился в 1952 году на фабрике Яра-Танама Усть-Енисейского района. Работает оленеводом. Знаток ненецкого фольклора, сказитель, активный участник фольклорных фестивалей. Ведет записи своих наблюдений о жизни родной тундры, собирает ненецкий фольклор. Публикуется впервые.

Приметы ненцев

- В дождливую погоду веревки в чуме вдруг загудели – дождь вскоре перестанет вовсе.
- Собака грызет палку или другой предмет – можешь с уверенностью идти на охоту.
- Поленья в печке потрескивают и продолжительно «бурчат» – придет словоохотливый человек.
- Если вдруг зачесалась ладонь руки, то с кем-то из знакомых непременно встретишься.
- В жаркую погоду олени вдруг подняли свои головы в северную сторону – вскоре подует холодный ветер.
- Если ветер повернул по ходу часовой стрелки, то погода будет ясной, а если против – к продолжительной непогоде.
- Вдруг возвысились далекие хребты, горы или населенные пункты – жди снегопада.
- Если на западной стороне неба появились волнистые серые облака, то куда далеко не собирайся, будет пурга.
- Если в непогоду собаки в тундровом стойбище стали вдруг резвиться и бегать – быть хорошему солнечному дню.
- Солнце «надело» красные рукавицы – быть сильным морозам.

Поговорки

- Словно выпущенная стрела вожак в упряжке у меня.
- Скользок как налим (о ловком, проворном человеке).
- Песня певца, словно горной речки течение (хорошо поющий человек).
- Словно солнце спустилось с небес (о красивой ненецкой девушке).
- Две ее косы – как два стройных шеста в середине чума (о красивой косе девушки).
- Глаза его словно тонким ножом прорезаны (об узких глазах человека).
- Словно вместе связали и хвосты и уши (о быстро бегущих оленях).
- Пускает пузыри (о человеке, который частенько врет).
- И протянутой руки не видать (так говорят о сильной пурге).
- Будто шкуру свою рвет на бегу (так говорят о быстро бегущих животных).

Запреты и наставления

- Не говори плохо о всевышнем – Нум, а то когда-нибудь будешь наказан им.
- Не обижай, не бей собаку или другое животное – под старость будешь скитаться, как собака.
- Уважай старых людей – благополучно доживешь до их седин.
- Никогда не завидуй другим – этим только унизишь себя.
- Не стучи по своему жилищу, а то добрый дух может убежать навсегда.
- Оставляя на какое-то время в чуме младенца в люльке, положите возле него спички или шкуру горностая, чтобы злой дух не смог подкрасться к нему (по ненецкому преданию черный кончик хвоста горностая занял у медведя, которого боялись злые духи).

– Собираясь по морошку, не забудьте взять с собой жиру и лоскуток материи, чтобы задобрить дух цветов и ягод. В следующий раз много будет красной морошки на вашем пути.

– Не шумите и не кричите поздно вечером, потому что в это время наступает день умерших – так говорят старые ненцы-сказители.

– Не чистите рыбу от чешуи на том месте, где вы часто ходите. Обычно принято это делать на чистой стороне жилища, иначе вас покинет удача на рыбалке.

– Увидев в чужой ловушке зверя, никогда сам не снимай, ибо этим своим действием спугнешь его удачу.

– Никогда не верь сразу услышанному от кого-либо злomu слову, оно бывает порой губительным, к добру не приводит.

– Рассказывая сказку или еще что-нибудь, не оставляй половину на следующий день, герои твоей сказки устанут стоять на том месте, где ты их изволил оставить.

– Не следует садиться и кушать в одном бокаре. Можно стать нечистым на руку – гласит народная мудрость.

– Собираясь аргить на новое место, никогда не говорите заранее об этом, а если сказали уже, то обязательно добавьте – если доживем до этого времени.

– Не отдавайте обратно пустой посуду, принесенную от соседей с пищей, положите что-нибудь в нее или несите ее перевернутой. Это делают для того, чтобы посуда не обиделась и не плакала – говорили старейшие рода.

– Существует в народе предание о том, что когда-то жили на земле по соседству два рода ненцев. Жили в двух огромных чумах. В одном жилище люди верили в своих шайтанов, которые свято хранятся в специальных санях. Временами приносили им жертвенного оленя, мазали жиром и кровью. Жильцы другого чума всего этого не делали, не хотели забивать оленя... Однажды, видит Мынику – наблюдатель за земными существами – подходит ночью к этим чумам главарь болезней – людоед. И, вдруг из священных саней первого чума выскакивает человек и смело встает на пути великана, преградив ему путь к своим хозяевам. Тогда великан направился ко второму чуму, к людям, которые не верили своим шайтанам.

Утром Мынику, пролетая над своим стойбищем, увидел, что люди во втором чуме не выходят на улицу, а в первом остались живы и, по-видимому, собираются переезжать на другое место.

ОКСАНА ДОБЖАНСКАЯ

Родилась в 1967 году в Киеве. Закончила Новосибирскую государственную консерваторию и при ней аспирантуру, по специальности этномузыковед. С 1989 года занимается изучением музыкального фольклора народов Таймыра. Составитель ряда фольклорных сборников, кандидат искусствоведения. Публиковалась в журналах «Факел Таймыра», «Северные просторы», в альманахе «Полярное сияние». Живет и работает в Дудинке.

Надежда Тубяковна Костеркина (1958 – 2005)

Я познакомилась с Надеждой Тубяковной Костеркиной в 1989 году, когда приехала в поселок Усть-Авам в составе музыкально-этнографической экспедиции. Вместе с исследователями Юрием Ильичем Шейкиным, Евгением Арнольдовичем Хелимским, Трийну Оямаа мы прибыли к ее отцу Тубяку для записи его шаманского обряда. Камлание состоялось 11 августа, а потом потянулись дни работы над расшифровкой и переводом ритуального текста, когда Надежда вместе с Евгением Хелимским строка за строкой записывали слова нганасанского ритуала, а затем подыскивали в русском языке аналоги для перевода этих замысловатых мифологических конструкций. И хотя от работы над текстом маму постоянно отвлекали дети – двухлетняя Галинка и годовалый Толик, запись камлания удалось завершить. Этот текст, записанный в соавторстве с Е.А. Хелимским, появился в печати через год. Он вышел на французском и английском языках в международном научном журнале «Диоген», и сразу вывел имя автора перевода – учительницы русского языка из сельской школы Надежды Тубяковны Костеркиной – в первый ряд российской фольклористики.

Время расставляет свои акценты. Признание исторического значения личности Надежды Костеркиной, как первого нганасанского фольклориста и переводчицы еще наступит. Ее дело по сохранению творческого наследия своего отца, выдающегося сказителя Тубяку Костеркина, будет оценено по достоинству.

Но это еще впереди. Сейчас я хочу перелистать дневники разных лет, и записать биографию Надежды, некоторые сведения и воспоминания о ней, которые остались в памяти после нашего многолетнего сотрудничества. Я надеюсь, что впоследствии она будет дополнена воспоминаниями других людей, и размытая биографическая картинка приобретет отчетливость деталей, обрстет подробностями и недостающими фактами.

Итак, начнем.

Надежда Костеркина (нганасанское имя Дингимяку) родилась в авамской тундре на реке Батайка, притоке Дудыпты, в 1958 году. Ее родители – Тубяку Дюходович Костеркин (сказитель и шаман, сын великого Дюходо) и мать Балоку – вели традиционный образ жизни, и кочевали в тундре. Дингимяку была старшей дочерью среди пятерых детей в семье, и ей часто выпадало присматривать за младшими сестрами – Биндимяку (Люсей) и Тадюмаку (Таней). Кроме девочек, в семье было двое мальчиков – Лапtimaку (Леонид) и Михаил.

Когда семья Тубяку Костеркина переехала в Усть-Авам, Дингимяку начала ходить в школу. Тогда и возникла необходимость дать ей русское имя – Надя.

Хорошие лингвистические способности позволили Надежде легко поступить на факультет филологии в Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена. Она училась там у профессора Марии Яковлевны Бармич, которая отмечала незаурядность своей студентки. Закончив ЛГПИ в 1983 году, Надежда возвратилась в родной поселок и начала учительствовать в Усть-Авамской школе. Она преподавала детям русский язык.

Увлечение родным нганасанским языком и фольклором началось для Надежды рано. В обстановке родного дома, окруженная теплом и вниманием родителей, она росла вместе с шуточной песней-игрушечкой, сочиненной для нее отцом: «Надя, Надя говорит, маленькая женщина-ворчунья». Много слушала сказок и эпических сказаний в исполнении отца, присутствовала при отправлении шаманских обрядов. Дингимяку рано осознала, насколько велик сказительский дар отца, и какое великое духовное богатство заключено в ситабы – эпических сказаниях нганасан. Начиная с 1978 года, она начинает записывать сказки отца Тубяку Костеркина, сначала от руки, а затем используя магнитофон. Зафиксировав основную часть отцовского сказительского репертуара,

Надежда постепенно расширяет круг своих информантов и записывает сказки Валентины Бинталеевны Костеркиной, Хеллы Леймореевны Порбиной, Нумуму Хурсаптеевича Турдагина, Деньчуде Нутеевича Мирных. Осознав свое настоящее призвание фольклориста, Надежда все свободное время посвящает записи и изучению нганасанских фольклорных текстов. (Этот архив магнитофонных пленок, накопленный в 80-е годы, на долгие годы станет ее главной заботой и головной болью – как сохранить бесценное наследие?)

В 1980-е годы налаживается и семейная жизнь Надежды: она выходит замуж за Анатолия Бобкова, рождаются дети-погодки Галя и Толик. Но семейное счастье оказалось нарушенным смертью отца Тубяку, последовавшей в декабре 1989 года. Не в силах вынести боль утраты, Надежда Тубяковна пытается сменить окружающую обстановку. В это время приходит приглашение профессора Евгения Хелимского поступить на стажировку в Институт мировой литературы, чтобы писать научную работу по нганасанскому фольклору. Надежда вместе с семьей переезжает в Москву, и становится сначала стажером, а затем аспирантом ИМЛИ.

В 1990-1993 семья живет в Москве, в общежитии Института. Эти голодные и холодные годы, совпавшие с концом перестройки и развалом СССР, Надежда вспоминала с улыбкой. Было тяжело материально, детей приходилось на метро возить в детский садик, но все искупалось общением с хорошими людьми – фольклористами Галиной Григорьевной Григорьевой, Еленой Викторовной Миненок, Александром Александровичем Аникиным, академиками Виктором Михайловичем Гацаком и Евгением Арнольдовичем Хелимским, этнографом Николаем Владимировичем Плужниковым и многими другими, кто по-дружески помогал переживать невзгоды. В эти годы Надежда приняла решение часть своего фольклорного архива передать на хранение в Институт мировой литературы, так как магнитофонные пленки были в бедственном состоянии и нуждались в немедленной реставрации.

В 1994 семья приняла решение вернуться на Таймыр. Еще не успели устроиться, как Надежду вновь постигает несчастье, да не одно, а целая цепь трагедий, следовавших одна за другой – смерть мужа и сестер Люси и Тани. Надежда Тубяковна остается без работы, без жилья в Дудинке. Временно, пока не встанет на ноги, она решает отправить детей свекрови Зинаиде Федоровне в г. Кириши Ленинградской области. И не подозревает, что дети так и останутся жить с бабушкой.

Начиная с 1995 года, здоровье Надежды начинает стремительно ухудшаться, она получает инвалидность 2 группы, и уже не может работать. Благодаря ходатайству Госкомсевера, Н.Т.Костеркина получает квартиру в Дудинке по ул. Горького, но эта квартира уже не стала уютным домом для ее семьи. Надежда кочует с квартиры на квартиру, от одних родственников – к другим, несколько раз уезжает на Ламу к Олегу Крашевскому, и

снова возвращается «на круги своя» в Дудинку-Талнах-Норильск.

Только научная работа дает радость и отдых от мрачных мыслей. В 1995 году в Красноярском книжном издательстве выходит небольшой сборник «Песни нганасан», в котором Н.Т.Костеркина в качестве лингвиста публикует 23 текста традиционных нганасанских песен с переводами, и в соавторстве с О.Э. Добжанской пишет вступительную статью об особенностях песенного фольклора нганасан.

Постепенно осуществляется идея Надежды о создании нганасанского словаря. Обрести реальные очертания этой идее помогает творческое содружество Надежды Тубяковны Костеркиной с журналистом Александром Челеевичем Момде и московскими лингвистами Татьяной Юрьевной Ждановой и Валентином Юрьевичем Гусевым. Наконец, в 2001 году в издательстве «Промсвещение» появляется на свет долгожданный «ребенок» – первый в истории Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский, написанный коллективом авторов. Надежда Тубяковна выступает на презентации словаря, на конференции работников образования и культуры в Дудинке в 2002 году, и принимает заслуженные поздравления как автор нужного для школ учебного пособия.

В сотрудничестве с лингвистом Марией Дмитриевной Люблинской (Санкт-Петербург) и Анной Алексеевной Момде Надежда Тубяковна записывает «Нганасанский мультимедийный словарь», который появляется в 2002 году. Звучащие слова этого пособия, как думают авторы, помогут школьникам справиться с трудной фонетикой нганасанского языка.

Большая работа, которую Надежда Тубяковна вела на протяжении десятка лет, заключалась в подготовке текстов для тома «Фольклор нганасан» 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», издаваемой Сибирским отделением Российской Академии наук (г.Новосибирск). Для этого тома фольклорист расшифровала на нганасанском языке и перевела на русский язык два огромных эпических сказания «Сеу Мелянгана» и «Туто Хоразумо», несколько текстов шаманских ритуалов, исторические предания и легенды нганасан. Основу тома должны были составить произведения в исполнении Тубяку Дюходовича Костеркина, и Надежда воодушевленно готовила к публикации тексты своего отца. Надеюсь, что в скором времени том «Фольклор нганасан» появится в печати, явившись памятником не только устного народного творчества нганасан, но и самоотверженного труда фольклориста-переводчицы.

В 2002 году в Норильске и на Ламе состоялись съемки фильма «Шаман» (ОРТ 2004), в котором автор фильма Николай Плужников размышляет о жизни наследников шамана Тубяку. В съемках приняли участие Леонид Тубякович и его жена Светлана Савельевна, а также Надежда Тубяковна, они исполнили шаманский обряд. В фильме есть сцена, где трое членов семьи шамана Ту-

бьяку поют в чуме песню шаманского духа-помощника Хотарыз, заклиная его просьбами о светлой, хорошей жизни.

Отцовские шаманские духи, Хотарыз и Микулуска, часто сопровождали Надежду Тубяковну. Они приходили к ней, когда вместе с братом Леонидом она шла в окружной музей, чтоб «покормить» шаманский костюм своего отца. Они часто вдохновляли ее написание статей для газеты «Таймыр», постоянным внештатным корреспондентом которой Надежда Тубяковна являлась много лет. Они вдохновили ее совершить самое волнующее путешествие в конце жизни – поездку на Шаманский конгресс в Москву (2004). Эта поездка была светлым событием в жизни Надежды Тубяковны. Там она познакомилась и породнилась душой со многими людьми, российскими и зарубежными учеными, получала от них впоследствии письма и приветы. Я была свидетельницей того колоссального впечатления, которое Надежда Тубяковна произвела на этих людей, явившись для них воплощением гордого, воинственного северного народа – нганасан. Ее шаманский обряд оказался для гостей конгресса настоящим откровением, мощным выявлением духовной силы нганасан.

Из последних, также светлых впечатлений, хочется вспомнить выступление Надежды Тубяковны на презентации моей книги «Песня Хотарыз» в мае 2004, куда она пришла вместе с братом Леонидом Тубяковичем. Когда она начала говорить, присутствующие, давно не слышавшие публичных выступлений Надежды Тубяковны, удивились ее мастерски поставленной речи. Она говорила

как настоящая дочь сказителя, образным словом точно воплощала мысль о необходимости изучения древней культуры своего народа: «Долгое время, до 80-х годов прошлого века, на шаманскую тему был наложен запрет. Но сейчас мы приоткрываем занавес над закрытой темой. Это пригодится будущим поколениям, которые будут изучать шаманский феномен как таковой, и самый оригинальный способ камлания, который существовал только у нганасан и сохранился с самых древнейших времен».

Надежда Тубяковна умерла в Талнахе 16 марта 2005 года, когда гостила у родственников. Ее похоронили в Дудинке 1 апреля, на панихиду приехали из Усть-Авама брат Леонид с женой Светланой, присутствовали очень многие известные люди. Более десяти некрологов и соболезнований, опубликованных в газете «Таймыр», свидетельствовали о том, насколько значима для Таймыра была фигура этой маленькой женщины.

х х х

В последние годы жизни Надежда Костеркина тесно сотрудничала с Городским центром народного творчества (директор Галина Олеговна Скалецкая). Для постановки в ГЦНТ она готовила сценарий праздника «Мазуся», который писала, основываясь на личных детских впечатлениях. Этот сценарий, с неповторимыми авторскими ремарками и отступлениями от темы, связанными со стремлением связать историю с современностью, публикуется впервые.

НАДЕЖДА КОСТЕРКИНА (1958-2005)

Родилась в Авамской тундре, дочь последнего нганасанского шамана Тубяку Костеркина. Закончила Ленинградский пединститут им. Герцена, Институт Мировой Литературы в Москве. Была специалистом по фольклору. Сотрудничала с известными фольклористами. Как лингвист подготовила сборник «Песни нганасан» (1995г), одна из авторов первого Словаря нганасано-русского и русско-нганасанского (2001г), в сотрудничестве с лингвистами записала «Нганасанский мультимедийный словарь» (2002г).

Нганасанский праздник Мазуся (чистый чум)

Предисловие

Желающие ищут, а знающие – знают особый колорит северного фольклора. За окном, в московских, наверное, квартирах, рвутся бомбы. А взорвать Таймыр с его газом – нетрудно. Но давайте помолимся Богу и Николаю Угоднику, чтоб нас обошло несчастье. В 30-е годы XX века было тяжело жить, но не было, слава Богу, террористов.

Песня, спетая моим отцом, последним большим шаманом Таймыра в год 40-летия Великой Победы:

В муках рожденная жизнь,
Ты – само Божество!
В нас перед смертью брызнь
Силы, дыханья тепло.

И, когда уходил мой отец в свой последний путь к праотцам, он ничего не сказал мне, только дал знак. Этот знак означал, что я вернусь домой, и не просто – со сти-

хами. Я в юности стишки пописывала. Но особенного значения этому не придавала. Теперь я знаю, что он имел в виду. Это – песни. Причем, песни – импровизации.

Последняя импровизация отца:

Пусть большие народы живут,
Коли выпало это от Бога,
Но пусть люди мои найдут
Среди них, избегая тревоги,
Мир в семье и на лайде родной.

И любовь – чтобы каждому роду
Хоть немного, не тлеть, как огню
В нехорошую, злую погоду.
Мы ведь можем запеть по старинке
Про надежду, про наших друзей
Кого знаем по снежной глубинке –
Ведь не зря мы ходили по ней.

Праздник «Чистого Чума»

Разумеется, никто из нганасан не назовет этот обряд «праздником» в традиционном для приезжих европейцев смысле. Но на чувства радости, освежения духа он имеет такое же, если не большее, значение.

Никто в точности не сможет сказать, в каком веке или году он возник. По-нганасански название звучит «Мазу-

ся» и очень тесно связано с шаманской традицией и практикой. В этнографической науке XX века (советской) его называли «праздником Чистого Чума».

Если говорить о конкретных моментах этого феноменального обряда, то я наблюдала этот праздник в 1972 году на станке Колка в 18 километрах от поселка Усть-Авам.

Люди, приехавшие на этот обряд, поставили новый чум на берегу озера, над которым стояло стойбище моего отца, последнего большого шамана Таймыра и Авамской тундры. Когда мы собрались, началось камлание Тубяку (моего отца). Я с матерью «кормила» огонь, то есть мы бросали в костер кусочки сала. Это делалось периодически, ибо во время камлания к шаману «приходил» тот или иной «Дух-помощник».

Примерный распорядок действий праздника:

1. Шаман начинает камлат в своем собственном чуме. Собирается все взрослое население. Взрослые наказывают детям не бегать и не шуметь (сильно) на улице.

2. Молодежь выходит во время камлания на улицу, желательно – парами. Они идут на улицу и начинают танцевать.

3. Новый чум¹⁹ (который ставят в 500-600 м. от стойбища) уже стоит на берегу и в нем опытные женщины (которые там ждали ударов бубна) зажигают огонь очага.

4. Потом подъезжает на приготовленной упряжке шаман под звуки бубна и песни окружающих. Он стоит на нартах во всем облачении и бьет в бубен. Бубен гудит на всю тундру²⁰. В полной тишине февральского дня бубен гудит и разбуживает.

5. Длительность камлания зависела от «силы» шамана. Значит, пока камлал шаман, длились танцы молодежи.

6. Когда шаман камлат, в это время молодежь ведет свои разговоры, малозумные игры и танцы снаружи чума. А в конце каждого дня камлания в чуме каждой девушки исполнялись иносказательные песни «кэй-нгэйрся», цель которых – своеобразная загадка. Потом, также вечером, происходила борьба между молодыми людьми (она напоминает больше «классическую», или греко-римскую, спортивную борьбу). Ведь основной из основных задач этого мероприятия было познакомить или еще более сдружить пары, которые потом могли пожениться.

7. При выходе из чума камлающий шаман пел вместе с «ведущим» его духом. Потом, когда он спускался с нарты (в конце всего обряда), он, войдя в круг танцующих (и взрослых, и молодых) начинал танцевать со всеми (но не в кругу, а внутри круга), навстречу восходу солнца (даже если восхода не было).

8. Сильные шаманы проводили обряд Чистого Чума до семи дней. Когда очередной день камлания подходил к концу, все отправлялись отдыхать, а облачение шамана, его бубен и койка (идолы) оставались в Чистом чуме до утра.

Этот обряд целиком посвящен продолжению рода-племени, прибавлению в семействе и преодолению всегда трудной и тяжелой зимы.

Когда заканчивался последний день праздника, шаман пел последнюю песню перед выходом из чума:

Хоть я как будто сирота,
Но Господи, Нгузулю,
Ты, дедушка, услышь-ка.
И день мой уходящий,
Хоть мало повидал я,
Пусть дети все поймают²¹
И отдохнут душою.
Я не молю о сытой.
Но – светлой, вольной жизни.

После этого опытные пастухи прогоняли перед Чистым Чумом стадо оленей (не обязательно – все стадо, но желательно, чтобы среди оленей были тельные самки, важенки). Шаман молился громким голосом, иногда (но не обязательно) сопровождая свою молитву ударами бубна:

Пусть Великий Дух,
Дух наших предков,
Дающий жизнь и пищу,
Даст моему роду,
Всем людям – Доброй души
И Светлой Звезды,
Ведущей нас по кругу Жизни.
Огонь зажгли мы, живые,
И всех объединили мы ныне,
Чтоб рядом тепло
Дышали и наши олени.

На этом праздник заканчивался. И, придя от озера к своему основному стойбищу, закалывали оленя-трехлетку или яловую (нетельную) важенку и угощались.

По прошествии обряда Мазуся («Чистого чума») чум разбирали и на его месте, точнее – на месте, освобожденном шаманом (где он сидел во время камлания) оставляли три головешки с тлеющими дровами от костра. Эти головешки лежали прямо напротив входа и были направлены на восход солнца.

Наутро все гости и «хозяева»²² праздника откочевывали с места Мазуся. И на другой год праздник Мазуся (Чистого Чума) проводился на другом месте.

3 марта 2005 г.

¹⁹ Новый чум ставят в 500-600 м. от стойбища

²⁰ В феврале камлали только сильные шаманы (в том числе, у кого есть известность и сильное древо)

²¹ То есть долго, сколько могут, живут

²² Хозяева праздника – шаман и его семья

ВИКТОР ПАЛЬЧИН

Родился в поселке Потапово Дудинского района. Постоянный участник Таймырских фольклорных фестивалей. Увлеченно собирает энецкий фольклор. Стихи пишет на русском и на родном энецком языке. Публикуется впервые.

Энецкая легенда о трех прыжках (тройной национальный прыжок)

Без острого глаза, без твердой руки, без крепких ног – тундровику худо. Этому наши юноши учатся вовремя спортивных игр. Тройной национальный прыжок – самый загадочный по сути и по исполнению вид состязаний. До сих пор никому неизвестно, в силу каких жизненных обстоятельств он возник. А вот как говорится о нем в энецкой «Легенде о трех прыжках».

Ехал как-то тундровик по весенней тундре. Хорошо ехал, песню пел:

Люди на меня смотрят хорошо.
Я удачливый охотник.
Я известный рыбак
И хороший охотник.
Хей-хей-хей!
Я приду домой.
Люди меня будут слушать,
Как я охотился,
Как я рыбачил.
Хей-хей-хей!
Мои важенки быстрые,
Мои быки добрые,
На таких оленях
Я уеду далеко!
Хей-хей-хей!

Вдруг упряжка в сторону резко рванула и понеслась. Выпал из нарты пастух... а когда поднялся на ноги, увидел: прямо на него волки бегут. Что делать? Впереди – смерть от клыков хищников, за спиной – большая весенняя река. Перепрыгнуть невозможно, переплыть не сумеешь: вода студеная. А волки рядом... Решил пастух попробовать свою жизнь спасти. Собрал все свои силы и прыгнул сразу двумя ногами на первую льдину. А с нее – на вторую. А со второй – на берег. Едва-едва на ногах удержался. Смотрит пастух на волков с другого берега и сам себе не верит, что живым остался. Что через весеннюю реку перепрыгнул, даже бокари не намочив. С тех пор ненцы, нганасаны, энцы и долганы стали учиться прыгать тремя прыжками, отталкиваясь сразу двумя ногами. Вот откуда произошел тройной национальный прыжок.

У нас в тундре есть пословица: «Олень проверяется в дороге, а человек – на деле». Мы с вами убедились в правильности слов этой пословицы из моего рассказа, услышанного от наших знатоков-старожилов.

АКСИНЯ РУДИНСКАЯ

Родилась в 1959 году в Новорыбинской тундре, в многодетной семье оленевода. С раннего детства слышала Ася долганские песни и сказки от стариков-оленеводов, может, с тех пор и появилось желание слагать стихи. Пишет она на русском и долганском языках. Закончила Восточно-Сибирский институт культуры. Ее стихи печатались в газете «Таймыр», «Заповедные острова», в коллективных поэтических сборниках, в альманахе «Полярное сияние». В 2001 вышел первый авторский сборник «Разговор с землей». Живет и работает в поселке Хатанга

Обряд погребения долган

(Из воспоминаний Антонова Дмитрия Николаевича)

Мой отец, Дмитрий Николаевич Антонов родился в 1936 году. Он успел «захватить» то время, когда живы были старики, время, когда соблюдались обычаи, когда обряды рождения, погребения совершались людьми опытными. Очень жаль, что сейчас я не могу подойти к отцу, попросить его рассказать, подсказать. Он ушёл, унёс с собой память о предках, о традициях, которые он знал. Отец был грамотным, он писал сам. Записывала и я его воспоминания. Вот одно из них.

«К захоронениям, как я знаю, всегда относились с большим вниманием и неподдельным интересом. Это было одним из тех мероприятий, куда не допускались дети. Поэтому, только став подростком, я смог глубже узнать, даже увидеть обряд предания земле, т.е. похороны.

Существовало много табу, нарушение которых считали большим грехом.

Но вот случилась в доме беда. Надо сообщить родным. Тот, кто пошел оповещать людей о случившемся, перед тем, как войти в тот или иной дом приговаривает:

– *Плохие вести пусть остаются за порогом!*

А когда заходит в дом, здоровается и говорит, обращаясь к главе семьи или хозяйке:

– *У нас случилось большое несчастье!*

Сказав это, он переходит к разговору.

Обряд начинался с омывания покойника. Тот, кто моет, не должен состоять в кровном родстве с умершим. (Для совершения этой части ритуала нужен ковш. Держат посуду в правой руке, льют воду через руку). После чего умершего одевают. Во всей одежде проделывают дырочки, убирают все пуговицы, подвязки, шнурки, резинки. Мужчине надевают на голову налобник. Подбородок подвязывают, на руки надевают рукавицы. Женщине на голову повязывают платок. Количество платков предварительно оговаривается (до 7 штук).

Наволочки, наперник намётываются, иголка при этом держится остриём «от себя». Наполнителем служат стружки, опилки от заготовки гроба. Под подушку кладется мешочек с волосами, ногтями (если усопший или усопшая имели таковые).

У людей более пожилого возраста имелись такие мешочки, они готовили себе погребальную одежду захоронения. Надо заметить, что на покойника не одевали совершенно новую одежду. Когда готовили погребальную одежду, всегда примеряли, затем хранили.

Особое искусство нужно для изготовления гроба. Ни в коем случае гроб не должен быть большого размера. Гроб сколачивают из тесаных досок, без использования гвоздей. Доски состыковываются с помощью пазов и выступов. Крышку гроба и основание скрепляют деревянными втулками, количество которых ограничено: для женщины – 7 втулок, для мужчины – 9. Вбивают втулки в отверстия по краям гроба, слева – меньшее количество, справа – большее. При вбивании втулок приговаривают:

– *Не пугайся!* – просьба, обращена к покойнику.

В доме покойника, уложенного в гроб, кладут на пол, ноги – к дверям. Руки уложены на живот, можно привязывать и руки и ноги, но в последний день веревки убираются. Всё, что использовалось во время церемонии приготовления к захоронению, кладется в гроб или в яму, рядом с гробом, ничего не должно оставаться в доме.

В три дня должны успеть выкопать яму, забить оленя. Те, кто остается рядом с покойником, должны вести себя естественно, разговаривать, рассказывать разные истории, говорить об усопшем, как о живом. Не допускается громкий плач, говорят: *Хранитель души упорхнет*. Для приготовления поминальной пищи назначаются несколько женщин, распределяются блюда. Стол поминальный должен быть богатым, даже, если усопший не отно-

сился к числу богатых. Мясо, забитого оленя раздают соседям. Соседи не должны хранить это мясо, они отваривают, кости собирают, отдают обратно. Эти кости складывают в мешок и относят к месту захоронения (в тундре кости раскладывают так, чтоб получился скелет оленя).

Одним из обязательных блюд является отварной язык оленя. Его нарезают на мелкие кусочки, кладут в тарелку и ставят у изголовья или рядом с гробом. На тумбочке или стуле, накрытом белой материей, – икона, свеча, тарелке с кусочками отварного языка.

Покойник, по пояс покрытый белой тканью, лежит в гробу. Люди приходят прощаться с умершим, молча проходят к гробу. Подходят к гробу, говорят слова прощания, кланяются три раза, (верующие – крестятся), берут кусочек языка, откусывают, половину кусочка бросают к ногам (последняя дань – поделиться кусочком еды с умершим). Попрошавшись с покойным, подают руки, как бы здороваясь – это символизирует то, что мы душой – с тем, кто ушел от нас, но сердце наше ещё стучит, и мы остаёмся с живыми.

Затем садятся за стол, произносятся три речи. Дается слово самым близким родственникам или друзьям. Когда солнце достигает зенита, все встают и выходят. Выносят сначала крышку, затем открытый гроб. Проводы проходят молча. Процессия нигде не останавливается. Придя на кладбище, окуривают яму, гроб янтарём. Закрывают крышку гроба. Если у покойника есть дети, то втулки, заготовленные заранее, отдают детям. Они, в свою очередь, должны вставлять втулки в отверстия на крышке гроба.

Опускают гроб с помощью кожаных ремней или полотенец. После один из ремней разрезают на части и раздают тем, кто участвовал в захоронении. Этими кусочками обвязывают руки или ноги. */Считается, что у того, кто принимал участие в захоронении, заболевают кости/*

Все веревки, ремни, которыми опускали гроб, остаются в яме. Все, кто пришел на кладбище, друг за другом подходят к яме *бросить горсть земли*. Проходят вокруг, по часовой стрелке. Закапывают яму, до образования холма. У подножья ставится крест (временный). Нарты, на которых привезли гроб, распиливают пополам и располагают по обеим сторонам холма. Посуда, использованная во время захоронения, остается на могиле.

Возвращаясь с кладбища, нельзя оглядываться.

Женщина не ходит на кладбище (не желательно). Она с другими женщинами прибирается в доме. На ней мытье полов, уборка посуды и прочее. Полы моют, начиная с порога. На столе оставляют еду для тех, кто придет с кладбища. Им предлагается обязательно горячий чай. Церемония должна проходить так, словно люди пришли в гости, замерзли, и хотят согреться.

Чтобы не нести домой смерти, возвращаясь с похорон, хозяин дома заносит охапку дров. Он этим обманывает Духа смерти, будто он выходил лишь за тем, чтобы занести дрова. Каждый, кто возвратился с кладбища, должен переступить через ладан с дымящимся угольком янтаря. Этим ладаном окуривают помещение, где находился покойник. На том месте, где стоял гроб, кладут три камня или три комка соли (лежат они так до первого арктического зноя).

Сдержанность и спокойствие, последовательность действий были составными частями обряда.

После похорон проходит год и ставится на могилу крест.

Крест несёт некоторую (первичную) информацию о том, кто похоронен. Мужчина или женщина, ребенок или старик, кем он был при жизни – охотником или рыбаком.

К третьему году ставится ограда, символизирующая дом. До этого времени не следует беспокоить душу усопшего своим посещением».

Сегодня мы не в силах отбросить те наслоения, излишнюю суетность, которые исказили до неузнаваемости скромные обряды.

Обряд рождения у долган Новорыбинской тундры (Табыскаан – долганское название действия)

Моя бабушка – Антонова Анна Петровна, 1903 года рождения, урожденная Кудрякова, ныне проживает в п. Новорыбная (Хатангский район) с младшей дочерью, Прасковьей. Анна Петровна сама принимала роды у женщин, проживающих в тундре. Её предупреждали заблаговременно о предстоящих родах и приглашали в стойбище будущей роженицы. С ее слов и записан этот рассказ.

Некоторые семьи готовили для родов специальный чум-дьюка (высота чума с человеческого рост), другие отводили угол в жилом чуме. Готовится «место»: ставится вертикальный шест, к нему подвешивается другой, более короткий, который ставится горизонтально. На перекрестке шестов прикрепляется мешочек (айыыһыт).

Айыыһыт – божество рождения человека, символом которого является шкурка зайца.

Необходимая утварь для принятия родов:

- подстилка – меховой коврик;
- подушка и подставка под голову;
- таз (медный);
- котел для воды;
- чайник;
- полотенце или кусочек ткани (долганы сравнительно молодой этнос, и ткань всегда была в обиходе у долган);
- нитка – һап, крученые жильные нитки;
- наколенник для бабушки (при принятии родов колени покрывает тканью или замшевым полотном);

Роженица должна быть в платке, свободном, не сковывающем движение одеянии. Когда начинаются схватки, она становится на колени, в провисшем состоянии, опираясь на перекладину. Когда роды долгие и роженица сама не может освободиться от плода, ей помогает бабушка.

Бабушка становится на одно колено, на другое сажает роженицу. Та, в свою очередь, садится копчиком на колено, так, чтобы упираться. Бабушка обхватывает живот роженицы (как бы выжимает плод).

Чтобы благополучно прошли роды, бабушка проделывает следующие ритуальные действия:

- окуривание помещения с помощью янтаря и лучинок;
- кормление огня (очаг жилого чума);
- ритуальные молитвы;
- ритуал очищения роженицы.

Ребенок появился на свет. Бабушка принимает младенца. Пупок перегрызает зубами. Когда выйдет послед, бабушка промывает его, чтобы положить в мешочек и оставить на шесте-гогоно. Пупок, айыһыт – должна женщина-роженица забрать себе. Пупок свято хранится в семье ребенка. Аыһыт должен находиться в семье, в недоступном для чужих глаз месте.

Всё, чем пользуется бабушка впоследствии, должно быть чистым и не использованным. Каждая мама знает о том, что вещи ребенка должны содержаться в чистоте, если они вышли из обихода, нельзя их превращать в ветошь, отдавать людям (если они не родственники).

Рождение нового человека – символ чистоты. При обмывании новорожденного бабушка приговаривает: *«Боги среднего мира смилостивились и малыш благополучно пришел в этот мир!»*. Бабушка оповещает о рождении ребенка и сообщает пол младенца.

В стойбище начинается праздник Рождения нового человека. Забивают оленя. Приглашают всех соседей. Стол должен быть богатым, чтобы дитя в жизни не знало недостатка. Из коленного жира задней ноги оленя вырезают соску для новорожденного (*эмсэк*).

Девочке дарят узор детской парки, *багууска* для детских унтаек. Одеяло из лапок песца или заячьей шкурки, пыжики для гелаама, *һон*.

Мальчику – *бэргэһэ* (капор), длинные бокари, сшитые из камусов белого оленя. Дарят ребенку оленя, желательное, важенку. Важенка приносит приплод и является символом богатства. Если накануне или в день рождения ребенка отец добыл зверя (лису, волка, песца) новорожденного считают счастливым ребенком. Счастливым считается ребенок, если он родился в пленке (рубашке).

И сейчас в тундре можно увидеть дьука с тогоно.

До рождения ребенка не принято шить для него одежду или готовить люльку. Это делается после рождения. Отец мастерит переносную люльку.

Люлька изготавливается из плоских тесаных легких досок. Доски соединяются замшевыми шнурками. Для соединения основных шнуров используются металлические кольца (медные), подвески: желательно не вешать колокольчики, может испугаться *Кут* – дух здоровья ребенка. Сбоку, вдоль люльки девочки кладут ножницы, чтобы выросла она мастерицей, мальчику – нож с ножнами, чтобы стал удачливым охотником. Новорожденному шьют:

- һуоорган (одеяло);
- алакии (меховые ползунки);
- чорчокоот (короткие бокари);
- һытгык (подушка);
- һэлиээчик (жилет);
- Меховой спальник-чехол для люльки.

К году должны быть готовы вещи, необходимые для прогулок, поездок. К году ребенок ходит, много двигается. Для обеспечения безопасности во время кочевий его еще кладут в люльку, до тех пор, пока ребенок не научится крепко цепляться за веревки.

Итак, к году для ребёнка должна быть готова следующая одежда:

- һон (меховой подшубок);
- һэлиээчик (жилет);
- кырпа һокууй (меховой сакуй)
- алакии (меховой ползунок-комбинезон);
- чорчокоот-тээбин (короткие бокари для повседневной носки);
- дьабыла (чижи).

Ребенок с молоком матери впитывает в себя образ жизни кочевников посредством колыбельных песен, которые исполняют всегда, когда усыпляют малыша. Обучается изготовлению необходимых для жизни средств благодаря играм. Ребенка учат пользоваться острыми предметами с малолетства. Мальчик к семи годам умеет забрасывать маут на рога воображаемого оленя. Девочка умеет сплетать жильные нитки (*тулаайак һап, утак*).

Для проведения обряда очищения бабушка берет несколько лучинок, кладет в сосуд с ручкой, туда же и опускается несколько кусочков янтаря. Подносится к сосуду огонь. Лучина разгорается, исходит запах плавящегося янтаря, бабушка начинает окуривать помещение. При этом она обязательно должна говорить слова:

– Тпуркээт! Тпуркээт! Тпуркээт! Пусть Духи огня очистят от нечисти этот угол (дом, дитя). Пусть с дымом улетит всё дурное, что преследует каждого смертного на этой земле.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

Верстка И.С. Ищенко

Подписано в печать 25.06.05.
Заказ 5 . Тираж 100 экз.
Цена свободная

Отпечатано ООО Издательство «Красноярский писатель»
660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
т. 23-48-60

